

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Ли Вэнвэнь

**ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОПИСАНИЯ МОСКВЫ И
ПОДМОСКОВЬЯ В ПУБЛИЦИСТИКЕ НАЧАЛА XIX ВЕКА (НА
МАТЕРИАЛЕ СТАТЕЙ Н.М. КАРАМЗИНА В ЖУРНАЛЕ
«ВЕСТНИК ЕВРОПЫ»)**

Том 1

Специальность 5.9.5. Русский язык. Языки народов России

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
доцент Виктор Сергеевич Савельев

Москва – 2026

Оглавление

Том 1

Введение	5
Глава 1. Описание города как объект изучения лингвистики	16
1.1 Феномен «город» как объект изучения гуманитарных наук.....	16
1.2 Направления изучения феномена «город» в лингвистических исследованиях	22
1.2.1 Изучение феномена «город» в лингво-историческом аспекте	22
1.2.2 Изучение лексико-семантического поля «город»	23
1.2.3 Лингвоконцептологический аспект изучения феномена «город».....	26
1.2.4 Исследование современной городской речи как аспект лингвистического изучения феномена «город»	28
1.2.5 Изучение феномена «город» в ономастическом аспекте	30
1.2.6 Направления изучения феномена «город» в лингвистических исследованиях. Выводы	66
1.3 Направления изучения описания в лингвистических исследованиях	68
1.3.1 Описание как разновидность типа речи в исследованиях XVIII–XX вв.	69
1.3.2 Изучение описания города в локальных текстах: «московский текст» и «петербургский текст»	77
1.3.3 Описание как функционально-смысловой тип речи	85
1.3.4 Описание как разновидность типа речи в работах научной школы Г.А. Золотовой	94
1.3.5 Направления изучения описания в лингвистических исследованиях. Выводы	101
Глава 2. Номинации городских и пригородных объектов Москвы и Подмосковья в статьях Н.М. Карамзина 1802–1803 гг. и особенности их описания	104
2.1 Описания Москвы и Подмосковья в произведениях Н.М. Карамзина.....	104

2.2 Статьи Н.М. Карамзина 1802–1803 гг. в журнале «Вестник Европы»	109
2.3 Особенности номинации Москвы в статьях Н.М. Карамзина	114
2.4 Принципы отбора исследуемых фрагментов.....	115
2.5 Теоретические основания анализа лексики описательных фрагментов. Существительное	118
2.6 Типология номинаций городских и пригородных объектов и лексические особенности их описания в статьях Н.М. Карамзина 1802–1803 гг.	129
2.6.1 Водные объекты.....	129
2.6.2 Элементы рельефа земной поверхности	135
2.6.3 Участки растительности	140
2.6.4 Внутригородские и пригородные топографические объекты	144
2.6.4.1 Части территории города и населенные места, находящиеся за городом.....	144
2.6.4.2 Нелинейные объекты	164
2.6.4.3 Линейные объекты	168
2.6.4.4 Технические сооружения, объекты инфраструктуры и их конструктивные элементы	176
2.6.4.5 Здания и постройки, в которых располагаются органы власти, учреждения, предприятия	181
2.6.4.6 Жилые строения и хозяйственные постройки и их конструктивные элементы	190
2.6.4.7 Культовые сооружения (строения и их части), предметы культа	207
2.6.4.8 Военные сооружения и их части	222
2.6.4.9 Кладбища	224
2.6.4.10 Транспорт	225
2.6.4.11 Памятники и достопримечательности	229
2.6.5 Пространство и его части	231
2.7 Количественные показатели существительных, используемых в описаниях городских и пригородных объектов	234

2.8 Выводы к главе 2.....	238
---------------------------	-----

Том 2

Оглавление

Глава 3. Описание Москвы и Подмосковья в статьях Н.М. Карамзина 1802–1803 гг.: характеризующая лексика, лексические и композиционные особенности комплексного описания объектов, социологический аспект	3
3.1 Теоретические основания анализа лексики описательных фрагментов. Прилагательное.....	3
3.2 Лексические особенности прилагательных, используемых в описаниях городских и пригородных объектов	11
3.3 Лексические особенности глаголов, используемых в описаниях городских и пригородных объектов	51
3.4 Лексические и композиционные особенности комплексного описания городских и пригородных пространств.....	63
3.5 Особенности номинации жителей и гостей Москвы и Подмосковья.....	67
3.6 Выводы к главе 3.....	89
Заключение.....	93
Библиография	101
Приложение 1. Фрагменты статей Н.М. Карамзина 1802–1803 гг. в журнале «Вестник Европы», рассмотренные в диссертации	124
Приложение 2. Количество словоупотреблений существительных, рассмотренных в разделе 2.6.....	160
Приложение 3. Сочетаемость прилагательных и существительных, рассмотренных в разделе 2.6.....	175
Приложение 4. Количество словоупотреблений глаголов, рассмотренных в разделе 3.3	199

Введение

Настоящее исследование посвящено изучению лексических особенностей описания Москвы и Подмосковья Н.М. Карамзиным в статьях, опубликованных в журнале «Вестник Европы» в период его редакторства в 1802–1803 гг.

Одним из направлений современных лингвистических исследований является разноаспектное изучение описания города. В статьях Н.М. Карамзина, опубликованных в журнале «Вестник Европы», основным объектом описания являются город Москва и Подмосковье, воспринимаемые автором как единое пространство, в котором осуществляется жизнедеятельность москвичей как прошлого (середина XVII века), так и настоящего (начало XIX века).

Как редактор журнала «Вестник Европы» Н.М. Карамзин оценивал его издание в качестве важной общественно полезной деятельности, связанной с распространением идей эпохи Просвещения. При этом редакторская и творческая деятельность Н.М. Карамзина была связана не только с описанием социальных реалий начала XIX века и распространением идей о лучшем мироустройстве, но и с рассказом о русской истории и культуре. Н.М. Карамзин сыграл важную роль в истории русской литературы, особенно в становлении и развитии сентименталистской литературы и публицистики. Своими художественными и публицистическими произведениями Н.М. Карамзин в значительной степени способствовал развитию русского литературного языка.

Произведения Н.М. Карамзина конца XVIII – начала XIX вв. – как художественные, так и публицистические – вызывали неизменный общественный интерес, так что можно утверждать, что Н.М. Карамзин во многом определял направление развития российской словесности этого периода. Именно Н.М. Карамзин является одним из первых исследователей в области русской историографии.

Произведения Н.М. Карамзина тесно связаны с описанием жизни Москвы и Подмосковья и их жителей. Изображая жизнь города и его окрестностей, он показывает исторические и современные аспекты жизни города, а также предметный и событийный мир Москвы и Подмосковья. Его работы охватывают различные стороны городской жизни, от значимых исторических событий до личной жизни отдельных персон, и дают читателю полноценное представление о Москве и москвичах.

Степень разработанности темы исследования. Особенности языка Н.М. Карамзина являются объектом изучения многих видных российских лингвистов, таких как В.В. Виноградов, Г.А. Золотова, Ю.М. Лотман, В.Н. Топоров, Б.А. Успенский, анализирующих написанные Н.М. Карамзиным тексты разной жанровой принадлежности, что связано с языковым новаторством Н.М. Карамзина и тем, что его тексты оказали значительное влияние на развитие русской словесности XIX века. В частности, одним из аспектов изучения творческого наследия Н.М. Карамзина является установление особенностей использования им слов русского литературного языка, развитие которого «от Пушкина до наших дней» во многом связано с появлением его текстов, написанных в том числе для журнала «Вестник Европы». Согласно оценкам исследователей, издание Н.М. Карамзиным журнала «Вестник Европы» в 1802–1803 гг. стало одним из наиболее значимых явлений в истории русской публицистики начала XIX века, в связи с чем в научной литературе обнаруживается многоаспектное его изучение. Внимание исследователей привлекают разные сферы деятельности Н.М. Карамзина, связанные с созданием текстов, опубликованных им на страницах «Вестника Европы» в 1802–1803 гг., в качестве публициста (А.Р. Акчурина), переводчика (О.Б. Кафанова), писателя (А.Н. Кудреватых), критика (Л.А. Сапченко), издателя (Т.А. Алпатова), отмечаются и исследуются различные тематические направления его творчества, в том числе в его публицистических работах (Н.Д. Блудилина, О.А. Ковалева, П. Ли),

изучаются особенности его текстов, связанные с их жанровой принадлежностью (А.Р. Акчурина, Т.А. Алпатова, Т.Б. Фрик).

Актуальность темы исследования. Несмотря на существование научных работ, в которых в разных аспектах исследуются тексты, написанные Н.М. Карамзиным для «Вестника Европы» в 1802–1803 гг., его публицистические статьи, посвященные описанию Москвы и Подмосковья, с точки зрения установления их лексических особенностей еще не изучались. В связи с этим актуальность темы данной диссертации связана с необходимостью дополнить научные представления об особенностях языка Н.М. Карамзина в указанный период его творчества в аспекте, ранее не привлекавшем внимания исследователей.

Материалом для работы послужили статьи, которые были опубликованы Н.М. Карамзиным в журнале «Вестник Европы» в 1802–1803 гг. В их числе статьи «О книжной торговле и любви к чтению в России», «Историческая воспоминания и замечания на пути к Троице», «Историческая воспоминания, вместе с другими замечаниями, на пути к Троице и в сем монастыре (продолжение)», «Историческая воспоминания, вместе с другими замечаниями, на пути к Троице и в сем монастыре (окончание)», «Известия и замечания. Москва», «О случаях и характерах в российской истории, которые могут быть предметом художеств», «Путешествие вокруг Москвы», «О тайной канцелярии», «Записки старого московского жителя», «О московском мятеже в царствование Алексея Михайловича», «Русская старина», «Русская старина (продолжение)», «О публичном преподавании наук в Московском Университете». Несмотря на то что речь в них идет о разных предметах, их объединяет общая тема – описание Москвы и ее окрестностей. В этих статьях не только рассказывается о современных особенностях жизни города и пригорода, но и повествуется о значительных событиях в его истории, а также обнаруживаются «прогнозы» автора о том, как будет выглядеть Москва будущего. Таким образом, выбор данных статей в качестве материала

исследования связан с их темпоральным, локальным и тематическим единством.

Объектом исследования в данной работе являются фрагменты статей Н.М. Карамзина, опубликованных им в журнале «Вестник Европы» в 1802–1803 гг., содержащие описание или элементы описания различных объектов Москвы и Подмосковья.

Предметом исследования являются лексические особенности рассматриваемых фрагментов, описывающих предметный и событийный мир Москвы и Подмосковья.

Цель работы – установить лексические особенности описания Москвы и Подмосковья в публицистике начала XIX века на материале статей Н.М. Карамзина, опубликованных им в журнале «Вестник Европы» в 1802–1803 гг.

Достижение поставленной цели определило следующие исследовательские **задачи**:

- установить, слова какой частеречной принадлежности составляют лексическую основу описания Москвы и Подмосковья в статьях Н.М. Карамзина и какие типовые лексические значения они выражают;

- выявить слова, составляющие лексическую основу описания Москвы и Подмосковья в статьях Н.М. Карамзина, и классифицировать их с опорой на данные современных лингвистических исследований, типологизирующих номинации различных городских и пригородных объектов;

- определить принципы авторского отбора слов, составляющих лексическую основу описания Москвы и Подмосковья в статьях Н.М. Карамзина;

- установить, в чем состоит специфика использования слов разной частеречной принадлежности в описании Москвы и Подмосковья в статьях Н.М. Карамзина сравнительно с современным их употреблением;

- определить авторские стратегии отбора слов, используемых в описании Москвы и Подмосковья в статьях Н.М. Карамзина, связанные с фактором адресата;
- установить особенности использования в описании Москвы и Подмосковья в статьях Н.М. Карамзина номинаций лиц;
- определить факторы, влияющие на использование слов в пространственных описательных фрагментах.

Теоретической базой исследования являются работы, посвященные изучению феномена «город» в различных аспектах (феномен «город» как объект изучения гуманитарных наук: О.В. Агишева, Е.Ю. Булыгина, М. Вебер, В.И. Еленский, Н.И. Загороднюк, М.Л. Паламарчук, А.В. Семенов, И.С. Томилов, Т.А. Трипольская, Д.Ю. Федотова, Х.Э. Штейнбах; лингво-исторический аспект: В.С. Елистратов, А.А. Иванов, В.В. Колесов; лингвоконцептологический аспект: Н.Д. Арутюнова, С.А. Аскольдов, М.Г. Воднева, В.З. Демьянков, Н.С. Кадырова, Е.С. Кубрякова, Л.Г. Лузина, Ю.Г. Панкрац, Е.А. Сертакова; ономастический аспект: В.Д. Бондалетов, М.В. Горбаневский, И.Е. Забелин, Н.Ю. Забелин, А.А. Мартынов, В.П. Нерознак, В.А. Никонов, А.Н. Петунников, Н.В. Подольская, А.И. Попов, Е.М. лов, М.И. Пыляев, В.Г. Рубан, И.М. Снегирев, В.Э. Сталтмане, А.В. Суперанская, П.В. Сытин, В.Н. Топоров, О.Н. Трубачев, Ю.А. Федосюк, Т.В. Шмелева, С.О. Шмидт и др.; исследование лексико-семантического поля «город»: Т.А. Бурмистрова, В.Е. Гольдин, О.Н. Григорьева, Ю.Н. Караулов, А.А. Леонтьев, А.О. Мартыанов, А.П. Сдобнова, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов, Цзян Нань; изучение современной городской речи: М.А. Грачев, Е.А. Земская, М.В. Китайгородская, Б.А. Ларин, Н.Н. Розанова, Т.В. Романова).

Помимо этого, изучены и использованы при написании исследования теоретические наработки, связанные с изучением описания как типа речи в лингвистике (теория функционально-смысловых типов речи:

С.А. Арефьева, Н.С. Валгина, Ю.Н. Варфоломеева, Л.П. Водясова, Т.Е. Жерноклетова, О.А. Нечаева, В.В. Одинцов, Л.Н. Омельченко, А.Н. Подосинникова, Г.Я. Солганик, Т.Б. Трошева, В.М. Хамаганова; теория коммуникативных регистров речи: Г.А. Золотова, И.М. Кобозева, Н.К. Онипенко, Ю.В. Роговнева, М.Ю. Сидорова, А.В. Уржа) и использования в описании слов разной частеречной принадлежности (существительное: Н.С. Валгина, В.В. Виноградов, Л.П. Водясова, Г.А. Золотова, Ю.Н. Караулов, Е.С. Кубрякова, О.А. Нечаева, Л.Н. Омельченко, Н.К. Онипенко, Н.В. Подольская, А.Н. Подосинникова, Ю.В. Роговнева, М.Ю. Сидорова, Ю.С. Степанов, М.А. Тюкалов, А.В. Уржа, В.М. Хамаганова, Н.Ю. Шведова; прилагательное: Л.Г. Бабенко, Е.М. Вольф, М.В. Всеволодова, П.В. Гращенков, Р. Диксон, Г.А. Золотова, Е.В. Клобуков, И.М. Кобозева, Е.А. Лютикова, Н.К. Онипенко, М.Ю. Сидорова, А.Н. Шрамм; глагол: Ю.Н. Варфоломеева, О.А. Нечаева, Н.К. Онипенко).

В работе использовался **описательный метод** исследования (в процессе *наблюдения* выделялись единицы описания, устанавливались их свойства и характеристики, в частности – слова, называющие городские и пригородные объекты и их признаки; *обобщение* установленных фактов позволило определить особенности использования языковых средств, в частности – выделить группы слов, называющих однотипные объекты и их характеристики; *интерпретация* фактического материала позволила дать оценку установленным особенностям, в частности – назвать причины использования в описаниях лексем, принадлежащих различным выделенным группам). Помимо этого, применялся **дистрибутивный метод**, позволивший установить и объяснить закономерности сочетаемости лексем в описательных фрагментах. При соотнесении данных, полученных в результате анализа материала исследования, и данных современного русского языка привлекались методики **сравнительно-исторического метода** и **сравнительно-сопоставительного метода** исследования.

Важную роль для подведения итогов работы сыграло применение **статистического метода**.

Научная новизна диссертации заключается в том, что в ней:

- установлено, что лексическую основу описания Москвы и Подмосковья в статьях Н.М. Карамзина составляют существительные и прилагательные, называющие объекты предметного мира и характеризующие их, в то время как использование глаголов играет второстепенную роль;

- установлены и классифицированы слова, составляющие лексическую основу описания Москвы и Подмосковья в статьях Н.М. Карамзина;

- определено, что в отборе слов, составляющих лексическую основу описания Москвы и Подмосковья, Н.М. Карамзин руководствовался антропоцентрическим принципом;

- установлено, что наибольшие отличия от современного употребления слов в описательных фрагментах статей Н.М. Карамзина обнаруживаются в использовании существительных;

- установлено, что авторские стратегии отбора слов при описании Москвы и Подмосковья связаны с оценкой Н.М. Карамзиным когнитивной базы потенциального читателя как человека, живущего в Москве и знающего ее реалии;

- установлено, что использование Н.М. Карамзиным личных существительных имеет целью описание социальной структуры Москвы и ее окрестностей в рамках реализации концепта «свой» vs. «чужой»;

- установлено, что принципы использования слов в пространственных описательных фрагментах определяются необходимостью вести описание, связанное с перемещением рассказчика в пространстве.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что в нем выявлены лексические особенности описания Москвы и ее окрестностей Н.М. Карамзиным в его статьях в журнале «Вестник Европы»

1802–1803 гг.: установлен состав слов разной частеречной принадлежности, образующих лексическую основу описания; установлены количественные показатели, связанные с использованием этих слов; выявлены и теоретически обоснованы закономерности в использовании слов, связанные с их частеречной принадлежностью; установлены авторские стратегии использования слов и композиционные особенности организации фрагментов, включающих описания Москвы и Подмосковья.

Практическая ценность исследования состоит в том, что полученные результаты могут быть использованы в преподавании курсов по истории русского литературного языка, а также исторической и современной лексикологии и лексикографии, лингвистической семантике, словообразованию, синтаксису и лингвистике текста для магистрантов и аспирантов, а также при составлении словарей и справочников разного типа.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Лексическую основу описания Москвы и Подмосковья в статьях Н.М. Карамзина составляют существительные, называющие объекты предметного мира, и прилагательные, называющие сенсорно воспринимаемые признаки объектов и выражающие их оценку со стороны рассказчика. Роль глаголов менее значима и состоит в локализации называемых объектов относительно друг друга и рассказчика, выражении значений, связанных с фазами существования объектов, и обозначении сенсорного восприятия рассказчика.

2. Отбор существительных и прилагательных в статьях Н.М. Карамзина осуществляется на основании антропоцентрического принципа: упоминаются и характеризуются объекты (в том числе природные), которые связаны с жизнедеятельностью человека, локализованной в Москве и Подмосковье. Город и его окрестности описываются автором как единое пространство, в котором протекает жизнь москвичей, при этом точкой отсчета в его описании является Москва.

3. В наибольшей степени от современного употребления отличается использование Н.М. Карамзиным существительных: обнаруживаются переход нейтральных слов в разряд архаизмов и историзмов; переход авторских неологизмов в основной пласт лексики; изменения в системе выражаемых лексических значений; изменения в написании; переход существительных из числа имен нарицательных в имена собственные, и наоборот; изменения в употреблении имен собственных, связанные со сменой статуса населенных пунктов. Отличия в использовании прилагательных и глаголов минимальны и касаются отдельных слов.

4. Авторские стратегии использования существительных свидетельствуют о том, что, по мысли Н.М. Карамзина, адресатом статей, описывающих Москву и Подмосковье середины XVII века и начала XIX века, является читатель-москвич: в исторических описаниях Москвы при вводе слов, называющих реалии прошлого, автор поясняет их значения; говоря о современной Москве, он не дает подобных пояснений и использует слова, значения которых понятны москвичу начала XIX века, а жителям других мест могут быть неизвестны.

5. В описаниях Н.М. Карамзина упоминаются не только различные пространственные объекты (природные и созданные людьми), но и люди – представители социальных групп и отдельные исторические личности, для номинации которых используются личные существительные. Во всех случаях ведущую роль в номинации лиц играет реализация концепта «свой» vs. «чужой».

6. В пространственных описательных фрагментах Н.М. Карамзин рассказывает о дворцах и монастырях, состоящих из ряда сопологаемых в едином пространстве объектов, каждый из которых описывается как самодостаточный. В связи с этим автор-рассказчик использует речевую стратегию, согласно которой он исполняет роль путешественника-гида, перемещающегося от объекта к объекту и описывающего каждый из них, что оказывает влияние на отбор слов в этих фрагментах.

Достоверность полученных результатов подтверждена большим объемом исследованного материала, надежностью примененных методов анализа, последовательностью использованной при написании исследования аргументации, непротиворечивостью результатов, полученных при изучении фрагментов из разных статей Н.М. Карамзина, а также апробацией результатов работы в докладах, сделанных на международных конференциях, и в публикациях в рецензируемых научных изданиях.

Личный вклад автора состоит в сборе и обработке лингвистического материала, в определении целей и задач исследования, в установлении методологической и теоретической базы исследования, в применении отобранных методов исследования при изучении собранного материала, в получении результатов исследования на основе анализа собранного материала, в апробации результатов исследования, в создании текста диссертации и автореферата.

Апробация работы. Основные положения и результаты исследования изложены в докладах, прочитанных на XXIX Международной научной конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2022» (Москва, 2022 г.), на XXX Международной научной конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2023» (Москва, 2023 г.), на XXXII Международной научной конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2025» (Москва, 2025 г.).

По теме исследования опубликованы 4 статьи ¹ в изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ.059.1 по специальности 5.9.5. Русский язык. Языки народов России:

1. Ли Вэнвэнь. Особенности описания московских и подмосковных строений и сооружений в статьях Н.М. Карамзина в журнале «Вестник

¹ Объем авторского вклада Ли Вэнвэнь в двух совместных с В.С. Савельевым публикациях – 50%.

Европы» // Мир науки, культуры, образования. 2024. № 2 (105). С. 493–496. (0,125 п.л.).

2. Савельев В.С., Ли Вэнвэнь. Композиционные и лексические особенности описания старой и современной Москвы в статьях Н.М. Карамзина в «Вестнике Европы» (1802–1803 гг.) // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2024. № 5. С. 144–156. (0,54 п.л.).

3. Савельев В.С., Ли Вэнвэнь. Особенности номинации лиц в описаниях Москвы начала XIX века (на материале статей Н.М. Карамзина в журнале «Вестник Европы») // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2024. Т. 83. № 5. С. 103–112. (0,42 п.л.).

4. Ли Вэнвэнь. Лексические особенности описания природных объектов Москвы и Подмосковья (на материале статей Н.М. Карамзина в журнале «Вестник Европы» 1802–1803 гг.) // Litera. 2024. № 7. С. 208–218. (0,46 п.л.).

Структура работы включает в себя введение, три главы, заключение, библиографию и 4 приложения.

Первая глава посвящена теоретическим основам изучения феномена «город» и типа речи «описание».

Вторая глава посвящена номинациям городских и пригородных объектов Москвы и Подмосковья в статьях Н.М. Карамзина 1802–1803 гг. и особенностям их описания.

Третья глава посвящена особенностям использования характеризующей лексики, лексическим и композиционным особенностям комплексного описания объектов и особенностям номинации лиц при описании Москвы и Подмосковья в статьях Н.М. Карамзина 1802–1803 гг.

В **заключении** обобщаются результаты проведенного исследования.

Список источников, словарей и литературы, использованной в диссертационной работе, включает 238 наименований.

Глава 1. Описание города как объект изучения лингвистики

1.1 Феномен «город» как объект изучения гуманитарных наук

Феномен «город» является объектом изучения разных гуманитарных наук: философии, социологии, психологии, политологии, истории, культурологии и лингвистики.

Города – одно из важнейших достижений человеческой цивилизации и культурного развития. Неудивительно, что изучение «города» как культурного феномена является одной из актуальных научных задач для представителей различных наук. Помимо этого, вполне естественно, что в различных научных дисциплинах применяются различные подходы к изучению города. Рассмотрим, как понимается феномен «город» в некоторых из них, обратившись, в частности, к определениям, данным в словарях и энциклопедиях, имеющим отношение к этим областям знания.

В рамках философского подхода выделяются следующие аспекты изучения феномена «город»: «В первом подходе город позиционируется как естественный центр территориального объединения людей (хозяйственный или религиозный). Во втором – город представлен как политико-административный центр управления. Согласно третьему подходу, город является опорным пунктом, защитным сооружением. В русле четвёртого направления город характеризуется как пространственная форма разделения труда. Наконец, пятый социокультурный подход, в котором город рассматривается как новая форма интеграции общества и новое пространство коммуникации» [Паламарчук 2009: 8].

Мир быстро меняется: традиционно преимущественно сельский, он постепенно становится городским. Рост городов является одной из основных современных тенденций развития общества, а потому изучение феномена «город» приобретает все большее значение в социологии. В «Российской социологической энциклопедии» обнаруживается следующее определение: «ГОРОД – территориально концентрированная форма

расселения людей, занятых преимущественно несельскохозяйственным трудом. Для города характерны разнообразие трудовой и внепроизводственной деятельности населения, соц. и профессиональная неоднородность, специфич. образ жизни. Современный город представляет собой прежде всего место концентрации производственных функций в сфере промышленности, транспорта, услуг» [Российская социологическая энциклопедия 1998: 96]. Как отмечает М. Вебер, с социологической точки зрения город – «населенный пункт, следовательно, поселение в тесно соприкасающихся друг с другом домах, которое настолько велико, что в нем отсутствует специфическое для общества соседей личное знакомство друг с другом» [Вебер 1994: 309].

В «Большом юридическом словаре» дается следующее определение феномена «город»: «<Город> – населенный пункт, жители которого заняты, как правило, вне сферы сельского хозяйства. Отнесение населенного пункта к категории "Г." оформляется в законодательном порядке. В РФ Г. – одна из административно-территориальных единиц, в рамках которых осуществляется местное самоуправление» [Большой юридический словарь 2003: 120].

В работах по психологии рассматриваются проблемы городской среды и связанные с ними вопросы взаимодействия «человек – среда», воздействия города на эмоции и поведение человека, зависимость поведения человека от территориальных признаков (см., например, исследование [Штейнбах, Еленский 2004]).

Город является объектом изучения политологии. Так, О.В. Агишева указывает на то, что «город является центром власти на политическом пространстве. Именно с возникновением городов появляется новая социальная организация, где становятся возможными политические отношения. Переход к городскому образу жизни являлся предпосылкой власти и управления, а также выработки нового мировоззрения» [Агишева 2007: 28].

В социально-культурологическом аспекте город изображается как «полифункциональный организм». Так, Л.В. Кошман замечает, что «вследствие естественного центрального притяжения и очевидного эталона уровня состояния социума он создает вокруг себя особую геокультурную среду» (цит. по [Загороднюк, Томилов, Федотова 2016: 87]).

В культурологии «город» «понимается как населенный пункт, содержащий сеть социальных связей с взаимодействием обывателей, а также являющийся особым социально-пространственным феноменом, позволяющим раскрыть специфику жизни его обитателей» [Загороднюк, Томилов, Федотова 2016: 88].

Таким образом, феномен «город» рассматривается по-разному в разных гуманитарных науках в зависимости от специфики каждой из этих областей знаний.

Обратимся к лингвистическому пониманию феномена «город».

Слово «город» «широко известно в древнерусском языке с XI в. Первоначально слово "город" означало 'забор', 'ограда', 'огороженное место' (здесь наблюдается родство со словом "огород"), потому как древние славяне старались разными способами оградить свои поселения, защитить от врагов, диких животных и т.д. В итоге городами стали называться крупные поселения с домами, огороженные крепостной стеной» [Семенов 2003: 100].

Слово «город» (или «град») встречается уже в самых первых словарях русского языка, издаваемых с конца XVIII века.

В первом издании «Словаря Академии Российской» определяются следующие значения слова «градъ»: «1) селение, состоящее из многих домов, улицами расположенных, и окружённое рвом или стеною. 2) означает иногда самых жителей, город населяющих. 3) берётся иногда вместо: крепость. 4) называется так же, всякой вал окружающий какой-либо город, или часть города» [Словарь Академии Российской 1790: 295, 296].

Во втором издании «Словаря Академии Российской» указывается, что

словом «градъ» именуются: «1) селение, состоящее из многих общественных и частных домов, улицами расположенных, и окружённое ровом или стеною. 2) означает иногда самых жителей, город населяющих» [Словарь Академии Российской 1806: 1232, 1233]. Как мы видим, в определении прямого значения слова появляется указание на то, что дома могут быть общественными и частными.

Примечательно, что в этих двух словарях обнаруживается и восточнославянское слово «городъ», однако в каждом из случаев в словарной статье дается ссылка на другую словарную статью – с церковнославянским словом «градъ», определения к которому даются во всей полноте.

Непосредственно определение слова «городъ» в восточнославянской огласовке появляется в «Словаре церковно-славянского и русского языка»: в этом источнике «городъ» описывается как «селение, огороженное стеною или валом, состоящее из жителей разных сословий, управляемых гражданским начальством» [Словарь церковно-славянского и русского языка 1847: 280, 281]. Таким образом, сравнительно с предыдущими толкованиями появляется указание на принадлежность жителей разным сословиям и на наличие управления гражданским начальством.

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля «городомъ» называется «1) городьба, ограда около жилья, населения; 2) крепость, крепостца, укреплённое стенами место внутри селения, кремль; 3) селение, обнесённое городьбой, городок; 4) населённое место, признанное за город, городом, которому правительство дало городское управление; 5) город употребляется также в значении всего общества или всех обывателей города» [Даль 1880: 391]. Таким образом, В.И. Даль в качестве основного признака, отличающего город от не-города, указывает наличие особого типа управления: статус населенного пункта, признаваемого городом, должен быть официально утвержден.

В «Толковом словаре русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова – первом

авторитетном словарном труде советской эпохи – указывается следующее значение слова «город»: «крупный населённый пункт, управляемый по особому положению, административный, промышленный и торговый центр» [Толковый словарь русского языка Т.1 1935: 603]. Таким образом, толкование значения слова, с одной стороны, является традиционным (указывается наличие особого типа управления), а с другой – включает новые параметры: величину населенного пункта и его функции как промышленного и торгового центра.

Согласно «Словарю современного русского литературного языка», «город» описывается как «населённое место торгово-промышленного типа; обычно административный, торговый и культурный центр; 2) жители города» [Словарь современного русского литературного языка Т.3 1954: 303]. Сравнительно с «Толковым словарем русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова, в определение добавляется упоминание города как культурного центра, однако исключается характеристика «величина населенного пункта».

В «Большой академический словарь русского языка» включено следующее определение значения слова «город»: «крупный населённый пункт, являющийся административным, промышленным, торговым и культурным центром района, области, округа и т. п.» [Большой академический словарь русского языка Т.4 2006: 319]. Таким образом, это определение объединяет все характеристики города, данные в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова и «Словаре современного русского литературного языка».

В одном из наиболее известных толковых словарей русского языка – «Словаре русского языка» под ред. С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой – значение слова «город» определяется как «крупный населённый пункт, административный, торговый, промышленный и культурный центр» [Ожегов, Шведова 2006: 140]. Как мы видим, это определение включает те же характеристики, что и «Большой академический словарь русского

языка».

Таким образом, если в первых словарях русского языка конца XVIII – первой половины XIX вв. определение значения слова «город(ъ)» было связано с указанием на его функцию как места, которое должно служить защите жителей от нападения врагов, то с середины XIX века фокус внимания лексикографов смещается к административному устройству города. В словарях XX века эта направленность сохраняется, при этом с течением времени в словарных статьях добавляются все новые и новые характеристики города, связанные с его различными функциями. В настоящий момент авторитетные современные толковые словари включают в определения значения слова «город» характеристики, восходящие к разным словарям-предшественникам, а потому, сравнительно с каждым из них, являются более полными.

Что касается специфики изучения феномена «город» в лингвистических исследованиях, следует заметить, что во многом она определяет тем, что их материалом являются как языковые факты, реализуемые в речи носителей языка (устной и письменной), так и виртуальная действительность, моделируемая в художественных произведениях, описывающих города. Лингвисты исследуют взаимосвязь между языком и городской культурой. Изучаются способы городской номинации. Исследуются особенности городской речи. При этом «в последнее время в филологии сложилась устойчивая традиция рассматривать город как семиотическую систему, как городской текст, как составляющую хронотопа художественного текста» [Булыгина, Трипольская 2015: 10].

Таким образом, феномен «город» включает в себя множество элементов, которые не могут быть универсально интерпретированы в рамках одной научной области. В области гуманитарного знания феномен «город» может изучаться с разных точек зрения: он является центром административной, политической, коммерческой и культурной жизни и

содержит различные субкультуры разных социумов. «Город» как культурный феномен имеет свои законы развития, и исследователям данного объекта необходимо постоянно обновлять представление о нем.

1.2 Направления изучения феномена «город» в лингвистических исследованиях

Одним из направлений современных лингвистических исследований является разноаспектное изучение феномена «город». Можно выделить пять основных аспектов исследования данного феномена: 1) изучение феномена «город» в лингво-историческом аспекте; 2) изучение лексико-семантического поля «город»; 3) лингвоконцептологический аспект изучения концепта «город»; 4) изучение современной городской речи; 5) изучение феномена «город» в ономастическом аспекте.

1.2.1 Изучение феномена «город» в лингво-историческом аспекте

Изучая феномен «город» в лингво-историческом аспекте, ученые обращаются к анализу текстов, изображающих город, выявляя исторические изменения городских объектов и определяя способы их изображения.

В.С. Елистратов в книге «Язык старой Москвы. Лингвоэнциклопедический словарь» (1997) исследует художественные тексты XIX – начала XX вв., что позволяет ему описать ушедшие реалии жизни старой Москвы, рассказать о явлениях, предметах и словах, которые изменили свое употребление или вовсе исчезли. Например, ученый устанавливает особенности функционирования слова «алло», используемого в современной речи как телефонное приветствие. В.С. Елистратов пишет о нем следующее: «Вероятно, употреблялось как распространённое приветствие (без телефона). Например, у М. Осоргина в разговоре дедушки и внучки: „– Дедушка, вставайте! Чудесный день и новость: прилетели ласточки. – Алло, Танюшка, встаю, встаю“. Сейчас не по телефону употребляется только в иной огласовке и, как правильно, в иронично-шутливом зн., типа. „алё, гараж“, „алё, дрова“ и т.п.» [Елистратов

1997: 24].

А.А. Иванов в книге «История Петербурга в старых объявлениях» (2008) рассматривает историю города, анализируя тексты определенного жанра – газетные объявления. Так, исследователь приводит в качестве примера объявление 1739 года об иностранных и русских купцах, намеревающихся продать черепицу в Санкт-Петербург. Автор указывает, что «в отличие от западноевропейских городов черепичные крыши в Петербурге так и не прижились» [Иванов 2008: 22]. Черепичные крыши не использовались в Санкт-Петербурге начиная с середины XVIII века, и в наше время в этом городе трудно встретить черепичную крышу. Приведем еще один пример: «Сего месяца Генваря 19 числа по полудни в 3 часу < ... > с публичного торгу продан быть имеет купца П.Ф. Шаврина деревянной двор на Адмиралтейской стороне, между большою и малою Мещанскою, подле Глухой речки» [Иванов 2008: 49]. А.А. Иванов отмечает, что название «большая и малая Мещанская» встречается впервые именно в этом тексте. Помимо этого, автор указывает, что «Глухая речка» в XVIII веке была более известна как речка Кривуша. При этом он упоминает, что теперь «Глухая речка» называется каналом Грибоедова.

В.В. Колесов рассматривает и исследует роль и влияние городской среды на развитие городской речи с точки зрения языка города в книге «Язык города» (1991). В.В. Колесов отмечает, что язык города «является престижной основой литературного языка – высшей формы национального языка на каждом этапе его развития» [Колесов 1991: 4]. Автор сравнивает петербургский язык и старомосковский язык XIX века, устанавливая их различия и общие черты. В.В. Колесов описывает возникновение современного литературного языка и его норм, вклад социальных групп (среди них дворяне, женщины, чиновники, армия, молодежь и грабители) в развитие современного языка и культуры.

1.2.2 Изучение лексико-семантического поля «город»

Изучение описания городов на лексическом уровне тесно связано с

понятием «лексико-семантическое поле» (ЛСП). Определение лексико-семантического поля представлено в работе Ю.Н. Караулова «Структура лексико-семантического поля»: «ЛСП называется группа слов одного языка, достаточно тесно связанных друг с другом по смыслу» [Караулов 1972: 57].

В частности, к ЛСП «город» относятся слова, принадлежащие разным частям речи и так или иначе называющие или характеризующие различные городские объекты. В данной работе мы приведем примеры имен существительных с семантическим компонентом «город», используя результаты исследования Цзян Нань «Лексико-семантическое поле "город" в современном русском языке». Как было установлено исследователем, в соответствии с идентичностью жителей города, их поведенческой деятельностью, связанными с ней городскими пространствами, различные городские объекты делятся на следующие категории:

- 1) городское население (например: *мэр, горожанин, урбанист, градостроитель, городской, ресторатор* и т.д.);
- 2) открытые городские пространства (например: *площадь, переулок, бизнес-центр, проспект, велодорожка, аллея, бульвар, бульвар* и т.д.);
- 3) закрытые городские пространства (например: *гостиница, пятиэтажка, лофт, студия, монастырь, манеж спортивный* и т.д.)
- 4) городской общественный транспорт (например: *автобус, городская электричка, маршрутка, маршрутное такси, метро, микроавтобус, монорельс, такси, трамвай, троллейбус, электробус, электросамокат* и т.д.);
- 5) повседневная деятельность горожан (например: *паркур, пикетирование, фланирование, шопинг* и т.д.) и др. (см. [Цзян Нань 2022: 59–203]).

Анализируя слова, относящиеся к выделенным группам, Цзян Нань описывает их историю, значение, функционирование в современной речи и связь с явлениями внеязыковой действительности. Так, согласно данным исследователя, к группе «городское население» относится несколько ЛСГ, в

том числе образуемая 11 словами ЛСГ «городской управляющий». Одним из этих слов является существительное «мэр»: «В 1991 году должность мэра была введена в Москве, Санкт-Петербурге (до 1998, позже – *губернатор*) и некоторых других городах России (Исторический словарь). В столице мэра называют так по городскому уставу, а в Санкт-Петербурге – по документации мегаполиса. Слово *мэр* вошло в активный словарь русского языка. Синонимические варианты – *городской голова* и *отец города*. Являясь устаревшими словосочетаниями, они, тем не менее, употребляются в современных СМИ, приобретая иронический оттенок» [Цзян Нань 2022: 149].

Таким образом, по мере изменения деятельности жителей лексический состав ЛСП «город» меняется: одни слова выходят из употребления, другие появляются, при этом основной тенденцией является постоянное расширение ЛСП.

В статье «Лексико-семантическая группа "город" в современных российских масс-медиа» О.Н. Григорьевой и Цзян Нань рассматривается использование слов, принадлежащих к ЛСП «город», в языке СМИ. Авторы указывают на то, что «в публицистических текстах слова со значением „город“ могут приобретать различные оттенки смысла, которые позволяют выразить авторскую оценку описываемых событий» [Григорьева, Цзян 2018: 31]. Например, они обращают внимание на то, что слово «город-парк» означает своего рода «город в городе»: «Это самостоятельное городское пространство с высоким уровнем комфорта и инфраструктурным решением» [Григорьева, Цзян 2018: 33]. Авторы приходят к выводу, что расширение ЛСП «город» тесно связано с появлением в городе новых социальных групп и особенностями их жизнедеятельности.

В диссертации «Лингвокультурологический потенциал лексико-семантической оппозиции *город* / *деревня*: лексикографический аспект» Т.А. Бурмистрова выявляет динамический процесс изменения содержания слова «город» на основе ассоциативных словарей разных периодов. Как

указывает автор, в «Словаре ассоциативных норм русского языка» (1977) под ред. А.А. Леонтьева ассоциативные ряды для слова «город» составляют единицы «красивый», «учёба», «промышленный», «строится», а также единицы, связанные с определенными векторами ассоциирования, к которым в первую очередь относится связь с событиями Великой Отечественной войны («герой», «голод» и «разруха»). В более позднем «Русском ассоциативном словаре русского языка» (1994–1998) Ю.Н. Караулова, Ю.А. Сорокина, Е.Ф. Тарасова и др. «город» воспринимается как шумное, динамичное пространство, пространство суеты («муравейник», «шумный», «суматоха»). В исследовании «Русский ассоциативный словарь: ассоциативные реакции школьников I–XI классов» (2011) В.А. Гольдина, А.П. Сдобновой, А.О. Мартыанова ассоциативно-вербальное поле слова «город» включает социальное пространство («достопримечательность», «пробки», «метрополитен»); плохую экологию («грязный», «помойка»). Как указывает Т.А. Бурмистрова, обнаруживается следующая тенденция: ослабляется или утрачивается связь слова «город» с векторами ассоциирования с Великой Отечественной войной и любовью к родной земле [Бурмистрова 2017: 19–23].

1.2.3 Лингвоконцептологический аспект изучения феномена «город»

Термин «концепт» широко используется в гуманитарных науках, в том числе и в объединяющих смежные области исследования (когнитивная лингвистика, лингвокультурология, психолингвистика и др.). Согласно определению С.А. Аскольдова, «концепт есть мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода» [Аскольдов 1928: 31]. В «Кратком словаре когнитивных терминов» отмечается, что концепт представляет собой «термин, служащий объяснению единиц ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека; оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга

(*lingua mentalis*), всей картины мира, отраженной в человеческой психике <...> Это сведения о том, что индивид знает, предполагает, думает, воображает об объектах мира» [Кубрякова, Демьянков, Панкрац, Лузина 1996: 89, 90].

В работе, посвященной концепту «город» в русской культуре, Е.А. Сертакова указывает на то, что «город не просто создает и организует реальное социальное пространство, но и во многом определяет мировосприятие индивида и специфику социума. Город является необходимой частью картины мира людей, демонстрирует исторические изменения в духовности его жителей» [Сертакова 2014].

По мнению Н.Д. Арутюновой, концепт «город» можно раскрыть с помощью выражения «облик города», «поскольку духовное (идеальное) начало – неотъемлемое свойство человека, каждый человек имеет „право“ на образ ... Вторым после человека приоритетным правом на образ обладает город» [Арутюнова 1999: 316].

Концепт «город» играет особо важную роль в изучении связи общества и культуры. Одним из основных способов исследования концепта «город» в русской лингвокультуре является изучение и анализ русских художественных текстов. Например, Н.С. Кадырова в своей работе «Семантическое ядро концепта „город“ в романе М.А. Булгакова „Белая гвардия“» обращает внимание на то, что концепт «город» в восприятии автора романа определенным образом отражает мысли античных философов. Исследователь указывает, что в романе «Белая гвардия» изображены две ипостаси концепта «город»: «Город-космос» и «Город-хаос». «Булгаковский Город-космос репрезентирован субконцептами: „Созидание“, „Красота“, „Гармония“, „Порядок“, „Размеренность“, „Спокойствие“, „Безмятежность“, „Молчание“, „Нежность“, „Белизна“, „Свет“, „Святость“, „Благо“, „Уверенность в завтрашнем дне“, „Прочность“, „Счастье жителей“; Город-хаос представлен в субконцептах: „Разрушение“, „Уродство“, „Дисгармония“, „Беспокойство“, „Беспорядочное движение“,

„Неприятные запахи“, „Мёртвый покой“, „Тревога“, „Мрак“» [Кадырова 2012: 79].

М.Г. Воднева в диссертации «Национальная и индивидуально-авторская концептуализация понятия "город" в русской языковой картине мира» моделирует концептуальное поле «город», описывая его структурные и организационные особенности на материале лексикографических источников, идиоматических текстов, паремий, народных и бардовских песен. Автор считает, что «город является местом проживания людей, конкретным населенным пунктом с указанием астионима, представлен коренными жителями или приезжими, противопоставлен провинциальному городку, деревне или даче. Город является своим или чужим пространством, пространством опасным и даже мертвым, а также концептуализируется как дом и живое существо» [Воднева 2011: 15, 16].

1.2.4 Исследование современной городской речи как аспект лингвистического изучения феномена «город»

Установление особенностей языка жителей городов является важной задачей современной русистики.

Первым из русских лингвистов к исследованию «городских языков» обратился Б.А. Ларин. В статье «К лингвистической характеристике города» (1928) он обращает внимание на «полиглотизм» горожан. Ученый отмечает, что «языковое разнообразие города двояко: 1) оно не только во встрече разноразличных коллективов (будем называть это многоязычием города), но еще и 2) в многообразии языковых навыков каждой группы (спаянной каким-нибудь одним наречием), т.е. в двудиалектности и многодиалектности, — в зачаточном или совершенном полиглотизме горожан» (цит. по [Ларин 1977: 191]). Б.А. Ларин считает, что «полиглотизм» является важной чертой городского населения, поскольку каждый житель города использует несколько собственных языковых систем, обусловленных вхождением в различные социальные группы, к которым он принадлежит, т.е. дискурс людей различного социального статуса

различается. Эти участники ситуаций городского общения вырабатывают целый ряд отличительных «тайных языков» в зависимости от их роли в обществе. Однако классификация этих участников не связана с профессией: они могут быть студентами университета, молодыми людьми, ворами, декораторами футболистами и т.д. Один и тот же участник может использовать различные категории аргументации при исполнении различных городских социальных ролей (см. [Ларин 1977: 189–199]).

Е.А. Земская в статье «Городская устная речь и задачи ее изучения» (1988) выделяет два основных типа современной городской устной речи: литературный язык и просторечие. По словам автора, «использование той или другой формации зависит прежде всего от образования говорящего, степени его культурности, характера его профессии» [Земская 1988: 11]. Исследователь отмечает, что «прагматическое оформление речи в структуре КА (*коммуникативного акта* – Л.В.) создается треугольником "говорящий – адресат – конситуация". Все вершины этого треугольника выполняют роль важных факторов в дифференциации устной речи. При этом говорящий субъект и адресат (слушающий или слушающие), являясь партнерами коммуникации (ПК), имеют целый ряд признаков, для которых существенна их симметричность или асимметричность. К таким признакам относятся: возраст, пол, профессия, социальное положение, образование, ролевая функция и некоторые другие» [Земская 1988: 11].

В книге «Культура речи современного города. Лингвистический ландшафт Нижнего Новгорода» (2006) М.А. Грачев и Т.В. Романова останавливаются на лингвистических изменениях в речи жителей Нижнего Новгорода конца XX – начала XXI вв. Они отмечают снижение культуры устной и письменной речи как результат ухудшения качества преподавания русского языка в школах и пренебрежительного отношения к русскому языку со стороны редакторов издательств, редакторов газет, издателей художественной литературы и телеведущих. Авторы приводят в качестве примеров устные и письменные высказывания, содержащие речевые

ошибки: «Молодая семья снимут... – из объявления на улице Ковалихинская (грамматическая ошибка на согласование, надо: „молодая семья снимет“)» [Грачев, Романова 2006: 42].

М.В. Китайгородская и Н.Н. Розанова – авторы работы «Языковое существование современного горожанина: на материале языка Москвы» (2010) – отмечают, что одной из главных характеристик современной городской речи является ее неоднородность. С одной стороны, как указывают авторы, городская речь реализуется в нескольких «функционально-стилистических разновидностях» – кодифицированный литературный язык, разговорная речь и просторечие, а с другой – «проявлением социально обусловленной гетерогенности являются профессиональные и социальные жаргоны» [Китайгородская, Розанова 2010: 42]. Иллюстрируя последнее утверждение, авторы исследуют диалоги, которые происходят между горожанами в общественном транспорте, на улице, в магазинах, на рынках, в аптеках и т.п. Анализируя различные типовые ситуации общения, исследователи разрабатывают «модель описания типовых ситуаций и реализуемых в ней речевых стереотипов» (см. [Китайгородская, Розанова 2010: 278]). Например, описывая речевое поведение горожан в метро, исследователи замечают: «Подземный транспорт – метро, или „столичная подземка“ – занимает особое место в жизни москвичей. Являясь основным средством передвижения по городу, метро играет также роль ориентира. Станции метро (подобно храмам в дореволюционной Москве) являются важными „точками отсчета“, относительно которых горожанин определяет свое местоположение в городском пространстве. Ср.: *Я нахожусь у метро Лубянка//; Мы живем недалеко от Войковской//; Две остановки на автобусе от Выхино/ и я дома//* и т. п.» [Китайгородская, Розанова 2010: 279].

1.2.5 Изучение феномена «город» в ономастическом аспекте

Поскольку достижения ономастического направления в изучении феномена «город» являются крайне важными для целей нашего

исследования, мы считаем необходимым подробно рассмотреть основные теоретические понятия ономастики, принципы классификации и оценки имен собственных, теории и практики составления ономастических словарей, а также различных аспектов, касающихся топонимических исследований.

Ономастика – «раздел языкознания, изучающий любые собственные имена» [Подольская 1988: 96]. Его статус как самостоятельного направления в науке окончательно был утвержден в первой половине XX века. Ономастика является комплексной лингвистической дисциплиной в области языкознания, которая не только обладает собственной уникальной терминологической системой для точного описания и определения различных имен собственных, но и разработала ряд уникальных исследовательских вопросов и тем, которые касаются сущности имен собственных, их происхождения, развития, функционирования и изменения в различных языковых средах.

В энциклопедии «Русский язык. Энциклопедия» под ред. Ю.Н. Караулова объект изучения ономастики определяется как «история возникновения имён и мотивы номинации (называния), их становление в к.-л. классе онимов, различные по характеру и форме переходы онимов из одного класса в другой (трансонимизация), территориальное и языковое распространение, функционирование в речи, различные преобразования, социальный и психологический аспекты, юридический статус, формульность имени, использование и создание собственных имён в художественном тексте, табуирование» [Русский язык. Энциклопедия 1997: 290].

Особую роль в изучении имен собственных в русском языке играют работы А.В. Суперанской. Важным этапом в развитии ономастики стало ее исследование «Общая теория имени собственного» (1973). А.В. Суперанская отмечает, что «ономастика возникла как прикладная

наука, необходимая историкам, географам, этнографам, литературоведам и не выходила за рамки "вспомогательной научной дисциплины", пока ею занимались представители этих специальностей. Когда к изучению данной проблематики подключились лингвисты, принесшие с собой методы структурного и семантического анализа, ономастика выделилась в самостоятельную дисциплину, анализирующую лингвистический материал лингвистическими методами» [Суперанская 1973: 7]. А.В. Суперанская подчеркивает, что «ономастика изучает основные закономерности истории, развития и функционирования собственных имен. Обладая своим материалом и методикой изучения его, ономастика не может не быть самостоятельной дисциплиной. Поскольку она возникла "на стыке" наук, она отличается чрезвычайной комплексностью предмета исследования. Доминирует в ономастике лингвистический компонент не только потому, что каждое имя – это слово, развивающееся по законам языка, но и потому, что информация каждого имени "добывается" с помощью лингвистических средств» [Суперанская 1973: 7].

Таким образом, А.В. Суперанская обращает внимание на превращение ономастики из вспомогательной научной дисциплины в самостоятельную, а также на уникальность материалов и методов, используемых при изучении функциональных особенностей ономастики. Эта трансформация не только обогащает теоретическую базу ономастики, но и повышает ее ценность для применения в междисциплинарных исследованиях.

Исследователь устанавливает, что объектом изучения ономастики являются «имена собственные всех видов, присутствующие в словарном составе любого языка, изначально ему присущие или заимствованные из других языков» [Суперанская, Сталтмане, Подольская, Султанов 2007: 7]. В исследованиях А.В. Суперанской внимание сосредоточено прежде всего на самих именах собственных.

А.В. Суперанская рассматривает ономастику в следующих аспектах:

1) лексикологический, связанный в основном с изучением принципов

ономастики и ее связи с общей лексикологией; 2) лексикографический, изучающий лексикографирование имён собственных; 3) логический, связанный с выявлением отношения имени собственного к понятию; 4) семасиологический, направленный на выявление лексических групп, максимально подходящих для вторичной номинации в определённой области; 5) терминологический, связанный с разработкой терминологии ономастических исследований; 6) типологический, имеющий важное значение в теоретической ономастике, при вероятностной проверке материала в исторической ономастике, при выработке новых имен в прикладной ономастике; 7) психологический, выявляющий мировоззрение имядателя, его образ мыслей и последовательность рассуждений; 8) социологический – изучение имен в связи с теми общественными оценками, которые они получают в разное время у отдельных общественных групп, а также в связи с некоторым сознательным или несознательным предпочтением некоторых имен в отдельных социумах; 9) исторический, анализирующий исторический фон, на котором складывались и формировались ономастические системы; 10) географический, в рамках которого изучается влияние географии на развитие человеческой культуры и собственных имен, так или иначе связанных с природными условиями и 11) культурологический – изучение того национально-культурного фона, на котором возникают имена и развиваются их системы (см. [Суперанская, Сталтмане, Подольская, Султанов 2007: 221–229]).

Результаты многолетних исследований в области ономастики А.В. Суперанской собраны в составленном ею «Словаре русских личных имен» (1998). В нем содержится более 7500 русских имен, относящихся к различным историческим периодам и культурным традициям, включая общеславянские, православные, древнерусские и современные имена, появившиеся том числе в XX веке. Такой широкий объем делает словарь ценнейшим источником для изучения эволюции русских имен.

Важным аспектом ономастики является классификация имеющегося материала. По признаку обозначения различных объектов, явлений и понятий имена собственные делят на следующие разряды:

1) «*антропонимы* – любые собственные имена, которые может иметь человек (или группа людей), в том числе личное имя (*Дионисий*), отчество (*Александрович*), фамилия (*Любимов*), прозвище (*Таракан*), псевдоним (*Якуб Колас*), криптоним (*Батус* – Москва в языке офеней), кличка (*Старик* – партийная кличка Ульянова), андроним (*Левониха*), гинеконом (*Анин*), патроним (*Михайловъ сынъ*)»;

2) «*топонимы* – собственные имена любых географических объектов: моря, реки, города, горы, оврага, поля и др., например, *р. Западная Двина, с. Здравнёво, Покровская церковь*»;

3) «*зоонимы* – собственные имена (клички) животных, в том числе домашних, содержащихся в зоологических садах, «работающих» в цирке, служащих в охране, подопытных или диких (*Мухтар, Шарик, Бобик*)»;

4) «*хрематонимы* – собственные имена уникальных предметов материальной культуры, произведенных или добытых руками человека, в том числе названия оружия, музыкальных инструментов, ювелирных изделий, предметов утвари, драгоценных камней, например, *пушка "Гамаюн", золотой самородок "Заячьи уши", "Шапка Мономаха"*»;

5) «*эргонимы* – собственные имена деловых объединений людей, в том числе учреждений, предприятий и т.п., например, нет родового термина *"Горизонт", "Белвест", "Луч"* и др.» [Мезенко, Генкин, Деревяго 2022: 9, 10].

Одной из главных задач ономастики является изучение функций и характеристик имен собственных, при этом их установление оказывается невозможным без привлечения данных различных научных дисциплин: в лингвистических работах обнаруживаются сведения, восходящие к историческим, географическим, социологическим, антропологическим и культурологическим исследованиям.

Данное положение дел особо хорошо видно в работах В.Д. Бондалетова, играющих важную роль для ономастики. Так, в своем исследовании «Русская ономастика» ученый обосновывает необходимость применения следующих методов изучения ономастического материала:

1) описательный метод является основой для других методов, «предполагает соблюдение ряда требований: четкое представление об избранном предмете изучения (о системе антропонимов, топонимов и т. д.): последовательность описания; систематизация, группировка или классификация; характеристика материала (качественная, количественная) в соответствии с поставленной исследовательской задачей. Начальным этапом "описания" материала является его собирание, каталогизация, систематизация, позволяющая видеть разные его части (виды, типы), самые общие отношения между ними, а также наиболее существенные их качества» [Бондалетов 1983: 38];

2) исторический. «Историзм – один из основных принципов научного анализа» [Бондалетов 1983: 42]. Исторический подход к изучению имен собственных имеет первостепенное значение, а их историческое происхождение и исторические трансформации должны учитываться при научном анализе. Имена собственные являются не только частью языка, но и носителями богатой исторической и культурной информации. Происхождение и развитие этих имен, а также их использование в разные периоды истории тесно связаны с историческим развитием общества и отражают изменения в его экономической базе, политической структуре и культуре той или иной эпохи. Задачей исторического метода является прежде всего установление этой связи (см. [Бондалетов 1983: 42–44]);

3) сравнительно-сопоставительный метод предполагает исследование как родственных (близкородственных и дальнородственных), так и неродственных ономастических систем. Данный метод базируется на двух ключевых операциях: сравнении и сопоставлении (см. [Бондалетов 1983: 44–49]);

4) ареальный метод (географический метод, изоглоссный, метод картографирования, метод лингвистической географии). В топонимике как разделе ономастики географические названия более тесно связаны с пространственными объектами и служат непосредственно названиями этих пространственных объектов. Географические названия представляют собой не только лингвистические, но и географические явления, и методы их исследования тесно связаны с географией. Изучая географические объекты, географы обращают внимание и на соответствующие им имена собственные, и естественно, что первые топонимисты были в основном географами. Изначальным подходом к изучению географических названий был ареальный (картографический) подход, который состоял в привязке географических названий к географическому пространству (см. [Бондалетов 1983: 49–52]);

5) семиотический метод. «Задача состоит в определении набора знаков (онимов), их дифференцирующих признаков, способов их языкового выражения (в звуках, морфемах, словах, сочетаниях слов), конкретных видов проявления системных связей, в определении меры (уровня) системности ономастики в целом, отдельных ее разрядов, а также отдельных участков этих разрядов (например, в антропонимии – системность в личных именах, системная организация фамилий, прозвищ, псевдонимов, в топонимии – системные связи в названиях населенных мест, водных объектов и т. д.)» [Бондалетов 1983: 53];

6) стилистический метод применяется при анализе ономастического пространства в литературно-языковых текстах разных функциональных стилей (художественных, официально-деловых, научных, публицистических, разговорных) (см. [Бондалетов 1983: 63–65]);

7) лингвопсихологический метод. Изучаются психологические основания в выборе номинативных стратегий и ассоциативный потенциал слов-названий (см. [Бондалетов 1983: 65–72]);

8) статистический метод. Изучаются количественные показатели

функционирования имен собственных (см. [Бондалетов 1983: 72–82]).

Важнейшей задачей ономастики является составление словарей.

Теоретические основы ономастической лексикографии представлены в монографии В.Э. Сталтмане «Ономастическая лексикография» (1989). Автор выделяет два типа ономастических словарей: историко-этимологические словари и нормативные словари. Исследователь отмечает, что «лингвист, изучающий этимологию имен собственных, не может успешно работать, ограничиваясь только узкой областью (например, гидронимией, личными именами, теонимами), в его поле зрения неизменно должны быть все ономастическое пространство и имена сопредельных ему классов» [Сталтмане 1989: 17]. В.Э. Сталтмане подразделяет нормативные словари на следующие разряды: «1) толково-энциклопедические словари; 2) словари передачи иноязычных собственных имен; 3) словообразовательные словари; 4) грамматические словари; 5) орфографические и орфоэпические словари» [Сталтмане 1989: 39–68]. В своей книге В.Э. Сталтмане уделяет внимание лексикографическим словарям отдельных классов собственных имён, в частности – словарям личных имён и топонимическим словарям (см. ниже). Рассматривая принципы составления словарей личных имен, автор анализирует важность составления словаря имен и фамилий с точки зрения исторической эволюции, в которой имена и фамилии, являясь важной частью культурного наследия, фиксируют траекторию развития человеческого общества. По мысли исследователя, составление словаря имен и фамилий не только помогает установить историю отдельных личностей, но и раскрывает эволюцию социальных структур и культурных особенностей. В то же время, учитывая широкий круг и разнообразие языковых материалов, использование прозвищ и псевдонимов в литературных произведениях, исторических записях и фольклоре крайне распространено, и автор также подчеркивает необходимость составления словаря прозвищ и словаря псевдонимов, которые могут предоставить

исследователям систематический инструмент для изучения и понимания использования и эволюции этих специальных имен и тем самым лучше понять разнообразие и сложность языка (см. [Сталтмане 1989: 74–76]).

Истоки ономастической лексикографии русского языка восходят к глоссариям библейских текстов. Во второй половине XVI века в труде Максима Грека «Толкования именам по алфавиту» материал лексикона собственных имен располагался в алфавитном порядке. Следует упомянуть также «Лексикон славенороссий. Имен толкование» (1627) Памвы Беринды – чрезвычайно важный источник славянской лексикографии, впервые опубликованный в Киеве в 1627 г. и расположенный в алфавитном порядке. «Лексикон» Беренды состоит из двух частей: первая представляет собой толковый церковнославянский лексикон, а вторая посвящена именам собственным, включая переводы географических и личных имен.

Приведем примеры некоторых ономастических словарей XIX–XXI вв.

«Географический словарь русской земли» (1865) Н.П. Барсова представляет собой один из самых ранних словарей древнерусских географических названий, содержащий географические сведения о Древней Руси вплоть до первой половины XIV века, собирающий и систематизирующий древние географические названия, а также связанные с ними летописные и древнеактовые известия. В «Материалах» особое внимание уделяется включению исторически значимых фактов, расположенных в хронологическом порядке, что обеспечивает исследователя надежным источником исторических сведений.

«Словарь древнерусских личных имен» (1903) Н.М. Тупикова считается одним из главных источников сведений о древнерусских именах, содержит большое количество имен до XVI века и достоверной вторичной информации для изучения истории имен в Древней Руси. Словарь известен полнотой своих статей и считается фундаментальным научным трудом по русской христианской ономастике (именословию).

«Русские фамилии: Популярный этимологический словарь» (1972)

под ред. Ю.А. Федосюка представляет собой словарь, в котором более 1500 фамилий расположены в алфавитном порядке и по каждой даны небольшие, но подробные статьи, объясняющие происхождение онимов и описывающие исторические условия их появления и функционирования. Данный словарь не только предоставляет читателям этимологическую информацию о фамилиях, но и позволяет понять то, как устроена система именования при помощи фамилий в русской культуре в целом.

«Словарь русских фамилий» (1993), созданный выдающимся ученым-ономастом В.А. Никоновым, представляет собой словарь, созданный на базе словника, включающего 70000 русских фамилий (см. [Никонов 1993: 9]), систематически расположенных в алфавитном порядке. В словаре В.А. Никонов приводит подробные данные о русских фамилиях, включая ссылки на документы с указанием даты и точных географических координат, а также даёт пояснения к диалектной основе. Особое внимание он уделяет углубленному анализу лексических рядов слов, составляющих основу фамилий, которые занимают центральное место в его исследовании.

Специализированный словарь «Русская ономастика и ономастика России» (1994) под ред. О.Н. Трубачева, опирающийся на результаты ономастических исследований, подробно рассказывает о происхождении названий рек, гор, городов и сел России, личных имен, отчеств, фамилий и прозвищ русского народа, других разнообразных объектов – названий русских племен, имен древних божеств, имен русских правителей, кличек животных, названий ветров и звезд.

К числу наиболее известных работ современных русских именных словарей относится «Современный словарь русских фамилий» (2001) И.М. Ганжиной. Данный словарь включает широкий спектр русских, украинских и белорусских фамилий и устанавливает версии их происхождения. В данном словаре подчеркивается, что определение точной этимологии фамилии должно опираться на факты, документы, семейные предания (хотя они могут быть не совсем достоверными), а также на знание

места происхождения той или иной фамилии.

Ономастический аспект исследования имеет непосредственное отношение к изучению описаний городов: он связан с выявлением и оценкой именования городских объектов в синхронии и диахронии, связи городских топонимов с историческими событиями, а также их роли как знаков, отражающих историческую память жителей города. Данная область ономастики называется топонимикой.

Топонимика определяется как «раздел ономастики, исследующий географические названия (топонимы), их функционирование, значение и происхождение, структуру, ареал распространения, развитие и изменение во времени. Совокупность топонимов на к.-л. территории составляет ее топонимию» [Русский язык. Энциклопедия 1997: 565, 566]. В свою очередь, топоним представляет собой «географическое название, географическое имя – разряд онимов. Собственное имя природного объекта на Земле, а также объекта, созданного человеком на Земле, который четко зафиксирован в данном регионе (город, деревня, обработанный участок земли, территория как часть государства, коммуникация и т. п.)» [Подольская 1988: 127].

Наиболее важным периодом развития топонимики является, на наш взгляд, вторая половина XX – начало XXI вв. Именно в это время появилось значительное количество работ, заложивших прочный фундамент данного раздела ономастики. Речь идет прежде всего об исследованиях В.Д. Бондалетова, В.А. Никонова, Н.В. Подольской, А.И. Попова, Е.М. Поспелова, А.В. Суперанской, В.Н. Топорова и Т.В. Шмелевой.

Термин «топонимика» является многозначным, называя как саму систему топонимов, так и научное направление, их изучающее: «Топонимику часто называют также топонимией или топономастикой (термин составлен из греческих слов, означающих "место" (топос) и "имя" (онома), – учение о местных именах, о названиях мест). Заметим, что словом

"топонимика" обозначают также и тот фактический материал, который является здесь предметом изучения, т. е. совокупность географических имен какой-либо определенной местности (псковская топонимика, приуральская топонимика и т. п.) или определенной языковой принадлежности (славянская топонимика, чувашская топонимика и т. п.)» [Попов 1965: 7].

Предмет топонимики представляет собой географический объект, который определяется как «любой объект на поверхности земли или недрах земной коры, выделяемый человеком в качестве самостоятельной единицы» [Суперанская 1985: 174]. «Имеют названия почти все географические объекты – неодушевлённые природно-географические или рукотворные "предметы" с фиксированной локализацией на земном шаре, от самых крупных (континентов и океанов) до мельчайших (отдельно стоящих домов, садов, колодцев)» [Суперанская 1985: 21]. А.В. Суперанская разделяет названия географических объектов на две группы: «общие, вводящие их в систему определенных понятий (гора, река, город, село), и индивидуальные. Индивидуальные названия даются каждому географическому объекту в отдельности: город Тула, Калуга <...>» [Суперанская 1985: 21].

В.А. Никонов пишет об одном из главных положений топонимических исследований; оно заключается в том, что «даже и те названия, основы которых действительно выражают свойства называемого объекта, продиктованы все-таки не этими свойствами, а историческими причинами» [Никонов 2011: 25]. Таким образом, выявление связей между названиями и самими географическими объектами должно опираться на историю. Помимо этого, В.А. Никонов в монографии «Введение в топонимику» (1965) указывает, что географические названия принадлежат к терминологической системе, обладают многослойностью и, соответственно, подразделяются на разные ряды (семантический, словообразовательный и т. д.). Каждое географическое название «всегда возникает на пересечении рядов. Найти их – значит определить топонимические "координаты" названия, а тем самым ввести его в

конкретно-исторические рамки» [Никонов 2011: 37]. Топонимический ряд облегчает отслеживание исходных значений в ходе исследования, эффективно контролируя обширность ассоциаций, чтобы предотвратить ошибки и недоразумения, тем самым повышая достоверность топонимических данных.

Свидетельством корректности топонимического исследования является признание существования определенных ограничений при описании лингвистического материала, для которого характерна семантическая неоднородность. Так, в книге А.В. Суперанской «Что такое топонимика?» (1985) анализируются различные топонимы, и автор приходит к выводу, что все они могут быть разделены на два типа – топонимы-метки и топонимы-описания. «Топонимы-метки выделяют определенные географические объекты, но ничего не сообщают нам о них самих» [Суперанская 1985: 37]. В то же время топонимы-описания дают определение объекта, содержа информацию о том, что представляет собой географический объект, что облегчает визуальную идентификацию на основе только одного из ряда признаков. При этом, вне зависимости от отнесенности топонима к тому или иному типу, функция любого географического названия заключается в том, чтобы выделить объект из группы похожих объектов и указать на него. Помимо этого, крайне важно, что многие топонимы выражают дополнительные значения, которые связаны с характеристиками объекта, идеологией и эмоциональной окраской имени. «Для любого топонима характерна номинативная, в некоторой степени сигнификативная и адресно-указательная функции» [Денисенко 2019: 173].

Важной задачей топонимики является выработка принципов классификации топонимов и отнесение их к тому или иному типу.

В зависимости от характера объекта географические названия делятся на следующие основные типы: «1) ойконимия – названия населённых

пунктов: *г. Орёл, с. Бородино*; 2) гидронимия – названия водных объектов: *река Волга, озеро Байкал*; 3) оронимия – названия особенностей рельефа: *Альпы, Уральские горы*; 4) космонимия – названия внеземных объектов: *планета Юпитер, Море Москвы на Луне* и т. п.» [Русский язык. Энциклопедия 1997: 566]¹.

В случае необходимости сужения области исследования в топонимике может применяться двухуровневая система классификации в зависимости от размера географического объекта: 1) «макротопонимия – названия крупных природных или созданных человеком объектов и политико-административных объединений»; 2) «микротопонимия – индивидуализированные названия малых географических объектов, особенностей местного ландшафта (лесов, полей, урочищ и т. п.)» [Русский язык. Энциклопедия 1997: 566]. Географические названия анализируются с макро- и микроперспективы, чтобы выявить закономерности и особенности наименований в различных географических масштабах.

Топонимика как раздел ономастики фокусируется на происхождении, развитии, структуре и семантике географических названий. Географические названия важны для человечества как часть языка, истории и культуры, они являются важными ориентирами на лингвистической карте. Как современные географические названия, так и исторические, вышедшие из употребления, представляют одинаковую ценность для человечества. Для лингвистов эти топонимы представляют большой интерес в силу их кумулятивной информационной функции. Анализ этимологии, состава и эволюции географических названий делает возможным выявление исторических стадий и закономерностей развития их языка.

Топонимика является междисциплинарной дисциплиной, однако важно понимать, что центральную роль в топонимических исследованиях играет лингвистика; как утверждает А.В. Суперанская, «только лингвисты могут и должны анализировать все типы географических названий в их

¹ Подробную классификацию топонимов см. ниже.

связи друг с другом, с прочими собственными именами и со всей системой языка, в котором они создаются и употребляются» [Суперанская 1985: 6].

Важной областью топонимики как научного направления является топонимическая лексикография.

Топонимическая лексикография основной своей целью имеет составление топонимических словарей, в частности – сбор, толкование, анализ и систематизацию названий географических объектов. В ходе этого процесса топонимическая лексикография раскрывает исторические, культурные, социальные и языковые особенности, лежащие в основе географических названий, позволяя заглянуть в историю географических объектов и традиции их наименования.

В.Э. Сталтмане характеризует топонимические словари как «словари этимологические, историко-этимологические, исторические, дополненные характерной и необходимой для топонимики информацией о самом топообъекте и его истории» [Сталтмане 1989: 78].

Исторический аспект топонимической лексикографии связан с изучением именований и переименований городских географических объектов. В связи с этим в качестве важного источника для составления топонимических словарей используются различные городские справочники и микрографические регистры, содержащие сведения о локализации и истории топонимов, времени их наименования, причинах переименования топонимов и произошедших изменениях.

Лингвисты используют широкий ряд исторических и современных источников, как отечественных, так и зарубежных, чтобы предоставить читателю достоверную информацию о названиях географических объектов, включая их историю, происхождение, значение и употребление. Учитывая тот факт, что происхождение и значение многих географических названий вызывает споры, топонимический словарь должен включать не только названия, но и учитывать различные мнения ученых, а также актуальную

информацию, появляющуюся в современных исследованиях. Например, В.А. Никонов в своем «Кратком топонимическом словаре» (1966) описывает реку Язу следующим образом: «Река в Московской обл. и Москве, левый приток р. Москва. Предложенные этимологии неудовлетворительны: из слав. уз в значении "связывающая", т. е. служащая водным путем (сюда же – Вязьма и мн. др.), или "узкая" (И.Е. Забелин. История г. Москвы, ч. 1. М., 1905, изд. 2, с. 10); возражая против этого, В.Ф. Миллер отстаивал происхождение из финских языков, привлекал несколько рек с назв. Язва (приток Вишеры, приток Обвы и др.), предполагая первоначальную форму Явза, но пытаясь вскрыть значение через *яг-ва* "сосновая река" в пермских языках ("Древности восточные", т. II, вып. 1. М., 1896, с. 107, 108). Искусственность этих построений не позволяет принять их даже в качестве рабочих гипотез. Д. Анучин указал на *juuse* "приток" в языке коми, но без убедительных доказательств. Оставлена без внимания возможность связи с другими гидронимами на *-за*» [Никонов 1966: 494]. Таким образом, топонимические исследования показывают, что в изучении имен собственных остается много дискуссионных вопросов.

Помимо основных географических названий, топонимические словари могут включать варианты названий, исторические названия, этимологию названий и производные названия (например, относительные прилагательные, именованья жителей).

Следует отметить, что топонимические словари по своей направленности и цели составления в значительной степени отличаются от географических словарей. Как отмечает В.А. Никонов, «топонимический словарь в отличие от географического занимается названиями, а не объектами, которые этими названиями обозначены. Кроме прямого указания, к какому географическому объекту относится название, географические и исторические сведения даны лишь в той мере, в какой они помогают понять историю названий этого объекта» [Никонов 1966: 3]. Таким образом, несмотря на то что топонимические словари могут

содержать некоторую географическую и историческую информацию, эта информация предназначена в первую очередь для выяснения происхождения и эволюции названия, а не для описания самого географического объекта. Словарные статьи призваны дать читателю точное и глубокое объяснение этимологии, семантики и орфографии географических названий. Наряду с этим В.А. Никонов подчеркивает уникальный историко-географический интерес топонимических словарей: «Этим топонимический словарь отличается от этимологического, его несравнимо больше интересует историко-географическая сторона» [Никонов 1966: 3].

В процессе составления топонимических словарей лингвисты занимаются не только описанием значений и особенностей употребления географических названий, но и пытаются установить, изучить и объяснить исторические и культурные факторы, повлиявшие на выбор того или иного названия. Этот вид научной деятельности включает в себя рассмотрение эволюции географических названий в разные эпохи, влияния различных языков на географические названия и роли географических названий в обществе. Используя такой подход, топонимические словари становятся не только инструментом для записи географических названий, но и важным ресурсом для понимания сложной взаимосвязи между географическими названиями и человеческой деятельностью.

Помимо «Краткого топонимического словаря» (1966) В.А. Никонова, необходимо упомянуть такие важные для топонимики издания, как «Географические названия мира» Е.М. Поспелова и «Географические названия» Е.А. Левашова.

При составлении словаря «Географические названия мира» (1998) Е.М. Поспелов собирает и анализирует современную отечественную и зарубежную литературу, включая исторические документы, географические исследования, используя методы лингвистического и культурологического анализа, чтобы обеспечить представление информации о географических

названиях в разных странах и языках, о происхождении, развитии и изменении каждого топонима, а также об исторических, культурных, социальных и политических факторах, которые привели к этим изменениям. Такой междисциплинарный подход к исследованию позволяет, на наш взгляд, считать «Географические названия мира» не только топонимическим словарем, но и энциклопедией истории и культуры.

Объектом изучения в словаре «Географические названия» (2000) Е.А. Левашова являются «географические имена (топонимы) как русские существительные, относящиеся к литературному языку; производные от них – прилагательные; производные от топонимов или от топонимических прилагательных – имена существительные-названия жителей» [Левашов 2000: 3]. Лингвистический характер данного словаря отражается в описании каждого географического названия, которая составляется в учетом присущих топониму грамматических особенностей, с использованием гнездовой структуры, что помогает автору словаря продемонстрировать эволюцию и деривацию лексики географических названий.

Особо следует упомянуть работу Н.В. Подольской, в равной степени важную как для ономастики в целом, так и для топонимики в частности. Речь идет о «Словаре русской ономастической терминологии» (1988), в котором автор приводит толкования терминов данного научного направления. Важной частью исследования является подробная классификация топонимов: исследователь выделяет 11 категорий топонимов. Приводим их ниже, в качестве примеров используя топонимы, встречающиеся в исследуемых нами статьях Н.М. Карамзина:

1) гидроним – «собственное имя любого водного объекта, природного или созданного человеком, в т. ч. океаноним, пелагоним, лимноним. потамоним, гелоним» [Подольская 1988: 21], например *Москва-рѣка*;

2) ойконим – «собственное имя любого поселения, в том числе городского типа – астионим (см.) и сельского типа – комоним» [Подольская 1988: 89], например *Москва, Коломна, (село) Марково, (деревня) Клинь*;

3) ороним – «собств. имя любого элемента рельефа земной поверхности (положительного и отрицательного), т. е. любого орографического объекта» [Подольская 1988: 99], например *(гора) Волкуша, Воробьевы горы*;

4) спелеоним – «подземный топоним; имя любого природного подземного образования в верхней толще земной коры, имеющее входное отверстие на поверхности земли, в т. ч. пещеры, подземной реки, ручья, водопада, озера, колодца» [Подольская 1988: 121], например *Мытищинские ключи*;

5) хороним – «собственное имя любой территории, области, района, в том числе х. административный, природный» [Подольская 1988: 145], например *Сокольники, Кремль, Труба*;

6) урбаноним – «собст. имя любого внутригородского топографического объекта, в т. ч. агороним, годоним, хороним городской, экклезионим, ойкодомоним» [Подольская 1988: 139], в том числе:

а) агороним (название городских площадей и рынков), например *Красная Площадь, Суконный рядъ*;

б) годоним (названия линейных объектов в городе), например *(улица) Рожественка, (улица) Тверская*;

в) городской хороним (собственное имя части территории города), например *Бѣлый городъ, Городская часть, Китай-городъ*;

г) экклезионим (собственные имена для обозначения места совершения обряда, поклонения религии), например *церковь Василия Блаженнаго, Симоновъ монастырь, Успенскій соборъ*;

д) ойкодомоним (имя собственное здания), например *Воспитательный домъ, Кремлевскій дворецъ, Менишкова башня*;

7) дромоним – «собственное имя любого пути сообщения: наземного, водного, подземного, воздушного» [Подольская 1988: 57], например *Владимирская дорога, Кусковская дорога*;

8) агрооним – «название земельного возделанного участка, пашни, поля» [Подольская 1988: 27], в изученных нами статьях Карамзин не упоминает собственных имен возделанных земель;

9) дримоним – «собственное имя любого лесного участка, леса, бора, рощи» [Подольская 1988: 57], например *Марьиная роща*;

10) инсулоним – «собственное имя любого острова» [Подольская 1988: 63], у Н.М. Карамзина не обнаруживается;

11) некроним – «собственное имя места погребения» [Подольская 1988: 86], например *Нѣмецкое кладбище*.

Заметим, что приведенная классификация не является единственно возможной. Так, в классификации, составленной Ю.П. Болотиной, типы городских географических названий выделяются не на основании того, какие объекты они называют, а в соответствии с тем, каковы лексические особенности этих слов (производность слова, его мотивированность и др.):

«1. Урбанонимы с редуцированным дотерминологическим значением:

а) городские объекты, в названиях которых отражены имена людей, святых, мифологических существ;

б) городские объекты, получившие название от объектов, расположенных на них или рядом;

в) городские объекты, в названиях которых проявляется географический принцип номинации;

2. Урбанонимы, обладающие выраженным дотерминологическим значением:

а) городские объекты, в названиях которых отражены их особенности и назначение;

б) городские объекты, в названиях которых заключена история возникновения и развития объекта;

в) городские объекты, в названиях которых заключены значимые для общества явления, категории, профессии;

г) городские объекты, в названии которых отражен материал, из которого они сделаны;

д) городские объекты, в названии которых отражена их форма, цвет или размер.

3. Городские объекты, названия которых имеют иностранное происхождение;

4. Урбанонимы-акронимы» [Болотина 2010: 14].

Как указывает автор данной классификации, она в значительной степени ориентирована на достижение практических целей, в частности при составлении путеводителей на иностранных языках, поскольку в тексте путеводителя урбанонимы не несут стилистической функции, а выполняют функцию идентификации городских объектов. Функционирование урбанонимов в англоязычном описании русского города определяется различными типами коммуникативных ситуаций. «Для коммуникативной ситуации „гид – турист“ характерны описательные тексты, для ситуации „турист – местный житель“ или „пиджин“ характерны тексты инструктивного характера, изобилующие заимствованиями» [Болотина 2010: 15].

Изучение исследований, посвященных описанию названий населенных пунктов и объектов, в них находящихся, на наш взгляд, показывает, что их авторы придерживаются одной из двух стратегий – комплексного или специализированного подхода к анализу материала.

В рамках *комплексного подхода* лингвисты изучают разнообразные объекты одного населенного пункта, которые называются при помощи имен собственных. Данный подход обнаруживается в работах Т.В. Шмелевой, одного из главных исследователей городской ономастики. Многие из трудов исследователя посвящены изучению ономастики Великого

Новгорода, в частности – происхождению названий различных городских объектов. Приведем несколько примеров.

Как пишет Т.В. Шмелева, в Великом Новгороде есть улица, которая называется именем Лёни Голикова. Название улицы связано с именем пионера-героя Лёни Голикова, который был партизаном в Великой Отечественной войне и погиб у деревни Острая Лука Псковской области. Помимо этого, в Великом Новгороде именем Лёни Голикова названы проезд и бульвар («по одноименной улице»), однако в настоящий момент «проезд растворился в современной архитектуре, а бульвар едва заметен среди гаражей». «Лёня Голиков в начале 1950-х годов был включён в обойму пионеров-героев, для чего его возраст уменьшили на два года. Всесоюзная известность пионеров-героев, активное обращение к их образам в воспитательной работе со школьниками способствовала тому, что именами пионеров-героев, и в том числе Лёни, стали называть улицы и школы, пионерские лагеря, дружины и отряды, даже корабли. Поэтому улицы Лёни Голикова есть в Петербурге, Пскове, Калининграде» [Шмелева 2020: 116]. Т.В. Шмелева указывает, что именно эта ситуация побудила новгородское правительство назвать «по одноименной улице» не только новгородские городские объекты, но и улицы в других населенных пунктах области.

Мосты являются одним из важнейших и интереснейших городских объектов Великого Новгорода, и самым значимым из них является Великий мост. Т.В. Шмелева пишет о нем следующее: «Деревянный Великий мост в XIX веке сменился металлическим на гранитных опорах, построенным по проекту известного инженера К. Рейхеля» [Шмелева 2020: 131]. Этот мост был взорван во время отступления немецкой армии в Великой Отечественной войне, «на месте древнего Великого моста в 1987 году воздвигнут изогнутый пешеходный мост, который новгородцы называют Горбатый» [Шмелева 2020: 132]. Из-за частого судоходства по реке Волхов данный мост не является разводным, в отличие от его предшественника – Великого моста. Таким образом, как мы видим, изучение номинации

городских объектов в работах Т.В. Шмелевой оказывается тесно связанным с изучением истории самих объектов.

В рамках *специализированного подхода* учёные рассматривают какой-либо один из типов городских объектов. Так, Г.Н. Старикова и Ханг Тхи Хонг Чанг в статье «Трофонимы (ресторонимы) как особый тип эргонимов (на материале имен заведений общественного питания Москвы)» обосновывают использование двух новых терминов: «трофоним» и его варианта «рестороним» – они обозначают имя собственное, относящееся к заведению общественного питания. Авторы устанавливают ряд характеристик, которые влияют на выбор названия заведения общественного питания: 1) тип кухни, 2) специализация меню, 3) здоровое питание, 4) уровень заведения и / или степень комфортности, 5) место размещения, 6) сопутствующие услуги, 7) особенности, стиль обслуживания, 8) адресная специализация, 9) преимущественный способ приготовления пищи, 10) система оплаты (ценовая политика) (см. [Старикова, Ханг Тхи Хонг Чанг 2017: 78–82]). Таким образом, авторы показывают, что именование заведения общественного питания зависит от целого ряда факторов. Помимо этого, по словам исследователей, изучение наименований заведений общественного питания показывает развитие мобильности населения в городе, изменение образа жизни обитателей и их представлений о питании.

В работах, посвященных номинации городских объектов, имена собственные исследуются в различных аспектах, при этом ученые устанавливают различные их функции.

Необходимо отметить, что номинация городских объектов тесным образом связана с формированием семиотического пространства и представляет собой особый социокультурный феномен. Городская топонимика часто обусловлена отношением населения к своему городу и различным его объектам. Городская топонимика, будучи научным направлением на стыке лингвистики и семиотики, не только фокусируется

на происхождении и эволюции географических названий, но и изучает их функции и значения в социокультурных контекстах. Городские географические названия рассматриваются как важная часть семиотического пространства и ключевой носитель социальной коллективной памяти. При глубоком анализе городских географических названий раскрывается история и культура города, а также идентичность его жителей.

Так, В.П. Нерознак в книге «Названия древнерусских городов» (1983) проводит систематическое исследование древнерусской топонимии. В книге представлено подробное исследование названий более 300 древнерусских городов, «каждое название города приводится в летописном контексте с сохранением вариантов летописных разночтений имени» [Нерознак 1983: 15]. Это подробное исследование не только подтверждает историческую ценность названий, но и помогает восстановить их первоначальные формы, что является важным вкладом в изучение древнерусской культуры и истории.

Е.М. Поспелов в книге «Имена городов. Вчера и сегодня. Топонимический словарь» (1993) исследует происхождение первоначальных географических названий, причины их изменения и исторический контекст, в котором эти изменения происходят. Это подчеркивает важность географических названий как исторических и культурных артефактов, которые не только помогают нам понять развитие прошлого, но и отражают существенные аспекты социально-экономического и природного окружения на момент их появления и впоследствии.

М.В. Горбаневский в исследовании «Русская городская топонимия» (1996) указывает, что «помимо топонимической этимологии <...> наиболее существенную роль играют <...> фоновые знания, фоновая информация» [Горбаневский 1996: 3]. Фоновые знания и фоновая информация, которые упоминает М.В. Горбаневский, включают общеизвестные и культурно-

исторические данные, которые помогают интерпретировать значение и происхождение топонимов. Эти знания могут варьироваться от общепринятых мнений и представлений до специфических исторических событий, которые повлияли на формирование и использование географических названий. М.В. Горбаневский выделяет две закономерности в номинации русских городов: 1) первая мотивационная модель – «онимизация (топонимизация) апеллятивов – происходит субстантивация, обусловленная функциональными требованиями и характерологическими чертами топонимических полей» [Горбаневский 1996: 19]; 2) вторая мотивационная модель – трансонимизация, определяемая как перенос имени одного объекта на другой объект.

Е.Ю. Булыгина и Т.А. Трипольская в книге «Язык городского пространства: словарь, карта, текст» (2015) пишут, что «русские города за последние сто лет не один раз меняли наименования многих городских пространств и объектов: улица Казанская → улица Плеханова → улица Казанская в Санкт-Петербурге; улица Тверская → улица М. Горького → улица Тверская в Москве; улица Кабинетная → улица Советская в Новосибирске (в настоящее время улица называется Советской, рядом с современным названием висит табличка "бывшая Кабинетная") и др.» [Булыгина, Трипольская 2015: 192]. Эти изменения связаны с социально-политическими и культурными изменениями того времени, когда происходит переименование объекта. Исследователи отмечают, что переименования чаще всего воспринимаются как явление негативное: «Переименования редко воспринимаются как естественный процесс: город привыкает к человеку, человек – к городу» [Булыгина, Трипольская 2015: 192].

Исторические изменения в принципах именования городских объектов могут по-разному протекать в разных городах. Например, как пишет О.Е. Фролова, «существенно различие между московской (как более архаичной) и петербургской (новой) системами номинаций городских

объектов: так, в Москве компонент сад входит в состав топонима Нескучный сад; что касается Петербурга, в разговорной речи садом жители города именуют то, что москвичи называют сквером» [Фролова 2017: 227].

Предметом исследования А.С. Гальцовой стали семантические составляющие значений топонимов Санкт-Петербурга. По мнению автора, «у топонимов выявляется наличие особой, этнокультурной коннотации (этноконнотации)» [Гальцова 2011: 9]. Названия городских объектов в Санкт-Петербурге часто связаны с использованием номинаций, имеющих отношение к советской эпохе. В качестве примеров можно привести следующие названия: *«Рабочая улица, шоссе Революции, улица Комсомола, Красногвардейская площадь, улица Красного Текстильщика, улица Красного Курсанта, Краснопутиловское шоссе, улица Красных Партизан»* [Гальцова 2011: 9].

Значительное количество топонимических исследований посвящено названиям объектов, находящихся в Москве.

Работы, в которых указывались московские топонимы, появились еще в XVIII веке, и в первую очередь речь идет о справочниках. Одним из первых и при этом наиболее полных справочников, включавших названия городских частей, площадей, улиц, переулков, «казенных мест», церквей и домов Москвы, стала книга В.Г. Рубана «Описание императорскаго, столичнаго города Москвы» (1782). Однако в полной мере топонимическими исследованиями подобные издания не являлись.

Одной из первых книг, которую можно назвать настоящим исследованием по топонимике Москвы, стал двухтомный труд И.М. Снегирева «Москва. Подробное историческое и археологическое описание города» (1865–1873). В нем автор описывает различные городские топонимы, называющие объекты, находящиеся в различных районах Москвы (например, в Кремле, Белом городе). Информация о них представлена в виде очерков, содержанием которых прежде всего является

изложение истории Москвы, но также рассказывается и об истории московских названий. В этой книге также делается обзор исторических изменений московской топонимии в XVII–XVIII вв.

Книга «Названия московских улиц и переулков с историческими объяснениями» (1878), составленная москвоведом А.А. Мартыновым, является первой исторической энциклопедией московских улиц. В ней систематизированы сведения о названиях существовавших в то время столичных улиц, переулков и площадей, даны подробные объяснения их географического положения и источников происхождения названий. Статьи, посвященные московским топонимам, содержат важную историческую информацию, такую как упоминание исторических событий, анекдоты о знаменитых людях, рассказы о достопримечательностях, а также об обычаях и нравах былых времен. В этой новаторской работе подчеркивается тесная связь географических названий с известными историческими событиями, личностями, особенностями жизни, местными характеристиками, народными обычаями и ритуалами.

Книга И.Е. Забелина «История города Москвы» (1905) является исчерпывающим историческим трудом, написанным по заказу Московской Думы, в котором представлена подробная история Москвы. Книга представляет собой не только историческое изложение политических, религиозных, экономических, социальных, торговых, промышленных, художественных и архитектурных аспектов истории Москвы, но и подробное описание города с исторической, археологической и статистической точек зрения.

В книге «Пути сообщения в г. Москве по ВЫСОЧАЙШЕ утвержденному плану регулирования» (1915) А.Н. Петунникова указаны названия московских улиц, переулков, тупиков, площадей, набережных, мостов и проездов, а также даны подробные пояснения к этим географическим названиям. Книга содержит не только этимологические и исторические сведения о названиях, но и данные о границах различных

районов Москвы, их площади, оценка земли, а также соответствующие примечания и дополнительные пояснения. Данный труд А.Н. Петунникова является важным пособием для изучения градостроительства и топонимики Москвы. Объяснения названий и связанные с ними исторические справки позволяют исследователям лучше понять особенности городской планировки, динамику социальных изменений и культурного развития Москвы.

История исследования московской топонимики в советские времена связана прежде всего с именем П.В. Сытина.

Одна из первых книг, посвященных Москве, была написана им совместно с П.Н. Миллером и называлась «Происхождение названий, улиц, переулков, площадей Москвы» (1938). В ней подробно рассматриваются исторические названия, связанные с Москвой и ее частями. Авторы впервые подробно описывают масштабные переименования улиц, произошедшие в Москве после революции 1917 г. В книге описываются различные районы города, площади, заставы и ворота, улицы, переулки и проезды. Кроме того, в книге рассматривается история наименования главных бульваров и скверов, парков, садов, рощ и лесов, а также вокзалов и портов. Для лингвистов, изучающих топонимику, книга полезна тем, что она содержит сведения о происхождении и развитии московских географических названий и является ценным источником для изучения закономерностей наименования, изменений и их связи с языком, культурой и историей. Интересно также само строение книги: она содержит разделы, каждый из которых посвящен определенной тематической группы топонимов (1. Исторические названия города и его частей. 2. Отдельные местности. 3. Ворота и заставы и т.д.), внутри же разделов топонимы перечисляются в алфавитном порядке.

В 1946 г. была издана книга П.В. Сытина «Прошлое Москвы в названиях улиц». В ней автор рассматривает не только историю и предания, связанные с названиями московских улиц, но и рассказывает о Москве

XVII–XX веков, а также о наименовании и изменениях в наименовании таких географических объектов, как административные районы, монастыри, храмы, площади, мосты, дворцы, рынки, улицы, вокзалы и театры и т.д. П.В. Сытин устанавливает связь между изменениями в топонимике Москвы и политическим, экономическим и промышленным развитием города, а также демографическими изменениями, выявляя тесную взаимосвязь между географическими названиями и социальной структурой города и историческим контекстом.

В одной из самых своих известных книг «Из истории московских улиц» (1948) П.В. Сытин обобщает богатейшую информацию об историческом облике Москвы на протяжении веков. Он подробно рассказывает о происхождении московских улиц, истории их названий и переименований, связанных с различными событиями московской жизни. Автор прослеживает историю вхождения в состав Москвы подмосковных населенных пунктов и незаселенных территорий. В исследовании П.В. Сытина обнаруживается также информация об особенностях московского уклада, нравах и обычаях москвичей. Автор фиксирует изменения в социальной структуре города и устанавливает связь между ними и тем, как эти изменения отражаются на изменении городских пространств и их названий.

«Откуда произошли названия улиц Москвы» (1959) – последняя работа П.В. Сытина о переименовании улиц в Москве, которая охватывает названия всех улиц, переулков и площадей Москвы до 1 июня 1958 года. В ней не только дается подробное объяснение происхождения существовавших в то время названий улиц, но и прослеживаются изменения, которые происходили с ними, в историческом аспекте.

После появления работ П.В. Сытина в течение нескольких десятилетий московская топонимика не привлекала внимание большого количества исследователей, однако положение дел изменилось в 70-ые гг. XX века и последующие десятилетия, когда появилось несколько

фундаментальных работ, посвященных данной теме.

В книге «Имена московских улиц» (1979), созданной под общей редакцией А.М. Пегова, авторы исследуют историю наименования московских улиц, площадей, переулков и набережных. В книге географические названия Москвы систематизированы и расположены в алфавитном порядке, при этом авторы ориентируются на современные названия с подробным указанием времени появления каждого топонима и указанием предшествующих названий, употреблявшихся в XIX и XX веках. В книге также дается точное описание и указание взаимного расположения отдельных географических точек в пространстве города.

Г.М. Смолицкая и М.В. Горбаневский в книге «Топонимия Москвы» (1982) представляют комплексный обзор географических названий как языковых явлений, исследуют уникальные внутригородские географические названия, происхождение и изменения названий улиц, площадей и переулков в Москве. На основе описания и интерпретации названий подмосковных регионов в контексте обширного фона топонимии Московского региона и России в целом устанавливаются принципы именования и морфологическая структура московских географических названий.

В книге «Указатель улиц г. Москвы 1917-1982 гг.» (в пяти томах) (1986) подробно описаны исторические изменения в названиях московских улиц. В книге не только перечислены сами названия, но и указаны даты, в которые они были названы или впервые упомянуты. Помимо этого, указывается принадлежность улиц тому или иному району, что важно для понимания развития градостроительства и планировки Москвы. С течением времени менялось и административное деление Москвы на части, районы, округа, и в книге подробно описана история этих изменений. Для тех улиц, которые претерпели изменение названия, в книге также указаны точные даты их переименований. Кроме того, указываются названия улиц, которые были упразднены или вышли из употребления не по причине

переименования, а из-за городской перепланировки и, как следствие, исчезновения этих улиц.

В книге М.И. Пыляева «Старая Москва» (1990) рассказывается о жизни старой Москвы – ее быте, нравах, обычаях, зрелищах и развлечениях в XVIII – начале XIX вв. В книге также показана история и социальные изменения старой Москвы на основе личных биографий известных деятелей.

Ю.К. Ефремов в книге «Московских улиц имена» (1997) описывает историю московских улиц и феномен переименования, обращая особое внимание на то, что изменение названий московских улиц тесно связано с политической, религиозной и экономической жизнью города. Автор подробно описывает названия улиц, исчезнувшие в советское время. Особое внимание обращено на исторические названия городских объектов, которые были возвращены в постсоветское время.

В книге «Названия московских улиц» (1997) Г.П. Смолицкая рассматривает происхождение названий московских улиц, проспектов, площадей, переулков, набережных, храмов и других важных достопримечательностей. Книга представляет собой не только справочник географических названий, но и монографию, посвященную истории и культуре Москвы. Через эволюцию названий московских улиц Г.П. Смолицкая раскрывает языковые особенности, быт жителей, их обычаи, социально-экономические отношения, а также их культурные и нравственные ценности в древней и средневековой Москве.

В исследовании «Москва. Энциклопедия» (1997) под ред. С.О. Шмидта представлена подробная информация о Москве и различных московских объектах, включающая описание географического положения, природных условий, экологических особенностей, истории появления названий. Особое внимание уделяется площадям, улицам, бульварам, переулкам, а также достопримечательностям, имеющим культурно-историческое значение для истории города. Сосредоточившись на

историко-культурных аспектах, связанных с городскими объектами, энциклопедия создает теоретическую базу для лингвистики географических названий.

«По землям московских сел и слобод» (в двух частях) (1998, 1999) С.К. Романюка представляет собой труд об истории, архитектуре и памятниках культуры территории между Садовым кольцом и Камер-Коллежским валом, где были расположены московские села и «слободы», а также большое количество сохранившихся и утраченных памятников, как известных, так и малоизвестных. Автор также описывает изменения в облике и современном состоянии территорий за Камер-коллежским валом и современной границей города.

Н.Ю. Забелин в диссертации «Московская городская топонимия» (2007) (одном из основных трудов, в котором история московских названий рассматривается в лингвистическом аспекте) описывает состояние исследований московской топонимии в XX–XXI вв. и на основе системно-типологического анализа предлагает следующие принципы классификации московских урбанонимов: 1) физико-географический – по различным физико-географическим параметрам, например по характеру почвы; 2) агнионимический – по названиям монастырей церквей и кладбищ; 3) по наименованиям выходных или выездных улиц, «в которых обозначены направления в сопредельные населённые пункты и другие топонимические названия»; 4) по занятиям, ремесленной и профессиональной ориентированности населения; 5) по слободам (по «местам компактного проживания иноземцев»); 6) антропонимический; 7) по связи улицы с абстрактным понятием (символический принцип); 8) по условной локализации, характеристикам и параметрам непосредственно данного линейного объекта; 9) по «функциональной загрузке урбанонима или расположенных на нем объектов»; 10) по другому (чаще всего близлежащему) линейному объекту (см. [Забелин 2007: 89–99]). Автор также устанавливает следующие основные типичные лексические модели

для московской топонимии: «1) адъективные однословные, представленные именем прилагательным в сочетании с номенклатурным термином; 2) субстантивные однословные, представленные именем существительным в сочетании с номенклатурным термином; 3) композитные, представляющие собой словосочетания двух или нескольких прилагательных или существительных в сочетании с номенклатурным термином» [Забелин 2007: 102].

Книга «Улицы Москвы. Старые и новые названия. Топонимический словарь-справочник» (2003) представляет собой словарь-справочник, призванный стать исчерпывающим источником сведений для географических, исторических и лингвистических исследований московской топонимики. В процессе составления справочника авторы максимально использовали существующие литературные, исторические и картографические источники для обеспечения точности и полноты информации. В этой книге рассказывается о происхождении названий московских улиц, площадей, вокзалов, станций метро и железнодорожной станции, административных единиц, холмов, рек, прудов и озер со времени их появления до наших дней. В книге также упоминается причина появления большого количества новых названий в Москве: в 1995 году был принят Закон «О территориальном делении города Москвы», в результате чего в городе появилось более 120 районов с собственными названиями. Помимо этого, причиной изменения московского топонимикона стало включение в состав территории города Москвы ряда поселений. Авторы подчеркивают, что «это принципиально новые названия, не идеологические штампы советского времени (*Октябрьский, Советский, Первомайский*) или культово-мемориальные этикетки (*Ворошиловский, Ждановский, Ленинский*), единые для всех городов страны, а специфические московские, присвоенные по историческим районам города (*Лефортово, Сокол, Хамовники*), по поглощенным Москвой селениям (*Марьино, Перово, Ясенево*), по известным объектам и магистралям (*Беговой, Ломоносовский,*

Южнопортовый)» [Улицы Москвы. Старые и новые названия 2003: 4].

В книге «История московских районов: энциклопедия» (2005), написанной под ред. К.А. Аверьянова, авторы уделяют особое внимание истории поселений, входивших в состав территории российской столицы на разных этапах ее истории. Цель книги – подробно описать села и деревни, существовавшие ранее на территории современной столицы, и соотнести эти исторические поселения с современным административным делением города.

Юе Цюй в работе «Теоретические основы построения топонимической базы данных с лингвокультурным компонентом» (2021) уделяет внимание роли городских топонимов в геокультурном пространстве и разрабатывает теоретико-методологические принципы создания педагогических топонимических баз данных на материале названий улиц Москвы с целью ознакомления носителей другого языка и другой культуры с комплексными топонимическими знаниями. Автором проведена классификация московских топонимических материалов по словообразовательно-коллокационным и семантико-мотивационным категориям, выделены основные словообразовательные закономерности и способы образования, сформулированы теоретико-методологические принципы описания лингвокультурной информации в омофоничных московских топонимах и включения их в топонимические базы данных. В работе разработаны два основных принципа выделения признаков при описании лингвокультурной информации в географических названиях, в том числе номинативный принцип и принцип классификации семантических полей.

Помимо вышеперечисленных источников, в которых реализуется комплексный подход в изучении топонимии Москвы, существуют также исследования, сосредоточенные на изучении отдельных типов московских объектов в рамках специализированного подхода.

Исследование «Реки, озёра и пруды Москвы» (2018) Ю.А. Насимовича

представляет собой исчерпывающий портрет гидрографии Москвы, охватывающий как многочисленные сохранившиеся, так и исчезнувшие реки, ручьи, озера и другие водные объекты.

Книга Б.Б. Вагнера и И.В. Клевковой «Реки Московского региона» (2003) содержит большое количество сведений о реках Москвы и ее окрестностей.

В книге «Как появились названия рек и озёр» (2012) Р.А. Агеевой подробно рассматривается происхождение названий таких известных водоемов, как Москва, Яуза, Нева, Кама, Ирмень, Байкал и др., лексические значения этих гидронимов, раскрываются исторические и культурные истории, стоящие за этими названиями. Издание имеет большое значение для проверки информации о родовых поселениях, этническом происхождении и определения этнического состава населения того или иного региона.

В книге «Мосты Новой Москвы: архитектура и конструкция» (1939) Б.П. Михайлов исследует архитектурные особенности и конструктивное своеобразие московских мостов. Начав с описания порта и истории мостов, автор подробно анализирует особенности строительства городских мостов и сравнивает московские мосты с мостами Европы и Америки. В книге выделены десять важнейших мостов Москвы. Б.П. Михайлов обращает внимание на связь между московскими портами, каналами и мостами, рассматривая конструкцию мостов, материалы для их строительства, функции транспортного сообщения, геометрическое положение мостов по отношению к окружающей архитектуре. В книге подробно рассказывается о том, как мосты были интегрированы в инфраструктуру города и как они влияли на транспортное развитие и архитектурный облик столицы.

Книга «Мосты Москвы» (1979) Б.М. Надежина подробно рассказывает об истории московских мостов и анализирует их роль в формировании художественного ландшафта столицы России. В книге не только показаны конструктивные особенности старых московских мостов,

но и рассмотрено, как эти мосты воздействовали на ландшафт окружающей застройки и как структура и стиль современных мостов были вдохновлены и подвержены влиянию исторических мостов.

А.Т. Саладин в книге «Очерки истории московских кладбищ» (1997) описывает 26 кладбищ, появившихся в Москве со второй половины XVIII века. Автор приводит описание каждого из них, упоминая известных людей, погребенных на этих кладбищах.

В книге «История московских кладбищ. Под покровом вечной тишины» (2015) Ю.В. Рябинин описывает кардинальные изменения, произошедшие на московских кладбищах с учетом истории Москвы за последние 100 лет. В частности, рассказывается о московских кладбищах, разрушенных в советский период.

Книга «Прогулки по Москве. Дворцы, усадьбы, парки» (2020) А.В. Жуковой не только представляет собой путеводитель, но и содержит подробную историю московских парков, усадеб и дворцов. В книге автор описывает развитие этих достопримечательностей и предания, связанные с ними, включая историю их создания, важные периоды в их истории и связь с российскими историческими деятелями. В книге также приводятся описания зданий, которые ранее существовали на месте этих достопримечательностей.

Помимо комплексных путеводителей, существует множество книг, посвященных отдельным паркам Москвы. Например, можно упомянуть книгу «Парк Сокольники: исторический очерк» (2016), написанную Д. Дроздовым, А. Лапшиным и А. Шабуровым, в которой прослеживается развитие парка «Сокольники» с XVIII века до 1990-х годов.

Книга «Прекрасное Царицыно. Путеводитель по архитектурным памятникам императорской усадьбы XVIII века» (2021) Т.О. Хворых не только описывает историю создания дворцового комплекса, но и показывает его связь с европейским Просвещением, исторической проблематикой и поисками художественного стиля, дает подробное описание и глубокий

анализ архитектурных остатков, дополняет информацию о создателях и исторических событиях, повлиявших на художественную жизнь XVIII века.

Книга С.К. Романюка «Переулки старой Москвы: история, памятники архитектуры, маршруты» (2013) представляет собой подробный путеводитель по историческим переулкам Москвы, которые окружают территорию старого города и ограничены Садовым кольцом. В книге описаны районы, сохранившие множество архитектурных и исторических памятников, выдающихся зданий и мест, связанных с великими деятелями русской истории.

Таким образом, как показывает наш обзор, топонимика как один из основных разделов ономастики является, с одной стороны, направлением, имеющим более чем двухсотлетнюю историю изучения пространственных объектов, а с другой стороны, активно развивается в последние десятилетия. При этом одним из объектов изучения топонимики являются названия населенных пунктов (в том числе городов) и тех объектов, которые образуют городские и пригородные пространства, как естественные по своему происхождению, так и возникшие в результате деятельности человека.

1.2.6 Направления изучения феномена «город» в лингвистических исследованиях. Выводы

Город как важная часть человеческой цивилизации является объектом изучения многих гуманитарных дисциплин, таких как философия, социология, психология и др. Разные дисциплины изучают феномен «город» с разных точек зрения, например, в философии «город» понимается как пространство для социальной интеграции и коммуникации, в социологии – как место концентрации промышленности и услуг. Лингвистика, как дисциплина, изучающая язык и его использование, предлагает свое понимание феномена «город» и намечает свои перспективы в его исследовании:

1. Лингво-исторический аспект изучения феномена «город» связан прежде всего с исследованием текстов, созданных в различные эпохи и отражающих особенности городского уклада как фактические, связанные с реалиями городской жизни в разные времена, так и чисто языковые.

2. Изучение лексико-семантического поля «город» подразумевает анализ лексем, называющих городские реалии, с целью установления связей между ними и описания их как элементов микросистемы, имеющей определенную структуру. В рамках данного подхода происходит типологизация объектов внеязыковой действительности, позволяющая определить те тематические разделы, которые являются основой систематизации «городских» лексем. По мере изменения деятельности жителей города и развития городской инфраструктуры лексико-семантическое поле «город» расширяется, а его состав меняется не только количественно, но и качественно: одни слова превращаются в историзмы или архаизмы, другие – неологизмы – появляются.

3. Лингвоконцептологический подход позволяет установить, что концепт «город» понимается и выражается по-разному в разных культурах, отражая духовные ценности и особенности каждой национальной культуры. Для изучения русской культуры концепт «город» особенно важен по той причине, что он отражает уникальные характеристики носителей русской ментальности. Лингвистическое исследование позволяет выявить когнитивную структуру и культурные коннотации городских концептов, а также то, как они отражаются и передаются в языковом употреблении. При этом исследователи устанавливают, что признаками уникальности обладают концепты, связанные и со вполне конкретными городами, имеющими значение для истории русской культуры (Москва, Санкт-Петербург и др.).

4. Изучение феномена «город» с точки зрения истории «городской речи» показывает, что язык городских жителей развивается параллельно с развитием общества. Появление новых явлений и социальных групп в процессе урбанизации стимулируют обновление и развитие «городских

языков». Так, доступность и популярность социальных сетей в среде горожан порождает в речи горожан новые формы передачи информации. Стилистическое разнообразие городского языка отражается в языковом обиходе разных социальных слоев.

5. Изучение феномена «город» как объекта ономастических исследований реализуется на протяжении нескольких столетий, а потому является детально разработанным как в теоретическом, так и в практическом плане. Помимо значительного количества фундаментальных исследований, посвященных теории номинации городов и различных городских объектов, в научном поле топонимики обнаруживается множество исследований различных жанров (в том числе справочников и словарей), содержащих как комплексные описания топонимов, называющих различные объекты, локализованные в каком-либо одном городе, так и специализированные исследования, посвященные одному типу объектов в данном городе (например, описание названий мостов в Москве). При этом работы лингвистов могут быть созданы как в рамках диахронического, так и в рамках синхронного подхода. Помимо этого, топонимический аспект изучения феномена «город» позволяет выявить тесную связь между городскими топонимами, историческими событиями и «коллективной памятью» жителей города. Таким образом, изучение городской топонимики не только помогает понять происхождение и трансформации топонимов, но и раскрывает глубокую связь между топонимами и мировосприятием городских жителей в разные эпохи.

1.3 Направления изучения описания в лингвистических исследованиях

Описание представляет собой один из трех традиционно (наряду с повествованием и рассуждением) выделяемых типов речи, в наиболее общем виде определяемый как такая ее разновидность, которая преследует целью назвать сенсорно воспринимаемые объекты и их признаки в конкретный момент времени. Создание устного или письменного речевого

произведения или его фрагмента, оцениваемого как описание, подразумевает использование определенного набора языковых средств, характеризующих данный тип речи и отличающий его от других типов речи как с точки зрения его состава, так и с точки зрения особенностей сочетания этих средств, как сегментных, так и суперсегментных.

Исследование описания отечественными лингвистами насчитывает уже почти три столетия. Зародившись в рамках риторики, данный тип речи постепенно стал объектом изучения различных научных направлений, что позволяет оценить его с различных точек зрения.

1.3.1 Описание как разновидность типа речи в исследованиях XVIII–XX вв.

Изучение типов речи, известных как повествование, описание и рассуждение, восходит еще к античным риторикам. «В истории развития риторики, поэтики, стилистики они имели разные названия: способы изложения, типы текста, словесно-стилевые единства, композиционно-речевые формы и др.» [Трошева 2003].

В русской науке XVIII–XIX вв. данная проблематика затрагивалась в учебниках по риторике (в грамматиках русского языка проблема типов речи не обсуждалась). Например, М.В. Ломоносов в «Кратком руководстве к красноречию» (1748) выделяет описание как особый «род слова»: «О расположении описаний. Сей род слова во всем красноречии имеет великую силу, занимает большую часть оного и не токмо в прозе и в стихах господствует, но и многие целые книги состоят из описаний и повествований. Таковы суть истории: Иродотова, Ливиева, Тацитова, Курциева и прочие» [Риторика М.В. Ломоносова 2017: 314]. Помимо этого, им перечисляются те средства речи, которые могут использоваться в описаниях: «Фигуры, которые в описаниях и повествованиях особливо красно употреблены бывают, суть: изречение, вопрошение, краткое обращение и заимословие, расположение, возвышение, а особливо присовокупление» [Риторика М.В. Ломоносова 2017: 228, 229]. Помимо

описания и повествования М.В. Ломоносов выделяет рассуждение: «Восклицание или изъявление сильной какойнибудь страсти, которую сочинитель не может в себе сокрыть. <...> Несравненно приятнее сия фигура, когда она полагается в конце какогонибудь повествования, или размышления, и содержит в себе относящееся к тому мнение» [Риторика М.В. Ломоносова 2017: 436]. При этом какого-либо специального раздела, посвященного типам речи, в риторических трудах М.В. Ломоносова не обнаруживается. То же касается и работ исследователей XIX века: в «Краткой риторике» (1828) А.Ф. Мерзлякова, «Правилах высшего красноречия» (1844) М.М. Сперанского и других работах этого периода разделы, посвященные повествованию, описанию и рассуждению, не обнаруживаются, а сами термины чаще используются не для обозначения типов речи, а в качестве синтаксических дериватов от соответствующих глаголов. Особняком стоит многократно переиздававшаяся в XIX веке работа Н.Ф. Кошанского «Общая реторика» (1829) – в ней имеется объемный раздел «Расположение», в котором подробно описываются правила композиции, связанные с написанием фрагментов, включающих повествование, описание и рассуждение, равно как и переходы от одного типа речи к другому. При этом, как и в других трудах, научные определения названных типов речи в книге Н.Ф. Кошанского отсутствуют (см. [Кошанский 2013: 68–97]).

Еще одной сферой, в которой в XIX – начале XX вв. затрагивалась проблема типов речи, была учебная литература, посвященная методам преподавания словесности в школе и, в частности, обучения написанию сочинений. Так, в известной работе Ф.И. Буслаева «О преподавании отечественного языка» (1867) один из разделов имеет название «Описания, повествования и рассуждения на выдуманные учителем темы» (см. [Буслаев 1867: 167–173]). В некоторых методических работах встречались определения данных терминов. Например, в книге М.А. Тюкалова «Ведение письменных работ в средней школе» (1915) указывалось: «Описания дают

изображения предмета в известный момент времени, а в повествовании рассказывается о явлениях природы и событиях в целый ряд моментов последовательного их развития» [Тюкалов 1915: 43].

В работах исследователей русского языка XX века проблема изучения повествования, описания и рассуждения как типов речи затрагивается прежде всего при рассмотрении особенностей языка художественной литературы. Наиболее значимыми в этой области являются труды академика В.В. Виноградова.

Во многих своих работах В.В. Виноградов ставит и решает задачу изучения личного стиля писателя как носителя языковых характеристик художественного жанра и как источника сведений о языковой истории русской литературы.

В «Этюдах о стиле Гоголя» (1926) В.В. Виноградов рассматривает роль, которую описание играет в «натуральной» новелле: «Центральное место новеллы – описания, но не психических обнаружений, а поз, движений, мимики героев, их портреты, воспроизведения обстановки, к которой „типы“ прикованы статикой повседневности» [Виноградов 1976: 326, 327]. Исследователь отмечает, что с середины 1830-х годов прямое описание контура внешнего вида стало считаться основой зарождающейся «натуралистической» поэтики. У Н.В. Гоголя портрет обычно занимает место характеристики (см. [Виноградов 1976: 327]).

Иногда портрет и характеристика встречаются в одном и том же фрагменте: «У Гоголя выделяются два типа комической портретной характеристики: атрибутивный и атрибутивно-предикативный. У них – много вариаций» [Виноградов 1976: 331]. Описание внешности у Н.В. Гоголя представлено также особым типом портрета, в котором внешность героя сопоставляется с видом какого-либо животного: «Рисовки внешности и действия и свойства персонажей определяются сравнениями „зверинными“ или метафорами зоологического порядка» [Виноградов 1976: 331]. Кроме портретов, описательные фрагменты содержат гоголевские

ремарки: в них регулярно описываются статичные позы героев. Как указывает В.В. Виноградов, в ряде случаев Н.В. Гоголь изображает героев на сцене, описывая их физиологические действия, такие как плевок, чихание и утирание носа. Комический эффект в поэтике Н.В. Гоголя заключается, в частности, в том, что повышение и понижение тона речи идеально соответствует комическим позам и движениям, «комические формулы для живописания поз и сами по себе могли быть достаточно острыми по своему низкому „чувственному тону“ и поэтому не всегда соединялись с звуковым аккомпанементом. В этих случаях особенно ощутимы заботы Гоголя о подборе резких, вульгарных символов для обозначения поз и движений или же, наоборот, – об эвфемистическом, иногда намеренно сдержанном, но полном намеков или преувеличенно-торжественном указании на комическое действие» [Виноградов 1976: 335, 336].

Как отмечает В.В. Виноградов, «натуралистическое» описание берет свое начало в «Мертвых душах», например в тех фрагментах, в которых изображаются такие природные явления, как дождь и изморозь. «Тематически – осень, дождь, грязь – чаще всего были центрами словесных сфер, среди которых кружится пейзажный стиль „натуральной“ новеллы. В этом подборе символов проявлялось сознательное „опрозаичиванье“ пейзажа как реакция на его романтические формы» [Виноградов 1976: 356].

В исследовании «О задачах стилистики. Наблюдения над стилем Жития протопопа Аввакума» (1922) В.В. Виноградов обращает внимание на живописность описания катастрофических природных явлений, вызывающих живой отклик рассказчика. Так, в «Житии» несколько раз встречается описание бурь, которые могли потопить корабль протопопа. Помимо этого, протопоп Аввакум упоминает дождь и снег, как пишет В.В. Виноградов, «в символах повседневных» [Виноградов 1980: 18]. Кроме того, в «Житии» встречаются и другие фрагменты, включающие описания, в том числе бытового характера (см. [Виноградов 1980: 18, 19]).

В исследовании «Стиль "Пиковой дамы"» (1934) В.В. Виноградов

обращает внимание на те описательные фрагменты, которые связаны с созданием хронотопа произведения А.С. Пушкина. В качестве примера исследователь приводит фрагмент, в котором описание становится отправной точкой для последующего повествования: «В связи с этим определяется новая эпоха в жизни бедной воспитанницы: счет времени ведется теперь от дня событий, рассказ о которых начался с описания уборной старой графини» [Виноградов 1980: 212].

В работе «Язык и стиль басен Крылова» (1945), анализируя особенности авторского стиля баснописцев XIX века, В.В. Виноградов отмечает, что именно в поэзии И.А. Крылова проявляется тонкое мастерство изображения объектов, обнаруживаемое в их описании. В качестве примера В.В. Виноградов подробно рассматривает басню «Осел и Соловей», включающую описательный фрагмент. И.А. Крылов стремится «дать образное описание музыки соловьиного голоса» [Виноградов 1990: 168]; он сочетает необычную чувствительность и индивидуальное своеобразие и переводит их в новые формы выражения, формируя свой собственный уникальный стиль.

Схожие суждения высказываются В.В. Виноградовым и в работе «Из наблюдений над языком и стилем И.И. Дмитриева» (1949). Исследователь отмечает, что «в языке Крылова стилистическая грань между описанием бури и изображением гибели дуба не обозначена так резко и прямолинейно. Превращение дуба в объект действия ветра ("и вырвал с корнем вон того, кто...") подчеркивает трагический конец величия дуба. Книжные патетические выражения последних двух стихов согласуются с живой фразеологией лирического стиля той эпохи ("небесам главой своей касался и в области теней пятою упирался")» [Виноградов 1990: 132]. «Стиль описания» басни А.П. Сумарокова «Дуб и трость», написанной на ту же тему, как указывает В.В. Виноградов, по сравнению с языком крыловской басни выглядит «отвлеченно-символическим, пространным и вместе с тем средним, свободным от груза просторечия, хотя и несколько архаическим»

[Виноградов 1990: 134]. В отличие от И.А. Крылова, И.И. Дмитриев в басне «Лев и Комар» «стремится к отбору слов и выражений, лишенных резкого бытового колорита и в силу этого носящих несколько изысканный, литературно-отвлеченный характер. Даже элементы разговорной фразеологии и разговорного синтаксиса в языке И.И. Дмитриева приобретают этот отпечаток литературной отвлеченности. Они подвергаются своеобразной эстетической нейтрализации» [Виноградов 1990: 144]. Таким образом, В.В. Виноградов устанавливает особенности, свойственные стилю художественной речи трех русских баснописцев XIX века, проявляющиеся в описательных фрагментах.

В книге «Стиль Пушкина» (1941) В.В. Виноградов отмечает, что в 1820-х годах Пушкин выступал против описательного, маньеристического стиля карамзинистов, «которые, "почитая за низость изъяснить просто вещи самые обыкновенные, думают оживить детскую прозу ветхими дополнениями и вялыми метафорами"» [Виноградов 1941: 19]. Он критикует карамзинский способ изображения вещей: необоснованная замена простых названий предметов на косвенные красочные описания, по мысли поэта, является избыточной и может привести только к удалению от целей описания вещей (см. [Виноградов 1941: 19]). В.В. Виноградов отмечает важную деталь в мире художественных ценностей А.С. Пушкина: «Мир предметов входит в структуру художественного слова не только как система "вещей" (качеств, действий и т. п.), но и как система логических и функциональных отношений между ними» [Виноградов 1941: 19]. Соответствие между вещами, образами и идеями, по А.С. Пушкину, должно проявляться в единстве композиции. При этом использование художественных приемов не должно приводить к разрыву «прямой связи словесной цепи с тем поэтическим предметом, который непосредственно стоит за словом» [Виноградов 1941: 19].

В.В. Виноградов определяет одну из особенностей описания и повествования, которая была свойственна пушкинской поэзии и

воспринималась как новаторская на фоне поэтических произведений, принадлежавших предшествующей традиции. Речь идет о перечислении объектов разного типа (предметов, действий), которые изображаются в том или ином фрагменте: «Пушкинский прием простого реалистического названия предметов, действий и протекающих картин, без всяких "поэтических" украшений, приводивший к энергичному и быстрому повествованию, мог восприниматься лишь как пародия на фоне господства тех изощренно-эмоциональных, богатых качественными оценками и определениями, симметрически построенных описаний и изображений, которые были характерны для романтических и риторических стилей первой трети XIX века» [Виноградов 1941: 110].

В.В. Виноградов указывает, что отношение к слову А.С. Пушкина помимо прочего подразумевало его, слова, прямую связь с тем предметом, которое оно называло: «Отношение к слову не лишало слова полноты вещественного значения, не отрывало слова от предмета» [Виноградов 1941: 116].

Особое внимание В.В. Виноградов обращает на лаконичность, свойственную стилю А.С. Пушкина в целом и его описаниям в частности. Исследователь обращает внимание на то, что она достигалась за счет более редкого, чем у других авторов, использования эпитетов и сложных синтаксических конструкций. Ведущую роль в пушкинских описаниях играют существительные и глаголы: «В этом усилении значения глаголов и имен существительных и в соответствующем сокращении количества определительных слов нельзя не видеть признака роста реалистических тенденций в пушкинском стиле» [Виноградов 1941: 295].

В.В. Виноградов отмечает, что темп повествования в произведениях А.С. Пушкина мог «регулироваться» включением в текст описательных фрагментов: «Прием описательного изображения событий и чувств замедляет темп повествования. Обилие описаний делает повествование несколько статичным и — вместе с тем — равномерно-напряженным,

лишенным острых экспрессивных акцентов и ослаблений. Сами эти описания могут быть и глагольными, то есть основанными на перечислении действий и переживаний, которые в этом случае сочетаются в одну картину, – и качественно-предметными, то есть опирающимися на формы обстоятельственного изображения, или чаще – комбинированными, смешанными» [Виноградов 1941: 295].

На взгляд В.В. Виноградова, одной из ярких особенностей стиля Пушкина являлся прием описания посредством формы присоединительного перечисления. «В стиле Пушкина конца десятих годов замечается <...> расширение перечислительной цепи, которая еще не размыкается приемами присоединения, но эмоционально нарастает, усиливается, особенно прицепкой последних звеньев (с союзом *и*)» [Виноградов 1941: 347]. Таким образом, в поэзии Пушкина бессоюзное перечисление сочетается с использованием союза *и* в последней строке для придания выразительного эмоционального присоединительного значения. В пушкинском стиле форма перечисления используется в различных функциях: «от неожиданного сближения разнородных предметов до очень тонких эмоционально-описательных объединений» [Виноградов 1941: 347]. Особое внимание исследователя привлекает тип перечисления, который В.В. Виноградов называет «хаотическим», оказывающийся в определенных фрагментах «мнимо хаотическим» (см. [Виноградов 1941: 349]): «„Беспорядочное“ движение перечисляемых предметов может символически изображать сущность воспроизводимой действительности, ее строй или ее течение» [Виноградов 1941: 350]. В качестве примеров фрагментов, в которых обнаруживается «хаотическое перечисление», В.В. Виноградов упоминает описание наводнения в «Медном всаднике», перечень домашних предметов при описании обоза и виды Москвы, мелькающие перед глазами путника, в «Евгении Онегине» (см. [Виноградов 1941: 350]).

Таким образом, хотя В.В. Виноградов не осуществил специального научного исследования *описания* как формы речи, во многих своих трудах

он оценивал роль описания у разных авторов разных эпох, устанавливая особенности этой формы речи, характеризующие стиль конкретного автора или целого литературного направления.

1.3.2 Изучение описания города в локальных текстах: «московский текст» и «петербургский текст»

Учитывая специфику нашего исследования, посвященного установлению лексических особенностей описаний Москвы и Подмосковья в статьях Н.М. Карамзина, нельзя не упомянуть научное направление, в рамках которого понятия «описание» и «Москва» неразрывно связаны друг с другом. При этом речь идет не о чисто лингвистическом, а о междисциплинарном научном направлении со значительной лингвистической составляющей, объединяющем достижения разных гуманитарных наук, объектом изучения которого являются локальные (или городские) тексты.

Локальные тексты находятся в центре внимания современных урбанистических исследований и оцениваются как важный источник знаний о городе как об особом феномене. Согласно В.Н. Топорову, локальный текст «может быть понят как гетерогенный текст, которому приписывается некий определенный смысл и на основании которого может быть реконструирована система знаков, реализуемая в тексте» [Топоров 1995b: 274, 275].

Следует заметить, что, говоря о локальных текстах, исследователи имеют в виду прежде всего тексты художественные (фикциональные). В связи с этим они выделяют несколько аспектов рассмотрения данного объекта. Так, Ж.А. Баянбаева указывает: «С одной стороны, внутри художественного целого он частично пересекается с такими литературоведческими понятиями, как "хронотоп", "топос", "локус", поэтому может быть измерен в пространственно-временных параметрах. С другой стороны, локальный текст — это всегда парадигма, т.е. целая вертикаль текстов, выстроенная вокруг определенной тематической оси:

города, местности, края и пр. Третий аспект рассмотрения – выход из фиктивного мира художественных произведений в реальный мир конкретного географического места» [Баянбаева 2016: 77].

Создание художественного локального текста связано с созданием виртуального мира, однако при этом оно отражает реальные ценностные и иные установки его жителей, особенности пространственных характеристик и связанных с ними обычаев повседневной жизни, а также факты коллективной «городской» памяти: «Используя его, мы более полно понимаем и пространственные практики жителей городов (повседневная жизнь, типы распределения власти, богатства, капитала, ресурсов), и собственно антропологические (одинокчество, присвоение жизненно необходимого пространства, практики передвижения по городу, взаимодействие на улицах и площадях, конструирование своего приватного пространства, создание основы для определенных форм социальной жизни, досуга, развлечения)» [Колодий, Баджио, Гончарова, Агранович, Иванова 2021: 29].

Необходимо заметить, что объем понятия «локальный текст» может варьироваться: одни исследователи считают, что речь идет о текстах, в которых описываются города, в то время как другие понимают этот термин шире. Например, Ж.А. Баянбаева указывает: «Локальный текст, согласно исследованиям, формируется как вокруг городов (московский, петербургский, таллиннский и т.д.), так и вокруг регионов (сибирский, крымский и пр.), уездных/провинциальных «городков», экстранациональных локусов (лондонский, флорентийский)» [Баянбаева 2016: 78].

Локальные тексты представляют значимый объект изучения в гуманитарных науках. В частности, крайне продуктивным оказывается изучение данного объекта в аспекте, связанном с реализацией концепта «свой» vs. «чужой»: каждый город воспринимается особым образом его жителями и путешественниками, при этом их впечатления могут не

совпадать. Тексты о современных городах передают читателю информацию о городских дорогах и площадях, зданиях, парках и садах, остановках автобусов и станциях метро, и способы передачи этой информации различаются в зависимости от того, кто является ее адресатом – житель города или его гость.

Изучение локальных текстов тесно связано с топонимикой: с одной стороны, топонимические данные позволяют получить дополнительную информацию, необходимую для создания локальных текстов, с другой – локальные тексты прошлых эпох сами являются источниками топонимических данных.

Важным аспектом исследования локальных текстов является их изучение как речевых произведений, отражающих индивидуализированное авторское восприятие объекта: каждый автор «видит» и «переживает» один и тот же город по-своему, и на особенности его восприятия и, как следствие, описания оказывают влияние место его жительства, социальный статус, личный опыт и т.п.

Изучение городов включает в себя целый ряд вопросов и требует интеграции знаний и навыков из различных дисциплинарных областей. Именно с этим связано появление дисциплины, называемой урбанистика, которая реализует междисциплинарный подход к изучению города.

Одно из направлений в изучении локальных текстов связано с анализом описаний «чужих» городов. Так, А.А. Заусаев анализирует изображение художественного пространства в «Письмах из-за границы» П.В. Анненкова на основе феноменологического подхода. Исследователь рассматривает этот литературный текст как результат переживаний П.В. Анненкова, его авторской рефлексии, а потому исследует особенности изображения географического пространства с феноменологической точки зрения. Когда речь идет об изображении города, самой важной особенностью этого литературного текста оказывается то, что он написан с точки зрения автора и что содержание текста состоит из авторского

восприятия, которые является исключительно субъективным (см. [Заусаев 2012]).

Наряду с изучением текстов о «чужих» городах ученых-гуманитариев интересуют тексты о городах «своих». Пионерами в этой области выступили исследователи семиотики в 60–70-ые гг. XX века: «В России урбанистические исследования в значительной степени обязаны трудам тартуско-московской семиотической школы и масштабному проекту питерских ученых „Метафизика Петербурга“» [Потанина, Гололобов 2012: 32]. В частности, важнейшую роль в исследовании локальных текстов сыграли работы В.Н. Топорова, посвященные «петербургскому тексту».

В.Н. Топоров в работе «Петербург и петербургский текст русской литературы» (1984), а также «Петербург и „Петербургский текст русской литературы“ (Введение в тему)» (1995) исследовал объект с философско-филологической точки зрения. Согласно В.Н. Топорову, петербургская мифология – это синтез различных культурных и философских пространств. Как писал исследователь, «петербургский текст, представляющий собой не просто усиливающее эффект зеркало города, но устройство, с помощью которого и совершается переход *a realibus ad realiora*, пресуществление материальной реальности в духовные ценности, отчетливо сохраняет в себе следы своего внетекстового субстрата и в свою очередь требует от своего потребителя умения восстанавливать („проверять“) связи с внеположенным тексту, внетекстовым для каждого узла Петербургского текста. Текст, следовательно, обучает читателя правилам выхода за свои собственные пределы, и этой связью с внетекстовым живет и сам Петербургский текст, и те, кому он открылся как реальность, не исчерпываемая вещно-объектным уровнем» [Топоров 1995b: 259].

В.Н. Топоров анализирует «петербургский текст» с точки зрения его генезиса и структуры. Исследователь считает, что у Санкт-Петербурга есть свой собственный язык, он слышен в его улицах, площадях, водах, островах, садах, зданиях, памятниках, людях, истории и идеях. Автор предложил в

качестве задачи поиск способов языкового кодирования основных составляющих петербургского текста, которые включают внутреннее состояние, общие операторы и показатели модальности, природу, культуру и др. (см. [Топоров 1995b: 313–315]).

Исследование «московского текста» начинается в науке позднее, чем исследование «петербургского текста». Неудивительно, что во многих работах производится сопоставление этих двух типов текстов.

К.А. Жулькова обращает внимание на то, что, в отличие от многих писателей-современников, Л.Н. Толстой проявлял «неравнодушный подход» к Москве и Санкт-Петербургу. Данный подход был отражен в его произведении «Война и мир», в котором он «противопоставил космополитизму Петербурга патриотизм Москвы, петербургскому индивидуализму – московскую соборность» [Жулькова 2019: 202].

Т.П. Попова сопоставляет описания Москвы и Санкт-Петербурга в мемуарах П.Д. Боборыкина «За полвека». Опираясь на научные разработки И. Фраймана, Т.П. Попова предлагает классифицировать мемуарные тексты, учитывая самоидентификацию автора. В результате исследователь выделяет два типа мемуарных текстов: объектно-ориентированный и субъектно-ориентированный – различие состоит в том, что в первых из них в центре повествования находится объект, а в текстах второго типа точкой отсчета является рассказчик. По свидетельству Т.П. Поповой, мемуары П.Д. Боборыкина «За полвека» относятся к объектно-ориентированным мемуарам. Автор подробно пишет о мире Москвы. В центре его внимания находится городская театральная жизнь, светские приемы, встречи в ресторанах, прогулки по улицам, наблюдения из повседневной жизни гимназистов. Упоминая реалии Санкт-Петербурга, П.Д. Боборыкин обращает внимание прежде всего на то, что этот город является столицей, что откладывает отпечаток на все его характеристики и делает столь не похожим на родную для автора Москву (см. [Попова 2020: 99–101])

Примечательно, что, как указывает Т.П. Попова, автор мемуаров не только сам сформирован воздействием городской среды, но и его деятельность является фактором ее формирования. Описание Москвы в книге «За полвека» тесно связано с профессиональной деятельностью П.Д. Боборыкина как драматурга. Его пьесы, практически забытые сегодня, пользовались успехом на рубеже XIX–XX вв., когда они ставились в Малом театре.

Т.П. Попова указывает, что мемуары «За полвека» нельзя назвать в полной мере «московским текстом», но можно говорить о «московских страницах» как части целого текста. Для автора мемуаров «За полвека» Москва является «городом личных воспоминаний». В петербургской части мемуаров «За полвека» Санкт-Петербург предстаёт как город, который не является для автора «своим», несмотря на то что он в нем жил и работал в определенный период своей жизни. В отличие от Москвы, Санкт-Петербург подробно описывается прежде всего как столица государства и «центр национального самосознания». Таким образом, исходя из различий в описаниях Москвы и Петербурга, как утверждает Т.П. Попова, существует возможность детализирования классификации И. Фраймана. В субъектно-ориентированных мемуарах «городские страницы» имеют более иллюстративный и описательный характер. В объектно-ориентированных мемуарах такая же функция может быть достигнута путем изображения деталей городских объектов, «физиологии анатомии и психосфере урбанистического пространства» (см. [Попова 2020: 101–103]).

Особое внимание исследователей привлекает «московский текст» XX века.

По мнению Н.Е. Меднис, «в начале XX века вполне определились три литературных лика Москвы: Москва сакральная, часто выступающая семиотическим заместителем Святой Руси; Москва бесовская; Москва праздничная» [Меднис 2003: 36].

На основании анализа произведений Ф.М. Достоевского,

М.А. Булгакова, С.А. Есенина исследователи С.А. Скуридина, Е.О. Кузьминых, М.В. Новикова приходят к выводу, что создание «московского текста» требует определенного исторического контекста, возможно, мифологического, либо субъективного отношения писателя к Москве. В произведениях данных авторов передается характерный образ Москвы, присущий разным временным периодам. Главным выводом, к которому приходят исследователи, является утверждение, что в «московских текстах», которые являются художественными произведениями, обнаруживаются «оригинальные хронотопические пространственные приметы, хронотопические образы, характеризующие Москву разных эпох» [Скуридина, Кузьминых, Новикова 2022: 65].

В работах М.В. Селемёновой рассматриваются характерные особенности «московских текстов», созданных писателями XX и XXI вв.

По утверждению исследователя, в художественных произведениях, созданных в первой половине XX века, «отчетливо прослеживается антитеза двух образов – Москвы православной и Москвы светской, антихристианской, а уже в этом, втором образе, можно выявлять как элементы празднества, так и элементы бесовства» [Селемёнова 2009: 21]. Воссоздавая повседневную жизнь Москвы, русские писатели поэтизировали ее, используя в ее описаниях различные цветовые образы, создавая тем самым особую романтическую и ностальгическую атмосферу. Помимо новых цветовых решений «в московских пейзажах Б.К. Зайцева, И.С. Шмелева, М.А. Осоргина на первый план выходят такие оценочные категории, как вкус и запах» [Селемёнова 2009: 22]. «Московские тексты» первой половины XX века (в первую очередь те произведения, которые были созданы писателями-эмигрантами) воплощают идею, согласно которой православная культура является основой архитектурных, ландшафтных и исторических образов Москвы, а также повседневной жизни москвичей. Самый важный образ города в литературе эмигрантов воплощает церковь. В частности, распространенной деталью описаний

Москвы в текстах, созданных разными писателями-эмигрантами, является упоминание колокольного звона, которым во время церковных праздников наполняется вся Москва. В то же время в «московских текстах» может отражаться и особый взгляд на Москву его автора. В качестве примеров М.В. Селеменова приводит произведения авторов, живших в Москве в послереволюционный период. Так, А.П. Платонов в описаниях города сосредоточивался на самой Москве, «в его прозе телесное бытие столицы и ее обитателей преобладает над духовным и даже отрицает последнее» [Селеменова 2009: 24]. В произведениях М.А. Булгакова уникальные характеристики московского пространства (переплетающиеся улицы, неприметные переулки и т.д.) являются основой романтического образа и загадочности города. Б.Л. Пастернак «создал такой вариант „московского текста“, в котором осуществлен синтез конкретно-исторического образа Москвы с мифологическими и сказочными образами» [Селеменова 2009: 25].

В статье «Образ Москвы в русской литературе начала XXI века» М.В. Селеменова рассматривает современные «московские тексты». Исследователь обнаруживает в прозе современных писателей «как следование традициям изображения Москвы как города-храма, города-женщины, города-государства, так и отказ от ряда традиционных элементов мифопоэтики в пользу новых художественных практик, в числе которых снижение статуса традиционных сакральных локусов „московского текста“, доминирование урбанистических образов, лишенных историко-культурной значимости, изображение Москвы как семиотически пустого пространства» [Селеменова 2015b: 93]. В статье «„Московский текст“ в творчестве Р. Сенчина» исследователь отмечает изменения в традиционном изображении Москвы, которое обычно обнаруживается в «московских текстах» XX века, в пользу нового образа города. Данные изменения связаны со становлением Москвы как офисного мира, появлением новых типов персонажей («В их числе столичные хипстеры и менеджеры среднего

звена, компьютерные гении и светские львицы, торговые агенты и безработные» [Селеменова 2015а: 132]) и конфликтов, базирующихся на возникновении новых типов социальных оппозиций («исторический центр/спальные районы, работающие/безработные, творческая интеллигенция/офисный планктон, москвичи/мигранты» [Селеменова 2015а: 132])).

Таким образом, локальные тексты являются объектами изучения в различных аспектах: исследователей интересуют особенности описания «своих» и «чужих» городов; описания, созданные в разные эпохи; описания, посвященные двум столицам России – Санкт-Петербургу и Москве.

1.3.3 Описание как функционально-смысловой тип речи

Теоретическое осмысление типов речи, традиционно именуемых как повествование, описание и рассуждение, во многом связано с научной деятельностью профессора О.А. Нечаевой в 70-ые гг. XX века. Идеи ее научной школы стали методологической основой для многих научных исследований в области лингвистики.

Термин «функционально-смысловые типы речи» (ФСТР) был введен О.А. Нечаевой в научный оборот в 1974 г. Согласно определению исследователя, «человеку свойственно в процессе мышления фиксировать объективно существующие связи между явлениями действительности и выражать их в языке на сверхфразовом уровне в виде особых функционально-смысловых типов речи. Этими типами речи являются описание, повествование и рассуждение» [Нечаева 1974: 4]. Исследователь обращает внимание на двуплановость понятия ФСТР: «Наше понимание типов речи, типологии речи связано с вопросом о том, что представляет собой речь, являясь реализующей системой языка, с точки зрения ее общесмыслового содержания и соответствующего языкового оформления, какие разновидности речи сформировались в языке для реализации того или иного обобщенного, типизированного значения на уровне монологического высказывания и в каких языковых формах эти значения выражаются»

[Нечаева 1974: 11].

О.А. Нечаева выделяет семантически завершенную языковую единицу более высокого уровня, чем предложение, отражающую сложившуюся форму человеческого мышления о речевой действительности человека. «В языке сложились определенные логико-смысловые и структурные типы монологического высказывания, которые используются как модели в процессе речевого общения. Такими типами высказывания, более широкими, чем предложение, но имеющими тоже стабильную структуру и оформляющими общесмысловое значение высказывания, являются построения в виде описания, повествования и рассуждения» [Нечаева 1975: 24]. Данная единица, обладающая признаками одного из ФСТР, соотносится с выделяемым исследователями русского синтаксиса сверхфразовым единством: «Типами монологического высказывания как потока речи со значением сообщения являются стабильные структуры сверхфразового уровня с функцией описания, повествования и рассуждения» [Нечаева 1974: 19].

Необходимо заметить, что трехчленная система ФСТР не является единственно возможной. В частности, в исследованиях русистов, разделяющих теоретические положения, разработанные О.А. Нечаевой, предлагается дополнить их введением дополнительных типов речи: «Г.Я. Солганик к упомянутым трем добавляет еще определение и объяснение, В.В. Одинцов добавляет к описанию, повествованию, рассуждению определение (объяснение), характеристику как разновидность описания и сообщение как вариант повествования, Т. Трошева выделяет такие типы речи, как описание, повествование, рассуждение, предписание, констатация» [Подосинникова 2009: 112, 113].

В соответствии с функционально-смысловым подходом О.А. Нечаевой, описание представляет собой «функционально-смысловой тип речи, являющийся ее типизированной разновидностью как образец, модель монологического сообщения в виде перечисления одновременных

или постоянных признаков предмета в широком понимании и имеющий для этого определенную смысловую структуру» [Нечаева 1974: 94].

Базируясь на достижениях теории ФСТР, исследователи отмечают характеристики описания, отличающие его от других типов речи.

С.А. Арефьева указывает, что типологическая структура описаний противоположна типологической структуре повествований, и дает следующее определение описания: «Описание – функционально-смысловой тип речи, по своей логической основе и грамматическим признакам противопоставленный повествованию» [Арефьева 1998: 68].

Текст-описание служит для того, чтобы подробно показать состояние действительности, перечислить одновременно существующие объекты и их характеристики (в связи с чем к описанию относятся портрет, картина природы, местность, интерьер, внешность). Л.П. Водясова пишет, что «в своём составе этот тип речи обычно содержит эмоциональный, эстетический и художественный элементы, определяемые не только предметом речи, жанром, функцией в тексте, но и творческой манерой автора и т. д.» [Водясова 2019: 419].

ФСТР определяется природой содержательной информации, выраженной в тексте. Виды содержательной информации традиционно включают фактологическую, концептуальную, гипотетическую, методическую, эстетическую и инструктивную. Включение в текст фактологической, концептуальной или гипотетической информации с преобладанием одного из этих типов приводит к созданию текстов констатирующего и аргументирующего типов. Н.С. Валгина указывает, что «тексты констатирующего типа раскрывают признаки, свойства, качества объектов, ход эксперимента, признаки в фазисных переходах (описание); отражают динамику событий, процессов (повествование). Тексты аргументирующего типа представляют информацию в виде определения или объяснения, доказательства, собственно рассуждения и умозаключения (рассуждение)» [Валгина 2003: 51].

В научной школе О.А. Нечаевой описание традиционно классифицируется как такой тип речи, который служит базой для ряда описательных жанров, к которым относятся «описание предмета и портрета, пейзаж, интерьер и характеристика» [Нечаева 1974: 94].

Говоря о трех типах ФСТР, О.А. Нечаева указывает, что они могут встречаться не только в чистом виде, но и образовывать определенные сочетания: «Функционально-смысловые типы речи (описание, повествование и рассуждение) нередко выступают в контаминированном виде. <...> Семантическая контаминация типов речи наблюдается в тех случаях, когда монологическое высказывание, построенное в одном типе, выражающее общесмысловое значение этого типа и несущее его функцию, содержит смысловые оттенки, свойственные другому типу речи» [Нечаева 1974: 195]. В частности, исследователь подробно описывает случаи, когда в одном фрагменте обнаруживаются признаки описания и повествования: «Контаминированная речь возникает при скрещении описания и повествования. В этом описательно-повествовательном типе монологического высказывания объектом мысли и речи является предмет в широком понятии, но описывается он с точки зрения развития, изменения признаков, т. е. в данном случае характер объекта речи и способ изложения мысли соответствуют и описанию и повествованию. Эта контаминированная в полном смысле слова речь используется в описании времен года, явлений природы, объектов, изменяющихся во времени (например, населенных пунктов), а также для характеристики людей, животных и т. д.» [Нечаева 1974: 197]. В частности, как отмечает Т.Б. Трошева, «для художественного текста характерна контаминация описания с повествованием. Элементы описательности присутствуют практически в любом повествовательном тексте» [Трошева 2003].

На базе теоретических положений, разработанных О.А. Нечаевой, Т.Е. Жерноклетова провела исследование контаминированных разновидностей ФСТР. Анализируя текст художественного произведения,

исследователь разделила контаминации ФСТР на два типа: «Два общих вида контаминации – консервативная контаминация и институтивная контаминация. Контаминацию описания и рассуждения, а также повествования и рассуждения мы считаем консервативной (от лат. „conservation“ – „сохранение“), так как ССЦ (*сложное синтаксическое целое* – Л.В.), на котором базируется тип речи, остается либо описанием, либо повествованием. Описательно-повествовательная речь являет собой другой вид контаминации, приводящий к образованию особого переходного явления типов речи. Данный вид контаминации мы именуем "институтивным" (от лат. „institutio“ – „формирование“)» [Жерноклетова 2014: 79]. Исследователь считает, что существует неразрывная связь между субъектом, воспринимающим действительность, и инверсивным построением контаминированного текста.

Л.Н. Омельченко рассматривает «проблему классификации функционально-смысловых типов монологической речи, разграничения их типичных и синкретичных разновидностей» [Омельченко 2013: 55]. Исследователем было определено, что для описательных текстов основным является признак временной локализованности. В связи с этим было выделено два типа текстов, в которых представлены следующие виды описания: 1) «визуальное описание, номинирующее локализованные во времени признаки объекта» и 2) описание-характеристика «как перечисление не локализованных во времени признаков» [Омельченко 2013: 56]. Автор отмечает, что описание-характеристика иногда рассматривается лингвистами как переходный тип монологической речи, сочетающий в себе структурные особенности повествования и рассуждения. Описание-характеристика отличается от повествования главным образом тем, что «в описании-характеристике говорящий стремится дать более или менее полное представление о предмете описания, называя ряд признаков; в повествовании сообщается о развивающейся ситуации; в характеристике обязательно выражается оценка предмета со стороны говорящего,

повествование не содержит такой оценки» [Омельченко 2013: 57]. Одним из принципов различения визуального описания и описания-характеристики выступает признак наблюдаемости (визуальное описание) / ненаблюдаемости (описание-характеристика) признаков описываемого объекта. В итоге исследователь приходит к следующим выводам: «визуальное описание является типичной разновидностью описания, поскольку реализует конститутивные признаки описательного типа речи», в то время как «характеристика квалифицируется как текст синкретичного вида, находящийся в зоне переходности между описанием, повествованием, рассуждением» [Омельченко 2013: 58].

Признак наблюдаемости / ненаблюдаемости оценивается как дифференцирующий в работах В.М. Хамагановой. По мнению исследователя, визуальное описание представляет собой «конкретные признаки объекта действительности, воспринимаемые в определенный момент времени, причем положение воспринимающего зафиксировано в определенной точке пространственно-временного континуума» [Хамаганова 2002: 8], «совпадение как результат временного и пространственного единства образует понятие „поле зрения“ наблюдателя (воспринимающего) – то понятие, которое необходимо для осознания онтологической сущности предметного ряда, непосредственно воспринимаемого человеком» [Хамаганова 2002: 19, 20]. Таким образом, визуальное описание основано на сенсорных перцептивных признаках, в то время как описание-характеристика фиксируют ненаблюдаемые и постоянные признаки описываемого объекта.

Значительную роль для понимания особенностей строения текста-описания играет оценка того, как реализуются в нем субъект речи и субъект восприятия. Так, Ю.Н. Варфоломеева указывает, что в субъектной перспективе художественного текста субъект речи («заместитель говорящего») может соотноситься с разными типами субъектов, и если речь идет о тексте, определяемом как реализующий визуальное описание, то

таким типом оказывается прежде всего субъект восприятия (см. [Варфоломеева 2017: 30]). В отличие от текстов, в которых представлено визуальное описание, «описание-характеристика предваряется введением субъекта-аналитика, передающего постоянные или обобщенные признаки объекта» [Варфоломеева 2019: 23].

Оценка описательного текста с точки зрения стилистической приводит исследователей к выводу, что «художественный и публицистический тексты располагают обеими разновидностями описания при том, что научные и официально-деловые тексты апеллируют к такому типу описания как описание-характеристика» [Варфоломеева 2019: 22]. Причина этого заключается в том, что научное восприятие действительности является объективным, систематичным и рациональным, а потому требует реализации в научном тексте изображения типичного представления о классе объектов, а не индивидуализированном объекте. «Однако в науке и официально-деловых материалах можно обнаружить и визуальные описания единичных предметов» [Варфоломеева 2019: 22].

При исследовании использования различных лексико-семантических групп (ЛСГ) глаголов в двух типах описательных текстов отмечается, что «в визуальном описании употребляются глаголы с пространственной семантикой, в описании-характеристике – глаголы с обобщенно-отвлеченными значениями» [Варфоломеева 2019: 23]. Глаголы, называющие признаки объектов в описании-характеристике, «можно назвать глаголами-характеристиками, так как они выражают без дополнительных лексических и грамматических средств отличительные свойства описываемого объекта» [Хамаганова 1996: 101]. Тем не менее, по наблюдениям исследователей, даже такие глаголы нуждаются в некотором контекстуальном средстве для передачи их абстрактного значения в описании-характеристике.

Помимо учета особенностей использования глагольных предикатов дифференцирующим основанием разграничения двух типов описания

может служить функционирование субстантивов. В визуальном описании «более продуктивно использование субстантивов с конкретным значением», в свою очередь, «описанию-характеристике свойственны субстантивы с абстрактной семантикой» [Варфоломеева 2017: 37, 38].

Тип описания (визуальное описание или описание-характеристика) определяется также различиями в функционировании прилагательных. В текстовых структурах визуального описания к основным средствам «можно отнести эмпирийные прилагательные, номинирующие свойства и качества, воспринимаемые органами чувств, атрибуты сенсорно-вкусовой оценки, а также относительные прилагательные, используемые в контексте качественных признаков» [Варфоломеева 2017: 37, 38]. В текстовых фрагментах описания-характеристики «могут использоваться оценочные прилагательные со значением ментально воспринимаемых признаков, а также относительные прилагательные с семантикой постоянных, неизменяемых свойств объекта» [Варфоломеева 2017: 38].

Помимо различий в лексическом составе, описательные тексты разного типа обнаруживают особенности, связанные с предпочтительным употреблением синтаксических конструкций, построенных по определенной модели. Так, Ю.Н. Варфоломеева указывает, что различное употребление неполных предложений может быть использовано для различения разновидностей описания: «Неполные предложения с незамещенной позицией подлежащего используются преимущественно в моносубъектных фрагментах (описание-характеристика), в то время как неполные предложения с незамещенной позицией сказуемого типичны для текстов визуальных описаний» [Варфоломеева 2019: 23].

Необходимо отметить, что описание включает перечисление признаков, которые устанавливаются при восприятии объекта, однако то, что функции описания различаются в разных социокультурных и научных областях, оказывает влияние на отбор этих признаков при упоминании их в тексте. Иначе говоря, сам выбор перечисляемых признаков определяется

теми задачами, которые ставит перед собой автор, создавая текст, принадлежащий определенному стилю и жанру. Например, в научном стиле описание предмета должно быть как можно более полным, в то время как в художественном стиле подчеркиваются наиболее яркие детали. Исследователи указывают, что в научных текстах, в которых излагается новое знание, полученное эмпирическим путем, описание является основной разновидностью реализуемых в них ФСТР. Существенно при этом, что научных текстах могут реализовывать разные типы описания: «Динамическое описание широко представлено и в научных текстах (наряду с описанием статическим и рассуждением), где используется для подробного, точного изображения действий, совершаемых в ходе проведения опыта, эксперимента» [Трошева 2003]. Цель автора научного текста в этом случае – описать различные этапы процесса получения научного знания экспериментальным путем, но обычно без привязки к конкретному времени.

В каком-то смысле, это требование предъявляется и описательным фрагментам в публицистических текстах: «Специфика описания в репортаже и в публицистике вообще в его документальности, достоверности, подлинности» [Солганик 2001: 141]. Однако описание в текстах публицистического стиля допускает также и использование экспрессивных компонентов, если жанровая принадлежность данного текста подразумевает реализацию оценочной функции (см. [Солганик 2001: 140]).

В художественных произведениях описания воплощают те особенности создаваемого образа, которые связаны с его сенсорным восприятием. В условиях художественного изложения «описание выполняет функцию эгоцентрического средства: средства идентификации и референции» [Хамаганова 2012: 133]. Идентифицирующая функция текстов жанра «описание» реализуется в том, что языковые средства сначала выражают физические, воспринимаемые характеристики реальных

объектов, на которые направлено внимание говорящего. Функция идентификации свойственна двум экстенциональным разновидностям описания: описание-портрет и описание предмета. Реферативная функция характерна для использования жанрово-расширяющей разновидности описания: описание-интерьер и описание-пейзаж, которые, по словам В.М. Хамагановой, могут быть также определены как «дейктическое средство», поскольку в них определяются место и момент времени описываемого события через его отношение к речевому акту (см. [Хамаганова 2012: 132–135]).

1.3.4 Описание как разновидность типа речи в работах научной школы Г.А. Золотовой

Существенный вклад в теоретическое осмысление проблемы типов речи вообще и описания в частности был внесен исследователями, принадлежащими научному направлению «коммуникативная грамматика», основателем которого является профессор Г.А. Золотова.

Идея Г.А. Золотовой о существовании различных моделей речевой деятельности, связанных с типами передаваемой информации, была представлена в ее работах уже 60-х гг. XX века и нашла наиболее полное выражение в «Коммуникативной грамматике русского языка» (1998), написанной совместно с Н.К. Онипенко и М.Ю. Сидоровой. Согласно теории коммуникативной грамматики, различные модели речевой деятельности реализуются в коммуникативных регистрах речи. Н.К. Онипенко определяет коммуникативный регистр как «интерпретацию отношения высказывания к действительности» [Онипенко 2001: 108]. По словам Ю.В. Роговневой, «коммуникативный регистр – это не просто набор языковых средств, выбираемых говорящим, а именно способ видения действительности, существующий в его сознании, <...> как способ текстового моделирования действительности и систематизации языковых средств» [Роговнева 2016: 44]. Выделяется пять коммуникативных регистров: репродуктивный, информативный, генеритивный, волюнтивный

и реактивный.

Г.А. Золотова определяет два принципа разделения типов речи, основанных на восприятии мира и восприятии действительности говорящим: вертикальные и горизонтальные координаты типов высказывания. «По вертикали семантические типы предикатов – и соответственно моделей предложения – распределяются между зонами динамики повествования (модели со значением действия, акциональные, а также со значением динамического состояния, процесса) и статики описания (модели со значением качества, свойства, количества, квалификации, отношения, состояния вне динамики). Горизонтальная координата представит три уровня абстракции в виде трех коммуникативных типов речи, или речевых регистров: репродуктивного, информативного и генеритивного» [Золотова, Онипенко, Сидорова 2004: 29].

Использование репродуктивного регистра связано с вербальным воспроизведением говорящим происходящего в определенной последовательности времен, действий и состояний, которые непосредственно воспринимаются и визуально наблюдаются говорящим (см. [Золотова, Онипенко, Сидорова 2004: 29]). Представленные средствами информативного регистра факты и события получены путем многократного наблюдения, экспериментов, логических рассуждений и мыслительных операций (см. [Золотова, Онипенко, Сидорова 2004: 29]). «В генеритивном регистре говорящий обобщает информацию, соотнося ее с универсальным опытом, охватывающим обозримую человеческим знанием протяженность линии T1, и поднимаясь на высшую ступень абстракции от событийного времени и места» [Золотова, Онипенко, Сидорова 2004: 30]. В этом типе вербальной коммуникации ослабляется вертикальная оппозиция между динамической и статической моделями – повествованием и описанием, усиливается абстрагирование конкретного времени.

Таким образом, понятия повествование и описание в рамках

коммуникативной грамматики не тождественны общепринятому пониманию этих терминов: «Традиционная триада *повествование – описание – рассуждение* не совпадает с регистровым делением, так как выстраивается на иных основаниях. Как в репродуктивном, так и в информативном регистре мы можем встретить, например, описание, но оно будет принципиально различным с точки зрения категориального характера явлений, отображаемых в контексте восприятия или знания» [Уржа 2014: 56]. В то же время нельзя не обратить внимание на то, что выделение в рамках теории ФСТР двух типов описания – визуального описания и описания-характеристики – позволяет соотнести их с репродуктивно-описательным и репродуктивно-информативным регистрами: выделение бинарной оппозиции в рамках обоих научных направлений мотивировано одними и теми же параметрами – члены оппозиций имеют общий признак статичности изображаемого (в отличие от повествования) и противопоставляются по признакам сенсорная наблюдаемость и однократность vs. умозрительность и отвлеченность от конкретного времени.

Динамическое и статическое значение предикатов в предложении определяет различные коммуникативные типы текста. В зависимости от намерений говорящего, признаки конкретности vs. абстрагированности от конкретного и признаки референтности vs. нереферентности связывают предложение с той или иной мыслительной деятельностью, предопределяя модель для тех или иных ситуаций речевого общения. Признаки внутренней vs. внешней точки зрения в структуре сообщения выявляют позицию говорящего (см. [Золотова, Онипенко, Сидорова 2004: 206]). «Признаки акциональности/неакциональности, динамики/статики предикативного значения предопределяют участие предложений в повествовательных/описательных текстах» [Золотова, Онипенко, Сидорова 2004: 206].

Согласно точке зрения Н.К. Онипенко, в лингвистике существует

множество терминов для определения объекта, которые в рамках данной научной дисциплины в одних случаях могут быть синонимами, а в других случаях могут противопоставляться и различаться. В связи с этим исследователь предлагает допустить возможность оценки обычно противопоставляемых повествования и описания в ином аспекте: «Повествование и описание являются гомогенными (повествование – последовательность высказываний, отражающая последовательность событий; описание – последовательность высказываний, отражающая последовательность восприятий), рассуждение предполагает определенную структуру, поскольку цель рассуждения – прийти к определенному выводу в результате рассуждения. Тем самым описательные и повествовательные тексты рассматриваются на одних основаниях, а рассуждения – на других» [Онипенко 2012а: 384].

Одним из объектов исследований Н.К. Онипенко является коммуникативная и грамматическая организация описательных текстов, написанных школьниками. Исследователь отмечает, что, несмотря на то что дети описывали то, что они наблюдали непосредственно, при этом «они использовали средства информативно-описательного регистра речи: бытийные предложения, узуально-локализованные предикаты и предложения с модальным значением» [Онипенко 2012b]. В частности, дети создавали описания своей классной комнаты «со стороны», опираясь на законы информативно-описательного регистра, который обычно требует использования ряда конструкций, в частности ЕСТЬ-предложения и предложения с перцептивными глаголами. Инструменты репродуктивно-описательного регистра использовались гораздо реже и в основном для указания близости к описываемому объекту. «Маркерами репродуктивного регистра, и соответственно позиции наблюдателя, становятся указательная частица *вот*, пространственные эгоцентрические слова *справа, слева, сзади*, а также синтаксема Перед+Твор» [Онипенко 2012b]. Кроме того, маркерами текста, написанного в репродуктивном регистре, являются перцептивные

глаголы. Таким образом, специфику подобных текстов составило чередование репродуктивно-описательных и информативно-описательных фрагментов, но во всех своих частях данные тексты сохраняют определенный тип наблюдателя – это внешний наблюдатель, который воспринимает и описывает объект «с внешней точки зрения».

Объектом рассмотрения в диссертационном исследовании М.Ю. Сидоровой являются различные типы пейзажных текстов: «описание картины; отрывок из путеводителя по Москве; драматическая ремарка; художественная проза» [Сидорова 2000: 109]. Исследователь сопоставляет эти описания и устанавливает сходства и различия между ними, учитывая при этом, что все они представляют собой тексты, написанные в репродуктивно-описательном регистре. Как указывает М.Ю. Сидорова, при описании картины наблюдатель находится вне пейзажа и совпадает с субъектом речи, а субъекты, изображаемые на картине, наоборот, не соотносятся с субъектом восприятия, но при этом являются «точками отсчета» в описании того, что изображено на картине (см. [Сидорова 2000: 112]). Как показало исследование М.Ю. Сидоровой, текст путеводителя имеет двойную функцию. При выполнении первой функции – путеводитель как текст, используемый для правильного перемещения в пространстве, – написанное четко соотносится с местностью, используются дейктические указатели, чтобы обеспечить план движения по этой местности, при этом используются формы настоящего времени глаголов, «которые можно назвать перфективами настоящего времени» [Сидорова 2000: 113]. При выполнении второй функции – путеводитель как научная книга – необходимо насытить текст предикативными единицами информативного регистра и описать наблюдаемое здание и его части как составное целое, используя при этом связанные с ним предикаты (см. [Сидорова 2000: 114]). Исследование одной из разновидностей ремарки – «пейзажной ремарки» – на материале произведений А.П. Чехова показало, с одной стороны, в чеховских ремарках обнаруживаются «канонические характеристики

ремарки – номинативные локативные и темпоральные предложения, отсутствие динамики в природе, внешняя точка зрения при взгляде на персонажей, занявших диспозицию, "вписанных" в пейзаж» [Сидорова 2000: 116], а с другой – имеются средства, «канон отменяющие, повышающие фикциональность текста и в то же время разрушающие сценическую условность» [Сидорова 2000: 115]. Помимо этого, М.Ю. Сидорова отмечает, что описание пространства и связь событий в прозаическом повествовательном тексте зависят от мотива введения пейзажа в текст. «Приоритет репродуктивного регистра является одним из лингвистических критериев литературности для прозаического сюжетного текста, еще не отмеченных исследователями. Именно репродуктивный регистр, моделирующий сенсорно познаваемые события в конкретном хронотопе, – основа создания фикционального мира, его пространственно-временных координат, его "человеческого измерения"» [Сидорова 2000: 119].

Важным для целей нашего исследования является наблюдение М.Ю. Сидоровой относительно того, что «если в репродуктивно-повествовательных фикциональных текстах главным организующим фактором является событийная цепь, то в описательных роль объединяющего и движущего текст начала играет позиция наблюдателя: перцептивный канал восприятия, внешняя или внутренняя, фиксированная или подвижная точка зрения, континуальность или порционность восприятия, смена планов – крупного, панорамного и т.д.» [Сидорова 2000: 109].

Материалом диссертационного исследования Ю.В. Роговневой являются нефикциональные репродуктивно-описательные тексты. Опираясь на работы М.Ю. Сидоровой и И.М. Кобозевой, исследователь классифицирует основные языковые средства репродуктивного текста как относящиеся к одной из трех групп: 1) «Высокий уровень детализации: описываемый субъект "делится на части" и с разной степенью подробности описывается каждая часть <...> Так, при описании человека говорящий

описывает форму лица, одежду, позу»; 2) Актуальное время предиката с семантикой сенсорно воспринимаемого качества, состояния, количества и т.д. (репродуктивно-описательная разновидность регистра) <...> или сенсорно воспринимаемого действия (репродуктивно-повествовательная разновидность регистра)»; 3) «Сенсорный способ восприятия действительности: говорящий воспринимает действительность с помощью органов чувств и изображает то, что он видит, чувствует или слышит» [Роговнева 2016: 46].

Согласно точке зрения Ю.В. Роговневой, все тексты делятся на два типа в зависимости от того, как в них отображается действительность: «1. Тексты, в которых говорящий моделирует действительность; 2. Тексты, в которых говорящий воспроизводит ту действительность, которая окружает его в данный момент или дана ему в ментальных образах воспоминаний» [Роговнева 2016: 62], т.е. художественные (фикциональные) тексты и нехудожественные (нефикциональные). Нефикциональные репродуктивно-описательные тексты, которые и являются материалом исследования Ю.В. Роговневой, представляют собой речевые произведения, «не моделирующие реальность, а непосредственно ее воспроизводящие. Говорящий в них не создает искусственную действительность, а с помощью средств языка обозначает предметы и явления, которые уже есть в действительности, окружающей его, то есть в реальном мире» [Роговнева 2016: 66, 67]. Подобные тексты не предполагают использования средств выразительности, поскольку речь идет о передаче объективной информации, в идеале не подразумевающей оценок субъекта речи (см. [Роговнева 2016: 67–69]).

Используя в качестве материала исследования тексты, созданные в ходе учебных бесед, Ю.В. Роговнева определяет несколько параметров, влияющих на их особенности. В частности, исследователь классифицирует описанные объекты в соответствии с типами денотативных ситуаций («1. Описание человека; 2. Описание места; 3. Описание предмета» [Роговнева

2016: 81]) и коммуникативных ситуаций, в которых находятся говорящие (1. «Непосредственное, прямое описание»; 2. «Описание по памяти»; 3. «Описание знакомого говорящему объекта»; 4. «Описание незнакомого говорящему объекта»; см. [Роговнева 2016: 81, 82]). В итоге исследователю удалось установить закономерности использования языковых средств, определяемые этими параметрами (см. [Роговнева 2016: 169–172]).

1.3.5 Направления изучения описания в лингвистических исследованиях. Выводы

1. История изучения описания как одного из трех типов речи начинается в российской лингвистике в XVIII веке и продолжается до наших дней. До 60-70-ых гг. XX века работы, посвященные описанию, не имели систематического характера. Характеристики, свойственные данному типу речи как объекту лингвистического исследования, устанавливались в связи с целями, во-первых, учебными и, во-вторых, связанными с определением стилистических особенностей произведений отдельных авторов. В последнем случае особый вклад в изучение описания внесли работы В.В. Виноградова. Его исследования посвящены комплексному изучению художественных и обладающих признаками художественности текстов, в частности тому, какую роль играют в них описательные фрагменты, какие признаки свойственны описательным фрагментам у авторов, принадлежащих разным литературным направлениям, а также какие средства использовались при описании разных объектов в разные литературные эпохи. Необходимо заметить, что особенностью научного метода В.В. Виноградова является то, что он исследует особенности описания в литературных произведениях русских писателей, сочетая литературный анализ с достижениями лингвистики.

2. Во многом традиции «виноградовского» исследования описания сохраняются и развиваются в работах исследователей, занимающихся семиотикой. В частности, одним из объектов изучения для них являются локальные (городские) тексты. Локальные тексты рассматриваются как

важный источник знаний о городе, содержащий информацию о культурных, исторических и фольклорных его характеристиках. Описание города как центральный компонент «локальных текстов» отражает не только отношение, актуальное представление и воспоминания жителей о городе, но и его символику и повседневные жизненные практики. Изучение локальных текстов позволяет выявить многомерность города как культурно-исторического носителя. Среди локальных текстов выделяются, в частности, фикциональные и нефикциональные «петербургские тексты» и «московские тексты». В посвященных их изучению исследованиях устанавливаются характеристики, в том числе и языковые, которые свойственны описаниям этих двух городов.

3. Собственно лингвистическое теоретическое осмысление и практическое исследование описания и других типов речи связано с систематическим изучением функционально-семантических типов речи в научной школе О.А. Нечаевой и коммуникативных регистров в научной школе Г.А. Золотовой.

4. В работах О.А. Нечаевой и ее последователей представлено всестороннее исследование описания как одного из функционально-семантических типов речи. Согласно теории ФСТР, структурные особенности описательных фрагментов обусловлены типом информации, ими передаваемой. При этом использование описания связано не только с непосредственным отображением объектов действительности, но и представляет собой культурно-когнитивный конструкт. Функция описания не ограничивается перечислением признаков, а заключается в передаче сущности и смысла объекта через эти признаки. Типологическая структура описания, в отличие от повествования, подчеркивает статичные и постоянные характеристики объекта, а не динамичный процесс их развития. Классификация описательных текстов отражает различные перспективы наблюдения. Визуальное описание фокусируется на восприятии, относящемся к конкретному моменту, в то время как описание-

характеристика подчеркивает общие и постоянные свойства объектов. Единицей описания служат синтагмы уровня сложного синтаксического целого, при этом они могут реализовывать описание в чистом виде или представлять контаминации описания и других ФСТР.

5. В работах Г.А. Золотовой и ее учеников разрабатывается теория коммуникативных регистров. Два из них – репродуктивный и информативный – имеют разновидности, называемые репродуктивно-описательным и информативно-описательным регистрами. Понятие «описание» в работах исследователей, разрабатывающих теорию коммуникативных регистров, не тождественно принятому в теории ФСТР, но имеет с ним много общего. Прежде всего, речь идет о том, что, с точки зрения теории коммуникативных регистров, описательный фрагмент представляет собой изображение статичного объекта, которому свойственны или сенсорная наблюдаемость и однократность проявления наблюдаемых признаков (в репродуктивном регистре), или умозрительность и отвлеченность от конкретного времени (в информативном регистре). Данной оппозиции в теории ФСТР соответствует противопоставление описаний двух типов – визуального описания и описания-характеристики. Крайне важно, что в работах исследователей коммуникативных регистров исследуются жанровые разновидности фикциональных и нефикциональных текстов и, соответственно, отмечаются их дифференциальные признаки, в том числе связанные с использованием лексики определенного типа.

Глава 2. Номинации городских и пригородных объектов Москвы и Подмосковья в статьях Н.М. Карамзина 1802–1803 гг. и особенности их описания

2.1 Описания Москвы и Подмосковья в произведениях Н.М. Карамзина

Среди многочисленных текстов Н.М. Карамзина, пожалуй, вряд ли можно найти такой, который в полной мере можно было бы определить как локальный текст. Однако во многих текстах Н.М. Карамзина обнаруживаются «московские страницы»¹, содержащие описания Москвы и ее окрестностей².

Описание Москвы и Подмосковья обнаруживаются в карамзинских текстах различной жанровой принадлежности, в том числе написанных до статей 1802–1803 гг.

В «Письмах русского путешественника» (1791–1792) Москва упоминается как объект сравнения при описании других городов – Кенигсберга и Лондона: «Я видел довольно хороших домов, но не видал таких огромных, как в Москве или в Петербурге, хотя вообще Кенигсберг выстроен едва ли не лучше Москвы» [Карамзин 1984: 19]; «Кто скажет вам: *шумный Лондон* тот, будьте уверены, никогда не видал его. *Многочуден*, правда; но тих удивительным образом, не только в сравнении с Парижем, но даже и с Москвою» [Карамзин 1984: 333].

Намного более подробные описания Москвы и ее окрестностей встречаются в художественной прозе Н.М. Карамзина. В повести «Бедная Лиза» (1792) представлена Москва конца XVIII века:

«Может быть никто изъ живущихъ въ Москвѣ не знаетъ такъ хорошо окрестностей города сего, какъ я, потому что никто чаще моего не бываетъ

¹ Термин Т.П. Поповой (см. [Попова 2020]).

² Как было указано нами во Введении, основным объектом описания в статьях Н.М. Карамзина являются город Москва и Подмосковье, воспринимаемые писателем как единое пространство, а потому имеет смысл рассматривать их совместно. Как показал анализ, тождественная картина наблюдается и в других публицистических, а также художественных произведениях выдающегося российского автора.

въ полѣ, никто болѣ моего не бродить пѣшкомъ, безъ плана, безъ цѣли – куда глаза глядятъ – по лугамъ и рощамъ, по холмамъ и равнинамъ. Всякое лѣто нахожу я новыя пріятныя мѣста, или въ старыхъ новыя красоты.

Но всего пріятнѣе для меня то мѣсто, на которомъ возвышаются мрачныя, готическія башни Симонова монастыря. Стоя на сей горѣ, видишь на правой сторонѣ почти всю Москву, сію ужасную громаду домовъ и церквей, которая представляется глазамъ въ образѣ величественнаго амфитеатра: великолѣпная картина, особливо когда свѣтитъ на нее солнце; когда вечерніе лучи его пылаютъ на безчисленныхъ золотыхъ куполахъ, на безчисленныхъ крестахъ, къ небу возносящихся! Внизу разстилаются тучныя, густозеленыя, цвѣтушіе луга; а за ними, по желтымъ пескамъ, течетъ свѣтлая рѣка, волнуемая легкими веслами рыбацкихъ лодок, или шумящая подъ рулемъ грузныхъ струговъ, которые плывутъ отъ плодоноснѣйшихъ странъ Россійской Имперіи и надѣляютъ алчную Москву хлѣбомъ. На другой сторонѣ рѣки видна дубовая роща, подлѣ которой пасутся многочисленныя стада; тамъ молодые пастухи, сидя подъ тѣнію деревъ, поютъ простыя, унылыя пѣсни, и сокращаютъ тѣмъ лѣтніе дни, столь для нихъ единообразныя. Подалѣе, въ густой зелени древнихъ вязовъ, блистаетъ златоглавый Даниловъ монастырь; еще далѣе, почти на краю горизонта, синѣются Воробьевы горы. На лѣвой же сторонѣ видны обширныя, хлѣбомъ покрытыя поля, лѣсочки; три или четыре деревеньки, и вдали село Коломенское съ высокимъ Дворцомъ своимъ» [Карамзин 1814а: 1–3]¹.

В повести «Наталя, боярская дочь» (1792) автор изображает Москву XVII века:

«Красавица наша <...> подходила къ круглому окну высокаго своего терема, чтобы взглянуть на прекрасную картину оживляемой Натуры – взглянуть на златоглавую Москву, съ которой лучезарной день снималъ туманный покровъ ночи, и которая, подобно какой нибудь огромной птицѣ,

¹ Разбору этого фрагмента посвящена часть исследования В.Н. Топорова (см. [Топоров 1995а: 96, 102, 300, 376]).

пробужденной гласомъ утра, въ вѣяніи вѣтерка стряхивала съ себя блестящую росу взглянуть на Московскія окрестности, на мрачную, густую, необозримую Марьину рощу, которая какъ сизый, кудрявый дымъ терялась отъ глазъ въ неизмѣримомъ отдаленіи, и гдѣ жили тогда всѣ дикіе звѣри сѣвера; гдѣ страшной ревъ ихъ заглушалъ мелодіи птицъ поющихъ. Съ другой стороны являлись Натальину взору сверкающіе изгибы Москвы рѣки, цвѣтушія поля и дымящіяся деревни, откуда съ веселыми пѣснями выѣзжали трудолюбивые поселяне на работы свои – поселяне, которые и по сіе время ни въ чемъ не перемѣнились, такъ же одѣваются, такъ живутъ и работаютъ, какъ прежде жили и работали, и среди всѣхъ измѣненій и личинъ представляютъ намъ еще истинную Рускую фizioномію» [Карамзин 1814b: 140, 141].

Обращает на себя внимание значительное сходство между авторским изображением города в двух повестях:

1) передается восприятие с удаленной от объекта точки «сверху вниз» («Стоя на сей горѣ, видишь <...>» и «Красавица наша <...> подходила къ круглому окну высокаго своего терема, чтобы взглянуть <...>»);

2) поскольку автор «помещает» субъект восприятия на значительном удалении от объекта, ему удастся создать панорамное описание, включающее крупные и мелкие объекты¹;

3) объектом восприятия является Москва и ее окрестности, представляемые читателю как единое целое;

¹ О панорамном описании Москвы в «Бедной Лизе» пишет В.Н. Топоров: «Этот отрывок представляет собой панорамное описание того, что видно (*видишь, видна, видны, представляется глазам*) на три четверти окоема: к северу (на правой стороне), в отдалении почти вся Москва, громада домов, купола и кресты ее церквей; к западу (на другой стороне реки) – роща, Данилов монастырь, Воробьевы горы; к югу (на левой же стороне) – поля, лесочки, деревеньки, Коломенское и его дворец. Москва видится средоточием “исторического”, “культурного”, “рукотворного”, но особенно великолепен ее вид, когда сама природа идет навстречу зрителю, – при вечерних лучах заходящего солнца, – образ, предвосхищающий Достоевского, особенно охотно эксплуатировавшего этот прием» [Топоров 1995a: 96]; «Нужно напомнить, что наиболее зримыми и репрезентативными объектами “исторического” в повести, выдвинутыми целенаправленно в самое ее начало, являются Москва, ее окрестности, Симонов монастырь. Панорамное обозрение Москвы с высокого места, поэтическое восхищение красотой *места сего* объединяют “историко-пейзажную” экспозицию повести с более ранними текстами и позволяют говорить об определенной преемственности, создающей традицию некоего “стандартного” описания Москвы» [Топоров 1995a: 102].

4) повествователь обращает внимание как на городские постройки (прежде всего церкви), так и на природные объекты;

5) упоминаются известные места Москвы и Подмосковья (*Симоновъ монастырь, Даниловъ монастырь, Воробьевы горы, Марьино роца, село Коломенское*);

6) среди природных объектов упоминаются поля, роши и река;

7) одним из объектов на фоне природного ландшафта являются работающие поселяне, облегчающие свой труд пением песен;

8) несколько раз используется эпитет *златоглавый* (*златоглавый Даниловъ монастырь, на златоглавую Москву*);

9) субъект восприятия обращает особое внимание на игру света и тени.

Как мы видим, автор использует одну и ту же речевую стратегию описания, несмотря на то что в первом тексте субъектом восприятия является рассказчик, а во втором – персонаж.

Анализ статей 1802–1803 гг. показывает, что в них Н.М. Карамзин использует ту же стратегию описания Москвы и Подмосковья, что и в ранее написанных художественных произведениях. В качестве примера можно привести фрагмент статьи «Записки старого московскаго жителя» (1803):

«Иногда думаю, гдѣ быть у насъ гульбищу, достойному столицы – и не нахожу ничего лучше берега Москвы-рѣки между каменнымъ и деревяннымъ мостомъ, естли бы можно было сломать тамъ Кремлевскую стѣну, гору къ Соборамъ устлатъ дерномъ, разбросать по ней кусточки и цвѣтники, сдѣлать уступы и крыльцы для всхода, соединить такимъ образомъ Кремль съ набережною, и внизу насадить алею. Тогда, смѣю сказать, Московское гульбище сдѣлалось бы однимъ изъ первыхъ въ Европѣ. Древній Кремль съ златоглавыми Соборами и готическимъ дворцомъ своимъ; большая зеленая гора съ пріятными отлогостями и цвѣтниками; рѣка не малая и довольно красивая, съ двумя мостами, гдѣ всегда движется столько людей; огромный Воспитательный Домъ съ одной стороны, а съ

другой длинный, необозримый берегъ съ маленькими домиками, зеленью и громадами плотоваго лѣса; вдали Воробьевы горы, лѣса, поля – вотъ картина! вотъ гульбище, достойное великаго народа! Тогда житель Парижа или Берлина, сѣвъ на уступѣ Кремлевской горы, забылъ бы свой *булеваръ*, свою *липовую улицу*... Воображаю еще множество лодокъ и шлюпокъ на Москвѣ-рѣкѣ съ разноцвѣтными флагами, съ роговою музыкою: ежедневное собраніе людей на берегу ея безъ сомнѣнія произвело бы сію охоту забавляться и забавлять другихъ...» [Карамзин 1803с: 285, 286].

В отличие от рассмотренных фрагментов повестей, в данном описании субъект восприятия не персонифицирован, однако локализован в определенной точке пространства – «находится» рядом с Московским Кремлем – и смотрит на различные объекты, описывая их в определенном порядке – от близлежащих к находящимся вдалеке, создавая панорамное описание Москвы и ее окрестностей¹. Перечисляются природные объекты (*гора, рѣка, лѣса, поля* и др.), известные места и строения Москвы и Подмосковья (*Кремль, каменный и деревянный мосты* (вблизи Кремля), *Кремлевские соборы, Кремлевская стена, Воспитательный домъ, Воробьевы горы*), на фоне которых выделяется еще один объект – гуляющие москвичи. В описании используются прилагательные, обнаруживаемые и во фрагментах повестей (*готическій дворецъ, златоглавыя соборы*)².

Как мы видим, традиция подробного описания Москвы и Подмосковья, начало которой было положено карамзинскими повестями 90-ых гг. XVIII века, сохраняется выдающимся российским автором в его публицистических произведениях начала XIX века, опубликованных в журнале «Вестник Европы» в 1802–1803 гг., при этом он последовательно использует одни и те же речевые приемы – начиная с употребления одних и тех же словосочетаний и заканчивая общей стратегий построения

¹ Воробьево вошло в состав Москвы в 1922 г. (см. [Москва. Энциклопедия 1997: 181]).

² В других фрагментах статей также обнаруживаются сочетания, тождественные использованным в повестях: <26> *мѣсто уединенное и пріятное*, <137> *величественный амфитеатръ*.

описательного фрагмента.

2.2 Статьи Н.М. Карамзина 1802–1803 гг. в журнале «Вестник Европы»

Журнал «Вестник Европы» издавался в Москве с 1802 по 1830 год (два номера в месяц) и являлся самым крупным и влиятельным русским периодическим изданием начала XIX века.

«Вестник Европы» был основан по инициативе И.В. Попова, купца и книгопродавца типографии Московского университета, который пригласил Н.М. Карамзина стать первым редактором журнала за жалование в 3 000 рублей в год. Это был первый случай в истории русской журналистики, когда редактор получал за свою работу зарплату. Первый номер журнала вышел 4 января 1802 года в количестве 600 экземпляров и пользовался успехом. В связи с популярностью издания тираж был немедленно увеличен до 1200 экземпляров (см. [Якимова, Наумова 2017: 152]).

В основу программы журнала Н.М. Карамзин положил европейскую модель. Журнал «Вестник Европы» включал два раздела: «Литература и Смесь» и «Политика». В разделе «Литература и Смесь» публиковались переводы и оригинальные произведения, многие из которых были анонимными. В журнале публиковали свои произведения известные русские писатели – Г.Р. Державин, В.А. Жуковский, И.И. Дмитриев, В.Л. Пушкин, К.Н. Батюшков, П.А. Вяземский, М.М. Херасков, Д.В. Давыдов и другие. Впервые именно в этом издании были опубликованы и стихи А.С. Пушкина.

Публикуя свои произведения в разделе «Литература и Смесь», Н.М. Карамзин выступал как поэт, переводчик, автор романов и публицист. Введение же в журнал раздела «Политика» было новаторским шагом: Н.М. Карамзин стал первым русским редактором, поставившим политический раздел в один ряд с литературным. Раздел «Политика» в содержательном отношении был весьма разнообразным: он включал не только политические новости из Европы, но и рассуждения о внутрироссийской политической жизни, в частности о реформах. Раздел

«Политика» подразделялся на «Всеобщее обозрение» и «Известия и замечания». Примечательно, что журнал первым в России использовал название «Политика» и, по сути, «Вестник Европы» стал первым настоящим политическим периодическим изданием в России, что обеспечило ему большой успех.

В отличие от «Московского журнала», редактором которого десятилетием ранее также был Н.М. Карамзин, «Вестник Европы» сократил количество текстов, содержащих критику русских книг, и исключил критику драматических произведений. Причина, по которой редактор журнала отказался от критического раздела, заключалась в том, что его отношение к литературной критике изменилось: «Что принадлежит до критики новых русских книг, то мы не считаем ее истинной потребностью нашей литературы (не говоря уже о неприятности иметь дело с беспокойным самолюбием людей). В авторстве полезнее быть судимым, нежели судить. Хорошая критика есть роскошь литературы: она рождается от великого богатства; а мы еще не Крезы. Лучше прибавить что-нибудь к общему имени, нежели заняться его оценкою» [Карамзин 1802f: 228, 229].

Н.М. Карамзин считал, что молодые русские писатели нуждаются в поддержке и похвале, а не в критике. Но при этом он не отказался от критики полностью: вместо критических обзоров с той же целью использовались передовые статьи. В журнале «Вестник Европы» критика носила не систематический, а произвольный характер. При этом Н.М. Карамзин с осторожностью относился к критике русских произведений, в то время как его отношение к иностранной литературе было свободным и непринуждённым.

В 1804 году Н.М. Карамзин отошел от руководства «Вестника Европы». Редактора журнала сменил П.П. Сумароков. Под его руководством в отделе «Литература и смесь» сотрудничали П.И. Макаров, князь П.И. Шаликов и другие литературные последователи Н.М. Карамзина. Тем не менее «Вестник Европы» утратил свои положительные журналистские

качества – современность и актуальность. Политические комментарии и новостные статьи стали появляться редко.

В 1802–1803 гг. в журнале «Вестник Европы» был опубликован ряд статей, написанных Н.М. Карамзиным, в том числе статьи «О книжной торговле и любви к чтению в России», «Историческая воспоминания и замечания на пути к Троице», «Историческая воспоминания, вместе с другими замечаниями, на пути к Троице и в сем монастыре (продолжение)», «Историческая воспоминания, вместе с другими замечаниями, на пути к Троице и в сем монастыре (окончание)», «Известия и замечания. Москва», «О случаях и характерах в российской истории, которые могут быть предметом художеств», «Путешествие вокруг Москвы», «О тайной канцелярии», «Записки старого московского жителя», «О московском мятеже в царствование Алексея Михайловича», «Русская старина», «Русская старина (продолжение)», «О публичном преподавании наук в Московском Университете»¹. Все эти 13 статей², несмотря на их разнообразную тематику, объединяет то, что в них речь идет о Москве и Подмоскovie: рассказывается об особенностях уклада городской и пригородной жизни – исторических и современных, о различных знаменательных событиях – также как исторических, так и современных, излагаются представления Н.М. Карамзина о Москве будущего.

Например, Н.М. Карамзин описывает произошедшее в образе жизни москвичей начала XIX века изменение: московские жители «просветились» и начали ценить красоту природы. Раньше только дворяне отдыхали летом за городом, теперь же купцы также стали снимать сельские домики у крестьян для отдыха со своими семьями. У москвичей появились традиционные места прогулок на природе – Воробьевы горы, места близ

¹ Названия статей приводятся сообразно очередности их публикации (см. раздел «Библиография»).

² Пространные тексты «Историческая воспоминания, вместе с другими замечаниями, на пути к Троице и в сем монастыре (продолжение)», «Историческая воспоминания, вместе с другими замечаниями, на пути к Троице и в сем монастыре (окончание)», «Русская старина (продолжение)» обладают композиционной самостоятельностью, а потому оцениваются нами как отдельные статьи.

Симонова монастыря, Сокольники (см. [Карамзин 1803с: 281]). Примечательно, что Н.М. Карамзин называет эти места окрестностями Москвы, в настоящее же время они являются ее частью. Писатель обращает внимание на то, что в прогулках участвуют горожане разных социальных слоев (в том числе портные и сапожники). Значительная часть статьи посвящена городской проблеме, поднимаемой Н.М. Карамзиным: в Москве отсутствуют специальные места для прогулок. Автор предлагает устроить «гульбище» на «берегу Москвы-рѣки между каменнымъ и деревяннымъ мостомъ», сломав при этом Кремлевскую стену и облагородив образовавшееся пространство («разбросать по ней кусточки и цвѣтники», «насадить алею» и др.) (см. [Карамзин 1803с: 284]). В этом фрагменте обращают на себя внимание изменения в использовании лексем, описывающих городские объекты. Так, слово «гульбище» в значении ‘место для прогулок’ вышло из употребления, нарицательное словосочетание «каменный мостъ» превратилось в топоним «Большой Каменный мост», а нарицательное словосочетание «деревянный мостъ» топонимом не стало: на месте деревянного моста в 1829 г. был построен каменный мост, и основания для именованя его «деревяннымъ» исчезли (теперь он называется Большой Москворецкий мост). Примечательно, что Н.М. Карамзин для обозначения набережной не использует топоним «Кремлевская набережная», уже существовавший в начале XIX века¹, а употребляет слова «набережная» и «берегъ».

В статье «О книжной торговле и любви к чтению в России» Н.М. Карамзин пишет о росте книжной торговли в Москве и о любви к чтению не только состоятельных москвичей, но и простых людей. Помимо этого, он рассказывает о московских подписных изданиях, называя их подписчиков «субскрибентами» [Карамзин 1802а: 57, 58].

В статьях Н.М. Карамзина описывается не только Москва, но и ее окрестности. Примечательно, что при этом точкой отсчета в повествовании

¹ См. описание слова «набережная» в разделе 2.6.4.3.

о подмосковных достопримечательностях является Москва: в свое путешествие рассказчик отправляется из Москвы («въ прекраснѣйшее время года я выѣхалъ изъ Москвы» [Карамзин 1802b: 207]); подмосковные объекты описываются с точки зрения их значимости для москвича – бывает ли он в них («первымъ моимъ ночлегомъ было Кусково, нѣкогда столь извѣстное Московскимъ жителямъ, а нынѣ оставленное и забытое» [Карамзин 1803a: 279]), играют ли они какую-либо роль в его жизни («Коломна славится еще яблоками, вишнями и другими плодами: мы ѣдимъ ихъ въ Москвѣ» [Карамзин 1803a: 286]); даже при описании зданий рассказчик «организует пространство» таким образом, что точкой отсчета становится Москва («Я спѣшилъ видѣть сіе почтенное зданіе <...>. Оно очень не высоко, но занимаетъ въ длину сажень тридцать. На лѣвой сторонѣ отъ Москвы были комнаты Царя, на правой жили Царевны, а въ срединѣ Царица» [Карамзин 1802b: 208]). О том же свидетельствует регулярное использование автором субстантива «Подмосковная» (например, [Карамзин 1803a: 289], [Карамзин 1803c: 280, 282]), обозначавшего во времена Н.М. Карамзина ‘имение под Москвой’ [Словарь русского языка XVIII века 2013: 236]: «Только при Государѣ ПЕТРѢ Великомъ знатные начали строить дома въ Подмосковныхъ; но еще за 40 лѣтъ передъ симъ богатому Рускому дворянину казалось стыдно выѣхать изъ столицы и жить въ деревнѣ. Какая розница съ нынѣшнимъ временемъ, когда Москва совершенно пустѣтъ лѣтомъ» [Карамзин 1803c: 280]. Таким образом, рассказчик оценивает пространство вокруг Москвы как с течением времени осваиваемое москвичами, причем речь идет не только о дворянах, имеющих свои *Подмосковные*, или о людях состоятельных («Число сельскихъ домиковъ въ окрестностяхъ ея (Москвы – Л.В.) годъ отъ году умножается; ихъ нанимаютъ не только дворяне, но и купцы» [Карамзин 1803c: 280]), но и о небогатых москвичах, выезжающих в Подмосковье на прогулки: «Самые ремесленники любятъ уже веселиться хорошимъ днемъ на чистомъ воздухѣ. Поѣзжайте въ Воскресенье на Воробьевы Горы, къ Симонову Монастырю,

въ Сокольники: вездѣ множество гуляющихъ. Портные и сапожники съ женами и дѣтьми рвутъ цвѣты на лугахъ, и съ букетами возвращаются въ городъ» [Карамзин 1803с: 281].

Последний фрагмент интересен тем, что свидетельствует об историческом явлении – вхождении подмосковных населенных пунктов и местностей в состав Москвы. Именно это произошло с упоминаемыми Н.М. Карамзиным *Воробьевыми горами*, *Симоновымъ монастыремъ* и *Сокольниками* ([Карамзин 1803с: 281]), *Марьиной роцей* ([Карамзин 1803f: 100]), *Кусково*, *Останкино* и *Кунцево* (у Н.М. Карамзина – *Кунцово*) ([Карамзин 1803а: 280, 281]), а также *Алексеевскимъ* и *Ростокино* – два последних топонима во времена Н.М. Карамзина использовались как ойконимы¹, называющие *села* ([Карамзин 1802b: 208, 214]), а в настоящее время являются городскими хоронимами², именующими районы Москвы. Схожим образом изменилось употребление ойконима «Люберцы»: бывшая *деревня Люберцы* ([Карамзин 1803а: 282]) стала подмосковным городом.

2.3 Особенности номинации Москвы в статьях Н.М. Карамзина

Интерес Н.М. Карамзина к Москве неслучаен: именно здесь он поселился после путешествия по Европе в начале 90-х гг. XVIII века, и тематика «Вестника Европы» – московского журнала – неразрывно связана с местом его издания, для именованя которого писатель использует ряд слов: помимо лексемы «Москва» автором употребляется слово «городъ» (например, [Карамзин 1802b: 213], [Карамзин 1802е: 69], [Карамзин 1803е: 257], [Карамзин 1803g: 266]), а также – в разных сочетаниях – слово «столица». Примечательно, что во времена Н.М. Карамзина Москва не была столицей уже почти целый век, что заставляет его употреблять сочетания «наша древняя столица» [Карамзин 1803а: 283], «древняя столица Русского царства» [Карамзин 1803с: 283].

¹ «Ойконим – вид топонима. Собственное имя любого поселения» [Подольская 1988: 89].

² «Городской хороним – вид хоронима и вид урбанонима. Собственное имя части территории города, в том числе района, квартала, парка» [Подольская 1988: 146].

Однако в статье [Карамзин 1803e: 251] писатель использует сочетание «наша столица». Это оказывается возможным потому, что хронотоп текста переносит читателя в XVII век, и неслучайно, что в той же статье встречается сочетание «старая Москва» [Карамзин 1803e: 251]. Аналогично используется слово «столица» и в статьях [Карамзин 1802b: 213], [Карамзин 1803c: 280] и [Карамзин 1803d: 120]. Однако и при описании современной Москвы Н.М. Карамзин называет ее столицей – «столицей Российского Дворянства» [Карамзин 1803g: 266] и просто «столицей» [Карамзин 1803c: 279, 284]. Таким образом, можно предположить, что для Н.М. Карамзина Москва – город, обладающий особой значимостью среди прочих русских городов.

Неудивительно, что «московские страницы» его публицистических статей включают подробное описание города и его окрестностей.

Какие объекты привлекают внимание выдающегося российского автора? Какие лексические средства использует он для их номинации и описания? На эти вопросы мы попытаемся ответить в следующем разделе нашего исследования.

2.4 Принципы отбора исследуемых фрагментов

Прежде чем перейти к рассмотрению имеющегося материала, определим принципы отбора фрагментов статей Н.М. Карамзина, в которых обнаруживается описание городских и пригородных объектов.

Как показывает анализ карамзинских статей, фрагменты, которые можно было бы назвать чисто описательными, в них достаточно редки. Некоторые из них могут быть – в терминологии ФСТР – определены как содержащие *визуальное описание* (А) или *описание-характеристику* (Б):

А. «Отѣхавъ версть 25, увидѣлъ я на правой сторонѣ Москву-рѣку и нѣсколько деревень, которыя, съ господскими домами и садами, образуютъ прекрасной ландшафтъ» [Карамзин 1803a: 283], «Огромный Воспитательный Домъ съ одной стороны, а съ другой длинный, необозримый берегъ съ маленькими домиками, зеленью и громадами

плотоваго лѣса; вдали Воробьевы горы, лѣса, поля» [Карамзин 1803с: 285] и т.п.;

Б. «Водоводъ идетъ мостомъ черезъ низкую долину, на каменныхъ аркахъ, и длиною будетъ сажень въ 60» [Карамзин 1802b: 213], «Оно (*Дѣдлово* – Л.В.) разселено вдоль низкаго берега Оки на великомъ пространствѣ, и въ весенніе мѣсяцы заливается водою недѣль на шесть, такъ что жители другъ ко другу ѣздятъ въ лодкахъ» [Карамзин 1803а: 288] и т.п.

Значительно чаще встречаются фрагменты, которые являются контаминированными – содержащими элементы как описательные, так и принадлежащие другим ФСТР:

В. Описание и повествование: «если бы можно было сломать тамъ Кремлевскую стѣну, гору къ Соборамъ устлатъ дерномъ, разбросать по ней кусточки и цвѣтники, сдѣлать уступы и крыльцы для всхода, соединить такимъ образомъ Кремль съ набережною, и внизу насадить алею» [Карамзин 1803с: 284], «Въ три часа вечера сдѣлался страшный пожаръ на Дмитровкѣ и на Тверской, который обратилъ въ пепель всѣ дома, бывшіе за бѣлою стѣною до самой Неглинной; перешелъ даже за сію рѣку» [Карамзин 1803d: 137] и т.п.;

Г. Описание и рассуждение: «Сѣвъ на гнилой церковной паперти, я съ удовольствіемъ смотрѣлъ вокругъ себя и на сельскіе ландшафты вдали, думая, что не только люди, образъ ихъ жизни и твореніи, но и самый видъ Натуры перемѣняется со временемъ. Теперешніе веселые луга и поля были нѣкогда или болотомъ или густымъ лѣсомъ» [Карамзин 1802b: 220], «Чего стоилъ Кусковскій прудъ? Хорошо взглянуть на него; но здорово ли жить на берегу страшной, водяной *массы*, почти неподвижной?» [Карамзин 1803а: 281] и т.п.;

Д. Описание, повествование и рассуждение: «Мудрено понять, для чего Дворъ въ то время не прямо отправился къ Троицѣ, а остановился въ селѣ, укрѣпленномъ только своими оврагами» [Карамзин 1802b: 225], «Скоро безъ сомнѣнія перестанемъ рыть и пруды, въ увѣреніи, что самой

маленькой ручеекъ своимъ быстрымъ течениемъ и журчаніемъ оживляетъ сельскія Красоты гораздо болѣе, нежели сіи *мутныя зеркала*, гдѣ гніетъ вода неподвижная....» [Карамзин 1803с: 282] и т.п.

Объектом нашего исследования будут все перечисленные разновидности фрагментов, в той или иной мере содержащие описание (или, по терминологии Т.Б. Трошевой, «элементы описательности») городских и пригородных пространственных объектов.

Руководствуясь указанными выше принципами, мы выделили в статьях Н.М. Карамзина следующее количество фрагментов:

Таблица 1. Количество фрагментов, выделенных в статьях Н.М. Карамзина

Название статьи Н.М. Карамзина	Библиографические данные	Количество фрагментов
«О книжной торговле и любви к чтению в России»	«Вестник Европы». 1802. Ч. 3, № 9. С. 57–64.	2
«Историческія воспоминания и замечания на пути к Троице»	«Вестник Европы». 1802. Ч. 4, № 15. С. 207–226.	57
«Историческія воспоминания, вместе с другими замечаниями, на пути к Троице и в сем монастыре (продолжение)»	«Вестник Европы». 1802. Ч. 4, № 16. С. 287–304.	50
«Историческія воспоминания, вместе с другими замечаниями, на пути к Троице и в сем монастыре (окончание)»	«Вестник Европы». 1802. Ч. 5, № 17. С. 30–47.	13
«Известія и замечания. Москва»	«Вестник Европы». 1802. Ч. 6, № 21. С. 69–73.	7
«О случаях и характерах в российской истории, которые могут быть предметом художеств»	«Вестник Европы». 1802. Ч. 6, № 24. С. 289–308.	2
«Путешествіе вокруг Москвы»	«Вестник Европы». 1803. Ч. 7, № 4. С. 278–289.	33
«О тайной канцеляріи»	«Вестник Европы». 1803. Ч. 8, № 6. С. 122–133.	6
«Записки стараго московскаго жителя»	«Вестник Европы». 1803. Ч. 10, № 16. С. 276–286.	32
«О московском мятеже в царствование Алексѣя Михайловича»	«Вестник Европы». 1803. Ч. 11, № 18. С. 119–145.	49
«Русская старина»	«Вестник Европы». 1803. Ч. 11, № 20. С. 251–271.	51
«Русская старина (продолжение)»	«Вестник Европы». 1803. Ч. 12, № 21/22. С. 94–103.	13

«О публичном преподавании наук в Московском Университете»	«Вестник Европы». 1803. Ч. 12, № 23/24. С. 261–268.	4
---	---	---

Таким образом, в общей сложности нами было выделено и проанализировано 319 фрагментов. С полным списком фрагментов можно ознакомиться в Приложении 1.

2.5 Теоретические основания анализа лексики описательных фрагментов. Существительное

Исходя из приведенных выше определений описания в различных научных парадигмах (см. [Тюкалов 1915: 43], [Нечаева 1974: 94], [Хамаганова 2000: 20], [Валгина 2003: 51], [Сидорова 2000: 109], [Золотова, Онипенко, Сидорова 2004: 29, 206], [Онипенко 2012а: 384], [Омельченко 2013: 57], [Роговнева 2016: 46]) следует, что вне зависимости от аспекта рассмотрения под описанием понимается такой тип речи, который прежде всего используется для перечисления сенсорно воспринимаемых предметов и их признаков¹. Вполне закономерно, что оценка лексической составляющей в описательных фрагментах указывает на то, что ведущую роль в их создании играют а) существительные, называющие сенсорно воспринимаемые предметы, и б) слова, называющие их признаки, прежде всего прилагательные.

Данная характеристика описания является общепризнанной и подтверждается выводами исследователей, принадлежащих различным научным парадигмам. Так, А.Н. Подосинникова указывает, что «в содержании описательных текстов главное – предметы, свойства, качества, а не действия. Поэтому основную смысловую нагрузку несут имена существительные и прилагательные. <...> Центром описания являются

¹ См., например, характеристику описания, повествования и рассуждения О.А. Нечаевой: «Вот перед нами дом. Прежде всего можно описать его внешний или внутренний вид. <...> Для описания достаточно видеть сам предмет и перечислить его признаки. Предметом повествования будет, собственно, не сам дом, а история, скажем, его строительства, так как необходимо представление о развивающихся действиях (расчистили место, вырыли котлован, заложили фундамент и т. д.). Чтобы рассуждать, предположим, о том, долго ли этот дом простоит еще, нужно знать, прочен ли его фундамент, стены и т.п. т.е. объектом речи становятся такие признаки или действия, которые надо выявить при сопоставлении фактов в причинно-следственном отношении» [Нечаева 1974: 24].

существительные с предметным значением, которые рожают в сознании слушателей конкретный образ» [Подосинникова 2009: 113]. Аналогичное суждение высказывает Л.П. Водясова, по мнению которой при создании описания «наиболее важными становятся предметы, свойства, качества, а не действия, поэтому основную семантическую нагрузку обычно несут имена существительные и прилагательные» [Водясова 2019: 424]. А.В. Уржа констатирует: «Текст в репродуктивном регистре обязательно содержит <...> имена с конкретной референцией, указывающие на единичные предметы, субстанции» [Уржа 2014: 53]. Фундаментальное исследование Ю.В. Роговневой, посвященное изучению нефикциональных репродуктивно-описательных текстов, практически во всех своих частях содержит информацию об особой роли личных (т.е. обозначающих лица) и предметных существительных, введение которых в текст-описание в той или иной функции (обозначение субъекта или предиката) является конституирующим признаком выделяемых исследователем многочисленных моделей (см. [Роговнева 2016]).

Роль существительных в создании описаний настолько очевидна, что зачастую в исследованиях они в качестве средства создания особого типа текста не упоминаются. Например, в основополагающем для теории ФСТР исследовании О.А. Нечаевой существительное как маркер определенного типа речи упоминается в связи с типом речи «рассуждение»; исследователь особо выделяет «оценочные именные рассуждения со сказуемым в выводе в форме имени прилагательного или имени существительного» [Нечаева 1974: 165], указывает на то, что «в эмоциональном рассуждении <...> сказуемое в выводе – имя существительное» [Нечаева 1974: 169] и под. Что касается описания, то О.А. Нечаевой отмечается, что данному ФСТР свойственно упоминание предметов и их признаков: «Для описания характерно перечисление одновременных признаков предмета в широком понимании. <...> Описание как речь – это сочетание предметного значения объекты мысли и речи в широком понимании (портрет, картина природы и

т.д.) с его способом выражения, изложения в виде перечисления одновременных признаков этого предмета, т.е. описательным способом. <...> Для описания достаточно видеть сам предмет и перечислить его признаки» [Нечаева 1974: 13, 14, 24] и под. В исследованиях В.М. Хамагановой, посвященных описанию, также упоминаются «физические, перцептивно воспринимаемые признаки объекта действительности» [Хамаганова 2012: 133].

Ведущая роль, которую играют существительные в исследуемых нами описательных фрагментах, обусловлена тем, что прототипическая функция существительного, определяемая как «обозначение легко выделяемого сенсорно физического тела в пространстве, обладающего свойством отдельности и целостности, а также противопоставляемого в этом пространстве другим телам» [Кубрякова 2006: 244], как нельзя лучше соотносится с задачей описания городского пространства, которое наполняют сенсорно воспринимаемые предметы. В связи с этим первоочередной задачей исследования лексики, используемой в описательных фрагментах статей Н.М. Карамзина, нам представляется анализ существительных¹.

Согласно определению, данному в «Русской грамматике» (1980), существительное представляет собой «часть речи, обозначающую предмет (субстанцию) и выражающую это значение в словоизменительных категориях числа и падежа и в несловоизменительной категории рода» [Русская грамматика 1980: 458]. Данное определение не означает того, что существительные способны выражать только эти два значения, являющиеся общекатегориальными для слов данной части речи²: несмотря на то что, с точки зрения морфологической теории, любому существительному свойственно значение предметности³, оценка лексических значений

¹ О характеризующей лексике (в первую очередь о прилагательных) речь пойдет в главе 3.

² По определению В.В. Виноградова, «значение предметности служит тем семантическим средством, с помощью которого из названия единичной вещи возникает обобщенное обозначение целого класса однородных вещей или выражение отвлеченного понятия» [Виноградов 1986: 50].

³ «Существительными обозначаются предметы в широком смысле, т.е. не только конкретные предметы

позволяет сказать, что неизосемичные существительные могут называть различные признаки, а также давать представление о называемом объекте в таких аспектах, которые не подразумевают его осмысления как предмета, обладающего формой, размером и под. (например, собирательные и вещественные существительные), что приводит к особенностям в их грамматическом оформлении. Именно с этим связано выделение лексико-грамматических разрядов при морфологическом описании существительных: типовое лексическое значение слова определяет его морфологические признаки. Русисты-морфологи выделяют собственные и нарицательные существительные, последние делятся на существительные конкретные (в том числе личные, предметные, единичные, событийные), отвлеченные, вещественные и собирательные (см., например, [Современный русский язык 2007: 249–251]).

В рамках функционально-коммуникативного направления при классификации существительных учитываются параметры, отражающие связь их лексических значений и особенностей сочетаемости с другими элементами в составе синтаксических конструкций. Так, в функционально-семантической классификации, разработанной М.Ю. Сидоровой на основе работ Г.А. Золотовой, устанавливаются следующие параметры разграничения существительных: «способность/неспособность имени выступать в качестве субъекта с предикатами действия», «способность/неспособность имени быть самостоятельным компонентом предложения», «способность имени выполнять функцию предиката в моделях предложения основных типовых значений», «сочетаемость с глаголами разных функционально-семантических разрядов», «наличие специфических (предложно-)падежных синтаксем и/или специфических значений в ряду омонимичных синтаксем» [Сидорова 2014: 10]. В

окружающей действительности (*дом, стол*), их совокупности (*листва, джунгли*) или составные части (*ветка, стебель*), но и живые существа (*птица, человек, Пётр*), а также действия и состояния в отвлечении от их производителей (*бег, отдых*), свойства и количества в отвлечении от их носителей (*белизна, сотня*). Следовательно, значение **предметности** – это отвлеченное грамматическое значение, свойственное всем без исключения существительным» [Современный русский язык 2007: 248].

результате учета этих критериев среди полнознаменательных существительных выделяются группы: а) личные (собственно личные, коллективно-личные, лично-собираательные, зоонимы), б) предметные (собственно предметные, вещественные, предметно-собираательные, делиберативные, названия высокотехнологичных устройств, локативные), в) признаковые (девербативы и непроизводные существительные соответствующих значений, имена событий-артефактов («мероприятий»), деадъективы и непроизводные существительные соответствующих значений, производные от существительных оценочные характеристики деятельности человека, реляционные, темпоральные) (см. [Сидорова 2014: 10–13]).

Вполне очевидно, что морфологическая и функционально-семантическая классификации, учитывая различные интенции их составителей, существенно различаются. Например, с точки зрения функционально-семантической деление существительных на собственные и нарицательные не является определяющим, если иметь в виду их сочетательные возможности, но зато оказывается важным, какой именно тип объекта они называют – лица, локусы и под.

Необходимо сказать, что функционально-семантическая классификация существительных в значительной степени применима для установления закономерностей использования существительных в текстах не только с позиции теории коммуникативных регистров, но и в рамках теории ФСТР. Так, М.Ю. Сидорова указывает на тесную связь между принадлежностью существительного к определенному разряду и его способностью быть использованным в тексте, несущем информацию определенного типа: «Деление на разряды существительных, называемых наблюдаемые конкретные натурфакты и артефакты, выполнить гораздо проще, чем разграничение существительных, называемых продукты самоорганизации человеческого общества и ментальные конструкторы. В первом случае мы классифицируем имена онтологических объектов, во

втором – имеем дело с достаточно сложными результатами обработки действительности человеческим сознанием. Первые и вторые формируют разные типы текстов – основанные, соответственно, на перцептивном и на ментальном модусе» [Сидорова 2014: 14]. Говоря о первых из них, исследователь отмечает: «В этих текстах преобладают предметные и личные существительные <...>. Также присутствуют признаковые существительные, называющие наблюдаемые состояния и действия, и неполнознаменательные существительные, обозначающие части предметов. <...> С помощью функциональных, статуальных и авторизационных предикатов и определений, называющих перцептивные признаки, эти существительные формируют картинку, моделируемую как актуально наблюдаемая» [Сидорова 2014: 14]. Данная характеристика вполне удовлетворяет тем параметрам, которые применяются исследователями описания в рамках теории ФСТР.

Одной из основных целей нашего исследования является установление того, какие именно существительные используются в анализируемых описательных фрагментах. В связи с тем, что речь идет о словесном изображении сенсорно воспринимаемых предметов, так или иначе связанных с городом, наиболее продуктивным представляется их рассмотрение на основе классификации, учитывающей прежде всего лексические значения слов: можно предположить, что в описательных фрагментах используются такие существительные, которые способны называть денотаты определенного типа. Неслучайно, согласно ономастологическому подходу, именно специфика дискретного восприятия мира человеком, его способность различать типы денотатов в принципе приводят к такому феномену, как выделение частей речи среди слов, образующих лексику данного языка: «Расчленение происходило сообразно природе вещей и <...> тем самым части речи являются прежде всего наименованиями разных объектов действительности или объектов действительности, осмысленных и опознанных человеком как различные. Единая некогда категория наименования членилась постепенно и дробилась

именно в зависимости от того, на обозначение какого объекта было направлено наименование и, конечно, от того, каким представлялся именуемый объект уму человека, склонного именовать разные объекты наименованиями с разными формальными приметами» [Кубрякова 1978: 25]. Соответственно «способность классифицировать явления, распределять их по разным классам, разрядам и категориям свидетельствует о том, что человек в восприятии мира судит об идентичности одних объектов другим, об их сходстве или, напротив, различии. Категоризация – это главный способ придать воспринятому миру упорядоченный характер, систематизировать как-то наблюдаемое и увидеть в нем сходство одних явлений в противовес различию других» [Кубрякова 2006: 96].

Специфической особенностью использования существительных в рассматриваемых описательных фрагментах является то, что их автор, Н.М. Карамзин, рассказывая об окружающем его мире, называет актуальные референты, одни из которых допускают употребление нарицательных существительных, а другие – требуют использования имен собственных. При этом они могут обозначать предметы одного и того же типа: например, для описания одного здания достаточно использования слова *домъ*, для другого, обладающего отличающими его от всех зданий в мире признаками, следует выбрать и подобающую номинацию – *Воспитательный Домъ*. О тесной связи между нарицательными и собственными существительными пишет Ю.С. Степанов: «Собственные имена должны рассматриваться как специальный, частный случай индивидуальных имен. Собственные имена несут две совмещенные функции: они обозначают, во-первых, индивиды, во-вторых, индивиды, которые еще и не похожи ни на какие другие индивиды, т.е. не входят в множества или образуют множества из одного элемента. Этот специальный случай следует рассматривать в зависимости от разрядов индивидуальных имен в рамках общей системы таксономии» [Степанов 1981: 88, 89].

Таким образом, анализ используемых Н.М. Карамзиным

существительных предполагает одновременный учет как нарицательных, так и собственных существительных, объединяемых в лексико-грамматические группы сообразно тем типовым значениям, которые они выражают¹. Учитывая цели нашего исследования, базовой моделью для такого анализа, на наш взгляд, может быть признана классификация существительных, представленная в «Русском семантическом словаре» – четырехтомном исследовании, созданном в 2002–2007 гг. под ред. Н.Ю. Шведовой.

Согласно определению авторов «Русского семантического словаря», существительные относятся к «словам именующим» и представляют собой макроклас слов, который «возглавляется понятием "предмет", в смысловом строении языка представленным смысловыми исходами (изначальными понятиями) *кто* и *что*. Эти исходы и служат основанием для первичного членения макрокласа. Однако такое членение еще не подводит непосредственно к выделению лексических классов: в смысловой сфере "кто" сочленены лексические классы, относящие именуемое к сферам человека (или олицетворяемого мифического существа) либо к сфере животного. Уже внутри этих сфер существуют классы, возглавляемые лексико-семантической доминантой ('человек', 'животное'). К смысловому исходу *что* обращены смысловые сферы, которые условно именуется как "конкретный предмет, реалия, воспринимаемая органами чувств" и "абстрактное, отвлеченное понятие". В этих сферах вычленяются более частные их составляющие ("предмет неживой природы", "предмет – продукт деятельности человека"), и уже внутри них выделяются объединяемые ими лексические множества с их собственным многоступенчатым членением, предстающим в виде лексического древа» [Русский семантический словарь 2002а: 7, 9]. Последовательное

¹ В этом отношении показателен классификационный принцип, реализуемый в рамках функционально-коммуникативного направления: в классификации, разработанной М.Ю. Сидоровой, деление существительных на собственные и нарицательные не является основанием для отнесения их к разным группам, поскольку их сочетательные возможности определяются другими их свойствами, например, тем, называют ли они индивидуализированные лица, коллективы людей, животных и т.д. (см. [Сидорова 2014]).

применение данного принципа классификации позволяет установить многоступенчатую иерархию понятий, выражаемых лексической системой русского языка, с выделением минимальной ее единицы – лексико-семантического ряда, представляющего собой «конечную единицу лексического древа, которое объединяет в себе словозначения, находящиеся в отношениях непосредственной семантической близости или непосредственной семантической противопоставленности» [Русский семантический словарь 2002а: 10]. Таким образом, построение сложной иерархической классификации в словаре оказывается тесно связанным с теорией прототипов (см. ее описание в [Кубрякова 2006: 96–110]), постулирующей «противопоставление двух разных осей категоризации» [Кубрякова 2006: 109] – вертикальной, позволяющей объединить объекты, отнести их к более «высокой» (абстрактной) категории, и горизонтальной, отражающей те различия, которые свойственны этим объектам. Классификация данного типа включает как «*денотативную* лексику, тяготеющую к обозначению предметов внешнего мира», так и «*сигнификативную* лексику, тяготеющую к обозначению понятий» [Степанов 1981: 59]. Как указывает Ю.С. Степанов, согласно наблюдениям Ю.Н. Караулова, «для построенного им "минимального идеографического словаря" русского языка из 3000 слов и 340 групп число групп, являющихся тематическими, денотативным, составило 10–15%, это "город", "жилье", "дом", "мебель", "почта" и т.п.» [Степанов 1981: 61]. Из приведенного перечисления вполне очевидно, что лексический состав описаний города включает прежде всего существительные, которые относятся к денотативным, конкретно-предметным, и при этом являются *индивидуальными именами*, называющими объекты, не являющиеся множествами (см. [Степанов 1981: 71]).

Если иметь в виду цели нашего исследования, соответствующая часть классификации обнаруживается в первом и втором томах «Русского семантического словаря», в которых приводятся существительные с

конкретным значением, называющие различные природные объекты, а также «всё создаваемое руками и умом человека» [Русский семантический словарь 2002b: 6]. Помимо нарицательных существительных, распределяемых по группам согласно классификации «Русского семантического словаря», к тем же группам нами отнесены собственные существительные, значения которых соотносятся с типовыми значениями нарицательных существительных (например, в одну группу **Водные объекты** попадают слова *рѣка*, *Москва-рѣка*, *Неглинная* и под.). В определении возможной отнесенности собственных существительных к семантическим группам используются данные работы Н.В. Подольской «Словарь русской ономастической терминологии» (1988), откуда также берется необходимая топонимическая терминология. При описании слов использовались данные толковых словарей русского языка (прежде всего, «Словаря Академии Российской» и «Словаря русского языка XVIII века»), а также данные исследований, посвященных истории Москвы и Подмосковья (такие как [Атлас 2008], [Москва. Энциклопедия 1997], [Сытин 1958] и др.), и топонимические исследования на ту же тему (такие как [Вагнер, Клевкова 2003], [Лихачева 1990: 63], [Поспелов 2007] и др.).

Описание каждого из слов (в т.ч. сложных слов), включаемых в приводимые ниже разделы 2.6.1 – 2.6.5, имеет следующую структуру:

- название группы слов по типу обозначаемого объекта,
- имя нарицательное, называющее объект (М / П¹ <номер примера> «пример из статьи Н.М. Карамзина», [указание источника], <номера примеров, приводимых в Приложении 1> (при наличии), указание количества словоупотреблений),
- имя собственное, называющее объект (М / П <номер примера>

¹ М и П – сокращения, указывающие на то, описывается ли во фрагменте московский (М) или подмосковный (П) объект. Приводимый в качестве примера один и тот же фрагмент может быть оценен как «московский» или «подмосковный» в зависимости от того, об именовании какого именно объекта в этом случае идет речь. Например, во фрагменте <69> «Италянскій Архитекторъ, именемъ Аристотель <...> построилъ въ Москвѣ Соборъ Успенскій, служившій образцомъ для Успенскаго Собора Лавры, храма величественнаго» упоминаются два Успенских собора, один из которых находится в Москве, а другой – в Троице-Сергиевой лавре.

«пример из статьи Н.М. Карамзина», [указание источника], <номера примеров, приводимых в Приложении 1> (при наличии), указание количества словоупотреблений),

- комментарий к особенностям употребления слова и/или описания объекта (при наличии).

В описаниях приводится по одному примеру на употребление слова, называющего московский и/или подмосковный объект. Остальные фрагменты упоминаются по их номерам, отсылающим к Приложению 1, в котором эти фрагменты приводятся.

Одни и те же фрагменты, приводимые в качестве примеров при описании разных слов, могут быть представлены в полном или сокращенном виде. В Приложении 1 все фрагменты представлены в полном виде.

В случаях именования одних и тех же объектов именами собственными и сочетаниями, включающими те же имена собственные и нарицательные существительные, называющие тип объекта, данные способы номинации рассматривались по отдельности (например, *село Алексѣевское* и *Алексѣевское*). Выбранный способ описания подобных именований позволил установить авторские стратегии номинации объектов определенного типа (см. раздел 2.6.4.1).

Некоторые существительные были отнесены нами одновременно к нескольким разделам в связи с тем, что, называя один и тот же денотат, в конкретных описательных фрагментах они используются для обозначения объекта в разных, далеко отстоящих друг от друга аспектах и соотносятся с образующими описательные фрагменты словами, относящимися к разным семантическим полям. Так, слово *Кремль* в одних случаях используется для обозначения территориальной части Москвы, а в других – как слово, называющее военное сооружение в связи с его оборонительной функцией. Существительные *колоколь*, *пушка*, *труба* (и *Труба*), *яма* также были отнесены к нескольким разделам, но по другой причине: они используются

для обозначения разных денотатов (*труба* и *Труба*, *яма*) или однотипных денотатов, для обозначения одного из которых существительное используется как имя собственное (*колоколь*, *пушка*).

Именования объектов в разделах приводятся в орфографии Н.М. Карамзина в алфавитном порядке. В комментариях, устанавливающих особенности употребления слова и/или описания объекта, приводятся микроцитаты: отдельные слова и словосочетания выделяются курсивом, а предикативные синтагмы – кавычками. При этом указываются номера фрагментов, которым принадлежат данные микроцитаты; их источники в комментарии не приводятся (они указываются в Приложении 1). В тех случаях, когда микроцитата не сопровождается указанием номера фрагмента, это означает, что она берется из фрагмента, который приводится в качестве примера в описании слова.

В конце каждого раздела дается общий комментарий к использованию слов данной группы.

В Приложении 2 содержится информация об общем количестве словоупотреблений каждого из рассматриваемых существительных.

2.6 Типология номинаций городских и пригородных объектов и лексические особенности их описания в статьях Н.М. Карамзина 1802–1803 гг.

2.6.1 Водные объекты

1. *Болото* (П <51> «Вопервыхъ, по мѣрѣ истребленія лѣсовъ, изсушенія болотъ и другихъ успѣховъ гражданской дѣятельности, климатъ становится теплѣе» [Карамзин 1802b: 221], <47> – 2 примера).

Н.М. Карамзин описывает изменения, происходящие с *болотами* – их исчезновение; вероятно, *изсушеніе болотъ* связано с целенаправленной деятельностью человека, поскольку упоминается в ряду с *истребленіемъ лесовъ*, явно имеющим целеполагание. Эти изменения интересуют Н.М. Карамзина постольку, поскольку они связаны с условиями жизни человека (приводят к тому, что «климатъ становится теплѣе»).

2. *Ключи Мытицскіе* (П <21> «ЕКАТЕРИНА хотѣла, чтобы всякой бѣдной человѣкъ находилъ близъ своего дому колодезь свѣжей, здоровой воды, и поручила Генералу Бауеру привести ее трубами изъ ключей Мытицскихъ; теперь она уже въ городѣ: остается сдѣлать каналы внутри его» [Карамзин 1802b: 213] – 1 пример).

Н.М. Карамзин использует строчную букву в слове *ключи* при номинации индивидуализированного объекта, определяемого по атрибуту, называющему местонахождение объекта (*Мытицскіе*).

Упоминание *ключей* мотивировано тем, что они используются человеком в его жизнедеятельности.

Как это видно из фрагмента, ключевая *вода* оценивается как *свѣжая* и *здоровая*.

Обращает на себя внимание словообразовательная структура прилагательного *Мытицскіе*, отличающаяся от современного слова «мытищинский», в котором обнаруживается интерфикс «ин».

3. *Озеро* (П <134> «Бывало всякое Воскресенье, отъ Мая до Августа, дорога Кусковская представляла улицу многолюдного города, и карета обскакивала карету Въ садахъ гремѣла музыка, въ аллеяхъ тѣснились люди, и Венеціанская гондола съ разноцвѣтными флагами разѣзжала по тихимъ водамъ большого озера (такъ можно назвать обширный Кусковскій прудъ). Спектакль для благородныхъ, разныя забавы для народа и потѣшные огни для всѣхъ, составляли еженедѣльный праздникъ Москвы» [Карамзин 1803a: 279] – 1 пример).

Н.М. Карамзин использует слова *озеро* и *прудъ* как синонимы, однако считает необходимым пояснить такое употребление.

Упоминание *озера* связано с тем, что оно используется как место отдыха человека.

Описывая *озеро* (= *прудъ*), Н.М. Карамзин оценивает его размеры (*большое, обширный*) и «статичность» (*тихие воды*). Эти признаки выделяются именно потому, что они важны для оценки озера как места

отдыха.

4. *Прудъ* (П <140> «Рѣка чиститъ воздухъ: большой прудъ наполняетъ его только вредною сыростію» [Карамзин 1803а: 281], <102>, <138>, <187> – 4 примера).

Кусковскій прудъ (П <139> «Чего стоилъ Кусковскій прудъ? Хорошо взглянуть на него; но здорово ли жить на берегу страшной, водяной *массы*, почти неподвижной?» [Карамзин 1803а: 281], <134> – 2 примера).

поганный прудъ (М <275> «Въ сей части города жили дѣти Боярскіе или дворяне, богатое мѣщанство, купцы имѣвшіе торгъ съ другими городами, ремесленники и всѣ хлѣбники; тамъ же были Царская конюшня и литейной дворъ, на томъ мѣстѣ, которое называлось *поганнымъ прудомъ*» [Карамзин 1803е: 257] – 1 пример).

Пруды упоминаются автором в связи с оценкой их пользы vs. вреда для здоровья человека.

Свое название *поганный прудъ* получил по причине его особой загрязненности: «В пруд, очевидно, спускали отходы производства, почему он был загрязнен и носил название "Поганный"» [Сытин 1958: 213]. В дальнейшем с ним произошли существенные изменения: «В 1703 по указанию Меншикова был очищен Поганный пруд и переименован в Чистый» [Москва. Энциклопедия 1997: 474].

Приводя гидроним *поганный прудъ*, который для него самого является историзмом (исчез денотат этого словосочетания – загрязненный отходами водоем), Н.М. Карамзин выделяет его в тексте не с помощью заглавных букв, а через написание курсивом, обращая внимание читателя на номинацию, которая может быть ему (читателю) неизвестна.

Н.М. Карамзин использует гидроним *Кусковскій прудъ*, который, как и гидроним *ключи Мытицскіе*, образуется на основе именования объекта по его местоположению. Примечательно, что в карамзинское время Куково находилось в Подмосковье (см. [Москва. Энциклопедия 1997: 416]), но было при этом местом отдыха москвичей. В настоящее время Куково является

частью Москвы.

5. *Рѣка* (М <195> «Древній Кремль съ златоглавыми Соборами и готическимъ дворцомъ своимъ; большая зеленая гора съ пріятными отлогостями и цвѣтниками; рѣка не малая и довольно красивая, съ двумя мостами, гдѣ всегда движется столько людей» [Карамзин 1803с: 284, 285], <241> – 2 примера, П <140> «Рѣка чиститъ воздухъ: большой прудъ наполняетъ его только вредною сыростію» [Карамзин 1803а: 281], <26>, <129> – 3 примера).

Москва-рѣка (М <191> «Иногда думаю, гдѣ быть у насъ гульбищу, достойному столицы - и не нахожу ничего лучше берега Москвы-рѣки между каменнымъ и деревяннымъ мостомъ, естли бы можно было сломать тамъ Кремлевскую стѣну, гору къ Соборамъ устлатъ дерномъ, разбросать по ней кусточки и цвѣтники, сдѣлать уступы и крыльцы для всхода, соединить такимъ образомъ Кремль съ набережною, и внизу насадить алею» [Карамзин 1803с: 284], <198>, <264>, <279>, <289>, <292>, <300> – 7 примеров, П <137> «Одинъ Кирила Полуектовичъ Нарышкинъ умѣлъ выбрать несравненное Кунцово на высокомъ берегу Москвы-рѣки, гдѣ представляется взору самый величественный амфитеатръ» [Карамзин 1803а: 281], <147>, <149>, <158> – 4 примера).

Неглинная (М <240> «въ три часа вечера сдѣлался страшный пожаръ на Дмитровкѣ и на Тверской, который обратилъ въ пепелъ всѣ дома, бывшіе за бѣлою стѣною до самой Неглинной» [Карамзин 1803d: 137] – 1 пример).

Ока (П <163> «Оно (*Дѣдлово* – Л.В.) разселено вдоль низкаго берега Оки на великомъ пространствѣ, и въ весенніе мѣсяцы заливается водою недѣль на шесть, такъ что жители другъ ко другу ѣздить въ лодкахъ» [Карамзин 1803а: 288], <158> – 2 примера).

Рѣка Сѣверка (П <151> «Вообще имя Коломны встрѣчается въ Исторіи по двумъ случаямъ: или Татары жгутъ ее, или въ ней собирается Руское войско итти противъ Татаръ -- бывало всегда на большой равнинѣ, гдѣ течетъ рѣка Сѣверка» [Карамзин 1803а: 284] – 1 пример).

Рѣка Яхрома (П <108> «Въ монастырѣ Св. Николая, на берегу рѣки Яхромы, путешествующій Царь желалъ увидѣться съ однимъ старымъ монахомъ, который прежде былъ Епископомъ, и котораго любилъ отецъ его» [Карамзин 1802с: 302] – 1 пример).

Яуза (П <26> «Я своротилъ влѣво съ большой дороги, чтобы видѣть село Тайнинское, гдѣ Царь Алексѣй Михайловичъ любилъ забавляться соколиною охотою. Мѣсто уединенное и пріятное! Тутъ запруженная Яуза кажется большою рѣкою, и со всѣхъ сторонъ обтекаетъ дворецъ Елисаветы Петровны, Которая, любя слѣды великаго Ея Дѣда, построила его близъ развалинь дворца Алексѣя Михайловича. Онъ также разрушается» [Карамзин 1802б: 215], <123>, <303>, <311>, <312> – 5 примеров)¹.

Употребление нарицательного существительного *рѣка* связано с деятельностью человека: оценивается эстетическая функция реки (<195> *довольно красивая*); наличие *мостовъ* <195>, позволяющих преодолеть это естественное препятствие; польза для здоровья человека (<140>). Помимо этого, оценивается ширина объекта (<195> *не малая*), а при описании *Яузы* автор обращает внимание на аномальный ее размер в данном месте и указывает причину того, почему она в данном месте такова (ее <26> *запрудили*).

Упоминание названий рек связано чаще всего с рассказом о событиях, происходивших в местах, где они протекают.

Обращают на себя внимание особенности употребления топонима *Москва-рѣка*: а) в отличие от прочих гидронимов он используется Н.М. Карамзиным исключительно как сложное слово, что объясняется необходимостью различать объекты – *Москву-городъ* и *Москву-рѣку*², б) во всех случаях Н.М. Карамзин склоняет обе части гидронима (<158> *Москва-рѣка* [Карамзин 1803а: 286, 287], <137>, <149>, <191> (*на берегу*) *Москвы-*

¹ В описании упоминаются те части *Яузы*, которые находились вне города Москвы (см. [Москва. Энциклопедия 1997: 64]).

² Интересно, что топоним *Москва* изначально называл именно реку: «Если гор. Москва <...> появился лишь в 1147 г., то название р. Москва, по расположению на которой и получил название город, появилось на одно-два, а то и более тысячелетий раньше» [Поспелов 2007: 66].

рѣки [Карамзин 1803а: 281, 283], [Карамзин 1803с: 284], <147> (*увидѣль*) *Москву-рѣку* [Карамзин 1803а: 283], <289> *по Москвѣ-рѣкѣ* [Карамзин 1803е: 264], <264>, <279>, <292>, <300> *за Москвою-рѣкою* [Карамзин 1803е: 255, 257, 265, 269], <198> *на Москвѣ-рѣкѣ* [Карамзин 1803с: 285]), что соответствует книжной норме употребления этого слова XVIII–XIX вв.¹.

6. *Рѣчка Скауба* (П <42> «Рѣчка Скауба на лѣвой сторонѣ, поля и луга составляютъ очень хорошій сельскій видъ» [Карамзин 1802б: 219] – 1 пример).

Автор использует разговорное, с т.зр. современного носителя языка, слово *рѣчка*. Объект упоминается как элемент ландшафта, имеющего высокую эстетическую ценность.

В настоящий момент данная река, представляющая собой впадающий около города Ивантеевка в Клязьму приток реки Учи, носит название Скалба (см. [Вагнер, Клевкова 2003: 176, 177]).

7. *Ручей* (П <129> «Любопытно знать, произвело ли оно (*землетрясение* – Л.В.) какое нибудь дѣйствіе въ окрестностяхъ Москвы: на примѣръ, не сокрылись ли нѣкоторые ручьи, не явились ли новые, не поднялись ли рѣки» [Карамзин 1802е: 73] – 1 пример).

Упоминание *ручьевъ* связано с неординарным событием в жизни москвичей – землетрясением, произошедшим 14 октября 1802 г.

8. *Ручеекъ* (П <187> «Скоро безъ сомнѣнія перестанемъ рыть и пруды, въ увѣреніи, что самой маленькой ручеекъ своимъ быстрымъ теченіемъ и журчаніемъ оживляетъ сельскія Красоты гораздо болѣе, нежели сіи *мутныя зеркала*, гдѣ гніетъ вода неподвижная....» [Карамзин 1803с: 282] – 1 пример).

Автор использует диминутив *ручеекъ*, с т.зр. современного носителя языка имеющий разговорную окраску, при этом он употребляет также определение *маленькой*, образующее вместе с существительным плеоназм.

Упоминание *ручейка* связано с оценкой объекта как имеющего

¹ По словам С.И. Ожегова, «отсутствие склонения в сочетании *Москва-река* – явление, типичное для старого московского просторечия» (цит. по [Левашов 2009: 53]).

эстетическую ценность.

Общий комментарий

1. Н.М. Карамзин упоминает водные объекты в тех случаях, когда они связаны с жизнедеятельностью человека.

2. В разных текстах Н.М. Карамзина обнаруживается противопоставление водоемов с проточной и стоячей водой, причем критерием оценки водоемов у него является их влияние на здоровье человека: по мысли автора, *рѣки, ручьи, ключи* полезны, будучи источниками «здоровой» воды, в то время как *пруды, озера* наполнены водой, приносящей вред здоровью. Одновременно автор дает эстетическую оценку этих объектов: положительно оцениваются водоемы с проточной водой.

3. Помимо этого, Н.М. Карамзин указывает размеры водоемов и изменения, с ними происходящие (появление, исчезновение, динамика уровня воды).

2.6.2 Элементы рельефа земной поверхности

1. *Берегъ* (М <196> «огромный Воспитательный Домъ съ одной стороны, а съ другой длинный, необозримый берегъ съ маленькими домиками, зеленью и громадами плотоваго лѣса; вдали Воробьевы горы, лѣса, поля – вотъ картина! вотъ гульбище, достойное великаго народа!» [Карамзин 1803с: 285], <191>, <194>, <199> – 4 примера, П <149> «Въ селѣ Марковѣ я останавливался искать на берегу Москвы-рѣки окаменѣлостей, которыми оно славится» [Карамзин 1803а: 283], <108>, <137>, <139>, <163>, <303>, <311>, <312> – 8 примеров).

Берегъ упоминается автором в связи с жизнедеятельностью человека (во время разлива реки), также оценивается его эстетическая ценность как элемента ландшафта.

При оценке *берега* реки Н.М. Карамзин обращает внимание на его высоту (<137> *высокій* и <163> *низкій*), протяженность и связь с природным

окружением. *Низкій берегъ* пригоден для проживания, но жители должны справляться с сезонными наводнениями (<163>); *высокій берегъ* имеет благоприятные условия для строительства (<137>); *длинная* береговая линия обеспечивает богатство природных ресурсов и спокойную среду обитания (<196>). Эти описания отражают характеристики различных береговых участков и их пригодность для жизнедеятельности человека. Интересно, что мерой оценки длины является способность человека *обозреть* объект (см. <196> *длинный, необозримый берегъ*).

2. *Гора* (М <191> «Иногда думаю, гдѣ быть у насъ гульбищу, достойному столицы - и не нахожу ничего лучше берега Москвы-рѣки между каменнымъ и деревяннымъ мостомъ, естли бы можно было сломать тамъ Кремлевскую стѣну, гору къ Соборамъ устлатъ дерномъ, разбросать по ней кусточки и цвѣтники, сдѣлать уступы и крыльцы для всхода, соединить такимъ образомъ Кремль съ набережною, и внизу насадить алею» [Карамзин 1803с: 284], <195> – 2 примера, П <59> «Я сталъ на вершинѣ горы -- и воображеніе представило глазамъ моимъ ряды многочисленнаго войска подъ сѣнію распущенныхъ знаменъ, украшенныхъ именемъ городовъ, которыхъ добрые жители шли подъ ними» [Карамзин 1802b: 225, 226], <60> – 2 примера).

Во фрагментах <191> и <195> Н.М. Карамзин описывает *гору*, не упоминая ее конкретного названия, но вполне отождествимую с конкретной горой, находящейся в указанном месте: речь идет о *горѣ* между Московским Кремлем и Москвой-рекой (во фрагменте <197> она именуется *Кремлевская гора*). Автор подчеркивает ее размеры (<195> *большая*), цвет (<195> *зеленая*), уровень наклона (<195> *съ пріятными отлогостями*) и указывает, как можно было бы ее благоустроить (<191>). Упоминание *горы* связано с оценкой эстетической и практической (место для гуляния) ценности описываемого объекта.

Что касается описания подмосковных *горъ*, то в них обнаруживаются упоминания того, что они были покрыты <60> «нѣкогда дремучимъ лѣсомъ»

и могут служить той точкой, с которой можно обозреть окрестности (<59>).

Воробьевы Горы (П <182> «Поѣзжайте въ Воскресенье на Воробьевы Горы, къ Симонову Монастырю, въ Сокольники: вездѣ множество гуляющихъ» [Карамзин 1803с: 281], <196> – 2 примера).

Упоминание этого топонима связано с ролью *Воробьевыхъ Горъ* в жизни человека: это место отдыха москвичей, а его восприятие со стороны доставляет человеку эстетическое удовольствие.

Обращает на себя внимание варьирование нормы написания топонима: в одном случае слово «гора» пишется со строчной буквы (<196>), в другом – с заглавной (<182>). Помимо этого, следует обратить внимание на то, что во времена Н.М. Карамзина *Воробьевы Горы* были подмосковным объектом: данная местность была включена в городскую черту только во второй половине 1920-х годов (см. [Атлас 2008: 37]).

Примечательным выглядит упоминание *Воробьевыхъ Горъ* в перечислительном ряду *Воробьевы Горы, Симоновъ Монастырь, Сокольники* во фрагменте <182>. Данные топонимы называют различные по типу объекты, обладающие общими характеристиками. Во времена Н.М. Карамзина эти места располагались за городской чертой (см. [Атлас 2008: 30, 37], [Сытин 1958: 778]; в настоящий момент являются частью Москвы) и служили для горожан местом отдыха на свежем воздухе. В наше время названия этих мест продолжают использоваться как хоронимы.

То, что Н.М. Карамзин определяет *Воробьевы Горы, Симоновъ Монастырь* и *Сокольники* как места отдыха москвичей, свидетельствует о том, что в течение нескольких столетий эти городские пространства используются в данной функции. Это явление представляет собой еще одно свидетельство того, что функции и назначение городских пространств могут быть обусловлены традициями, которые сохраняются и передаются на протяжении веков.

Гора Волкуша (П <57> «Я взѣхалъ на гору Волкушу.... Рускіе

Патріоты! это мѣсто должно быть вамъ извѣстно» [Карамзин 1802b: 225] – 1 пример).

Н.М. Карамзин не характеризует саму *гору Волкуша*, но с помощью особой риторической фигуры призывает читателей вспомнить об исторических событиях, происходивших на этой горе.

Обращает на себя внимание то, что автор склоняет слово *Волкуша* в сочетании, в котором оно является приложением (*на гору Волкушу*).

Кремлевская гора (М <197> «Тогда житель Парижа или Берлина, сѣвъ на уступѣ Кремлевской горы, забылъ бы свой бульваръ, свою *липовую улицу*» [Карамзин 1803с: 285] – 1 пример).

В настоящее время данная *гора* называется Боровицким холмом (см. [Лихачева 1990: 63]).

3. *Долина* (П <23> «Водоводъ идетъ мостомъ черезъ низкую долину, на каменныхъ аркахъ, и длиною будетъ сажень въ 60» [Карамзин 1802b: 213] – 1 пример).

Упоминание *долины* связано с описанием сооружения, воздвигаемого человеком (*водоводъ*).

Для описания *долины* Н.М. Карамзин использует определение *низкая*, оценивая *долину* по высоте, а не по глубине.

4. *Оврагъ* (П <55> «Мудрено понять, для чего Дворъ въ то время не прямо отправился къ Троицѣ, а остановился въ селѣ, укрѣпленномъ только своими оврагами» [Карамзин 1802b: 225] – 1 пример).

Упоминание Н.М. Карамзиным *овраговъ* связано с тем, что, по мысли автора, они представляют собой естественное укрепление места, где проживает человек; таким образом, оценивается польза упоминаемых *овраговъ* для человека, хотя нельзя исключить и того, что автор иронизирует: место, укрепленное только оврагами, вряд ли может считаться хорошо укрепленным.

5. *Отлогость* (М <195> «Древній Кремль съ златоглавыми Соборами и готическимъ дворцомъ своимъ; большая зеленая гора съ пріятными

отлогостями и цвѣтниками; рѣка не малая и довольно красивая, съ двумя мостами, гдѣ всегда движется столько людей» [Карамзин 1803с: 284, 285] – 1 пример).

Автор упоминает *отлогости горы* как один из элементов ландшафта, созерцание которого доставляет удовольствие гуляющим москвичам.

6. *Пески* (П <158> «Въ пяти верстахъ отъ Коломны впадаетъ Москва-рѣка въ Оку, среди глубокихъ песковъ. Тутъ построенъ монастырь, который возбудилъ мое любопытство своимъ именемъ: онъ называется Голутвинымъ. Рассказываютъ по старому монашескому преданію, что на семь мѣстѣ жили нѣкогда разбойники, которыхъ называли *голыдѣбою* или голыми людьми, и что ихъ имя въ теченіе времени досталось монастырю въ наслѣдство» [Карамзин 1803а: 286, 287] – 1 пример).

При описании *песковъ* Н.М. Карамзин характеризует их глубину. При этом, на наш взгляд, однозначно определить, о чем идет речь, является затруднительным: автор мог сообщать об особенностях течения Москвы-реки (подчеркивается влияние глубины песчаного дна на течение реки) или о том, что в данной местности преобладает песчаный тип почвы (см. [Поспелов 2007: 85, 417])¹.

7. *Пустыня* (П <31> «такое пріятное мѣсто, окруженное водою и густо осѣненное старыми деревьями, которыя могли бы закрыть и самое огромное зданіе, теперь остается дикою пустынею» [Карамзин 1802b: 216], <62>, <63> – 3 примера).

Н.М. Карамзин использует слово *пустыня* для обозначения безлюдного пространства – обширной местности, не заселенной человеком².

8. *Равнина* (П <151> «Вообще имя Коломны встрѣчается въ Исторіи по двумъ случаямъ: или Татары жгутъ ее, или въ ней собирается Руское

¹ И то и другое значение указываются в [Словарь русского языка XVIII века 2011b: 181]. В «Словаре Академии Российской» обнаруживается следующее толкование: «*Пески* <...> Песчаная мѣста» [Словарь Академии Российской 1793: 779].

² В «Словаре Академии Российской» обнаруживается следующее толкование: «*Пустыня* <...> Мѣсто необитаемое; степь» [Словарь Академии Российской 1793: 1201].

войско итти противъ Татаръ -- бывало всегда на большой равнинѣ, гдѣ течеть рѣка Сѣверка» [Карамзин 1803а: 284] – 1 пример).

Н.М. Карамзин оценивает *равнину* с точки зрения ее размера (*большая*).

9. *Яма* (П <12> «Москва не много видна изъ оконъ дворца; но вѣроятно, что бывшій съ этой стороны заборъ (ямы столбовъ не заросли еще въ нѣкоторыхъ мѣстахъ) не позволялъ и того видѣть» [Карамзин 1802b: 210] – 1 пример).

Н.М. Карамзин использует слово *яма*, называя особенность рельефа, однако это слово в других контекстах также называет особый тип строения (см. п. 2.6.4.5).

Примечательно, что ямы упоминаются автором в связи с тем, что их наличие позволяет восстановить в памяти прежний вид наблюдаемого места: указывается их функциональная предназначенность (наличие *ямъ столбовъ* свидетельствует о том, что раньше здесь был *заборъ*). Характерно, что в «Словаре Академии Российской» толкование слово *яма* связывает данный объект с деятельностью человека: «Мѣсто вырытое, углубленіе на поверхности земли» [Словарь Академии Российской 1794b: 1045].

Общий комментарий

1. Описывая элементы рельефа земной поверхности, Н.М. Карамзин указывает различные параметрические характеристики (высота, глубина, ширина, длина), а также цвет объекта.

2. Н.М. Карамзина интересуется взаимосвязь и взаимовлияние рельефа земной поверхности и деятельности человека.

3. Н.М. Карамзин оценивает полезность рельефа земной поверхности для человека в двух аспектах: а) пригодность для прогулок, б) эстетическая ценность (визуальное восприятие).

2.6.3 Участки растительности

1. *Дичь* (П <185> «Роци -- гдѣ дикость Природы соединяется съ

удобностями Искусства и всякая дорожка ведетъ къ чему нибудь пріятному: или къ хорошему виду, или къ обширному лугу, или къ живописной дичи» [Карамзин 1803с: 282] – 1 пример).

Согласно «Словарю русского языка XVIII века», в данном контексте слово *дичь* обозначает место, поросшее «дикой растительностью» [Словарь русского языка XVIII века 1991: 143]. Примечательно, что оно привлекает внимание автора своими эстетическими свойствами.

2. *Лѣсъ* (М <130> «Мнѣ хотѣлось бы представить начало Москвы *ландшафтомъ* -- лугъ, рѣку, пріятное зрѣлище строенія: деревья падаютъ, лѣсъ рѣдѣтъ, открывая виды окрестностей -- небольшое селеніе дворянина Кучки, съ маленькою церковью и съ кладбищемъ» [Карамзин 1802g: 305, 306], <196> – 2 примера, П <49> «Видно, что онъ безъ вниманія смотрѣлъ на окрестности Троицкой дороги, частый кустарникъ и самый грунтъ земли (на правой и на лѣвой сторонѣ) доказываютъ, что тутъ прежде были сплошные лѣса, которые, вѣроятно, простирались и далѣе къ сѣверу, то есть, къ Переславлѣю» [Карамзин 1802b: 220], <47>, <50>, <51>, <56>, <60>, <61> – 7 примеров).

Описывая *лѣса*, автор особо упоминает их цвет (<56> *зелень лѣсовъ*), слабую освещенность (<61> *мракъ лѣсовъ*), то, что они являются непроходимыми (<47> *густой лѣсъ*, <60> *дремучій лѣсъ*), и то, что они занимают большое пространство (<49> «тутъ прежде были сплошные лѣса»).

При описании *лѣсовъ* Москвы и Подмосковья Н.М. Карамзин сообщает об изменениях, с ними происходящих: они *рѣдѣютъ* (<130>), *исчезаютъ* (<50>), *истребляются* (<51>). В большинстве фрагментов автор связывает эти изменения с воздействием человека на природу, оценивая его при этом положительно, указывая на то, что на месте *лѣсовъ* появляются *теперешніе веселые луга и поля* (<47>) (см. также фрагменты <51>, <130>, в которых исчезновение лесов оценивается положительно).

3. *Лугъ* (М <130> «Мнѣ хотѣлось бы представить начало Москвы

ландшафтомъ -- лугъ, рѣку, пріятное зрѣлище строенія: деревья падаютъ, лѣсъ рѣдѣеть, открывая виды окрестностей -- небольшое селеніе дворянина Кучки, съ небольшою церковью и съ кладбищемъ» [Карамзин 1802g: 305, 306] – 1 пример, П <47> «Теперешніе веселые луга и поля были нѣкогда или болотомъ или густымъ лѣсомъ» [Карамзин 1802b: 220], <42>, <183>, <185> – 4 примера).

Н.М. Карамзин дает оценку подмосковным *лугамъ*, указывая их размер и функцию: примеры показывают, что *луга* воспринимаются автором как место, где можно гулять и наслаждаться красотами природы.

4. *Поле* (М <196> «огромный Воспитательный Домъ съ одной стороны, а съ другой длинный, необозримый берегъ съ маленькими домиками, зеленью и громадами плотоваго лѣса; вдали Воробьевы горы, лѣса, поля – вотъ картина! вотъ гульбище, достойное великаго народа!» [Карамзин 1803с: 285] – 1 пример, П <175> «(Старинные Рускіе Бояре – Л.В.) не знали, какъ милы для глазъ ландшафты полей, и какъ нуженъ для здоровья деревенскій воздухъ...» [Карамзин 1803с: 280], <42>, <47> – 3 примера).

Н.М. Карамзин обращает внимание на *поля* прежде всего с точки зрения их эстетической ценности для человека: ни в одном из фрагментов не обнаруживается признаков того, что автор рассматривает поля как сельскохозяйственные угодья. Примечательно, что в «Словаре Академии Российской» толкование этого слова связано с утилитарной оценкой упоминаемого объекта: «ПОЛЕ <...> Нарочитое земли пространство поросшее травою, на которомъ или пасутъ стада, или по воздѣланіи и удобреніи сѣютъ хлѣбъ» [Словарь Академии Российской 1793: 957].

5. *Роща* (П <16> «Онъ любилъ Алексѣевское, хотя впрочемъ мѣстоположеніе очень обыкновенно: ровное и гладкое, на лѣвой сторонѣ видна сосновая роща» [Карамзин 1802b: 211], <48>, <185> – 3 примера).

В описании *рощи* Н.М. Карамзин сообщает о том, какие деревья там растут.

Марьи́на ро́ща (М <313> «Жителямъ Московскимъ извѣстно старое Нѣмецкое кладбище, въ Марьиной рошѣ, я хотѣлъ узнать, когда оно было оставлено, и спрашивалъ о томъ у Пасторовъ здѣшнихъ Лютеранскихъ церквей» [Карамзин 1803f: 100] – 1 пример).

Согласно источникам, *Марьи́на ро́ща*, названная так по расположению этого лесного массива близ деревни Марьино, вошла в состав Москвы в середине XVIII века и была известна как место народных гуляний (см. [Москва. Энциклопедия 1997: 466]).

В карамзинское время сочетание *Марьи́на ро́ща* использовалось в качестве дримонима¹; в настоящее время топоним «Марьи́на ро́ща» по-прежнему используется, но уже в качестве городского хоронима.

Н.М. Карамзин не описывает *Марьину рошу*, но упоминает ее для того, чтобы пояснить местонахождение *старого Нѣмецкаго кладбища*.

6. *Сокольники* (П <182> «Поѣзжайте въ Воскресенье на Воробьевы Горы, къ Симонову Монастырю, въ Сокольники: вездѣ множество гуляющихъ» [Карамзин 1803с: 281] – 1 пример).

Подмосковный во времена Н.М. Карамзина лес получил свое название *Сокольники* как «место соколиной царской охоты» [Москва. Энциклопедия 1997: 750]. В XVII веке лес был частично вырублен, на освободившемся пространстве были насажены рощи. В том же месте начиная с XVII века располагалась слобода царских сокольников (егерей) (см. [Москва. Энциклопедия 1997: 700], [Сытин 1958: 763, 764]).

В конце XVII – начале XVIII вв. *Сокольники* были популярным среди москвичей местом загородных прогулок (см. [Сытин 1958: 764]).

В состав Москвы Сокольники были включены в 1874 г. (см. [Атлас 2008: 30]).

См. также комментарий к *Воробьевы Горы*.

Общий комментарий

¹ «Дримоним – собственное ими любого лесного участка, леса, бора, рощи» [Подольская 1988: 57].

Описание растительных участков в статьях Н.М. Карамзина не ограничивается их естественными характеристиками (размер, цвет, «густота» и указание того, какие деревья растут), но также указывается то, какую роль они играют в жизни человека, и то, как человек воздействует на них.

2.6.4 Внутригородские и пригородные топографические объекты

2.6.4.1 Части территории города и населенные места, находящиеся за городом

1. *Бѣлой городъ* (М <264> «Олеарій при описаніи своего путешествія издалъ весьма хорошій и вѣрный планъ Москвы. Въ его время она раздѣлялась на *Китай-городъ*, *Царь-городъ* (нынѣ бѣлой-городъ), *Скорodomъ* и Стрѣлецкую Слободу, бывшую за Москвою-рѣкою» [Карамзин 1803е: 255], <201>, <228>, <276>, <306> – 5 примеров).

Следует обратить внимание на вариативность написания у Н.М. Карамзина данного хоронима: *бѣлой городъ* (<264>, <276>), *Бѣлой городъ* (<201>, <306>) и даже *Бѣлой Городъ* (<228>) – неупорядоченность дистрибуции прописных vs. строчных букв в карамзинское время заставляет с осторожностью относиться к фактам их употребления при определении того, использовалось ли именование как имя собственное или нарицательное.

Сочетание *Бѣлой городъ* ¹ употребляется Н.М. Карамзиным как актуальный топоним; в современном русском языке оно превратилось в историзм.

Основной версией происхождения названия *Бѣлаго города* считается приводимая П.В. Сытиным в книге «Из истории московских улиц» гипотеза: «В XVI-XVII вв. здесь жили главным образом бояре и дворяне, находившиеся на постоянной царской службе, почему земля, занятая их дворами называлась "белой" – то есть была освобождена от земельных

¹ «Белым городом в XVII-XVIII вв. называли часть Москвы между Кремлем и Китай-городом, с одной стороны, и современным Бульварным кольцом – с другой» [Сытин 1958: 117].

налогов, которыми облагались "чёрные" земли ремесленников, торговцев и землепашцев» [Сытин 1958: 117].

Помимо указания на то, что *Бѣлой городъ* называет тот же объект, что и архаизм *Царь-городъ* (<264>), в одном из фрагментов автор упоминает окружавшие его когда-то, ныне уже разрушенные стены (<201>).

2. *Городъ* (М <303> «Послѣ имѣ отведено было мѣсто за городомъ, на берегу Яузы, гдѣ на счетъ казны выстроили для нихъ (*иностранцев*– Л.В.) домики» [Карамзин 1803f: 96], <20>, <21>, <25>, <157>, <181>, <183>, <234>, <239>, <305>, <311>, <312>, <314> – 13 примеров; П <2> «Взявъ на откупъ Университетскую Типографію, онъ умножилъ механическіе способы книгопечатанія, отдавалъ переводить книги, завелъ лавки въ другихъ городахъ, всѣми способами старался пріохотить Публику ко чтенію, угадывалъ общій вкусъ и не забывалъ частнаго» [Карамзин 1802a: 57], <59>, <134>, <275> – 4 примера).

Включение в раздел 2.6.4.1 слова *городъ* обусловлено тем, что в ряде случаев оно используется для обозначения населенных пунктов, находящихся за пределами Москвы и являющихся частями Подмосковья.

В подавляющем большинстве случаев слово *городъ* употребляется для обозначения Москвы. Если же речь идет об иных населенных пунктах, в 2 из 4 случаев используется сочетание *другіе города*. Подобная дистрибуция (*городъ* = Москва vs. *другой городъ* = не Москва) свидетельствует о том, что в хронотопе статей Н.М. Карамзина Москва является пространственной точкой отсчета, что позволяет ему использовать сочетания типа <25> «пространство отъ города до Ростокинскаго моста», <157> «Не только въ городѣ, но и въ окрестныхъ деревняхъ», <234> «они бѣжали изъ города», <239> «возвратился въ городъ» и т.п.

В хоронимах *Бѣлой городъ*, *Земляной Городъ*, *Китай-городъ*, *Царь-городъ*, приводимых также в разделе 2.6.4.1, слово *городъ* называет не отдельный населенный пункт, а используется в сочетаниях, именующих исторические части Москвы.

Коломна (П <161> «Въ 25 верстахъ отъ Коломны находится село Дѣдлово, весьма достойное любопытства. Я давно желалъ видѣть его» [Карамзин 1803а: 288]» [Карамзин 1803а: 286, 287], <151>, <158> – 3 примера).

Коломна является одним из старейших городов Подмосковья (см. [Поспелов 2007: 19]). В описании данной местности *Коломна* служит в качестве пространственного ориентира: сообщается, что объекты находятся рядом с *Коломной*, а не наоборот.

3. *Городокъ* (П <312> «Мальчишки бѣгали за ними (за иностранцами – Л.В.) по улицамъ, оскорбляли ихъ непристойными словами и дразнили именемъ Кукуя. Наконецъ, лишась терпѣнія, Нѣмцы требовали защиты Царя. <...> Добрый Царь Алексѣй Михайловичъ приказалъ <...> всенародно объявить, чтобы никто не смѣлъ оскорблять чужестранныхъ ни словомъ, ни дѣломъ <...> и что жилище Нѣмцовъ должно впредь называться *новою иноземскою Слободою*. Вотъ происхожденіе нынѣшней Слободы Нѣмецкой. Иностранцы продали каменные дома свои въ городѣ, а деревянные перевезли на берегъ Яузы, и были весьма довольны своимъ жребіемъ; отдѣлясь отъ Рускихъ, они лучше могли пользоваться удовольствіями общества между собою и благодарили Царя за то, что онъ велѣлъ имъ ходить въ собственной народной одеждѣ; построили двѣ Лютеранскія и двѣ Реформатскія церкви (Англійскую и Голландскую), и скоро обратили Слободу въ маленькой особенной городокъ, который черезъ нѣсколько лѣтъ соединился съ Москвою» [Карамзин 1803f: 98-100]. – 1 пример).

Автор упоминает населенный пункт, который несколько раз менял свой статус: из *Слободы* превратился в *городокъ*, из *городка* – в часть *Москвы*. Обращает на себя внимание сочетание диминутива *городокъ* и выражающего то же значение прилагательного *маленькой*.

4. *Деревня* (П <178> «Только при Государѣ ПЕТРѢ Великомъ знатные начали строить дома въ Подмосковныхъ; но еще за 40 лѣтъ передъ симъ богатому Рускому дворянину казалось стыдно выѣхать изъ столицы и жить

въ деревнѣ» [Карамзин 1803с: 280], <77>, <133>, <138>, <155>, <157>, <171>, <174>, <180> – 9 примеров).

Деревня Клинь (П <162> «Деревня Клинь, которая была въ старину наслѣдственнымъ помѣстьемъ фамиліи Романовыхъ, принадлежитъ къ Дѣдлову» [Карамзин 1803а: 288] – 1 пример).

По всей вероятности, речь идет о деревне, которая в настоящее время называется Клиньское и находится неподалеку от города Коломна и села Дединово на берегу реки Ока. Н.М. Карамзин упоминает, что *деревня Клинь* являлась наследственным поместьем фамилии Романовых, однако такие сведения относительно данного населенного пункта нам обнаружить не удалось. В то же время указание владельца – семьи Романовых – имеется в исследованиях, посвященных подмосковному населенному пункту *Клинь*, получившему статус уездного города в 1785 г. (см. [Селиванов 1895: 404]).

Деревня Люберцы (П <143> «На другой день въ 10 часовъ я остановился въ деревнѣ Люберцахъ (*), которая принадлежала славному Князю Меншикову, а теперъ Государева <...> *) Въ 16 верстахъ отъ Москвы» [Карамзин 1803а: 282] – 1 пример).

Люберцы (П <144> «Петръ III, будучи Великимъ Княземъ, желалъ имѣть въ Люберцахъ сельской домъ; но его не успѣли достроить, и заготовленные матеріалы, отвезенные въ Москву, послужили для строенія Воспитательнаго Дома» [Карамзин 1803а: 282] – 1 пример).

Н.М. Карамзин дает характеристику *деревнѣ Люберцамъ*, описывая ее историю через изменение ее принадлежности: вначале она принадлежала *славному Князю Меншикову*, а затем – *Государю*. Помимо этого, автор сообщает о местоположении деревни, в сноске указывая степень ее удаленности от Москвы («Въ 16 верстахъ отъ Москвы»). Последнее свидетельствует о том, что Москва является для автора пространственной точкой отсчета, относительно которой оцениваются другие объекты.

Употребление ойконима *деревня Люберцы* в современном русском языке изменилось: бывшая деревня стала подмосковным городом (см.

[Москва. Энциклопедия 1997: 500]). Кроме того, обращает на себя внимание то, что автор в сочетании *деревня Люберцы*, в котором слово *Люберцы* является приложением, склоняет его (*въ деревнѣ Люберцахъ*), в то время как с точки зрения современной нормы это было бы речевой ошибкой (ср. с *в городе Люберцы*).

Деревня Ростокино (П <24> «Коляска дожидалась меня въ деревнѣ Ростокинѣ, которая достойна примѣчанія для любителей Исторіи» [Карамзин 1802b: 213] – 1 пример).

По словам Н.М. Карамзина, *деревня Ростокино* является интересным, заслуживающим осмотра объектом, поскольку в этом месте происходили важные исторические события. В описании деревни эта характеристика является единственной.

Во времена Н.М. Карамзина слово *Ростокино* использовалось как ойконим, называющий деревню, а в настоящее время является городским хоронимом, именующим район Москвы (см. [Москва. Энциклопедия 1997: 700]).

Обращает на себя внимание то, что, как и в случае со словом *Люберцы*, приложение *Ростокино* используется автором как склоняемое существительное (ср. *въ деревнѣ Ростокинѣ* и совр. *в районе Ростокино*).

Следует обратить внимание на то, что названия подмосковных деревень *Клинъ*, *Люберцы*, *Ростокино* в большинстве случаев предваряются словом *деревня*, в то время как названия городов в статьях Н.М. Карамзина не требуют использования слова *городъ*.

5. *Деревенька* (П <154> «Въ самыхъ маленькихъ деревенькахъ женщины въ избахъ своихъ выють шелкъ» [Карамзин 1803a: 285] – 1 пример).

Так же, как и в случае с сочетаниями *маленькой ручеекъ* и *маленькой городокъ*, обращает на себя внимание сочетание диминутива *деревенька* и прилагательного *маленькая*, образующих плеоназм.

6. *Земляной Городъ* (М <309> «Черезъ нѣкоторое время они построили новую (*церковь* – Л.В.) въ Земляномъ Городѣ; но скоро должны были совсѣмъ переселиться за валъ» [Карамзин 1803f: 97], <201> – 2 примера).

Земляной городъ упоминается Н.М. Карамзиным как топоним, но в современном русском языке перешел в разряд историзмов. Название *Земляной городъ* связано с тем, что главным укреплением упоминаемого пространства в XVII веке был земляной вал. Земляной город расположен за нынешним Кремлем и Китай-городом, между Садовым и Бульварным кольцом (см. [Сытин 1958: 333, 334]).

Помимо сочетания *Земляной Городъ* для именования того же объекта Н.М. Карамзин использует слово *Скородомъ*¹, однако не дает пояснений относительно соотношения этих названий (ср. с *Бѣлой городъ* и *Царь-городъ*).

Автор не дает каких-либо характеристик *Землянному Городу*, упоминая его в связи с рассказом о событиях, происходивших в нем.

7. *Китай-городъ* (М <265> «Кремль считался только частію Китая-города» [Карамзин 1803e: 255], <242>, <269>, <270>, <274> – 5 примеров).

Китай (М <228> «Онъ повелѣлъ только запереть Кремлевскія ворота, когда народъ разсѣялся по Китаю и Бѣлому Городу» [Карамзин 1803d: 132, 133], <269> – 2 примера)

Н.М. Карамзин использует сочетание *Китай-городъ*, а также слово *Китай* для обозначения района Москвы. В конце XV века Китай-город развивается из посада, перенесенного из Кремлевского дворца на территорию современного Китай-города, который с начала XVI века стал называться *Китай-городъ* (см. [Сытин 1958: 67]).

Опираясь на сведения А. Олеария, Н.М. Карамзин говорит о

¹ «Полоса укрепления Земляного города проходила по линии современного Садового кольца. Он имел и другое название – Деревянный город. Земляным (одновременно Деревянным) город назывался потому, что одна его важная составная часть была земляной – вал вдоль рва, а другая – деревянной: вдоль всего земляного вала была сооружена деревянная стена. Эта часть Москвы, заключенная между Белым городом и земляным валом, называлась еще и Скородом» [Смолицкая, Горбачевский 1982: 20].

происхождении этого хоронима и дает его толкование. Н.М. Карамзин описывает *Китай-городъ*, указывая его месторасположение, состав жителей и примечательные постройки. Необходимо заметить, что данный хороним употребляется до сих пор.

8. *Кремль* (М <245> «Черезъ нѣсколько дней послѣ того Царь угощаль въ Кремлѣ всю свою гвардію» [Карамзин 1803d: 138], <191>, <195>, <200>, <210>, <216>, <230>, <231>, <232>, <235>, <236>, <247>, <248>, <255>, <259>, <265>, <268>, <269> – 18 примеров).

Слово *Кремль* используется Н.М. Карамзиным в качестве хоронима исключительно для обозначения Московского кремля, при этом во всех случаях это слово и его дериват *Кремлевский* (например, <191> «если бы можно было сломать тамъ Кремлевскую стѣну», <197> «сѣвъ на уступѣ Кремлевской горы», <208> «въ новыхъ Кремлевскихъ палатахъ») пишется с заглавной буквы.

Автор объясняет происхождение названия *Кремль* (<269>). Примечательно, что, приводя историю появления этого слова, он указывает на возможный источник возникновения городских хоронимов – заимствование из иностранных языков.

Описывая *Кремль* XVII века, Н.М. Карамзин представляет его как политический центр царского правления, где цари угощали гвардию, принимали иностранных послов (<245>, <259>). Опираясь на свидетельство Олеария, автор сообщает, что в *Кремль* насчитывалось 50 церквей (<255>). Н.М. Карамзин упоминает, что в *Кремль* жили русские цари и бояре (<266>–<268>). Таким образом, автор в описаниях *Кремля* XVII века упоминает функции, строения и жителей данного места.

9. *Кукуй* (П <304> «Жены солдатъ Нѣмецкихъ, замѣтивъ что нибудь странное въ Рускихъ, ходившихъ мимо ихъ оконъ, кричали другъ другу: *Кукке, кукке гиръ*, то есть: *смотри, смотри!* Рускіе затвердили это слово, и прозвали Нѣмецкую слободу Кукуемъ» [Карамзин 1803f: 96], <311>, <312> – 3 примера).

Н.М. Карамзин описывает местоположение *Кукуя* по его отношению к реке Яуза и особо подчеркивает, что в XVII веке *Кукуй* находился не в Москве (<311>, <312>) (в настоящее время это территория Москвы; см. [Москва. Энциклопедия 1997: 556]).

Опираясь на сведения А. Олеария, Н.М. Карамзин называет причины, по которым Немецкая слобода стала называться *Кукуем* (<304>). Автор обращает внимание на народную этимологию, сопровождающую заимствование.

В настоящее время данное слово в качестве топонима не употребляется.

10. *Подмосковная* (П <164> «На сей разъ будьте покойны: возвращаюсь къ камину своей Подмосковной» [Карамзин 1803а: 289], <156>, <178>, <184> – 4 примера).

В обоих изданиях «Словаря Академии Российской» данное слово отсутствует, зато в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля указывается следующее его значение: «*Подмосковная* <...> деревня, именье, дача под Москвою, вблизи, на день и меньшее переезда» [Даль 1882: 192]. В «Словаре русского языка XVIII века» обнаруживается следующее описание слова: «Подмосковная, субст. Имение под Москвой. Граф и графиня Литвы ... прожили нѣсколько дней в пяти верстах от Москвы, в подмосковной Николая Петровича Высоцкого. АВ XIV 498. В оном же домѣ продается Бронницкаго уѣзда подмосковная ... МВ 1795 59» [Словарь русского языка XVIII века 2013: 236, 237].

Н.М. Карамзин использует слово *Подмосковная*, называя различные подмосковные поместья, причем во всех случаях первая буква слова является заглавной. *Подмосковные* упоминаются автором в связи с обращением к теме развития дачного отдыха в конце XVIII – начале XIX вв.

В современном русском языке слово *Подмосковная* является архаизмом.

11. *Помѣстье* (П <150> «отказалъ Московскія и Коломенскія

помѣстья свои фельдмаршалу Борису Петровичу» [Карамзин 1803а: 283], <111>, <135>, <136>, <162> – 5 примеров).

Н.М. Карамзин описывает историю подмосковных *помѣстій*, называя их владельцев и указывая их местоположение (<135>, <136>, <150>, <162>). Автор сообщает о том, что *помѣстья* в XVIII веке служили местом отдыха своих владельцев (<135>).

Учитывая, что слово *помѣстье* называет «земельное владение помещика» [Ожегов, Шведова 2006: 559], в современном русском языке его можно оценить как историзм.

Кунцово (П <137> «Одинъ Кирила Полуектовичъ Нарышкинъ умѣлъ выбрать несравненное Кунцово на высокомъ берегу Москвы-рѣки, гдѣ представляется взору самый величественный амфитеатръ» [Карамзин 1803а: 281] – 1 пример).

Н.М. Карамзин упоминает поместье, находящееся в подмосковном селе *Кунцово*. Его описание подчеркивает уникальность географического положения и природного ландшафта: автор указывает на то, что оно находится на берегу реки, и на вид, открывающийся на окрестности. Обращает на себя внимание метафорическое использование в описании театрального термина *амфитеатр*¹ (ср. с приведенным выше описанием Москвы в повести «Бедная Лиза» (1792): «Стоя на сей горѣ, видишь на правой сторонѣ почти всю Москву, сію ужасную громаду домовъ и церквей, которая представляется глазамъ въ образѣ величественнаго амфитеатра» [Карамзин 1814а: 2]). В современное время используемый Н.М. Карамзиным ойконим *КунцОво* трансформировался в городской хороним *КунцЕво*², называющий район Москвы.

Кусково (П <136> «Теперь Кусково можетъ завидовать Останкину, которое въ самомъ дѣлѣ лучше мѣстоположеніемъ; первое есть старинное

¹ В «Словаре русского языка XVIII века» подобное употребление не отмечено.

² «В 1960 г. было принято решение привести городскую черту Москвы в соответствие с фактическими контурами застройки города и с учетом перспективного развития. В состав Москвы были включены подмосковные села, деревни, поселки – Медведково, Царицыно, Крылатское, Теплый Стан, Очаково и др. и даже небольшие города – Бабушкин, Кунцево, Перово и др.» [Смолицкая, Горбачевский 1982: 21].

помѣстье Шереметевыхъ, а второе досталось имъ отъ Черкасскихъ» [Карамзин 1803а: 280, 281], <133> – 2 примера).

Останкино (П <136> «Теперь Кусково можетъ завидовать Останкину, которое въ самомъ дѣлѣ лучше мѣстоположеніемъ; первое есть старинное помѣстье Шереметевыхъ, а второе досталось имъ отъ Черкасскихъ» [Карамзин 1803а: 280, 281] – 1 пример).

Топонимы *Кусково* и *Останкино* образуют во фрагменте <136> единый перечислительный ряд, называя схожие по типу объекты, обладающие общими характеристиками. Н.М. Карамзин сопоставляет два подмосковных поместья, подробно описывая изменения, произошедшие в *Кусково*: великолепие в прошлом, запустение в настоящем.

Село *Кусково* и деревня *Останкино* описываются Н.М. Карамзиным как места, связанные с историей Москвы. Им дается характеристика по их прежним владельцам, а про *Кусково* также сообщается о том, какую роль расположенная в этом селе усадьба играла в жизни московских жителей, будучи местом, где устраивались различные увеселения.

В наше время ойконимы *Кусково* и *Останкино* используются как городские хоронимы, поскольку называемые ими места стали районами Москвы (см. [Москва. Энциклопедия 1997: 416, 601]).

Обращает на себя внимание то, что автор склоняет слово *Останкино* («завидовать Останкину»).

Следует обратить внимание на то, что, как и в случае с названиями городов, названия поместий *Кунцово*, *Кусково*, *Останкино* вводятся в текст без предваряющего их слова *помѣстье*.

12. *Селеніе* (М <130> «Мнѣ хотѣлось бы представить начало Москвы ландшафтомъ -- лугъ, рѣку, пріятное зрѣлище строенія: деревья падаютъ, лѣсъ рѣдѣетъ, открывая виды окрестностей -- небольшое селеніе дворянина Кучки, съ маленькою церковью и съ кладбищемъ» [Карамзин 1802g: 305, 306] – 1 пример, П <146> «Мѣстоположеніе красиво, и большой садъ,

раздѣляющій селеніе на двѣ половины, находится подѣ въдѣніемъ Коломенскаго Управителя» [Карамзин 1803а: 282, 283], <34> – 2 примера).

Сочетание «селеніе дворянина Кучки» во фрагменте <130> используется для обозначения населенного пункта, на месте которого, согласно летописному упоминанию, возникла Москва (см. [Москва. Энциклопедия 1997: 31]), в связи с чем мы сочли уместным определить этот фрагмент как содержащий описание Москвы.

13. *Село* (П <41> «Къ нему идетъ отъ села прекрасная березовая алея» [Карамзин 1802b: 219], <55> – 2 примера).

Село Алексѣевское (П <4> «Черезъ нѣсколько минутъ открылось село Алексѣевское, напоминающее именемъ своимъ Царя Алексѣя Михайловича, который приготовилъ Россію къ величію и славѣ. Но тамъ представляется глазамъ еще другой ближайшій его памятникъ: старый дворецъ, гдѣ онъ всегда останавливался на возвратномъ пути изъ монастыря Троицкаго и располагалъ торжественный въѣздъ свой въ Москву» [Карамзин 1802b: 208] – 1 пример).

Алексѣевское (П <16> «Онъ любилъ Алексѣевское, хотя впрочемъ мѣстоположеніе очень обыкновенно: ровное и гладкое, на лѣвой сторонѣ видна сосновая роща» [Карамзин 1802b: 211] – 1 пример).

Н.М. Карамзин упоминает *село Алексѣевское* как важную историческую достопримечательность, названную в честь царя Алексея Михайловича, характеризуя его по особенностям рельефа, наличию растительности и имеющимся постройкам. Автор использует слово *Алексѣевское* как ойконим, который в настоящее время употребляется в качестве городского хоронима, так как данное место стало районом Москвы (село Алексеевское вошло в состав Москвы в начале XX века; см. [Москва. Энциклопедия 1997: 64]).

Село Архангельское (П <184> «Объѣзжайте Подмосковныя: сколько прекрасныхъ домиковъ, Англійскихъ садовъ, сельскихъ заведеній, достойныхъ любопытнаго взора просвѣщенныхъ иностранцевъ! На

примѣръ, село Архангельское, въ 18 верстахъ отъ Москвы, вкусомъ и великолѣпіемъ садовъ своихъ можетъ удивить самаго Британскаго Лорда» [Карамзин 1803с: 282] – 1 пример).

По всей вероятности, речь идет о находящемся близ подмосковного города Красногорска поселке Архангельский, в котором располагается музей-усадьба «Архангельское». О том, что Н.М. Карамзин имеет в виду именно этот населенный пункт, свидетельствует упоминание *Подмосковной* (т.е. усадьбы), наличия великолепных садов и указания расстояния до Москвы («въ 18 верстахъ отъ Москвы»; ср. с описанием деревни Люберцы).

Село Деулино (П <120> «Изъ монастыря поѣхалъ я въ село Деулино, до котораго будетъ версты 4 отъ Троицы» [Карамзин 1802d: 44] – 1 пример).

Деулино (П <121> «Но Деулино и самая деревянная церковь, построенная Троицкимъ Архимандритомъ Діонисіемъ и Келаремъ Авраміемъ на память миру, служатъ до нынѣ предметомъ любопытства для Рускихъ» [Карамзин 1802d: 46] – 1 пример).

Село Деулино находится около Троице-Сергиевой лавры (см. [Поспелов 2007: 230, 231]).

Село Дѣдлово (П <161> «Въ 25 верстахъ отъ Коломны находится село Дѣдлово, весьма достойное любопытства. Я давно желалъ видѣть его» [Карамзин 1803а: 288] – 1 пример).

Дѣдлово (П <162> «Деревня Клинь, которая была въ старину наслѣдственнымъ помѣстьемъ фамиліи Романовыхъ, принадлежитъ къ Дѣдлову» [Карамзин 1803а: 288] – 1 пример).

В настоящее время данное село, находящееся рядом с Коломной, называется Дединово (см. [Поспелов 2007: 227]).

Село Марково (П <149> «Въ селѣ Марковѣ я останавливался искать на берегу Москвы-рѣки окаменѣлостей, которыми оно славится» [Карамзин 1803а: 283] – 1 пример).

Село Марково, упоминаемое Н.М. Карамзиным, сохранило до настоящего момента и свое название, и принадлежность к данному типу населенных пунктов.

Обращает на себя внимание то, что в сочетании *село Марково* склоняются оба существительных («Въ селѣ Марковѣ»).

Мытищи (П <34> «Выѣхавъ опять на большую Троицкую дорогу въ Мытищахъ, я ходилъ пѣшкомъ, сквозь длинную насаженную алею, къ тамошнимъ славнымъ колодцамъ, откуда проведена вода въ Москву. Ихъ числомъ 42; каждый представляетъ издали видъ маленькаго домика, и всѣ вмѣстѣ кажутся небольшимъ, прекраснымъ селеніемъ» [Карамзин 1802b: 216, 217] – 1 пример).

Бывшие во времена Н.М. Карамзина селом, в 20-е гг. XX века Мытищи получили статус города (см. [Москва. Энциклопедия 1997: 500], [Поспелов 2007: 21]).

Упоминание этого населенного пункта позволяет рассказчику локализовать свое описание.

Село Преображенское (П <169> «Подите въ село Преображенское, которое надѣляетъ Москву хорошою водою -- тамъ, среди огородовъ, укажутъ вамъ развалины небольшого каменнаго зданія» [Карамзин 1803b: 130] – 1 пример).

Село Преображенское вошло в состав Москвы в 1864 г. (см. [Москва. Энциклопедия 1997: 36, 659, 660], [Атлас 2008: 24, 25]).

Село Пушкино (П <36> «многіе крестьяне села Пушкина живутъ не въ избахъ, а въ красивыхъ домикахъ» [Карамзин 1802b: 217, 218] – 1 пример).

Во времена Н.М. Карамзина населенный пункт *Пушкино* являлся селом, а в 20-е гг. XX века получил статус города (см. [Поспелов 2007: 444, 445]).

Описывая *село Пушкино*, автор обращает внимание на тип строений местных жителей («живутъ не въ избахъ, а въ красивыхъ домикахъ»). Такой

способ описания свидетельствует о том, что в карамзинские времена нормой было то, что сельские жители жили в *избахъ*.

Следует обратить внимание на то, что в сочетании *село Пушкино* склоняются оба существительных (*села Пушкина*).

Село Тайнинское (П <26> «Я своротилъ влѣво съ большой дороги, чтобы видѣть село Тайнинское, гдѣ Царь Алексѣй Михайловичъ любилъ забавляться соколиною охотою. Мѣсто уединенное и пріятное! Тутъ запруженная Яуза кажется большою рѣкою, и со всѣхъ сторонъ обтекаетъ дворецъ Елисаветы Петровны, Которая, любя слѣды великаго Ея Дѣда, построила его близъ развалинъ дворца Алексѣя Михайловича. Онъ также разрушается» [Карамзин 1802b: 215] – 1 пример).

В XX веке село Тайнинское вошло в состав подмосковного города Мытищи (см. [Поспелов 2007: 40]).

Н.М. Карамзин описывает село, упоминая характерные особенности протекающей рядом Яузы и наличие разрушающегося путевого дворца Елизаветы Петровны. Помимо этого, автор использует два прилагательных, оценивая это место как уединенное и приятное.

В большинстве фрагментов, в которых называются села, их упоминание необходимо автору прежде всего для того, чтобы указать свое местоположение в рассказах о путешествиях по Подмоскovie.

Как и в случае с названиями деревень, вводимые в текст названия сел в большинстве случаев предваряются словом *село*.

14. *Скородомъ* (М <276> «Третья часть Москвы (за нынѣшнимъ бѣлымъ городомъ) называлась *Скородомомъ* отъ того, что она состояла изъ однихъ деревянныхъ маленькихъ домовъ, которыхъ строеніе не требовало много времени» [Карамзин 1803e: 257], <264>, <278> – 3 примера).

Н.М. Карамзин определяет территориальное расположение *Скородома* и указывает на прямую связь между названием *Скородомъ* и тем, какие строения возводились в этой части Москвы (<276>). Помимо этого,

автор характеризует *Скородомъ* как район, в котором жили различные социальные слои (<278>).

Примечательно, что топоним *Скородомъ* во всех фрагментах выделяется курсивом, как это происходит и в других случаях, когда автор использует архаизмы, называющие районы Москвы, которые во времена Н.М. Карамзина называются иначе.

В настоящее время хороним Скородом не употребляется.

О *Скородоме* см. также *Земляной Городъ*.

15. *Слобода*¹ (П <77> «когда Москва и окрестности ея представляли ужасъ язвы -- когда всѣ деревни на Троицкой дорогѣ, и даже здѣшнія слободы были опустошены ею -- ни одинъ человѣкъ не заразился въ монастырѣ, отворенномъ для всѣхъ мошельщиковъ, которые толпами приходили въ него» [Карамзин 1802с: 291] – 1 пример).

Нѣмецкая слобода (П <312> «Мальчишки бѣгали за ними (за иностранцами – Л.В.) по улицамъ, оскорбляли ихъ непристойными словами и дразнили именемъ Кукуя. Наконецъ, лишась терпѣнія, Нѣмцы требовали защиты Царя. <...> Добрый Царь Алексѣй Михайловичъ приказалъ <...> всенародно объявить, чтобы никто не смѣлъ оскорблять чужестранныхъ ни словомъ, ни дѣломъ <...> и что жилище Нѣмцовъ должно впредь называться *новою иноземскою Слободою*. Вотъ происхожденіе нынѣшней Слободы Нѣмецкой. Иностранцы продали каменные дома свои въ городѣ, а деревянные перевезли на берегъ Яузы, и были весьма довольны своимъ жребіемъ; отдѣлясь отъ Рускихъ, они лучше могли пользоваться удовольствіями общества между собою и благодарили Царя за то, что онъ велѣлъ имъ ходить въ собственной народной одеждѣ; построили двѣ Лютеранскія и двѣ Реформатскія церкви (Англійскую и Голландскую), и скоро обратили Слободу въ маленькой особенной городокъ, который черезъ нѣсколько лѣтъ соединился съ Москвою» [Карамзин 1803f: 98–100], <304>, <314> – 3 примера).

¹ «Слобода – посѣлок около города, пригород (устар.)» [Русский семантический словарь 2002b: 17].

Описывая *Нѣмецкую слободу*, Н.М. Карамзин перечисляет строения, находившиеся в том месте (деревянные дома, церкви) (<312>).

Н.М. Карамзин рассказывает о происхождении названия *Нѣмецкая слобода*. Примечательно, что сочетание *Нѣмецкая слобода* он во всех случаях использует как хороним (*Нѣмецкая* всегда пишет с заглавной буквы, написание *С/слобода* варьируется; см. <304> vs. <312>). Автор называет причину замены иноязычного топонима на русскоязычный, а также называет современное название городского объекта. *Нѣмецкая слобода* стала частью Москвы уже в карамзинский период (см. [Атлас 2008: 23, 94, 95], [Сытин 1958: 529]).

В настоящий момент сочетание *Нѣмецкая слобода* используется как историзм, а данный район Москвы называется Лефортово (см. [Москва. Энциклопедия 1997: 555, 556]).

Стрѣлецкая слобода (М <279> «Четвертая часть города, или Стрѣлецкая Слобода (за Москвою-рѣкою), также обнесенная деревянною стѣною, была построена ввремя Князя Василья Ивановича для иностранныхъ солдатъ, взятыхъ имъ въ Рускую службу. Во время Годунова, Димитрія и Царя Михаила Ѳеодоровича жили тамъ Стрѣльцы и самые бѣднѣйшіе люди» [Карамзин 1803е: 257], <264> – 2 примера)

Н.М. Карамзин описывает местоположение *Стрѣлецкой слободы*, наличие стен, материал, из которого они сооружены, время постройки и жителей.

Н.М. Карамзин использовал сочетание *Стрѣлецкая слобода* в качестве городского хоронима, который в настоящее время стал историзмом. *Стрѣлецкая слобода*, описываемая Н.М. Карамзиным, находилась на месте современной Лубянской площади (см. [Москва. Энциклопедия 1997: 446]).

16. *Труба* (М <123> «Оно шло отъ востока къ западу, и въ нѣкоторыхъ частяхъ города было сильнѣе, нежели въ другихъ: на примѣръ (сколько можно судить по рассказамъ) на Трубѣ, Рожественкѣ и за Яузою» [Карамзин

1802е: 69] – 1 пример).

Н.М. Карамзин употребляет слово *Труба* как топоним, используя написание с заглавной буквой (ср. с употреблением нарицательного *труба* в <21>).

Согласно П.В. Сытину, в XVII веке в данном месте проходила стена Белого города, в одной из башен которой находилось «отверстие – широкая арка, перегороженная железной решеткой; через отверстие протекает река Неглинная. Отверстие было длиной около 5 м, т. е. в толщину стен башни, и называлось "Трубой". Отсюда и вся местность вокруг носила название "Трубы", потом Трубной площади. <...> В конце XVIII в. стену с башней сломали, р. Неглинную перевели в открытый канал, а в 1795 г. спланировали здесь площадь» [Сытин 1958: 314]. Таким образом, топоним *Труба* появился раньше, чем топоним Трубная площадь, и у Н.М. Карамзина обнаруживается традиционное московское название данного места.

Хороним Труба обнаруживается и в современной московской речи (например, «Нет, если, конечно, прийти на Трубу поздним вечером, а лучше ночью, то еще можно услышать, как кто-то невидимый шепчет: "Вы посмотрите, а потом и говорите!"» [Бару 2015]).

17. *Царь-городъ* (М <274> «Китай-городъ окружень былъ красною, а *Царь-городъ* бѣлою стѣною» [Карамзин 1803е: 257], <269> – 2 примера).

Н.М. Карамзин отмечает, что именно так назывался *Бѣлой городъ* в XVII веке (<264>). В его описании он упоминает наличие стен и их цвет.

Следует отметить, что сочетание *Царь-городъ* являлось архаизмом уже во времена Н.М. Карамзина, в связи с чем он считает необходимым дать пояснение <264> «нынѣ бѣлой-городъ».

18. *Часть* (М <123> «Оно шло отъ востока къ западу, и въ нѣкоторыхъ частяхъ города было сильнѣе, нежели въ другихъ: на примѣръ (сколько можно судить по рассказамъ) на Трубѣ, Рождественкѣ и за Яузою» [Карамзин 1802е: 69], <209>, <275>, <276>, <279> – 5 примеров).

Словосочетание *части города* используется Н.М. Карамзиным как

нарицательное; он употребляет его, называя районы Москвы различного размера и конфигурации (*Труба* – площадь, *Рождественка* – улица, за *Яузою* – район).

Городская Часть (М <124> «Оно (землетрясение – Л.В.) не сдѣлало ни малѣйшаго вреда и не оставило никакихъ слѣдовъ, кромѣ того, что въ стѣнѣ одного погреба (въ Городской Части) оказались трещины, а въ другомъ отверстіе въ землѣ, на аршинъ въ окружности» [Карамзин 1802с: 69, 70] – 1 пример).

В данном случае Н.М. Карамзин использует сочетание *Городская Часть* как имя собственное, обе части которого пишутся с заглавных букв. Согласно административно-территориальному делению начала XIX века, Москва состояла из 20 полицейских частей, первой из которых являлась *Городская Часть*, которая состояла «из двух кварталов, в которой находятся Кремль и Китай-город, окруженные каменною стеною с башнями» (см. [Атлас 2008: 42, 43, 56, 57]). Какие-либо характеристики *Городской Части* автором не упоминаются.

Общий комментарий

1. В статьях, посвященных Москве, Н.М. Карамзин рассказывает об особенностях городской планировки. Примечательно, что автор описывает ее в двух временных планах: вслед за Адамом Олеарием, сообщает о «частях» Москвы середины XVII века и соотносит эти сведения со сведениями начала XIX века. Как мы видим, писатель перечисляет городские хоронимы, одни из которых продолжают использоваться как названия районов Москвы (*Китай-городъ*, *Кремль*), а другие перешли в разряд архаизмов или историзмов (*Царь-городъ*, *Бѣлой городъ*, *Скородомъ*, *Стрѣлецкая Слобода*), притом некоторые из них – *Скородомъ*, *Царь-городъ* – являлись устаревшими уже в карамзинское время. В этом случае писатель прибегает к одной из речевых тактик, позволяющих ему разграничить исторические и современные сведения, – использованию временного дейктика *нынѣ* и его дериватов.

2. Н.М. Карамзин указывает два возможных источника появления городских хоронимов¹: заимствование из чужого языка или превращение исконного нарицательного существительного в имя собственное. В этом плане интересно использование самим Н.М. Карамзиным сочетания *бѣлой городъ* в качестве нарицательного названия городского объекта (о чем свидетельствует употребление им строчных букв), в настоящее время преобразовавшегося в урбаноним (ср. с «В XV в. Белый город усиленно застраивался» [Сытин 1958: 118]).

3. Н.М. Карамзин называет причину замены иноязычного топонима на русскоязычный, а также называет современное название городского объекта (*Нѣмецкая Слобода*).

4. Говоря об исторических частях города, в их описаниях Н.М. Карамзин обращает внимание на: а) окружающие их стены – их наличие, цвет и материал, из которых они сделаны, б) примечательные постройки, в) функции, г) то, представители каких социальных групп проживают или бывают в этих местах.

5. История Москвы связана с вхождением в ее состав подмосковных населенных пунктов и местностей. Именно это произошло с упоминаемыми Н.М. Карамзиным Воробьевыми горами, Симоновым монастырем, Сокольниками, Марьиной рощей, Кусково, Останкино и Кунцево (у Н.М. Карамзина – *Кунцово*), а также Алексеевским, Ростокино и Преображенским – три последних топонима во времена Н.М. Карамзина использовались как ойконимы², называющие села, а в настоящее время являются городскими хоронимами, именующими районы Москвы. Схожим образом изменилось употребление ойконимов Люберцы, Мытищи, Пушкино и Тайнинское: бывшие деревня Люберцы и села Мытищи и Пушкино стали подмосковными городами, а село Тайнинское вошло в состав города Мытищи.

¹ «Городской хороним – вид хоронима и вид урбанонима. Собственное имя части территории города, в том числе района, квартала, парка» [Подольская 1988: 146].

² «Ойконим – вид топонима. Собственное имя любого поселения» [Подольская 1988: 89].

6. Н.М. Карамзин обращает внимание на те подмосковные места, которые играли какую-либо роль в жизни москвичей, прежде всего являлись местом отдыха – прогулок на свежем воздухе. Второй причиной, которая побуждала автора включить описание подмосковного населенного пункта в текст статьи, была его особая роль в истории России: Н.М. Карамзин упоминает достопримечательности и вкратце описывает события, с ними связанные. При этом упоминание подмосковных населенных пунктов позволяет автору не только описать их, но и поделиться с читателем маршрутом своего путешествия по Подмосковию от одного населенного пункта к другому.

7. Рассказывая о подмосковных местах, Н.М. Карамзин обращает внимание на особенности рельефа и ландшафта (в частности на растительность), примечательные строения и делится общим, чаще благоприятным впечатлением от увиденного.

8. Обнаруживается определенная закономерность во введении в текст названий населенных пунктов: названия городов (*Москва, Коломна*) и поместий (*Кунцово, Кусково, Останкино*) используются без предваряющих их слов *городъ* и *помѣстье*, в то время как названия деревень и сел в большинстве случаев используются в сочетаниях со словами *деревня* (*деревня Клинь, деревня Люберцы, деревня Ростокино*) и *село* (*село Алексѣевское, село Архангельское, село Деулино, село Дѣдлово, село Марково, село Преображенское, село Пушкино, село Тайнинское*). Некоторые из деревень и сел могут именоваться как сочетаниями, так и однословными именами собственными, но и в этом случае обнаруживается закономерность: Н.М. Карамзин использует однословное обозначение только тогда, когда ему предшествует двухсловное сочетание (*деревня Люберцы > Люберцы, село Алексѣевское > Алексѣевское, село Деулино > Деулино, село Дѣдлово > Дѣдлово*). Можно предположить, что упоминание того, к каким типам населенных пунктов относятся *Клинь, Люберцы* и т.п.,

связано с тем, что автор оценивал когнитивную базу читателя как допускающую отсутствие этих знаний, а потому требующую восполнения.

9. Особенностью использования сочетаний типа «деревня +» и «село + ...» является то, что в таких сочетаниях склоняются обе части («въ деревнѣ Люберцахъ», «въ деревнѣ Ростокинѣ», «въ селѣ Марковѣ», «села Пушкина»). Данное употребление значительно отличается от современного: с точки зрения норм русского языка XXI века, имя собственное в подобных сочетаниях используется как приложение в форме именительного падежа.

10. Диминутивные существительные *городокъ* и *деревенька* регулярно согласуются с прилагательным *маленькой*, образуя таким образом плеонастические сочетания.

2.6.4.2 Нелинейные объекты

1. *Гульбище* (М <193> «Тамъ уже заводилось гульбище; но Кремлевская стѣна ни мало не весела для глазъ» [Карамзин 1803с: 284], <189>, <191>, <192>, <196>, <200> – 6 примеров).

В «Словаре русского языка XVIII века» *гульбище* определяется как «место для гуляния (сад, парк, бульвар и т.п.)» [Словаре русского языка XVIII века 1991: 11]. В тексте Н.М. Карамзина говорится о пространстве, включающем, в частности, и набережную (т.е. линейный объект). Однако в целом описываемое автором место напоминает в большей степени парк (см. <191>), что позволяет отнести слово *гульбище* к разделу «Нелинейные объекты».

Интересно, что описанное Н.М. Карамзиным виртуальное пространство, предназначенное для отдыха москвичей на свежем воздухе, находится рядом с местом, в котором в современной Москве построен парк Зарядье, функционально напоминающий карамзинское *гульбище*.

По мысли Н.М. Карамзина, обустройство пространства, имеющего подобную функциональную нагрузку, подразумевает поиск удачного места (<191> «не нахожу ничего лучше берега Москвы-рѣки между каменнымъ и деревяннымъ мостомъ») и его преобразование (<191> «если бы можно

было сломать тамъ Кремлевскую стѣну, гору къ Соборамъ устлать дерномъ, разбросать по ней кусточки и цвѣтники, сдѣлать уступы и крыльцы для всхода, соединить такимъ образомъ Кремль съ набережною, и внизу насадить алею»). Упоминаются искусственно создаваемые «природные» объекты (<191> *дернъ, кусточки, цвѣтники, уступы, крыльцы, алея*), которые в настоящее время являются объектом приложения усилий современных ландшафтных дизайнеров.

2. *Дворъ* (М <226> «невѣрный слуга указалъ его мятежникамъ, которые тирански умертвили несчастнаго и бросили на дворъ въ яму» [Карамзин 1803d: 132] – 1 пример, П <7> «На лѣвой сторонѣ отъ Москвы были комнаты Царя, на правой жили Царевны, а въ серединѣ Царица; въ первыхъ окна довольно велики, а въ другихъ гораздо менѣе и выше отъ земли, вѣроятно для того, чтобы нескромное любопытство не могло въ нихъ со двора заглядывать» [Карамзин 1802b: 208] – 1 пример).

Н.М. Карамзин использует слово *дворъ* для обозначения территории, прилегающей к зданиям разного типа – от обычного дома до царского дворца. В описании одного из *дворовъ* упоминается, что на нем находится *яма*.

3. *Площадь* (М <229> «На другой день мятежники снова явились на большой площади и грозили довершить свое мщеніе» [Карамзин 1803d: 133], <211>, <214>, <216>, <232>, <233>, <238> – 7 примеров).

Н.М. Карамзин использует слово *площадь* как нарицательное существительное, обращая внимание на то, какие события происходили на площадях в XVII веке.

Красная Площадь (М <209> «Народъ толпился на красной площади, а въ другихъ частяхъ города собирався передъ церквами, совѣтуясь, что ему дѣлать» [Карамзин 1803d: 126], <272>, <273> – 3 примера).

При написании хоронима *Красная Площадь* Н.М. Карамзин вариативно использует строчные и заглавные буквы, при этом написание *красная площадь* встречается только один раз (<209>), в отличие от

написания *Красная Площадь* (<272>, <273>).

Особенностью описания *Красной Площади* является то, что в разных фрагментах Н.М. Карамзин указывает на многолюдность этого места. Помимо этого, для автора является важным указать, каковы функции данного пространства (место для социально значимых событий, место для торговли).

4. *Рынокъ*¹ (М <273> «Онъ говоритъ еще о рынокѣ (между Посольскимъ Дворомъ и Красною Площадью), гдѣ въ хорошую погоду Московскіе жители стригли себѣ волосы, которыми земля была тамъ устлана какъ *мягкими тюфяками*» [Карамзин 1803с: 256, 257], <296> – 2 примера).

Н.М. Карамзин сообщает о местоположении *рынка*, не упоминая его названия, и существует вероятность, что данный рынок середины XVII века исчез в начале XIX века. Автор обращает внимание на функции данного места.

5. *Садъ*² (М <181> «Въ городѣ у него (*богатого купца* – Л.В.) каменной домъ и большой садъ» [Карамзин 1803с: 281], <157> – 2 примера, П <14> «Другая стѣна безъ оконъ, но съ дверьми въ садъ или въ огородъ, который безъ сомнѣнія украшался всего болѣе подсолнечниками (этотъ вкусъ видимъ еще и нынѣ въ провинціальныхъ купеческихъ огородахъ); теперь густѣютъ въ немъ однѣ рябины, малиновые и смородинные кусты, такіе старые, что Царевны могли еще брать съ нихъ ягоды» [Карамзин 1802б: 210, 211], <102>, <134>, <141>, <145>, <146>, <147>, <157>, <184>, <186> – 10 примеров).

Исходя из описаний Н.М. Карамзина следует, что он оценивал *сады* в основном с точки зрения их размеров и одной из функций: *сады* являются общественным местом, предназначенным для созерцания природных

¹ Нелинейный объект «розничной торговли под открытым небом или в торговых рядах, базар» [Русский семантический словарь 2002б: 27].

² Нелинейный объект, «засаженный деревьями, кустами, цветами» [Русский семантический словарь 2002б: 27].

красот. Утилитарную функцию *садовъ* – быть источником плодов – Н.М. Карамзин не упоминает.

Описывая *сады*, Н.М. Карамзин выражает свою точку зрения относительно того, какими они должны быть: ему не нравятся регулярные сады (<186> «Рощи <...> наконецъ заступаютъ у насъ мѣсто такъ называемыхъ *правильныхъ садовъ*, которые ни на что не похожи въ Натурѣ и совсѣмъ не дѣйствуютъ на воображеніе»), в то время как английские сады, имитирующие естественную природу, вызывают у автора восхищение (<184> «Объѣзжайте Подмосковныя: сколько прекрасныхъ домиковъ, Англійскихъ садовъ, сельскихъ заведеній, достойныхъ любопытнаго взора просвѣщенныхъ иностранцевъ!«)).

В <186> обращает на себя внимание использование курсива при введении в текст термина *правильныя сады*, предваряемого словами *такъ называемыя*.

6. *Огородъ*¹ (П <14> «они гуляли только въ своихъ огородахъ, гдѣ, сидя подъ тѣнію черемхи, пивали холодной медъ изъ стопъ оловянныхъ» [Карамзин 1803с: 280], <169>, <176> – 3 примера).

Как и *садъ*, *огородъ* описывается Н.М. Карамзиным как место для отдыха и прогулок. Н.М. Карамзин сообщает, что в столице на *огородахъ* часто сажали подсолнечники (<14>). Как и в случае с *садомъ*, утилитарная функция *огорода* не упоминается.

7. *Цвѣтникъ*² (М <195> «Древній Кремль съ златоглавыми Соборами и готическимъ дворцомъ своимъ; большая зеленая гора съ пріятными отлогостями и цвѣтниками; рѣка не малая и довольно красивая, съ двумя мостами, гдѣ всегда движется столько людей» [Карамзин 1803с: 284, 285], <177>, <191> – 3 примера).

По свидетельству Н.М. Карамзина, до середины XVII века

¹ Нелинейный объект, представляющий собой «участок земли – гряды под овощами, обычно вблизи дома, жилья» [Русский семантический словарь 2002b: 26].

² Нелинейный объект, в котором «посажены или посеяны цветы» [Русский семантический словарь 2002b: 27].

цвѣтниковъ в Москве не было (<177>). *Цвѣтники* оцениваются автором как объекты города, необходимые для его украшения.

Общий комментарий

1. Описывая городские нелинейные объекты, Н.М. Карамзин сообщает об их размере, местоположении, примечательных зданиях и под.

2. Городские нелинейные объекты оцениваются Н.М. Карамзиным также с точки зрения их связи с деятельностью человека: упоминаются исторические события, происходившие там, функциональная предназначенность (место для торговли, место для отдыха и т.п.) и «заполненность» места людьми.

3. Степень подробности описания зависит от размера описываемого пространства: чем оно больше, тем подробнее рассказ автора (например, в описаниях *гульбища*, *площадей* встречается больше деталей, чем в описаниях *садовъ*, *огородовъ*, *цвѣтниковъ*).

2.6.4.3 Линейные объекты

1. *Алея* (М <191> «Иногда думаю, гдѣ быть у насъ гульбищу, достойному столицы - и не нахожу ничего лучше берега Москвы-рѣки между каменнымъ и деревяннымъ мостомъ, естли бы можно было сломать тамъ Кремлевскую стѣну, гору къ Соборамъ устлатъ дерномъ, разбросать по ней кусточки и цвѣтники, сдѣлать уступы и крыльцы для всхода, соединить такимъ образомъ Кремль съ набережною, и внизу насадить алею» [Карамзин 1803с: 284] – 1 пример, П <34> «Выѣхавъ опять на большую Троицкую дорогу въ Мытищахъ, я ходилъ пѣшкомъ, сквозь длинную насаженную алею, къ тамошнимъ славнымъ колодцамъ, откуда проведена вода въ Москву. Ихъ числомъ 42; каждый представляетъ издали видъ маленькаго домика, и всѣ вмѣстѣ кажутся небольшимъ, прекраснымъ селеніемъ» [Карамзин 1802b: 216, 217], <41>, <44>, <102>, <134>, <138>, <142> – 7 примеров).

В статьях Н.М. Карамзина слово *алея* регулярно используется при

описании ландшафта в усадьбах и городских пространствах, предназначенных для отдыха. Описывая *алеи*, автор обращает внимание на их длину (<34> *длинную алею*), разновидности деревьев (<41> *березовая алея*, <142> *померанцевые деревья*), их образующие, и искусственный характер этих природных объектов (<34> *насажденную алею*). Автор пишет о красоте *алей* (<41> *прекрасная алея*) и их функциях: они предназначены для прогулок на свежем воздухе (<191>).

Н.М. Карамзин отмечает, что *алеи* существуют в разных местах Подмосковья, а в «московских» фрагментах упоминает *алею* всего один раз при описании виртуального гульбища на берегу Москва-реки.

Обращает на себя внимание то, что это слово у Н.М. Карамзина всегда пишется с одной буквой «л». Примечательно, что в первом издании «Словаря Академии Российской» (1789) данное слово отсутствует, а во втором обнаруживается написание с двумя «л» (см. [Словарь Академии Российской 1806: 25]).

2. *Булеварь* (М <171> «Эмили́я уѣхала въ деревню, и Бостонъ нашъ разстроился; на булеварѣ нѣтъ ни души, ибо время не благопріятно для гулянья» [Карамзин 1803с: 276], <188>, <190>, <202> – 4 примера).

Используя слово *булеварь*, Н.М. Карамзин имеет в виду бульвар, который впоследствии получил название Тверской бульвар. Согласно П.В. Сытину, «с 1750 по 1792 г. постепенно сносились стены и башни Белого города, и на их месте, по плану 1775 г., намечались бульвары. В XVIII в. был устроен только Тверской бульвар, а до Петровских ворот были посажены березки, скоро засохшие; в остальных местах виднелись штабели сложенного кирпича из разобранный стены Белого города и кое-где – ее обнаженные белокаменные фундаменты. Лишь с 1797 г. по трассе бульваров стали насаждать аллеи деревьев, а у ворот бывшего Белого города были построены однообразные здания гостиниц для приезжающих» [Сытин 1958: 121, 122].

Обращает на себя внимание то, что, поскольку в момент написания

статей данный бульвар был в Москве единственным, его можно было именовать *булеваромъ*, по сути используя данное слово как имя собственное: когда Н.М. Карамзин писал о том, <190> «что нашъ *булеваръ* скупъ на тѣнь и до крайности щедръ на пыль», его читатель-москвич понимал, что речь идет о бульваре между Тверскими и Никитскими воротами – «модным местом прогулок московской аристократии. На нем устраивали свидания, делились новостями, злословили и заводили нужные знакомства» [Сытин 1958: 301].

Н.М. Карамзин описывает *булеваръ*, учитывая его основную функцию – быть местом для прогулок. Именно поэтому он указывает, что он <190> «скупъ на тѣнь и до крайности щедръ на пыль»: и то и другое препятствует прогулкам.

Н.М. Карамзин не упоминает о существовании *булеваровъ* в окрестностях Москвы.

Н.М. Карамзин пишет слово *булеваръ* через букву «е», отсутствующую в современном написании данного слова, ориентируясь на его написание в языке-источнике (фр. *boulevard*). Примечательно, что в первом и втором изданиях «Словаря Академии Российской» это слово отсутствует.

Следует обратить внимание на то, что в большинстве фрагментов слово *булеваръ* выделяется курсивом (<188>, <190>, <202>), обращая внимание читателя-современника Н.М. Карамзина на этот, по всей вероятности, неологизм, называющий новый для москвичей объект.

3. *Дорога* (П <3> «Возобновивъ въ памяти своей дѣла нашей древности, въ прекраснѣйшее время года я выѣхалъ изъ Москвы на ту дорогу, по которой столь часто Цари Рускіе ѣзжали и ходили на богомолье, испрашивать побѣды или благодарить за нее Всевышняго, въ обители основанной святымъ мужемъ и Патріотомъ» [Карамзин 1802b: 207], <20>, <26>, <44>, – 4 примера).

Употребляя слово *дорога*, Н.М. Карамзин имеет в виду только

подмосковные пути сообщения.

Н.М. Карамзин упоминает *дороги*, рассказывая о своих подмосковных путешествиях. Он сообщает об исторической значимости дорог (<3>), об их ширине (<26> *съ большой дороги*). В описаниях, в которых упоминается *дорога*, именно она является точкой, с которой ведется осмотр окрестностей (<20>, <26>).

Троицкая дорога (П <37> «Троицкая дорога ни въ какое время года не бываетъ пуста, и живущіе на ней крестьяне всякой день угощаютъ проѣзжихъ съ большою для себя выгодою» [Карамзин 1802b: 217], <34>, <49>, <77> – 4 примера).

Троицкая дорога упоминается в текстах Н.М. Карамзина как важный транспортный путь, он оценивает ее ширину, значимость и особую социальную функцию – место общения между жителями придорожных населенных пунктов и проезжающими.

В настоящее время на месте *Троицкой дороги* находится Ярославское шоссе¹.

Дорога Кусковская (П <134> «Бывало всякое Воскресенье, отъ Мая до Августа, дорога Кусковская представляла улицу многолюднаго города, и карета обскакивала карету Въ садахъ гремѣла музыка, въ алеяхъ тѣснились люди, и Венеціанская гондола съ разноцвѣтными флагами разѣзжала по тихимъ водамъ большаго озера (такъ можно назвать обширный Кусковский прудъ). Спектакль для благородныхъ, разныя забавы для народа и потѣшные огни для всѣхъ, составляли еженедѣльный праздникъ Москвы» [Карамзин 1803a: 279] – 1 пример).

Н.М. Карамзин подчеркивает сезонный характер «заполненности» *Кусковской дороги*, отмечая востребованность дороги именно летом, когда она наиболее активно использовалась москвичами, отправлявшимися в Кулково для увеселения и отдыха.

¹ «В XIV в. в 60 верстах (71 км) от Москвы по этой дороге был основан Троице-Сергиевский монастырь, по которому дорога с конца XIV в. называлась Троицкой. Лишь когда в начале XIX в. по ней было проложено шоссе в Ярославль, оно было названо Ярославским» [Сытин 1958: 754].

Владимірская дорога (П <148> «Естьли изключить Владимірскую, лѣсную и скучную дорогу, то можно сказать, что наша древняя столица окружена со всѣхъ сторонъ пріятными мѣстами» [Карамзин 1803а: 283] – 1 пример)

Н.М. Карамзин упоминает о существовании *Владимірской дороги*¹, подчеркивая особенности ландшафта, в частности то, что она густо поросла лесом с обеих сторон. Исключение Н.М. Карамзиным *Владимірской дороги* из числа «приятных мест», возможно, связано с отсутствием рядом с ней каких-либо достопримечательностей (именно потому она оценивается как *скучная*).

В настоящее время московская «часть» Владимирской дороги называется шоссе Энтузиастов².

4. *Дорожка* (П <185> «Рощи -- гдѣ дикость Природы соединяется съ удобствами Искусства и всякая дорожка ведетъ къ чему нибудь пріятному: или къ хорошему виду, или къ обширному лугу, или къ живописной дичи» [Карамзин 1803с: 282] – 1 пример).

Н.М. Карамзин использует слово *дорожка* для обозначения структурной части *рощи*.

5. *Набережная* (М <191> «Иногда думаю, гдѣ быть у насъ гульбищу, достойному столицы - и не нахожу ничего лучше берега Москвы-рѣки между каменнымъ и деревяннымъ мостомъ, естьли бы можно было сломать тамъ Кремлевскую стѣну, гору къ Соборамъ устлатъ дерномъ, разбросать по ней кусточки и цвѣтники, сдѣлать уступы и крыльцы для всхода, соединить такимъ образомъ Кремль съ набережною, и внизу насадить алею» [Карамзин 1803с: 284] – 1 пример).

Н.М. Карамзин использует слово *набережная*, имея в виду вполне

¹ «В XII в. здесь проходила дорога из Киева и Смоленска в Ростов Великий и Суздаль. Владимир Мономах, проехавший по этой дороге в Суздаль, построил город Владимир-на-Клязьме, и с тех пор эта дорога стала называться Владимирской» [Сытин 1958: 753].

² «Политические ссыльные того времени были революционерами-одиночками, поэтому в неравной борьбе с царизмом они становились жертвами его произвола. В память о них Владимирское шоссе после Великого Октября переименовано районным Советом в шоссе Энтузиастов» [Сытин 1958: 769].

определенное место в Москве – набережную, которая в настоящее время называется Кремлевской набережной. В 90-е годы XVIII века именно здесь происходили серьезные изменения, связанные с обустройством берега Москва-реки: «Первые набережные в городе стали устраиваться в последней трети 18 в. на берегах р. Москвы (Кремлёвская, Москворецкая набережные). В нач. 90-х гг. 18 в. дерев. укрепление берега начинает сменяться каменным (из песчаника карьера у дер. Татарово); одновррем. вдоль набережных устраивались проезды. В кон. 18 – нач. 19 вв. были сооружены новые кам. подпорные стенки на Кремлёвской и Москворецкой, в 30–40-х гг. – на Софийской и Раушской набережных» [Москва. Энциклопедия 1997: 545]. Градостроительные предложения Н.М. Карамзина, вероятно, связаны с тем, что в 1803 г. набережная, изначально пользовавшаяся популярностью как место прогулок, потеряла свою значимость: «на Кремлевской набережной с 1795 г. устраивались каждый вечер великосветские гулянья, причем по реке скользили лодки с роговой музыкой. Однако сырость и холод от воды скоро отпугнули гуляющих, благо в 1796 г. был устроен Тверской бульвар, куда и перешли гулянья» [Сытин 1958: 287].

Как указывают исследователи, топоним «Кремлевская набережная» существовал еще в XVIII веке (см. [Улицы Москвы. Старые и новые названия 2003: 141]), однако Н.М. Карамзин его не использует. Примечательно, что так же, как и в случае с *булеваромъ*, ознакомившись с описанием Н.М. Карамзина, читатель-москвич мог однозначно понять, о каком именно месте идет речь: на той же стороне, что и Кремлевская стена, прямо напротив нее находится только одна *набережная*.

6. *Рядъ* (М <272> «На Красной Площади *съ утра до вечера* толпилось множество людей праздныхъ, господскихъ слугъ, купцовъ и продавцевъ всякаго роду вещей. Сіе мѣсто походило на Римскій Форумъ. Тутъ рассказывались всякія любопытныя вѣсти. Уже при Царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ (Вѣроятно, что и гораздо прежде) для всякаго товара былъ въ

Москвѣ особенный рядъ, какъ и нынѣ, и на томъ же самомъ мѣстѣ. Олеарій именуеъ ряды шелковый, суконный, серебряный, шапошный, сѣдельный, сапожный, иконный и проч.» [Карамзин 1803e: 256], <277> – 2 примера).

В «Словаре Академии Российской» указывается одно из значений слова *рядъ*: «Много торговых лавок в прямой черте одна подле другой построенных» [Словарь Академии Российской 1794a: 280].

Н.М. Карамзин указывает местонахождение торговых *рядовъ* XVII века, отмечая, что оно совпадает с местонахождением торговых рядов начала XIX века, и перечисляет товары, которые продавались в этих рядах.

7. *Улица* (М <38> «Я всегда радуюсь успѣхамъ промышленности, встрѣчая на улицахъ, въ торговые дни, миловидныхъ крестьянокъ съ ягодами, цвѣтами, травами для Аптекъ» [Карамзин 1802b: 218], <127>, <173>, <220>, <243>, <244>, <246>, <260>, <271>, <299>, <312> – 11 примеров, П <153> «Улицы и строение здѣсь не красивы; но за то промышленность людей достойна вниманія и похвалы» [Карамзин 1803a: 285], <134> – 2 примера).

Н.М. Карамзин описывает преимущественно московские *улицы*, упоминая события, на них происходящие, в том числе – в описании Москвы XVII века – и необычные (<260> «Московскіе жители и на улицахъ безпрестанно молятся»).

Дмитровка (М <240> «въ три часа вечера сдѣлался страшный пожаръ на Дмитровкѣ и на Тверской, который обратилъ въ пепель всѣ дома, бывшіе за бѣлою стѣною до самой Неглинной» [Карамзин 1803d: 137] – 1 пример).

Н.М. Карамзин использует годоним ¹ *Дмитровка*, рассказывая о событии, произошедшем на этой улице. В 1937 г. *Дмитровка* была переименована в Пушкинскую улицу (см. [Сытин 1958: 233]), а в 1993 г. – в Большую Дмитровку. Таким образом, слово *Дмитровка* продолжает оставаться московским годонимом.

¹ «Годоним – название линейного объекта в городе, в т. ч. проспекта, улицы, линии, переулка, проезда, бульвара, набережной» [Подольская 1988: 52].

Рожественка (М <123> «Оно шло отъ востока къ западу, и въ нѣкоторыхъ частяхъ города было сильнѣе, нежели въ другихъ: на примѣръ (сколько можно судить по рассказамъ) на Трубѣ, Рожественкѣ и за Яузою» [Карамзин 1802e: 69] – 1 пример).

Так же, как и в случае с *Дмитровкой*, *Рожественка* упоминается Н.М. Карамзиным в связи с произошедшими на этой улице событиями.

В советские времена улица была переименована (улица Жданова), в 1989 г. ей было возвращено историческое название Рождественка.

Обращает на себя внимание то, что во времена Н.М. Карамзина название улицы включало звук «ж» – восточнославянский рефлекс звука «д» (в современном названии обнаруживается южнославянский рефлекс «жд»).

Тверская (М <240> «въ три часа вечера сдѣлался страшный пожаръ на Дмитровкѣ и на Тверской, который обратилъ въ пепель всѣ дома, бывшіе за бѣлою стѣною до самой Неглинной» [Карамзин 1803d: 137] – 1 пример).

Так же, как и в случае с *Дмитровкой* и *Рожественкой*, *Тверская* упоминается Н.М. Карамзиным в связи с произошедшими на этой улице событиями.

В советские времена улица была переименована (улица Горького), в 1990 г. ей было возвращено историческое название.

Общий комментарий

1. В описаниях линейных объектов Н.М. Карамзин указывает следующие их функции и, как следствие, признаки: а) пути сообщения, предназначенные для перемещения в пространстве, оцениваются по длине и ширине, б) место торговли – оценивается многолюдность, в) место для прогулок – сообщается о свойствах, (не) способствующих прогулкам – наличие тени и пыли. Помимо этого, сообщается о наличии насаждений и красоте описываемых объектов. В некоторых случаях автор указывает, что объект является результатом деятельности человека.

2. Слово *дорога* используется в описаниях подмосковных мест, *улица*

– преимущественно в описаниях Москвы.

3. Упоминая *булеварь* и *набережную*, находящиеся в Москве, Н.М. Карамзин не использует иные слова, которые могли бы уточнить, какие именно объекты имеются в виду, поскольку речь идет об индивидуализированных объектах.

4. Называя улицы Москвы, Н.М. Карамзин не использует само слово «улица» (**Тверская улица*), ориентируясь на то, что читателями его статей являются москвичи, которые знают, что *Дмитровка*, *Рожественка* и *Тверская* – это улицы.

5. Написание некоторых лексем отличается от современного (*алея*, *булеварь*, *Рожественка*).

6. Годонимы, упоминаемые Н.М. Карамзиным, сохранились и в современной речи москвичей.

2.6.4.4 Технические сооружения, объекты инфраструктуры и их конструктивные элементы

1. *Арка* (П <23> «Водоводъ идетъ мостомъ черезъ низкую долину, на каменныхъ аркахъ, и длиною будетъ сажень въ 60» [Карамзин 1802b: 213] – 1 пример).

Н.М. Карамзин описывает устройство наблюдаемого им *водовода* и обращает внимание на яркий конструктивный элемент его строения – *арку*.

2. *Водоводъ* (П <20> «Но я увидѣлъ не далеко отъ дороги прекрасный водоводъ, оставилъ сравненія и пошелъ смотрѣть его. Вотъ одинъ изъ монументовъ ЕКАТЕРИНИНОЙ благодѣтельности! ОНА любила во многомъ слѣдовать примѣру Римлянъ, которые не жалѣли ничего для пользы имѣть въ городахъ хорошую воду, столь необходимую для здоровья людей» [Карамзин 1802b: 212], <23> – 2 примера).

Н.М. Карамзин сообщает о функции *водовода* (описательная номинация – рассказ о деятельности Екатерины II), предоставляет информацию о его местоположении, конструктивных особенностях и размерах (<23> «Водоводъ идетъ мостомъ черезъ низкую долину, на

каменных арках, и длиною будетъ сажень въ 60»). Помимо этого, автор использует для его оценки определение *прекрасный*, вероятно, имея в виду не качество постройки, а его эстетическую ценность: данная характеристика упоминается в предложении, в котором Н.М. Карамзин сообщает о воспринятом визуальном объекте, впервые попавшем в поле его зрения во время путешествия.

Интересно, что слово *водоводъ* обнаруживается далеко не во всех словарях, изданных в XX веке: оно включено в «Большой академический словарь русского языка» («ВОДОВОД, а, м. Сооружение в виде искусственного русла (канала, трубопровода и т. п.) для подачи воды к месту ее потребления» [Большой академический словарь русского языка Т.3 2005: 20]), а, например, в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова и в «Словаре русского языка» под ред. С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой отсутствует.

Слово *водоводъ* используется Н.М. Карамзиным как нарицательное существительное, однако, как и в случае со словами *набережная* и *булеварь*, вполне понятно, какой именно актуальный референт имеется в виду. В настоящее время описанный Н.М. Карамзиным *водоводъ* известен как Ростокинский акведук; данное сооружение используется сегодня в качестве пешеходного моста.

3. *Каналь* (П <21> «ЕКАТЕРИНА хотѣла, чтобы всякой бѣдной человѣкъ находилъ близъ своего дому колодезь свѣжей, здоровой воды, и поручила Генералу Бауеру привести ее трубами изъ ключей Мытицскихъ; теперь она уже въ городѣ: остается сдѣлать каналы внутри его» [Карамзин 1802b: 213] – 1 пример).

Н.М. Карамзин указывает на цель строительства *каналовъ*: возведение *водовода* еще не закончено, поскольку необходимо построить *каналы* для подведения воды из водовода к Москве.

4. *Колодезь* (*колодець*) (М <22> «Работа долговременна и трудна, но благодареніе еще превосходить труды; и время открытія народныхъ

колодезей будетъ важною эпохою для Московскихъ жителей, то есть небогатыхъ, слѣдственно большаго числа» [Карамзин 1802b: 213], <223> – 2 примера, П <35> «Колодцы деревянные, кромѣ одного, каменнаго, называемаго громовымъ, для того, какъ увѣряють, что тутъ ударилъ нѣкогда громъ въ землю, и что изъ отверстія, имъ сдѣланнаго, потекла сама собою чистая вода» [Карамзин 1802b: 217], <21>, <34> – 3 примера).

Н.М. Карамзин использует два варианта написания слова – *колодезь* и *колодець*. В «Словаре Академии Российской» обе эти формы приводятся как допустимые для употребления: «*Кладязь*, зя. <...> В общем же языка употреблении: *Колодезь*, -зя или *Колодець*, -дца» [Словарь Академии Российской 1792: 558]. В современной речи используется вторая из форм, а первая употребляется только для достижения определенных стилистических задач.

Автор называет функцию *колодцевъ*, указывает на их пользу для человека (<21>), описывает их внешний вид (<34>), материалы, использованные при их строительстве <35>, и упоминает количество *колодцевъ* (<34>), намекая на масштаб проекта водоснабжения. В описание одного из колодцев включена история его особого именования: рассказывается местная легенда о появлении *громоваго колодца* (<35>).

Колодцы, снабжающие водой Москву, располагаются в селе Мытищи (в настоящее время – подмосковный город). Особое внимание Н.М. Карамзин обращает на то, что обустройство *колодцевъ* именно в этом месте связано с высоким качеством воды в местных источниках. Строительство *колодцевъ* оценивается как важное достижение социального прогресса (<21>, <22>, <34>).

5. *Мостъ* (М <195> «Древній Кремль съ златоглавыми Соборами и готическимъ дворцомъ своимъ; большая зеленая гора съ пріятными отлогостями и цвѣтниками; рѣка не малая и довольно красивая, съ двумя мостами, гдѣ всегда движется столько людей» [Карамзин 1803с: 284, 285], <191> – 2 примера, П <32> «Мосты сгнили, такъ, что я съ великимъ трудомъ

могъ черезъ одинъ изъ нихъ перебраться» [Карамзин 1802b: 216], <23> – 2 примера).

В описании Н.М. Карамзина упоминаются материал, из которых построены *мосты* (<23> *мостомъ на каменныхъ аркахъ*, <191> *между каменнымъ и деревяннымъ мостомъ*), и изменения, произошедшие с ними (<32> «Мосты сгнили»).

Обращают на себя внимание изменения в использовании лексем, описывающих городские объекты во фрагменте [Карамзин 1803с: 284]. Наричательное словосочетание *каменный мостъ* (<191>) превратилось в топоним «Большой Каменный мост», а нарицательное словосочетание *деревянный мостъ* (<191>) топонимом не стало: на месте деревянного моста в 1829 г. был построен каменный мост, и основания для именованя его «деревянным» исчезли (теперь он называется Большой Москворецкий мост) (см. [Москва. Энциклопедия 1997: 130, 132]).

Ростокинскій мостъ (П <25> «Лѣтописи говорятъ, что все пространство отъ города до Ростокинскаго моста (то есть, семь верстъ) было занято радостными Московскими жителями, которые, слѣдуя собственному побужденію, спѣшили скорѣе преклонить колѣна передъ своимъ Государемъ» [Карамзин 1802b: 214] – 1 пример).

Н.М. Карамзин использует микротопоним *Ростокинскій мостъ* для локализации описываемых событий: мост выступает в качестве одной из координат. При этом, как и в других случаях, автор указывает, на каком расстоянии от Москвы находится пространственный объект (ср. *деревня Люберцы* [Карамзин 1803а: 282], *село Архангельское* [Карамзин 1803с: 282]).

Вероятнее всего, упоминая *Ростокинскій мостъ*, автор имеет в виду Ростокинский акведук. Такая номинация неслучайна, поскольку акведук в действительности представляет собой мост. Например, в современном описании встречается: «Ростокинский акведук – это высокий, белокаменный, арочно-ажурный мост, напоминающий своих римских предшественников, состоящий из 21-й арки, длиною в 356 метров, с

водоканалом шириной 0,9 метров и высотой 1,2 метра» [Джанджугазова 2012: 97].

Для современной речи использование сочетания *Ростокинскій мостъ* при именовании Ростокинского акведука нехарактерно: сочетание «Ростокинский мост» ассоциируется с тремя мостами, построенными в районе проспекта Мира в XX – начале XXI вв. (см. [Москва. Энциклопедия 1997: 484]), при этом Ростокинский акведук в настоящее время все же именуется мостом, но в сочетании «Миллионный мост» (см. [Москва. Энциклопедия 1997: 482]). Таким образом, микротопоним *Ростокинскій мостъ* следует признать архаизмом.

6. *Труба* (М <21> «ЕКАТЕРИНА хотѣла, чтобы всякой бѣдной человѣкъ находилъ близъ своего дому колодезь свѣжей, здоровой воды, и поручила Генералу Бауеру привести ее трубами изъ ключей Мытицскихъ; теперь она уже въ городѣ: остается сдѣлать каналы внутри его» [Карамзин 1802b: 213] – 1 пример, П <29> «тутъ есть все нужное для ея мастерства: пустыя залы, коридоры, высокія лѣстницы, остатки богатыхъ украшеній, и (что всего важнѣе) вѣтеръ воетъ въ трубахъ, свиститъ въ разбитыя окончины и хлопаетъ дверми, съ которыхъ валится позолота» [Карамзин 1802b: 215] – 1 пример).

Н.М. Карамзин упоминает *трубы*, не указывая их характеристик при помощи прилагательных или иных средств. По контекстам употребления можно догадаться, что только в первом случае идет речь об элементе инфраструктуры: 1) труба как средство транспортировки чистой воды с подмосковных окраин в город Москву (указывается функция предмета) (<21>), 2) дымовая труба (<29>). Несмотря на то что автор использует слово *труба* для обозначения разных объектов, между этими объектами есть сходство, что отражается в толковании: «**Труба** <...> узкий и длинный, полый внутри предмет, а также вообще длинное, узкое и замкнутое пространство» [Русский семантический словарь 2002b: 566].

1. Н.М. Карамзин описывает технические объекты и элементы инфраструктуры в основном по их функциям, размерам и материалам, из которых они сделаны.

2. Все упоминаемые технические объекты и элементы инфраструктуры описываются в связи с тем, что они используются человеком.

2.6.4.5 Здания и постройки, в которых располагаются органы власти, учреждения, предприятия

1. *Воспитательный Домъ* (М <144> «Петръ III, будучи Великимъ Княземъ, желалъ имѣть въ Люберцахъ сельской домъ; но его не успѣли достроить, и заготовленные матеріалы, отвезенные въ Москву, послужили для строенія Воспитательнаго Дому» [Карамзин 1803a: 282], <196> – 2 примера).

Н.М. Карамзин описывает размеры и местоположение *Воспитательнаго Дому*; по происхождению материалов, использованных при его строительстве, можно сделать вывод, что его возведение осуществлялось при поддержке государства.

Здание Воспитательного дома сохранилось до наших дней.

2. *Дворъ* (М <110> «Двадцати лѣтъ онъ сдѣлался извѣстенъ при Дворѣ въ должности Рынды или оруженосца; для чего надлежало ему быть пріятной наружности: ибо иностранцы, описывая Дворъ Царей нашихъ, замѣчаютъ отмѣнную красоту юношей, которые, въ длинной бѣлой одеждѣ, носили передъ Государями оружіе въ ихъ торжественныхъ выходахъ» [Карамзин 1802d: 30], <54>, <112>, <114>, <168>, <204>, <205>, <227>, <280>, <298>, <302>, <315> – 12 примеров).

Нарицательное существительное *дворъ*, используемое без определений, выражает у Н.М. Карамзина два значения: 1) придворная территория (см. слово *дворъ* в разделе 2.6.4.2), 2) совокупность царедворцев. Во втором случае слово *Дворъ* пишется с заглавной буквы. Слово *Дворъ* не

называет здания или постройки, но его упоминание важно для истолкования приводимых ниже словоупотреблений.

Боярскій дворъ (М <293> «Простые люди (говорить онъ) почти не имѣють къ нимъ доступа, и не могутъ въѣхать верхомъ на Боярскій дворъ» [Карамзин 1803e: 265, 266] – 1 пример).

Боярскій дворъ находился около Кремля («В северном и юго-восточном углу Кремля появились монастырские подворья и боярские дворы, распространившиеся и на "подол"» [Сытин 1958: 29]). Н.М. Карамзин упоминает его, описывая особенности городской жизни XVII века: *Боярскій дворъ* был в высшей степени закрытым местом для привилегированных особ, тем самым автор подчеркивает социальные различия между боярами и простолюдинами. Для современного москвича сочетание «Боярский двор» является историзмом.

Земскій Дворъ (М <238> «Въ то же время Государь отправилъ Князя Семена Пожарскаго въ слѣдъ за Троханіотовымъ; его догнали близъ монастыря Троицкаго, заключили на нѣсколько часовъ въ темницѣ Земскаго Двора и казнили на площади 25 Іюня» [Карамзин 1803d: 136] – 1 пример).

Земскій Дворъ находился рядом с Кремлем («В начале XVII в. у Воскресенских ворот, между Никольской улицей и стеной Китай-города, находился Земский двор» [Сытин 1958: 92]). Из описания Н.М. Карамзина видно, что в этом месте помимо прочего имелась *темница*. Упоминание *Земскаго Двора* связано с описанием событий, о которых рассказывает автор. В современной России нет учреждения с таким названием (см. [Москва. Энциклопедия 1997: 306, 307]); для современного москвича сочетание «Земский двор» является историзмом.

Земскій Приказъ (М <206> «Первый Начальствовалъ въ Земскомъ Приказѣ, то есть уголовномъ и гражданскомъ судѣ столицы, и жертвовалъ правдою гнусной корысти съ такимъ безстыдствомъ, съ такою дерзостію, что въ наше время трудно повѣрить разсказамъ о дѣлахъ сего человѣка (*)» [Карамзин 1803d: 124, 125] – 1 пример).

Сочетание *Земскій Приказъ* используется Н.М. Карамзиным для обозначения учреждения, находившегося в *Земскомъ Дворѣ*. Автор рассказывает о функции *Земскаго Приказа* в XVII веке, из чего следует, что москвичам начала XIX века она могла быть неизвестна. Так же, как и в случае с *Земскимъ Дворомъ*, обе части в составе сложного слова пишутся с заглавных букв. Для современного носителя языка сочетание «Земский приказ» является историзмом.

Литейной дворъ (М <275> «Въ сей части города жили дѣти Боярскіе или дворяне, богатое мѣщанство, купцы имѣвшіе торгъ съ другими городами, ремесленники и всѣ хлѣбники; тамъ же были Царская конюшня и литейной дворъ, на томъ мѣстѣ, которое называлось *поганымъ прудомъ*» [Карамзин 1803е: 257] – 1 пример).

Н.М. Карамзин указывает местоположение *литейнаго двора*. Судя по всему, речь идет о Пушечном дворе («В конце XV в. Иван III построил на восточном берегу реки Неглинной (между современными Театральным проездом и Пушечной улицей) первый на Руси большой литейный завод – Пушечный двор, изготавливавший пушки и колокола» [Сытин 1958: 118]). Интересно, что в отличие от других «дворов» сочетание *литейной дворъ* пишется со строчных букв. Возможно, написание зависело от того, имелось ли в виду административное учреждение (*Боярскій дворъ*, *Земскій Дворъ* и др.) или производство (*литейной дворъ*). Для современного носителя языка сочетание «Литейный двор» является историзмом.

Посольскій Дворъ (М <273> «Онъ говорить еще о рынкѣ (между Посольскимъ Дворомъ и Красною Площадью), гдѣ въ хорошую погоду Московскіе жители стригли себѣ волосы, которыми земля была тамъ устлана какъ *мягкими тюфяками*» [Карамзин 1803е: 256, 257] – 1 пример).

Упоминание *Посольскаго Двора* связано с рассказом о событиях, происходивших рядом с ним. Топоним «Посольский двор» сохранился в современной московской речи, обозначая место, где исторически находилось учреждение *Посольскій Дворъ*.

3. *Заведеніе* (П <184> «Обѣзжайте Подмосковныя: сколько прекрасныхъ домиковъ, Англійскихъ садовъ, сельскихъ заведеній, достойныхъ любопытнаго взора просвѣщенныхъ иностранцевъ! На примѣръ, село Архангельское, въ 18 верстахъ отъ Москвы, вкусомъ и великолѣпіемъ садовъ своихъ можетъ удивить самаго Британскаго Лорда» [Карамзин 1803с: 282] – 1 пример).

Согласно «Словарю русского языка XVIII века», *заведеніе* представляет собой ‘учреждение, предприятие’ [Словарь русского языка XVIII века 1992: 172], в то время как в «Словаре Академии Российской» в качестве единственного значения этого слова указывается ‘учреждение чего вновь’ [Словарь Академии Российской 1789: 534]. Вероятно, у Н.М. Карамзина речь идет не просто об учреждениях, а о новых формах организации социально значимых объектов.

4. *Законоспаская Академія* (М <318> «Любитель просвѣщенія съ душевнымъ удовольствіемъ видить тамъ знатныхъ Московскихъ Дамъ, благородныхъ молодыхъ людей, духовныхъ, купцовъ, студентовъ Законоспаской Академіи и людей всякаго званія, которые въ глубокой тишинѣ и со вниманіемъ устремляютъ глаза на Профессорскую каѳедру» [Карамзин 1803g: 263, 264] – 1 пример).

Н.М. Карамзин не говорит о здании *Законоспаской Академіи*, но упоминает о существовании данного учебного заведения, тесно связанного со Славяно-греко-латинской академией («В создании Законоспаской академии принимал участие Максим Грек, на её основе митрополит Филарет Никитич учредил в 1640 году Славяно-греко-латинскую академию» [Панкратова, Тихонов, Фролов 2014: 114]).

Обращает на себя внимание написание одного «с» на стыке корня и суффикса в слове *Законоспаской*.

5. *Лавка* (М <285> «Въ сіе время не лѣзя было итти въ гости ни къ купцу, ни къ Боярину; даже сидѣльцы запирали лавки свои и въ лѣтнее

время спали на землѣ передъ ними» [Карамзин 1803е: 262, 263], <296> – 2 примера).

Н.М. Карамзин упоминает существование в Москве в XVII веке *лавокъ* – торговых заведений, в которых, в частности, продавался хлеб (<296>). Слово *лавка* употребляется и сегодня для обозначения небольшого магазина, торгующего, как правило, товарами одного типа (см. [Русский семантический словарь 2002b: 503]).

Книжная лавка (М <1> «За 25 лѣтъ передъ симъ были въ Москвѣ двѣ книжныя лавки, которыя не продавали въ годъ ни на 10 тысячъ рублей» [Карамзин 1802а: 57] – 1 пример).

Н.М. Карамзин упоминает о малом количестве *книжныхъ лавокъ* в Москве в конце XVIII века – всего две, однако существенно, что тем самым он подтверждает сам факт их существования.

Использование Н.М. Карамзиным слова *лавка* для обозначения места торговли в описаниях Москвы как XVII века, так и начала XIX века служит иллюстрацией того факта, что в его времена слово «магазин» не использовалось («Под лавками примерно до середины XIX в. понимались вообще любые торговые заведения. С появлением МАГАЗИНОВ, а затем ДЕПО зн. слова "лавка" несколько изменилось. Под "лавкой" стали понимать небольшое торговое помещение» [Елистратов 1997: 257]).

6. *Мастерская* (М <295> «Иностранные художники, прїѣзжавшіе въ Россію со временъ Князя Іоанна, не пускали ихъ наконецъ въ свою мастерскую, боясь, чтобы они не сравнялись съ ними въ искусствѣ» [Карамзин 1803е: 267] – 1 пример).

Н.М. Карамзин называет место, где художники и мастеровые люди творят и производят – *мастерскую*. Существование и использование слова *мастерская* отражает факт существования профессиональной деятельности в области искусства.

7. *Меншикова башня* (М <306> «Лютеране имѣли церковь свою въ Бѣломѣ городѣ (близъ нынѣшней Меншиковой башни); но женская ссора разрушила ее до основанія» [Карамзин 1803f: 96] – 1 пример).

Н.М. Карамзин упоминает *Меншикову башню* в связи с необходимостью объяснить своим современникам, где именно находилась в *Бѣломѣ городѣ* ныне разрушенная *Лютеранская церковь*. Такое использование топонима свидетельствует о том, что читателям Н.М. Карамзина неизвестно о существовании и местонахождении *Лютеранской церкви*, но хорошо известно, что такое *Меншикова башня* и где она находится. Использование данного приема уточнения указывает на то, что, по мысли Н.М. Карамзина, его читатели живут в Москве и знают, где располагаются такие объекты, как *Меншикова башня*.

Сочетание *Меншикова башня* сохранилось как топоним и известно как чисто московское обозначение Церкви Архангела Гавриила, находящейся в Архангельском переулке, д. 15а («МЕНШИКОВА БАШНЯ <...> принятое в моск. обиходе наименование ц. Архангела Гавриила. Построена в 1704–07 по заказу А.Д. Меншикова» [Москва. Энциклопедия 1997: 298]).

8. *Московскій Университетъ* (М <317> «Къ симъ двумъ Наукамъ Московскій Университетъ для публичныхъ лекцій присоединилъ еще Опытную Физику и систематическое обозрѣніе торговли» [Карамзин 1803g: 262], <316>, <319> – 3 примера).

Московскій Университетъ упоминается в карамзинском тексте как место чтения публичных лекций, популяризации и распространения знаний и наук среди всех сословий (<319>). Официальное название *Московского Университета* в настоящее время – Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

9. *Главный питейный домъ казенный* (М <241> «(пожар – Л.В.) перешелъ даже за сію рѣку и грозилъ обнять пламенемъ главный питейный домъ казенный, гдѣ стояло множество бочекъ съ виномъ» [Карамзин 1803d: 137] – 1 пример).

В описании Н.М. Карамзина говорится о географическом расположении *питейнаго дома*¹, а слово *главный* может относиться к статусу этого заведения. Автор подчеркивает принадлежность питейного дома к государственному управлению, что говорит о том, что исторически продажа алкоголя ограничивалась и регулировалась. Упоминание признака *главный* свидетельствует о том, что это был не единственный питейный дом; действительно, в исследовании П.В. Сытина упоминается множество «казенных питейных домов» (см. [Сытин 1958: 131, 141, 174 и др.]). Сочетание *питейный домъ* является устаревшим, но обнаруживается его использование как имени собственного для именованного современного водочного завода «Питейный дом» (см. <https://piteyniy.com/#>; дата обращения: 12.02.2026).

10. *Семинарія* (П <93> «Въ Лаврѣ двѣ библіотеки: одна принадлежитъ Семинаріи, а другая монастырю; первая состоитъ изъ 6000 книгъ, иностранныхъ и Рускихъ, историческихъ, нравоучительныхъ, богословскихъ, и проч.» [Карамзин 1802с: 296] – 1 пример).

Упоминается *Семинарія*, находящаяся в Троице-Сергиевой лавре.

11. *Спасская башня* (М <126> «Работники, бывшіе на Спасской башнѣ, увѣряють, что стѣны ея тряслися» [Карамзин 1802е: 70] – 1 пример).

Н.М. Карамзин использовал сочетание *Спасская башня* во фрагменте, в котором описывается землетрясение; ее упоминание позволило автору сообщить, что землетрясение было сильным («стѣны ея тряслися»). Обозначение *Спасская башня* сохранилось как имя собственное до сих пор, и следует отметить, что современное написание отличается от карамзинского, писавшего *Спасская* с одной буквой «с» на стыке корня и суффикса.

12. *Темница* (М <207> «Онѣ (Окольничій Леонтій Плещеевъ – Л.В.) разорялъ правыхъ и виноватыхъ; научалъ злодѣевъ доносить на богатыхъ

¹ «Питейный <...> связанный с продажей алкогольных напитков <...> П. дом, погреб, двор, контора» [Словарь русского языка XVIII века 2011b: 223].

людей, бралъ ихъ подъ стражу, заключалъ въ темницу и предлагалъ имъ выкупать себя деньгами» [Карамзин 1803d: 125], <238>, <297> – 3 примера).

Н.М. Карамзин не описывает то, как выглядела *темница*, но сообщает, что в XVII веке *темница* официально использовалась для содержания заключенных, в отличие от «неофициальной» *ямы*. Автор описывает московские нравы середины XVII века (с одной стороны, жестокость правосудия, с другой – милосердие царей, посещавших преступников; см. <297>).

Слово *темница* следует оценить как архаизм (в современном употреблении используется слово *тюрьма* (см. [Русский семантический словарь 2002b: 485])); слово же *темница* если и используется, то с особыми стилистическими целями.

13. *Университетская Типографія* (М <2> «Взявъ на откупъ Университетскую Типографію, онъ умножилъ механическіе способы книгопечатанія, отдавалъ переводить книги, завелъ лавки въ другихъ городахъ, всѣми способами старался пріохотить Публику ко чтенію, угадывалъ общій вкусъ и не забывалъ частнаго» [Карамзин 1802a: 57] – 1 пример).

Н.М. Карамзин упоминает о повышении уровня технологии печати в *Университетской Типографіи* как тесно связанной с развитием книжной торговли в Москве. *Университетская Типографія* в настоящее время известна как Издательский Дом (Типография) МГУ.

14. *Царская конюшня* (М <275> «Въ сей части города жили дѣти Боярскіе или дворяне, богатое мѣщанство, купцы имѣвшіе торгъ съ другими городами, ремесленники и всѣ хлѣбники; тамъ же были Царская конюшня и литейной дворъ, на томъ мѣстѣ, которое называлось *поганымъ прудомъ*» [Карамзин 1803e: 257] – 1 пример).

Н.М. Карамзин упоминает о местонахождении *Царской конюшни*, из названия которой следует, что это было сооружение, в котором содержались лошади, предназначавшиеся для царского выезда.

15. *Яма* (М <226> «невѣрный слуга указалъ его мятежникамъ, которые тирански умертвили несчастнаго и бросили на дворѣ въ яму» [Карамзин 1803d: 132] – 1 пример, П <170> «Я видѣлъ глубокія ямы, гдѣ сидѣли несчастные; видѣлъ желѣзныя решетки въ маленькихъ окнахъ, сквозь которыя проходилъ свѣтъ и воздухъ для сихъ государственныхъ преступниковъ» [Карамзин 1803b: 130] – 1 пример).

Н.М. Карамзин использует слово *яма*, называя 1) особенности рельефа (см. слово *яма* в разделе 2.6.2), 2) подземную тюрьму, находящуюся в яме (см. [Срезневский 1912: 1657]). Во втором случае *ямы* оцениваются по их глубине (*глубокія ямы*); также обращает на себя внимание, что в них есть *маленькія окна с желѣзными решетками*.

Общий комментарий

1. Н.М. Карамзин упоминает значимые для москвичей места, которые связаны с их социальной жизнью. В современной автору Москве важную роль играют учреждения, имеющие отношение к образованию (*книжные лавки, типография, университет, академия*). В Москве XVII века автор отмечает те учреждения, которые для его читателя являются «необычными», поскольку их нет в Москве начала XIX века.

2. Описывая здания Москвы XVII века, в тех случаях, когда они не обнаруживаются в Москве XIX века, автор указывает на их местоположение, упоминая здания, которые окружают современного ему москвича.

3. В ряде случаев Н.М. Карамзин использует локальные слова¹ (а не официальные обозначения объектов), что говорит о том, что его адресат – москвич, знающий такие слова (например, *Меншикова башня*).

4. Н.М. Карамзин упоминает здания, к которым имеют отношение люди, принадлежащие разным слоям общества: 1) знатные люди (*Боярскій*

¹ Слова, употребление которых ограничено территориально: они используются местными жителями.

дворъ), 2) ремесленники (*мастерская*), 3) простые люди (*Воспитательный Дом*), 4) разные сословия (*Московский Университетъ*).

5. Н.М. Карамзин сравнивает учреждения, связанные с отправлением правосудия и сферой образования, в разные исторические периоды.

2.6.4.6 Жилые строения и хозяйственные постройки и их конструктивные элементы

1. *Баня* (П <15> «Тутъ видны развалины двухъ бань, въ которыя онѣ ѣзжали не рѣдко изъ самой Москвы, даже зимою, какъ я слыхалъ отъ стариковъ, свѣдущихъ въ Рускихъ преданіяхъ. – Вокругъ дворца не осталось никакихъ другихъ зданій, кромѣ погреба, гдѣ не только ледъ, но даже и снѣгъ не таетъ до глубокой осени» [Карамзин 1802b: 211] – 1 пример).

Н.М. Карамзин сообщает о том, что а) царская семья имела обычай посещать *бани* в своем путевом дворце (и даже специально приезжать туда), б) в настоящее время эти здания пришли в негодность – от них остались *развалины*.

2. *Вышка* (П <39> «Они (*монументы старины* – Л.В.) состоятъ въ деревянной церкви, построенной, думаю, еще прежде Царя Алексѣя Михайловича, и въ ветхомъ зданіи, похожемъ на анбаръ и называемомъ *Царскою вышкою*. <...> Приставъ сказывалъ мнѣ, что другая *вышка*, которая уже разрушилась, была гораздо пространнѣе» [Карамзин 1802b: 218, 219] – 1 пример).

Царская вышка (П <39> «Они (*монументы старины* – Л.В.) состоятъ въ деревянной церкви, построенной, думаю, еще прежде Царя Алексѣя Михайловича, и въ ветхомъ зданіи, похожемъ на анбаръ и называемомъ *Царскою вышкою*. Это имя было для меня не ново я слыхалъ, что въ старину назывались такъ высокіе терема, въ которыхъ Рускіе Бояре прохлаждались иногда лѣтомъ. Цари наши не требовали ничего великолѣпнѣе для своего дорожного отдыха. Тутъ вѣрно клали имъ перину или устилали полъ травою для свѣжести, отворяя со всѣхъ сторонъ *задвигныя* окна: тогда не боялись еще сквознаго вѣтра <...>» [Карамзин 1802b: 218, 219] – 1 пример).

В «Словаре Академии Российской» дается следующее толкование этого слова: «Вышка, шки. с. ж. Терем, светлица на верху дома делаемая» [Словарь Академии Российской 1789: 953].

Н.М. Карамзин упоминает две *вышки* – сохранившуюся *Царскую вышку* и разрушившуюся *вышку*, о которой, со слов *пристава*, известно только то, что она по размеру была больше, чем *Царская вышка*.

Судя по степени подробности описания здания, которое именуется *Царской вышкою*, в начале XIX века это слово было малоизвестно. Автор описывает конкретное здание, при этом сообщение о том, что его *называют Царскою вышкою*, позволяет оценить это сочетание как имя собственное. Упоминаются высота (*высокіе терема*), размер (*гораздо пространнѣе*), внешний вид (*въ зданіи, похожемъ на анбаръ*), сохранность (*въ ветхомъ зданіи*), особенности конструкции и интерьера («клали имъ перину или устилали полъ травою для свѣжести, отворяя со всѣхъ сторонъ *задвигныя* окна») и их оценка по критерию «простота vs. великолепие» («Цари наши не требовали ничего великолѣпнѣе для своего дорожнаго отдыха»), а также функция (отдых во время путешествия: «Рускіе Бояре прохлаждались», *для дорожнаго отдыха*) данного типа здания, использовавшегося судя по всему как путевой дворец.

Обращает на себя внимание то, что, дважды упоминая строения, скорее всего неизвестные читателю, Н.М. Карамзин выделяет слова, их называющие, курсивом.

3. *Дворецъ* (М <268> «Всѣ знатнѣйшіе Бояре имѣли дома въ Кремлѣ. Палаты Никона Патріарха были тамъ, послѣ дворца, огромнѣйшимъ зданіемъ» [Карамзин 1803е: 255] [Карамзин 1803е: 255], <33>, <195>, <218>, <234>, <239>, <242>, <250>, <266>, <283>, <301> – 11 примеров, П <4> «Черезъ нѣсколько минутъ открылось село Алексѣевское, напоминающее именемъ своимъ Царя Алексѣя Михайловича, который приготовилъ Россію къ величію и славѣ. Но тамъ представляется глазамъ еще другой ближайшій его памятникъ: старый дворецъ, гдѣ онъ всегда

останавливался на возвратномъ пути изъ монастыря Троицкаго и располагалъ торжественный въѣздъ свой въ Москву» [Карамзин 1802b: 208], <12>, <15>, <17>, <28>, <40>, <43>, <99>, <102> – 9 примеров).

Описывая Москву и Подмосковье, Н.М. Карамзин очень часто упоминает *дворцы* – как старые, полуразрушенные, так и современные. Для автора эти здания являются историческими памятниками (см. [Карамзин 1802b: 208]), осмотр которых позволяет оживить в памяти картины жизни царей прошлого. Поэтому, как правило, именно *дворцы* описываются подробнее, чем здания других типов.

Н.М. Карамзин называет следующие признаки в описаниях *дворцовъ*:

Время постройки (старое здание vs. новое здание) (П <97> «Архитектура нынѣшняго дворца не показываетъ древности. Странно, что въ архивѣ монастырской не нашлось никакихъ записокъ о его построеніи. Знаютъ только, что онъ назывался Писаревскимъ» [Карамзин 1802c: 297], <4>, <5>, <43> – 4 примера).

Н.М. Карамзин указывает время постройки, сообщая о том, является ли *дворецъ* старым или новым, а также сообщает об абсолютной характеристике – *зданіе* может быть *старѣйшимъ* среди всех (<5>).

Месторасположение (П <17> «Большая каменная церковь Алексѣевская сооружена также Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ. Дворецъ подлѣ нее» [Карамзин 1802b: 211], <4>, <26> – 3 примера).

Н.М. Карамзин описывает точное местоположение *дворцовъ*: *въ селѣ Алексѣевскомъ* (<4>), *въ селѣ Тайнинскомъ* (<26>). Он также определяет местонахождение дворца по отношению к элементам ландшафта (<26> *Яуза*) и постройкам (<17> *Большая каменная церковь Алексѣевская*).

Внешний вид

- размер (М <268> «Всѣ знатнѣйшіе Бояре имѣли дома въ Кремлѣ. Палаты Никона Патріарха были тамъ, послѣ дворца, огромнѣйшимъ зданіемъ» [Карамзин 1803e: 255] – 1 пример, П <6> «Оно очень не высоко, но занимаетъ въ длину сажень тридцать» [Карамзин 1802b: 208] – 1 пример).

Н.М. Карамзин характеризуют *дворцы* по высоте, длине и величине.

- материал (П <96> «Еще недавно сломанъ Троицкій каменный дворецъ Царя Іоанна Васильевича» [Карамзин 1802с: 297], <5> – 2 примера).

Н.М. Карамзин отмечает, что в строительстве *дворцовъ* использовалась древесина (<5> *едва ли не старѣйшее изъ всѣхъ деревянныхъ домовъ въ Россіи*) и камень (<96> *каменный дворецъ*).

- состояние (ветхий vs. в хорошем состоянии) (П <26> «Я своротилъ влѣво съ большой дороги, чтобы видѣть село Тайнинское, гдѣ Царь Алексѣй Михайловичъ любилъ забавляться соколиною охотою. Мѣсто уединенное и пріятное! Тутъ запруженная Яуза кажется большою рѣкою, и со всѣхъ сторонъ обтекаетъ дворецъ Елисаветы Петровны, Которая, любя слѣды великаго Ея Дѣда, построила его близъ развалинъ дворца Алексѣя Михайловича. Онъ также разрушается» [Карамзин 1802b: 215] – 1 пример).

Н.М. Карамзин отмечает, что старые, заброшенные *дворцы* разрушаются. Про состояние новых *дворцовъ* он не сообщает.

- стиль (М <195> «Древній Кремль съ златоглавыми Соборами и готическимъ дворцомъ своимъ; большая зеленая гора съ пріятными отлогостями и цвѣтниками; рѣка не малая и довольно красивая, съ двумя мостами, гдѣ всегда движется столько людей» [Карамзин 1803с: 284, 285] – 1 пример).

Н.М. Карамзин называет *дворецъ готическимъ*; это слово в различных текстах Н.М. Карамзина используется, как указывает Ю.М. Лотман, «в <...> смыслах – "старинный", "средневековый", "варварский"» [Лотман 1984: 613]. Таким образом, в рассматриваемом фрагменте данный эпитет дает объекту характеристику как по стилю («старинный, т.е. имеющий вид, свойственный старинным постройкам»), так и по времени создания («старинный, т.е. построенный в старину»).

Конструктивные элементы

- *окна (окончины)* (П <7> «На лѣвой сторонѣ отъ Москвы были комнаты Царя, на правой жили Царевны, а въ срединѣ Царица; въ первыхъ

окна довольно велики, а въ другихъ гораздо менѣе и выше отъ земли, вѣроятно для того, чтобы нескромное любопытство не могло въ нихъ со двора заглядывать» [Карамзин 1802b: 208], <29> – 2 примера)

По мнению Н.М. Карамзина, заслуживают внимания размер и состояние окон. Автор использует синонимы *окно* и *окончина*. Второе из этих слов использовалось во времена Н.М. Карамзина (см. [Словарь Академии Российской 1793: 621]), а в настоящее время является архаизмом.

- *двери* (П <29> «тутъ есть все нужное для ея мастерства: пустыя залы, коридоры, высокія лѣстницы, остатки богатыхъ украшеній, и (что всего важнѣе) вѣтеръ воесть въ трубахъ, свистить въ разбитыя окончины и хлопасть дверми, съ которыхъ валится позолота» [Карамзин 1802b: 215] – 1 пример).

Н.М. Карамзин сообщает об украшенности дверей позолотой.

- *крыльцо* (М <217> «Бояринъ Морозовъ выходитъ на красное крыльцо» [Карамзин 1803d: 130] – 1 пример).

Н.М. Карамзин использует словосочетание *красное крыльцо*, которое в XVIII веке употреблялось для именования парадного входа в дом (см. [Словарь русского языка XVIII века 2000: 54]), а сейчас воспринимается как архаизм.

- *лѣстница* (П <30> «Я же ходилъ по гнилымъ его лѣстницамъ» [Карамзин 1802b: 215, 216], <29> – 2 примера).

Автор обращает внимание на высоту (<29> *высокія лѣстницы*) и ветхость *лѣстницъ*.

- *стѣна* (П <8> «Стѣны разрушаются; но я осмѣлился войти въ домъ, и прошелъ во всю длину его, естли не съ благоговѣніемъ, то по крайней мѣрѣ съ живѣйшимъ любопытствомъ» [Карамзин 1802b: 208], <14> – 2 примера).

Н.М. Карамзин упоминает состояние *стѣнъ дворца*, наличие или отсутствие *оконъ* в *стѣнахъ* (<14>).

Внутренняя планировка дворца (П <27> «Я осмотрѣлъ его: есть

большія комнаты, и видно, что нѣкоторыя были хорошо отдѣланы» [Карамзин 1802b: 215], <7>, <29> – 3 примера).

Н.М. Карамзин сообщает о расположении внутренних помещений дворца по отношению друг к другу и к другим объектам (<7>), а также об их размерах (<27>).

Детали интерьера (П <9> «Печи вездѣ большія, съ разными, отчасти аллегорическими фигурами на изразцахъ. Внутреннія украшенія не могли истощить казны Царской: потолки и стѣны обиты выбѣленнымъ холстомъ, а двери (и то въ однѣхъ Царскихъ комнатахъ) краснымъ сукномъ съ широкими жестяными петлями; окна выкрашены зеленою краскою» [Карамзин 1802b: 208, 209], <98> – 2 примера).

Описывая детали интерьера *дворцовъ*, Н.М. Карамзин обращает внимание не только на их цвет (<9>, <98>), материалы (<9>, <98>) и размеры, но и называет элементы декора.

Организация пространства рядом с дворцом

- *садъ* (П <102> «Садъ подлѣ дворца, состоящій изъ алей сѣнистыхъ, вокругъ немалаго пруда, и большое зданіе, гдѣ живутъ семинаристы, называются также Писаревскими» [Карамзин 1802c: 299] – 1 пример).

- *огородъ* (П <14> «Другая стѣна безъ оконъ, но съ дверьми въ садъ или въ огородъ, который безъ сомнѣнія украшался всего болѣе подсолнечниками (этотъ вкусъ видимъ еще и нынѣ въ провинціальныхъ купеческихъ огородахъ); теперь густѣютъ въ немъ однѣ рябины, малиновые и смородинные кусты, такіе старые, что Царевны могли еще брать съ нихъ ягоды» [Карамзин 1802b: 210, 211] – 1 пример).

Садъ и *огородъ* в описаниях Н.М. Карамзина примыкают ко *дворцу*, в них растут различные растения; автор обращает внимание на предпочтения различных социальных слоев в организации *садовъ*.

- *прудъ* (П <102> «Садъ подлѣ дворца, состоящій изъ алей сѣнистыхъ, вокругъ немалаго пруда, и большое зданіе, гдѣ живутъ семинаристы, называются также Писаревскими» [Карамзин 1802c: 299] – 1 пример).

Помимо растительного ландшафта Н.М. Карамзин также отмечает наличие водоема около *дворца* и оценивает его размер.

- *баня; погребъ; зданіе, гдѣ живутъ семинаристы; церковь* (П <15> «Тутъ видны развалины двухъ бань, въ которыя онѣ ѣзжали не рѣдко изъ самой Москвы, даже зимою, какъ я слыхалъ отъ стариковъ, свѣдущихъ въ Рускихъ преданіяхъ. – Вокругъ дворца не осталось никакихъ другихъ зданій, кромѣ погреба, гдѣ не только ледъ, но даже и снѣгъ не таетъ до глубокой осени» [Карамзин 1802b: 211], <17>, <102> – 3 примера).

Н.М. Карамзин сообщает, какие здания и постройки находятся рядом с *дворцомъ*.

- *мостъ* (П <32> «Мосты сгнили, такъ, что я съ великимъ трудомъ могъ черезъ одинъ изъ нихъ перебраться» [Карамзин 1802b: 216] – 1 пример).

Н.М. Карамзин описывает состояние *мостовъ*, находящихся рядом с *дворцомъ*.

Н.М. Карамзин рассказывает о вполне конкретных *дворцахъ*, но при этом чаще всего не использует имен собственных, называющих здания: их идентификация происходит в связи с упоминанием мест, где они находятся, и царей, которые в них жили или останавливались. При этом одни *дворцы* описываются более подробно, а другие – менее подробно.

Дворецъ Государя Алексѣя Михайловича (П <11> «Мнѣ случилось видать памятники иностранной древности; но дворецъ Государя Алексѣя Михайловича гораздо болѣе занималъ мое воображеніе, даже и сердце <...>» [Карамзин 1802b: 210], <26> – 2 примера).

Во времена Н.М. Карамзина *Дворецъ Государя Алексѣя Михайловича* в качестве путевого дворца уже не использовался, что привело к его частичному разрушению (<8> «Стѣны разрушаются»), что, тем не менее, не мешало ему вызывать интерес у посетителей: писатель осмотрел заброшенный *дворецъ*, чтобы составить представление об особенностях

жизни царской семьи в XVII веке. Н.М. Карамзин подробно описывает устройство *дворца*. *Дворецъ* находился на дороге из Троицкого монастыря в Москву: царь Алексей Михайлович заезжал в него после богомолья в Троице-Сергиеву лавру перед возвращением в Москву (<4> «старый дворецъ, гдѣ онъ всегда останавливался на возвратномъ пути изъ монастыря Троицкаго и располагалъ торжественный въѣздъ свой въ Москву»). Н.М. Карамзин отмечает, что *дворецъ* представляет собой старинную деревянную постройку (<5> «сіе почтенное зданіе, едва ли не старѣйшее изъ всѣхъ деревянныхъ домовъ въ Россіи»). Автор пишет о размерах строения: *дворецъ* в целом невысок, однако он довольно длинный, «занимаетъ въ длину сажень тридцать» (<6>).

Согласно Н.М. Карамзину, планировка *дворца* не является симметричной; отмечается, что у каждого члена царской семьи была своя отдельная комната во дворце: <7> «На лѣвой сторонѣ отъ Москвы были комнаты Царя, на правой жили Царевны, а въ срединѣ Царица; въ первыхъ окна довольно велики, а въ другихъ гораздо менѣе и выше отъ земли». Писатель детально описывает внутреннее устройство и убранство *дворца*: количество, расположение и назначение комнат, а также особенности отделки потолков, стен, дверей и окон.

Подробные описания Н.М. Карамзиным украшений и художественных ценностей *дворца Государя Алексея Михайловича* говорят о художественном вкусе царской семьи: <9> «Печи вездѣ большія, съ разными, отчасти аллегорическими фигурами на изразцахъ. Внутреннія украшенія не могли истощить казны Царской: потолки и стѣны обиты выбѣленнымъ холстомъ, а двери (и то въ однѣхъ Царскихъ комнатахъ) краснымъ сукномъ съ широкими жестяными петлями; окна выкрашены зеленою краскою». В описании интерьеров автор обращает внимание на размер объектов, наличие декоративных элементов, материалы, из которых они изготовлены, и цвет. Примечательно, что, описывая *дворецъ*, автор моделирует виртуальную картину царского быта: рассказывает о русском

царе, который обедает со своими вельможами (<10> «Я воображалъ нашего добраго Рускаго Царя, сидящаго тутъ среди вельможъ своихъ, или, лучше сказать, *передъ ними*: тогда и самые важные бояре, приходя къ Государю, останавливались у дверей; а сиживали съ нимъ единственно за обѣдомъ, и то за другимъ столомъ»).

Далее Н.М. Карамзин рассказывает о том, какой вид открывается из окон *дворца*: автор подробно описывает находящийся около *дворца* сад. Характерно, что он использует номинацию *садъ или огородъ*, поскольку описание пространства в этом случае представляет собой реконструкцию: как такового ни сада ни огорода в момент восприятия перед ним нет, и определить, что находилось в данном месте, автор с полной определенностью не может. При это рассказчик моделирует еще одну виртуальную картину: он описывает бытовую жизнь царицы и царевен (<13> «Передъ окнами растутъ двѣ березы, изъ которыхъ одна запустила корень свой подъ самый домъ; можетъ быть Царица Наталія Кириловна посадила ихъ!», <14> «Другая стѣна безъ оконъ, но съ дверьми въ садъ или въ огородъ, который безъ сомнѣнія украшался всего болѣе подсолнечниками (этотъ вкусъ видимъ еще и нынѣ въ провинціальныхъ купеческихъ огородахъ); теперь густѣютъ въ немъ однѣ рябины, малиновые и смородинные кусты, такіе старые, что Царевны могли еще брать съ нихъ ягоды»).

Н.М. Карамзин рассказывает о постройках, которые находятся (или находились) около *дворца*. Он упоминает *две бани*, в которые царская семья нередко приезжала из Москвы, в том числе зимой (<15> «Тутъ видны развалины двухъ бань, въ которыя онѣ ѣзжали не рѣдко изъ самой Москвы, даже зимою»). Кроме того, около *дворца* имеется *погребъ*, <15> «гдѣ не только ледъ, но даже и снѣгъ не таетъ до глубокой осени». Рядом с *дворцомъ* находится *церковь Алексѣевская*, построенная из камня: <17> «Большая каменная церковь Алексѣевская сооружена также Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ. Дворецъ подлѣ нее».

Дворецъ Елисаветы Петровны (П <26> «Я своротилъ влѣво съ большой дороги, чтобы видѣть село Тайнинское, гдѣ Царь Алексѣй Михайловичъ любилъ забавляться соколиною охотою. Мѣсто уединенное и пріятное! Тутъ запруженная Яуза кажется большою рѣкою, и со всѣхъ сторонъ обтекаетъ дворецъ Елисаветы Петровны, Которая, любя слѣды великаго Ея Дѣда, построила его близъ развалинъ дворца Алексѣя Михайловича. Онъ также разрушается» [Карамзин 1802b: 215] – 1 пример).

Чуть менее подробно Н.М. Карамзин описывает планировку *дворца Елисаветы Петровны* и особенности ландшафта вокруг дворца. Дворец находится в непосредственной близости от *дворца Государя Алексѣя Михайловича* и со всех сторон окружен рекой Яузой. Н.М. Карамзин замечает, что во дворце частично украшены большие комнаты, залы, коридоры, позолоченные двери (<27> «есть большія комнаты, и видно, что нѣкоторыя были хорошо отдѣланы», <29> «пустыя залы, коридоры, высокія лѣстницы, остатки богатыхъ украшеній, и (то всего важнѣе) вѣтеръ воетъ въ трубахъ, свиститъ въ разбитыя окончины и хлопаетъ дверми, съ которыхъ валится позолота»). Интерьер этого дворца выдержан в стиле московского барокко. На острове, на котором находится дворец, сохранились гниющие мосты: <32> «Мосты сгнили, такъ, что я съ великимъ трудомъ могъ черезъ одинъ изъ нихъ перебраться». В прошлом дворец Елисаветы Петровны был <31> «самое огромное зданіе, теперь остается дикою пустынею». Следует отметить, что особенностью описания *дворца Елисаветы Петровны* является использование слов, характеризующих пространственные объекты как необустроенные и/или подвергнувшиеся разрушениям (<29> *разбитыя окончины*, <29> *валится позолота*, <31> *дикая пустыня*, <32> *мосты сгнили*).

Кремлевскій дворецъ (М <211> «23 Іюня 1648 году (*), въ день Крестнаго Хода въ монастырь Срѣтенской, Царь, отслушавъ тамъ обѣдню, возвращался верхомъ въ Кремлевскій дворецъ свой: многочисленныя толпы народа окружили его на площади» [Карамзин 1803d: 128] – 1 пример).

В приводимом фрагменте Н.М. Карамзин не описывает *Кремлевскій дворецъ*, но упоминает его в связи с рассказом о событиях, в нем происходивших.

В настоящее время это здание называется Теремной дворец (см. [Москва. Энциклопедия 1997: 808, 809]). Интересно, что сочетание «Кремлевский дворец» в наше время используется в составе названия «Государственный Кремлевский Дворец» и обозначает здание, построенное в 1961 г. и являющееся концертным залом.

Троицкій каменный дворецъ (П <96> «Еще недавно сломанъ Троицкій каменный дворецъ Царя Іоанна Васильевича» [Карамзин 1802с: 297] – 1 пример).

Н.М. Карамзин сообщает о строительных материалах, существовании в прошлом и исчезновении в настоящем этого *дворца*.

Писаревскій дворецъ (П <97> «Архитектура нынѣшняго дворца не показываетъ древности. Странно, что въ архивѣ монастырской не нашлось никакихъ записокъ о его построеніи. Знаютъ только, что онъ назывался Писаревскимъ» [Карамзин 1802с: 297] – 1 пример).

Описывая *Писаревскій дворецъ*, находящийся в Троице-Сергиевой лавре, Н.М. Карамзин отмечает, что ранее на его месте находился каменный *Троицкій дворецъ*, а относительно нового дворца никаких сведений о его строительстве в монастыре не сохранилось (см. <96>, <97>).

Н.М. Карамзин описывает интерьеры Писаревского дворца достаточно подробно: <98> «внутри же украшенъ лѣпною работою при Елисаветѣ Петровнѣ. Зала, расписанная бирюзовою краскою, представляетъ въ барельефахъ всѣ побѣды ПЕТРА Великаго, съ девизами не дурно вымышленными. Я съ большимъ удовольствіемъ смотрѣлъ на барельефы и читалъ надписи. Въ двухъ комнатахъ стоятъ алебастровыя изображенія всѣхъ нашихъ Князей и Государей съ самаго Рюрика, сдѣланныя съ медалей, которыя не весьма удачно изобрѣтены художникомъ». Помимо этого, автор рассказывает об организации пространства вокруг дворца: <102> «Садъ

подлѣ дворца, состоящій изъ алей сѣнистыхъ, вокругъ немалаго пруда, и большое зданіе, гдѣ живутъ семинаристы, называются также Писаревскими».

4. *Домъ* (М <113> «даже самъ грабилъ съ ними дома Боярь (**)!» [Карамзин 1802d: 38], <21>, <125>, <128>, <181>, <210>, <219>, <220>, <221>, <224>, <225>, <240>, <267>, <268>, <276>, <281>, <284>, <286>, <292>, <305>, <310>, <312> – 22 примера, П <5> «Я спѣшилъ видѣть сіе почтенное зданіе, едва ли не старѣйшее изъ всѣхъ деревянныхъ домовъ въ Россіи» [Карамзин 1802b: 208], <8>, <13>, <144>, <147>, <174>, <178> – 7 примеров).

Описывая самые различные дома, Н.М. Карамзин упоминает материал (<5>, <267>, <276>, <312> *деревянный*, <181>, <281>, <305>, <312> *каменный[-ой]*), размер (<310> *большой*, <276> *маленькой*), высоту (<125> *высокій*), местонахождение (<219> *Кремлевскій*, <181> *городской*, <174> *загородный*, <144> *сельскій*), время постройки (<5> *старѣйшій*), время, которое было потрачено на строительство (<276> «которыхъ строеніе не требовало много времени»), детали интерьера (<221> *драгоцѣнные оклады*). Кроме того, сообщается, кто проживал или проживает в доме (<267> *цари*, <113>, <220>, <224>, <268>, <281> *бояре*, <181> *купецъ*, <310> *Нѣмцы*, <312> *Иностранцы*, <147> *господа*, <178> *знатные*).

Интересно, что слово *домъ* используется Н.М. Карамзиным и в том случае, когда необходимо подобрать синоним для слова *дворецъ* (<8> «Стѣны разрушаются; но я осмѣлился войти въ домъ», <13> «Передъ окнами растутъ двѣ березы, изъ которыхъ одна запустила корень свой подъ самый домъ» и др.). На наш взгляд, подобное употребление слова *домъ* не свойственно современной речи: в настоящее время в контекстах такого типа предпочтительнее было бы использовать слово «зданіе», о чем, например, свидетельствуют данные словарей современного русского языка¹.

¹ См., например: «ДВОРЕЦЪ <...> 1. Большое парадное зданіе, выделяющееся своей архитектурой <...> 2. Жилое зданіе, специально построенное для пребывания монарха, его семьи» [Русский семантический словарь 2002b: 53, 71].

5. *Домикъ* (М <282> «при Годуновѣ жили они (*старые Русские Бояре* – Л.В.) въ деревянныхъ, маленькихъ и темныхъ домикахъ» [Карамзин 1803е: 261], <172>, <196> – 3 примера, П <19> «Этотъ низенькой домикъ Алексѣя Михайловича удивилъ бы своею огромностію Министровъ Сеннарскаго Царя» [Карамзин 1802b: 212], <34>, <36>, <179>, <184>, <303> – 6 примеров).

Так же, как и при описании *домовъ*, Н.М. Карамзин упоминает материал (<282> *деревянный*), размер (<34>, <196>, <282> *маленькой*), высоту (<172> *низенькой*), местонахождение (<179> *сельскій*) а также освещенность (<282> *темный*) и эстетическую ценность (<36> *красивый*). Он указывает, что в домиках жили разные сословия (<36> *крестьяне*, <303> *иностранцы*, <282> *бояре* и даже <19> *царь*).

В <174>–<178> описывается образ жизни знатных русских, которые во времена царя Алексея Михайловича считали, что жизнь в деревне не соответствует их статусу. Только со времен Петра I дворяне стали строить дома в *Подмосковныхъ* (имениях), а ко времени Н.М. Карамзина дворяне уже стремились наслаждаться весной, переселившись на это время в окрестности Москвы, и количество *сельскихъ домиковъ* в Подмосковье увеличивалось год от года. Примечательно, что автор не использует слово «дача», а использует словосочетание *сельской домикъ* (<179>) или слово *домикъ* (<19>, <34>, <36>, <184>, <303>).

Также обращает на себя внимание, что Н.М. Карамзин неоднократно использует плеоназм *маленькой домикъ* (<34>, <196>, <282>).

6. *Заборъ* (П <12> «Москва не много видна изъ оконъ дворца; но вѣроятно, что бывшій съ этой стороны заборъ (ямы столбовъ не заросли еще въ нѣкоторыхъ мѣстахъ) не позволялъ и того видѣть» [Карамзин 1802b: 210] – 1 пример).

Н.М. Карамзин упоминает *заборъ* как важную часть двора, организующую его пространство и, в частности, ограничивающую свободный обзор окрестностей. Примечательно, что автор не может

убедиться в этом сам, но высказывает предположение, поскольку в действительности *заборъ* отсутствует и от него остались лишь *ямы столбовъ*.

7. *Зданіе* (М <268> «Всѣ знатнѣйшіе Бояре имѣли дома въ Кремлѣ. Палаты Никона Патріарха были тамъ, послѣ дворца, огромнѣйшимъ зданіемъ» [Карамзин 1803e: 255] – 1 пример, П <31> «такое пріятное мѣсто, окруженное водою и густо осѣненное старыми деревьями, которыя могли бы закрыть и самое огромное зданіе, теперь остается дикою пустынею» [Карамзин 1802b: 216], <5>, <15>, <39>, <40>, <44>, <45>, <102>, <169> – 9 примеров).

Н.М. Карамзин упоминает материал (<5> *деревянное*, <169> *каменное*), размер (<31>, <268> *огромное*, <169> *небольшое*, <102> *большое*), время постройки (<5> *старѣйшее*, <44> *новое*, <40> *древнее*), состояние (<39> *ветхое*), а также историческую ценность (<5> *почтенное*) *зданія*. Так же, как и слово *домъ*, слово *зданіе* используется для обозначения жилых строений разного типа. Примечательно сравнение одного из них с *анбаромъ* (<39>).

8. *Изба* (П <154> «Въ самыхъ маленькихъ деревенькахъ женщины въ избахъ своихъ вьютъ шелкъ» [Карамзин 1803a: 285], <36> – 2 примера)

Н.М. Карамзин упоминает улучшение условий жизни крестьян в русской деревне в начале XIX века: богатые крестьяне стали жить в *домикахъ*, а обычные крестьяне – в *избахъ* (<36>). Автор противопоставляет *избы* и *красивые домики* (<36>), но не упоминает, чем они отличаются друг от друга, считая, вероятно, что это очевидно для его современника-читателя.

9. *Палаты* (М <208> «Плещеевъ и Троханіотовъ его слышали, но презирали, вмѣстѣ съ другими Боярами веселясь безпечно въ новыхъ Кремлевскихъ палатахъ своего родственника Милославскаго (*)» [Карамзин 1803d: 126], <216>, <268>, <290> – 4 примера, П <92> «Здѣсь была особенная палата, наполненная бердышами, мечами и пищалями; но Генераль-Фельдцейрмейстеръ Шуваловъ по указу Императрицы Елисаветы

Петровны взялъ сіе древнее оружіе въ Петербургъ; осталась только нѣкоторая часть его на память монастырю» [Карамзин 1802с: 296] – 1 пример).

Согласно «Словарю русского языка XVIII века», *палаты* представляют собой «большое жилое (обычно каменное) здание, дворец» [Словарь русского языка XVIII века 2011а: 178]. В приводимых примерах характеристиками *палатъ* являются их местоположение (<208>, <290> *Кремлевскіе*) или принадлежность определенному лицу (<216> *до палатъ Государевыхъ*, <268> *палаты Никона Патріарха*). В нескольких случаях автор указывает на время их возведения: на момент описываемых событий они были *новыми* (<290>). Во всех случаях палаты принадлежат знатным и высокопоставленным лицам и являются показателем высокого социального статуса. Помимо этого, важно, что слово *палаты* появляется только в тех фрагментах, которые посвящены истории Москвы: во времена Н.М. Карамзина данная лексема называла старинные здания.

10. *Погребъ* (М <223> «Глубокій погребъ Боярскій, по словамъ одного иностраннаго Писателя, обратился въ колодезь: Нѣмецкія и Фряжскія вина лились изъ разбитыхъ бочекъ» [Карамзин 1803d: 131], <124>, <243> – 3 примера, П <15> «Тутъ видны развалины двухъ бань, въ которыя онѣ ѣзжали не рѣдко изъ самой Москвы, даже зимою, какъ я слыхалъ отъ стариковъ, свѣдущихъ въ Рускихъ преданіяхъ. – Вокругъ дворца не осталось никакихъ другихъ зданій, кромѣ погреба, гдѣ не только ледъ, но даже и снѣгъ не таетъ до глубокой осени» [Карамзин 1802b: 211] – 1 пример).

Погребъ описываются Н.М. Карамзиным как отдельные постройки (а не части зданий), способные сохранять низкую температуру и потому использоваться для хранения продуктов. Он оценивает *погребъ* по его глубине (<223> *глубокій*). В одном из случаев *погребъ* оцениваются как *казенные* (<243>), т.е. принадлежащие государству.

11. *Сарай* (П <180> «Мнѣ случилось въ одной Подмосковной деревнѣ видѣть крестьянскій сарай, обращенный въ комнату съ диванами: тутъ въ

хорошее время года живетъ довольно богатой купецъ съ своимъ семействомъ» [Карамзин 1803с: 281] – 1 пример).

Н.М. Карамзин рассказывает о курьезном случае, имевшем место въ одной Подмосковной деревнѣ: автор обнаружил, что *крестьянскій сарай* используется не как место хранения, а в качестве меблированного дачного дома, в котором летом живут один состоятельный купец и его семья. Используя согласованное определение, Н.М. Карамзин указывает владельца *сарая (крестьянскій)*. Данный рассказ позволяет автору иллюстрировать высказанную мысль о популярности загородного отдыха у москвичей в начале XIX века.

12. *Теремъ* (М/П <39> «Они (*монументы старины* – Л.В.) состоятъ въ деревянной церкви, построенной, думаю, еще прежде Царя Алексѣя Михайловича, и въ ветхомъ зданіи, похожемъ на анбаръ и называемомъ *Царскою вышкою*. Это имя было для меня не ново я слыхаль, что въ старину назывались такъ высокіе терема, въ которыхъ Рускіе Бояре прохлаждались иногда лѣтомъ. Цари наши не требовали ничего великолѣпнѣе для своего дорожнаго отдыха. Тутъ вѣрно клали имъ перину или устилали полъ травою для свѣжести, отворяя со всѣхъ сторонъ *задвигныя* окна: тогда не боялись еще сквознаго вѣтра. Приставъ сказываль мнѣ, что другая *вышка*, которая уже разрушилась, была гораздо пространнѣе» [Карамзин 1802b: 218, 219] – 1 пример).

Вводя в текст неизвестное для читателя слово *вышка*, Н.М. Карамзин объясняет его значение через сравнение с *теремомъ*. По всей вероятности, это слово известно читателю и при этом, как и слово *палаты*, называет реалию из прошлых веков.

13. *Хижина* (П <52> «Я шелъ пѣшкомъ, увидѣлъ старика съ сумою, и проговорилъ съ нимъ долѣе часу. Ему около ста лѣтъ; но онъ едва начинаетъ сѣдѣть, и твердъ на ногахъ какъ человѣкъ лѣтъ въ 50; только худо видитъ. Жена у него еще старѣе (двумя или тремя годами) и живетъ съ нимъ въ хижинѣ какъ Бавкида съ Филемономъ» [Карамзин 1802b: 221, 222] – 1

пример).

При описании жилища двух старых крестьян Н.М. Карамзин употребляет слово *хижина*, часто используемое сентименталистами, в частности самим Н.М. Карамзиным¹. При этом он сравнивает супругов с мифологическими персонажами Бавкидой и Филемоном². Таким образом, упоминание *хижины* в карамзинском фрагменте не выглядит случайным, будучи своеобразным маркером сентиментального текста.

Общий комментарий

1. Н.М. Карамзин подробно описывает различные жилые дома и хозяйственные постройки, оценивая прежде всего их размеры, время возведения, использованные строительные материалы, состояние (сохранность) и функции.

2. Наиболее подробно автор описывает дворцы, упоминая помимо названного в п. 1 их местоположение, планировку, детали интерьера и обустройство пространства вокруг здания (включая окружающие постройки).

3. Н.М. Карамзин обращает особое внимание на расположение и размеры жилых домов и хозяйственных построек по отношению к другим зданиям.

4. Автор использует несколько слов, которые с точки зрения современного ему читателя являются историзмами (*вышка, палаты,*

¹ См., например, повесть «Бедная Лиза»: «Саженья въ семидесяти отъ монастырской стѣны, подлѣ березовой роицы, среди зеленаго луга, стоитъ пустая хижина» [Карамзин 1814а: 5], «Въ сей хижинѣ, лѣтъ за тридцать передъ симъ, жила прекрасная, любезная Лиза съ старушкою, матерью своею» [Карамзин 1814а: 5, 6], «Лиза возвратилась въ хижину свою» [Карамзин 1814а: 20] и др.

² Примечательно, что еще один автор той же эпохи И.И. Дмитриев в стихотворении «Филеон и Бавкида (Вольный перевод из Лафонтена)» упоминает *хижину* героев произведения:

<...> Ах, это сущий ад! Где ж счастье наконец?
В укромной хижине: живущий в ней мудрец
Укрыт от гроз и бурь, спокоен, духом волен,
Не алча лишнего, и тем, что есть, доволен
<...> Примером в этом нам послужит Филеон.
С Бавкидой с юных лет соединился он
<...> Отринутые боги
Пошли уже назад, как влеве от дороги,
Над светлым ручейком, орешника в тени,
Узрели хижину смиренную они
И повернули к ней <...> [Дмитриев 1967: 150].

теремъ). Одно из употребляемых слов – *окончина* – представляет собой архаизм с точки зрения носителя современного русского языка.

2.6.4.7 Культовые сооружения (строения и их части), предметы культа

1. *Глава* (П <56> «Версть за семь отъ Троицы открываются, среди зелени лѣсовъ, златыя главы церквей ея, вокругъ огромной колокольни, подобной величественному столбу» [Карамзин 1802b: 225] – 1 пример).

Главы церквей – конструктивные части строений – привлекают внимание рассказчика-путешественника, увидевшего их.

2. *Иконы* (М <260> «Описывая тишину благочестія, наблюдаемую Рускими въ церквахъ, Олеарій прибавляетъ, что Московскіе жители и на улицахъ безпрестанно молятся, или передъ иконами, стоящими на воротахъ, или передъ крестами церквей» [Карамзин 1803e: 253] – 1 пример).

Использование Н.М. Карамзиным выражения «передъ иконами, стоящими на воротахъ» указывает на местоположение *иконъ*. Ссылаясь на *Олеарія*, автор обращает внимание на необычность пространств, в которых молятся горожане в Москве XVII века.

3. *Келья* (П <159> «Въ Голутвиномъ монастырѣ три церкви и кельи всѣ каменные. Сказываютъ, что онъ построенъ Сергіемъ Чудотворцемъ (слѣдственно въ 14 вѣкѣ)» [Карамзин 1803a: 287] – 1 пример).

Н.М. Карамзин упоминает *кельи* Голутвина монастыря в связи с особенностями их устройства: они каменные.

4. *Колоколь* (М <258> «Олеарій и другіе чужестранные Писатели говорятъ, что одно Руское ухо могло сносить страшной звонъ Московскихъ колоколовъ» [Карамзин 1803e: 252, 253] – 1 пример, П <94> «Къ любопытнымъ вещамъ въ Лаврѣ принадлежитъ и большой колоколь, въ 4000 пудъ вѣсомъ, первой въ Россіи и въ цѣломъ свѣтѣ, такъ, что и славный Китайскій не можетъ съ нимъ равняться. Вѣроятно, что онъ и навсегда останется первымъ: вкусь къ огромнымъ колоколамъ проходить» [Карамзин 1802c: 297] – 1 пример).

Н.М. Карамзин приводит описания *Московскихъ колоколовъ* с точки зрения сторонних наблюдателей – иностранных писателей, пораженных силой их звона.

Большой колоколъ Годунова (М <259> «Въ большой колоколъ Годунова, вѣсомъ въ 356 центнеровъ, звонили единственно въ большіе праздники, или тогда, какъ Цари принимали въ Кремлѣ важныхъ Пословъ чужестранныхъ» [Карамзин 1803е: 253] – 1 пример).

Н.М. Карамзин указывает размер и точный вес *Большаго колокола Годунова* и сообщает о событиях церковной и светской жизни, в связи с которыми в этот *колоколъ* звонили.

5. *Колокольня* (П <78> «Между колокольною и Троицкимъ Соборомъ стоитъ каменный обелискъ, сооруженный Митрополитомъ Платономъ» [Карамзин 1802с: 291], <56>, <95> – 3 примера).

Н.М. Карамзин сообщает о высоте *колоколенъ* либо прямо (<56>), либо косвенно, с помощью сравнения одного строения с другим (<95>). Примечательно, что в качестве объекта в этом случае называется одна из московских колоколен: как и во многих других случаях, Москва и московские объекты являются точкой отсчета в описании воспринимаемого рассказчиком мира.

Автор указывает местоположение *колоколенъ* относительно других зданий, подчеркивая их взаимосвязь в общей планировке Лавры (<78>).

Иванъ Великій (М <95> «Видъ съ колокольни (превышающей двумя или тремя саженьями Ивана Великаго) отмѣнно хорошъ» [Карамзин 1802с: 297] – 1 пример).

Н.М. Карамзин упоминает колокольную *Иванъ Великій* в качестве объекта сравнения при описании колокольни, находящейся в Троице-Сергиевой лавре. Примечательно, что автор использует особый способ номинации, называя колокольную по имени святого Иоанна Лествичника, которому посвящена церковь (см. [Москва. Энциклопедия 1997: 318]).

Данный способ наименования имеет долгую историю и во времена Н.М. Карамзина был уже традиционным¹.

6. *Кресты* (М <260> «Описывая тишину благочестія, наблюдаемую Рускими въ церквахъ, Олеарій прибавляетъ, что Московскіе жители и на улицахъ безпрестанно молятся, или передъ иконами, стоящими на воротахъ, или передъ крестами церквей» [Карамзин 1803е: 253] – 1 пример).

Упомянув *кресты*, Н.М. Карамзин, как и в случае с *иконами*, обращает внимание на их местоположение и необычность пространств, в которых происходит молитва, что является яркой деталью, характеризующей религиозную жизнь москвичей XVII века.

7. *Лавра* (П <60> «Лавра со всѣхъ сторонъ окружена горами, покрытыми нѣкогда дремучимъ лѣсомъ» [Карамзин 1802с: 287], <69>, <75>, <76>, <93>, <94>, <99>, <103>, <119> – 9 примеров).

Троицкая Лавра (П <89> «Троицкая Лавра съ самаго основанія своего была истиннымъ Рускимъ Палладіумомъ, и благочестивые старцы ея не только молитвами, но и дѣломъ ревностно служили отечеству» [Карамзин 1802с: 294] – 1 пример).

Употребляя слово *Лавра*, Н.М. Карамзин во всех случаях имеет в виду *Троицкую Лавру*. Он описывает природно-географические особенности местонахождения *Лавры* (<60>), подчеркивает духовное положение *Лавры* в сердцах москвичей, в том числе царей и самых знатных людей (<75>, <76>). Автор также отмечает, что *Лавра* является местом упокоения многих значимых для истории России людей (<103>, <119>), что повышает ее историческую ценность.

¹ «Многие факты подтверждают, что в XVI-XVII веках церковное здание живо ассоциировалось в Древней Руси с образом человека. <...> В глазах людей XVI-XVII веков церковное здание сливается со святым, чьим именем храм назывался. Представление о святом, о человеке переносилось на самый храм, который в очень большом количестве случаев заменял в народных представлениях XVI-XVII веков самого святого. <...> Такого рода представление нашло себе живое отражение в многочисленных документах того времени. Например: "И тое деревню мы крестьяне продали Николе Чудотворцу да Георгию Страстотерпцу... а взяли мы, крестьяне, на той деревне Никольских казенных денег 60 руб. 14 алтын и 2 деньги" (5, т. 2, с. 36)» [Брунов 1988: 112].

Слово *Лавра*, занимающее не инициальную позицию в предложении, Н.М. Карамзин всегда пишет с прописной буквы (<76>, <93>, <103>, <119> и др.).

Экклезионим¹ *Троицкая Лавра* в настоящее время трансформировался в сочетание Троице-Сергиева лавра.

См. также *Троицкій монастырь*, *Троицкая обитель* и *Троица*.

8. *Монастырь* (П <65> «Я обошелъ сперва вокругъ стѣны монастырской и готическихъ башенъ ея. Глубокой ровъ, высокія стѣны и самое положеніе монастыря дѣлали его нѣкогда лучшею крѣпостію нашего государства» [Карамзин 1802с: 288], <67>, <72>, <74>, <77>, <83>, <88>, <92>, <93>, <101>, <107>, <160>, <167>, <262> – 14 примеров).

Среди характеристик *монастырей* Н.М. Карамзин указывает то, что они строились на высоких местах (<67>) и, как следствие, могли выполнять оборонительную функцию (<83>) (в <65> обнаруживается сравнение с крепостью). Помимо этого, говорится об их экономической жизни (<101>, <160>) (в <72> и <74> отмечаются экономическая поддержка монастырей со стороны монарха и общества). Автор приводит свидетельство святости монастырей, сообщая о конкретном событии (в <77> описывается спасение паломников во время эпидемии). Н.М. Карамзин также отмечает степень удаленности монастырей от Москвы (<107>).

Троицкій монастырь (П <80> «Въ мятежное царствованіе Шуйскаго Троицкій монастырь былъ осажденъ Поляками» [Карамзин 1802с: 292], <4>, <58>, <70>, <85>, <86>, <99>, <106>, <116>, <238>, <249>, <261> – 12 примеров).

Троицкій монастырь в настоящее время известен как Троице-Сергиева лавра.

См. *Лавра*.

¹ «Экклезионим – класс топонима. Собственное имя места совершения обряда, места поклонения любой религии; в том числе название церкви, часовни, креста, монастыря» [Подольская 1988: 149].

Троица (П <167> «Царь Иванъ Васильевичъ могъ бы съ удовольствіемъ читать описаніе своихъ побѣдъ, путешествій къ Троицѣ и въ другіе монастыри» [Карамзин 1803b: 128, 129], <120> – 2 примера).

Н.М. Карамзин использует слово *Троица* для обозначения Троицкого монастыря, т.е. современной Троице-Сергиевой лавры. Способ номинации в данном случае аналогичен использованию экклезионима *Иванъ Великій* (см. комментарий к *Иванъ Великій*).

См. *Лавра*.

Монастырь Св. Николая (П <108> «Въ монастырѣ Св. Николая, на берегу рѣки Яхромы, путешествующій Царь желалъ увидѣться съ однимъ старымъ монахомъ, который прежде былъ Епископомъ, и котораго любилъ отецъ его» [Карамзин 1802c: 302] – 1 пример).

Н.М. Карамзин указывает местоположение *монастыря Св. Николая*.

Варсонофьевский монастырь (М <117> «Шуйскій, сдѣлавшись Царемъ, велѣлъ перевести тѣло Годунова изъ Варсонофьевскаго монастыря въ Троицкій и похоронить его честно, вмѣстѣ съ супругою и дѣтьми, при Успенскомъ Соборѣ» [Карамзин 1802d: 44] – 1 пример).

Н.М. Карамзин упоминает *Варсонофьевский монастырь*, находившийся в Москве на месте современного Варсонофьевского переулка (см. [Москва. Энциклопедия 1997: 155]), как первоначальное место упокоения царя Бориса Годунова. Примечательно использование сочетания «похоронить его честно»: на кладбище Варсонофьевского монастыря хоронили «тела умерших "дурной смертью" – странников, бездомных, погибших насильственной смертью» [Москва. Энциклопедия 1997: 155], что считалось среди москвичей позорным, а потому перенесение праха Бориса Годунова в Троице-Сергиеву лавру стало актом восстановления его чести (см. также [Сытин 1958: 247]). Отсутствие в данном фрагменте объяснений того, о чем свидетельствовало захоронение на кладбище Варсонофьевского монастыря, показывает, что, с точки зрения Н.М. Карамзина, об этом читателю-москвичу должно быть известно.

Голутвинъ монастырь (П <158> «Въ пяти верстахъ отъ Коломны впадаетъ Москва-рѣка въ Оку, среди глубокихъ песковъ. Тутъ построень монастырь, который возбудилъ мое любопытство своимъ именемъ: онъ называется Голутвинымъ. Разсказываютъ по старому монашескому преданію, что на семь мѣстѣ жили нѣкогда разбойники, которыхъ называли *голыдѣбою* или голыми людьми, и что ихъ имя въ теченіе времени досталось монастырю въ наслѣдство» [Карамзин 1803а: 286, 287], <159> – 2 примера).

Используя Коломну в качестве географического ориентира, Н.М. Карамзин описывает точное местоположение *Голутвина монастыря*, изображает окружающий его природный ландшафт и особенности русла реки. Автор объясняет происхождение названия Голутвина монастыря, обращаясь к «старому монашескому преданію». Он приводит сведения о строении монастыря, о том, кто и когда его построил (<159>).

Монастырь Срѣтенской (М <251> «Царь, послѣ крестнаго хода, возвращался тогда изъ Срѣтенскаго монастыря; а крестный ходъ въ сей монастырь бываетъ 23 число Іюня» [Карамзин 1803d: 144], <211> – 2 примера).

Монастырь Срѣтенской упоминается Н.М. Карамзиным в связи с конкретным событием – *крестнымъ ходомъ*, в котором принимал участие царь.

Экклезионим Сретенский монастырь сохраняется и в современной московской речи (см. [Москва. Энциклопедия 1997: 764]).

Симоновъ Монастырь (П <182> «Поѣзжайте въ Воскресенье на Воробьевы Горы, къ Симонову Монастырю, въ Сокольники: вездѣ множество гуляющихъ» [Карамзин 1803с: 281] – 1 пример).

Окрестности *Симонова монастыря* упоминаются Н.М. Карамзиным как место отдыха в начале XIX века.

См. *Воробьевы Горы*.

Чудовъ монастырь (М <90> «прахъ Эрмогена поκειται въ Чудовѣ монастырѣ» [Карамзин 1802с: 295] – 1 пример).

Н.М. Карамзин описывает *Чудовъ монастырь*, находившийся в Кремле (см. [Москва. Энциклопедия 1997: 902, 903]), как место, где покоится прах Патриарха Гермогена, хотя в действительности он был перезахоронен в Успенском соборе Кремля еще в 1652 г. (см. [Москва. Энциклопедия 1997: 210]).

Экклезионим Чудов монастырь сохранился до сих пор.

Савинъ монастырь (*Савинскій монастырь*) (П <53> «Испуганный Дворъ немедленно Уѣхалъ въ Савинъ монастырь» [Карамзин 1802b: 224], <165>, <166> – 3 примера).

Н.М. Карамзин упоминает о существовании *Савина монастыря* в XVII веке. По всей вероятности, речь идет о Саввино-Сторожевском Монастыре в Звенигороде, сохранившемся и до наших дней.

Обращает на себя внимание использование Н.М. Карамзиным двух способов именования монастыря *Савинъ монастырь* (<53>) и *Савинскій монастырь* (<165>, <166>), различающихся использованием притяжательного и относительного прилагательных в составе этого экклезионима.

9. *Обитель* (П <64> «Вотъ происхожденіе сей обители, смиренной въ своемъ началѣ, славной и великолѣпной въ послѣдствіи!» [Карамзин 1802с: 288], <3>, <106>, <116> – 4 примера).

Троицкая обитель (П <84> «Троицкая обитель увѣнчала подвигъ свой тѣмъ, что отправила къ Царю всѣ церковныя сокровища» [Карамзин 1802с: 293] – 1 пример).

В описании Н.М. Карамзина слово *обитель* и экклезионим *Троицкая обитель* называют современную Троице-Сергиеву лавру.

См. *Лавра*.

10. *Окладъ* (М <221> «въ старину сіи драгоцѣнные оклады составляли въ домахъ главное украшеніе и сокровище» [Карамзин 1803d: 131] – 1 пример).

Н.М. Карамзин указывает, насколько значимым для благочестивых москвичей в старину было украшение икон *драгоценными окладами*.

11. *Паперть* (П <46> «Сѣвъ на гнилой церковной паперти, я съ удовольствіемъ смотрѣлъ вокругъ себя и на сельскіе ландшафты вдали, думая, что не только люди, образъ ихъ жизни и твореній, но и самый видъ Натуры перемѣняется со временемъ» [Карамзин 1802b: 220] – 1 пример).

Н.М. Карамзин упоминает *паперть* в связи с необходимостью описать наблюдаемые им пространственные объекты.

12. *Придѣлы*¹ (М <255> «Олеарій говоритъ о пятидесяти церквахъ въ Кремлѣ; но вѣроятно, что онъ и придѣлы называетъ Храмами» [Карамзин 1803e: 252] – 1 пример).

Н.М. Карамзин указывает на вероятность того, что иностранный писатель путает *придѣлы* с соборами.

13. *Приходъ* (М <310> «Еще при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ Московскіе Священники жаловались на то, что Нѣмцы живутъ въ ихъ приходахъ, покупаютъ самыя лучшія мѣста и строятъ большіе дома, съ которыхъ церкви не имѣютъ никакого дохода» [Карамзин 1803f: 97] – 1 пример).

Н.М. Карамзин использует слово *приходъ* для обозначения жилого района, населенного прихожанами определенной церкви.

14. *Сводъ* (М <256> «Иностранцы, замѣчая, что всѣ наши церкви внутри бываютъ съ круглыми сводами, хотѣли знать причину того, но не могли свѣдать ее» [Карамзин 1803e: 252] – 1 пример).

Н.М. Карамзин упоминает *круглые своды* церквей как характерную черту внутреннего устройства московских храмов во времена царя Алексея Михайловича.

15. *Соборъ* (М <195> «Древній Кремль съ златоглавыми Соборами и готическимъ дворцомъ своимъ; большая зеленая гора съ пріятными отлогостями и цвѣтниками; рѣка не малая и довольно красивая, съ двумя

¹ «В храме: дополнительный боковой алтарь, дающий возможность отправлять в день одну за другой несколько литургий» [Русский семантический словарь 2002b: 378].

мостами, гдѣ всегда движется столько людей» [Карамзин 1803с: 284, 285], <191> – 2 примера).

Н.М. Карамзин описывает окрестности кремлевских *Соборовъ*. Следует отметить, что автор использует заглавную первую букву слова *Соборъ*.

Соборъ Троицкій (П <68> «Соборъ Троицкій основанъ еще при Князѣ Васильѣ Дмитріевичѣ, слѣдственно въ началѣ 15 вѣка; онъ въ свое время казался безъ сомнѣнія великолѣпнымъ, а теперь малѣйшая изъ приходскихъ церквей въ Москвѣ болѣе его» [Карамзин 1802с: 289], <71>, <78>, <118> – 4 примера).

Н.М. Карамзин указывает на историческое происхождение *Собора Троицкаго*, находящегося в Троицком монастыре, и время его постройки, сравнивает изменение в восприятии размеров церкви между XV и XIX веками. Он упоминает о расположении *Собора Троицкаго* по отношению к колокольне и обелиску (<78>).

Соборъ Успенскій (М <69> «Италіянскій Архитекторъ, именемъ Аристотель, родомъ изъ Болоньи, привезъ къ намъ вкусъ щастливаго вѣка Медицисовъ въ Княженіе Іоанна Васильевича и построилъ въ Москвѣ Соборъ Успенскій, служившій образцомъ для Успенскаго Собора Лавры, храма величественнаго» [Карамзин 1802с: 289] – 1 пример).

Соборъ Успенскій (П <109> «Подлѣ Успенскаго Собора вростаеъ въ землю маленькая, желѣзомъ крытая палатка, гдѣ погребена фамилія Годуновыхъ» [Карамзин 1802с: 303], <69>, <104>, <117> – 4 примера).

Н.М. Карамзин упоминает два разных *Успенскихъ Собора*, расположенных в Москве и в Троице-Сергиевой лавре. Он также упоминает строения, расположенные рядом с *Успенскимъ Собором* в Троице-Сергиевой лавре.

16. *Храмъ* (М <203> «Граждане смиренно приносили жалобу, не находили защиты, безмолвствовали -- и только въ храмахъ Царя Царей молили Небо со слезами тронуть, смягчить жестокое сердце Іоанна»

[Карамзин 1803d: 120], <257>, <270> – 3 примера, П <82> «святыя гимны христiянскіе, которые день и ночь не умолкали въ храмахъ Троицы, были для Рускихъ гимнами битвы» [Карамзин 1802с: 292, 293], <69> – 2 примера).

Н.М. Карамзин описывает величiе и красоту московских и подмосковных *храмовъ* (<69>, <82>, <270>).

16. *Церковь* (М <252> «Во время Царя Михаила Ѳеодоровича считалось въ Москвѣ около 2000 церквей» [Карамзин 1803е: 251], <68>, <209>, <253>, <254>, <255>, <256>, <260>, <263>, <286>, <291>, <307>, <308>, <310>, <312>, <313> – 16 примеров, П <121> «Но Деулино и самая деревянная церковь, построенная Троицкимъ Архимандритомъ Діонисіемъ и Келаремъ Авраміемъ на память миру, служатъ до нынѣ предметомъ любопытства для Рускихъ» [Карамзин 1802d: 46], <17>, <39>, <40>, <43>, <56>, <70>, <73>, <100>, <115>, <130>, <159> – 12 примеров,).

Н.М. Карамзин описывает *церкви*, указывая их местоположение (<130>, <255> – по населенному пункту, <159> – по находящимся рядом строениям), материал постройки (<39>, <121>, <254> *деревянные*, <17>, <43>, <254> *каменные*), размер (<68> *малѣйшій*, <130> *маленькія*, <17> *большіе*), степень сохранности (<40> *ветхая*), функционирование (<40> *давно нѣтъ службы*), внешний вид (<56> *златыя главы церквей ея*), внутреннее устройство (<256> *круглые своды*, <40> *давно нѣтъ образовъ*), конфессиональную принадлежность (<312> *двѣ Лютеранскія и двѣ Реформатскія церкви*) и количество (<252> «считалось въ Москвѣ около 2000 церквей»).

Церковь Василия Блаженнаго (М <270> «Олеарій, упоминая о готической и примѣчанія достойнѣйшей въ Китаѣ-городѣ церкви Василия Блаженнаго, рассказываетъ, что Царь Іоаннъ, будучи ею весьма доволенъ, приказалъ выколоть глаза Архитектору ея, чтобы онъ не могъ построить другаго, столь же красиваго храма» [Карамзин 1803е: 256] – 1 пример).

Василій Блаженный (М <271> «Не далеко отъ Василия Блаженнаго было возвышенное мѣсто, на которомъ *лежали* неподвижно двѣ огромныя

пушки, обращенныя къ той улицѣ, откуда обыкновенно приходили Татары» [Карамзин 1803с: 256] – 1 пример).

Обращает на себя внимание использование Н.М. Карамзиным экклезионимов *церковь Василия Блаженного* и *Василій Блаженный* – топонимов, во времена А. Олеария не существовавших¹ (сам А. Олеарий называет храм Троицкой церковью² сообразно употреблявшемуся в его время именованию³). Как мы видим, Н.М. Карамзин предпочитает использовать «уникальное», а не «официально-церковное» название храма (*церковь Василия Блаженного* вместо *Покровский собор*), и эта особенность иллюстрирует традиционность данного словоупотребления, сохранившегося и до наших дней. Следует также обратить внимание на использование особого способа номинации *Василій Блаженный* (см. комментарий к *Иванъ Великій*).

Также интересно, что Н.М. Карамзин называет архитектуру церкви *готической*; это слово, как было отмечено нами выше, в различных текстах Н.М. Карамзина используется «в <...> смыслах – "старинный", "средневековый", "варварский"» [Лотман 1984: 613].

Церковь Сошествія Св. Духа (П <105> «Въ часовнѣ, при церкви Сошествія Св. Духа, стоитъ гробъ ученаго Грека Максима» [Карамзин 1802с: 301] – 1 пример).

Н.М. Карамзин упоминает *церковь Сошествія Св. Духа* в Троице-Сергиевой лавре в связи с тем, что в ней находится гроб Максима Грека, прославленного в лике преподобных в 1988 г.

¹ «Одновременно с названием "Покровский собор" храм назывался в XVI веке также собором Входа в Иерусалим, по западному приделу. Только много позднее здание стало называться собором Василия Блаженного. Это произошло, видимо, только в XVIII веке, уже значительно позднее пристройки к северо-западному углу здания в 1588 году придела, посвященного этому святому» [Брунов 1988: 195].

² «1-го октября у русскихъ справлялся большой праздникъ, въ который его царское величество со своими придворными и патріархъ со всѣмъ клиромъ вошли въ стоящую передъ Кремлемъ искусно построенную Троицкую церковь, которую нѣмцы зовутъ Іерусалимскою» [Олеарий 1906: 50].

³ «После возвращения Грозного из Казанского похода был сооружен каменный храм Троицы, а вокруг него были расставлены семь деревянных церквей. Вся группа храмов, составлявшая единое целое, была посвящена, вследствие господствующего значения центральной церкви, Троице. <...> При перестройке собора заново в 1555 году он был переименован из Троицкого в Покровский» [Брунов 1988: 195, 200].

Деулинская церковь (П <122> «Не далеко отъ Деулинской церкви видны еще остатки укрѣплений» [Карамзин 1802d: 46] – 1 пример).

Н.М. Карамзин упоминает *Деулинскую церковь*, находившуюся близ Троицкого монастыря в селе Деулино (см. [Поспелов 2007: 230, 231]), описывая ее окрестности: упоминаются сохранившиеся рядом *остатки укрѣплений*.

Наиболее подробным образом среди упомянутых культовых сооружений Н.М. Карамзин описывает *Троицкій монастырь* (т.е. Троице-Сергиеву лавру). В связи с этим рассмотрим, как строится описание этого монастыря в целом.

Троице-Сергиева лавра занимает важное место в истории России. По свидетельству Н.М. Карамзина, Троице-Сергиева лавра была тесно связана с царской властью: <3> «Цари Рускіе ѣзжали и ходили на богомолье, испрашивать побѣды или благодарить за нее Всевышняго, въ обители основанной святымъ мужемъ и Патріотомъ», <261> «Цари бывали со всѣми Боярами ежегодно два или три раза въ Монастырь Троицкомъ».

Н.М. Карамзин даёт подробное описание монастыря. Лавра расположена в неприступном месте, как и другие подмосковные монастыри: <60> «Лавра со всѣхъ сторонъ окружена горами, покрытыми нѣкогда дремучимъ лѣсомъ», <65> «Глубокой ровъ, высокія стѣны и самое положеніе монастыря дѣлали его нѣкогда лучшею крѣпостію нашего государства», <66> «Въ пятомъ – и шестомъ – надесять вѣкѣ монахи ограждали себя каменными стѣнами не столько отъ мірскихъ соблазновъ, сколько отъ грозныхъ непріятелей», <67> «Всѣ старинные монастыри вокругъ Москвы построены на высокихъ мѣстахъ» – природные особенности ландшафта и монастырские защитные сооружения дополняли друг друга, превращая Лавру в неприступную «крепость», которая обеспечивала безопасность монахов. Автор указывает время возведения Троицкого Собора и упоминает его бывшее «великолепие», однако не даёт

детального описания внешнего вида здания: <68> «Соборъ Троицкій основанъ еще при Князѣ Васильѣ Дмитріевичѣ, слѣдственно въ началѣ 15 вѣка; онъ въ свое время казался безъ сомнѣнія великолѣпнымъ, а теперь малѣйшая изъ приходскихъ церквей въ Москвѣ болѣе его». Помимо этого, говорится о «величественности» Успенского Собора, но не упоминаются другие его особенности: <69> «Италіанскій Архитекторъ, именемъ Аристотель, родомъ изъ Болоньи, привезъ къ намъ вкусъ щастливаго вѣка Медицисовъ въ Княженіе Іоанна Васильевича и построилъ въ Москвѣ Соборъ Успенскій, служившій образцомъ для Успенскаго Собора Лавры, храма величественнаго».

Н.М. Карамзин рассказывает о «достопамятностях» церквей и ризницы: <71> «Два образа, даръ Царей Іоанна и Годунова Троицкому Собору, осыпаны рѣдкой величины драгоцѣнными камнями», <72> «Елисавета Петровна подарила монастырю богатую служебную шапку и панагію, а Великая ЕКАТЕРИНА большіе золотые сосуды», <73> «Иностранцы <...> могутъ еще подивиться богатству Троицкой ризницы, большимъ серебрянымъ паникадиламъ, подсвѣчникамъ и другимъ украшеніямъ здѣшнихъ церквей». Перечисленные памятные предметы свидетельствуют о богатстве монастыря, которое автор связывает с именами русских государей и членов их семей. Тем самым он показывает особую значимость монастыря для русских людей, в том числе и монархов.

Помимо церковной утвари среди предметов, обнаруживаемых в монастырских строениях, Н.М. Карамзин обращает внимание на оружие, позволявшее защищать Лавру: <91> «Я съ любопытствомъ взглянулъ на Троицкія пушки, бросавшія громъ на Поляковъ, и разсматривалъ остатки оружія, которымъ ихъ разили храбрые иноки», <92> «Здѣсь была особенная палата, наполненная бердышами, мечами и пищалями».

Также, как отмечает писатель, в монастыре имеется множество книг: <93> «Въ Лаврѣ двѣ библіотеки: одна принадлежитъ Семинаріи, а другая

монастырю; первая состоитъ изъ 6000 книгъ, иностранныхъ и Рускихъ, историческихъ, нравоучительныхъ, богословскихъ, и проч.».

Н.М. Карамзин описывает маршрут своего путешествия по монастырю, указывая пространственные характеристики объектов относительно друг друга и путешественника: <65> «Я обошелъ сперва вокругъ стѣны монастырской и готическихъ башенъ ея», <70> «Изъявивъ Христіанское усердіе къ святынь Троицкаго монастыря, я съ любопытствомъ осматривалъ достопамятности церквей и ризницы», <78> «Между колокольнею и Троицкимъ Соборомъ стоитъ каменныйobeliskъ», <91> «Я съ любопытствомъ взглянулъ на Троицкія пушки», <92> «Здѣсь была особенная палата, наполненная бердышами, мечами и пищалями», <93> «Въ Лаврѣ двѣ библіотеки».

Кроме того, Н.М. Карамзин сообщает, что в монастыре имеется большой колокол: <94> «большой колоколъ, въ 4000 пудъ вѣсомъ, первой въ Россіи и въ цѣломъ свѣтѣ». Следует отметить, что писатель упоминает размеры и вес большого колокола, не указывая его точного местоположения.

Таким образом, особенностью фрагмента, посвященного Троице-Сергиевой лавре, является то, что в качестве объекта описания выступает комплекс зданий и сооружений в определенном пространстве, в котором автор подчеркивает их расположение относительно друг друга; при этом каждое из них имеет свое предназначение (и оно упоминается автором, «переходящим» от одного здания к другому), но воспринимаются они как составляющие единого комплекса.

Общий комментарий

1. Упоминание и описание культовых сооружений в текстах Н.М. Карамзина является очень частым¹.

¹ Точные количественные показатели приводятся в разделе 2.7.

2. Н.М. Карамзин описывает географическое положение культовых зданий, их окружение, историю, размеры, строительные материалы, планировку, количество и время постройки.

3. Н.М. Карамзин отмечает роль культовых сооружений в жизни царской семьи, бояр и жителей Москвы (молитва, погребение, оборона, отдых).

4. В подробных описаниях культовых сооружений Н.М. Карамзин использует ряды синонимов *церковь – соборъ – храмъ* и *монастырь – лавра – обитель* (приводим их в очередности от наиболее часто используемого к наименее часто используемому)¹.

5. Н.М. Карамзин использует экклезионимы *Троицкій монастырь*, *Троица*, *Троицкая Лавра*, *Троицкая обитель* как синонимы, называющие современную Троице-Сергиеву лавру. Учитывая значительный объем текста, посвященного описанию Троице-Сергиевой лавры, использование синонимов позволяет автору избежать тавтологий.

6. Для обозначения Покровского собора Н.М. Карамзин использует экклезионим *Василій Блаженный*, включающий исключительно имя святого, с которым связан данный собор. Тот же особый традиционный способ номинации культовых сооружений обнаруживает использование экклезионимов *Иванъ Великій* и *Троица*.

7. Достаточно часто в экклезионимах, представляющих собой сложные слова, в качестве первого компонента Н.М. Карамзин использует существительное, а второго – прилагательное (*въ Монастырьъ Троицкомъ*, *въ монастырьъ Срѣтенской*, *Соборъ Троицкій*, *Соборъ Успенскій*), что нехарактерно для современного порядка слов.

8. В описаниях культовых сооружений Москвы и особенностей религиозной жизни москвичей XVII века Н.М. Карамзин использовал информацию посещавших столицу иностранных писателей (прежде всего

¹ Количественные показатели см. в описании слов.

Олеария), которые, по всей вероятности, обращали внимание на необычные для них детали московской жизни.

2.6.4.8 Военные сооружения и их части

1. *Башни* (М <201> «Развѣ одно время разрушить ее, такъ же, какъ оно разрушило стѣну вокругъ Бѣлаго города и Землянаго: ибо и сей послѣдній былъ нѣкогда окруженъ башнями (деревянными)» [Карамзин 1803с: 285], <278> – 2 примера, П <152> «Князь Василій Ивановичъ окружилъ ее каменною стѣною съ башнями» [Карамзин 1803а: 285], <65> – 2 примера).

Н.М. Карамзин предполагает, что *башни* были построены как часть оборонительного сооружения для защиты территории внутри стен. Он также указывает материал, из которого были построены башни (<152> *каменные*, <201> *деревянные*).

2. *Кремлевскія ворота* (М <228> «Онъ повелѣлъ только запереть Кремлевскія ворота, когда народъ разсѣялся по Китаю и Бѣлому Городу» [Карамзин 1803d: 132, 133], <237> – 2 примера).

В XVII веке *Кремлевскія ворота* служили воротами в Кремль и выполняли оборонительную функцию (их можно было закрыть при приближении врагов или мятежников).

3. *Кремль* (М <230> «Тогда Государь приказалъ собраться въ Кремль войску иностранному» [Карамзин 1803d: 133], <236>, <269> – 3 примера).

Н.М. Карамзин сообщает о *Кремль* не только как о примечательном месте Москвы, но и сообщает, что он выполняет оборонительную функцию. Наиболее явно это проявляется во фрагменте <269>, в котором указывается значение этого слова.

4. *Крѣпость* (П <65> «Я обошелъ сперва вокругъ стѣны монастырской и готическиххъ башенъ ея. Глубокой ровъ, высокія стѣны и самое положеніе монастыря дѣлали его нѣкогда лучшею крѣпостію нашего государства» [Карамзин 1802с: 288] – 1 пример).

Примечательно, что Н.М. Карамзин использует слово *крѣпость* для описания Троице-Сергиевой лавры, имея в виду необходимость умения обороняться от нападения врагов и для культовых сооружений.

5. *Пушка* (М <155> «иностранцы смотреть въ Москвѣ большую пушку, разбитой колоколь, и не ѣздить по окрестнымъ деревнямъ» [Карамзин 1803а: 286], <271> – 2 примера, П <91> «Я съ любопытствомъ взглянулъ на Троицкія пушки, бросавшія громъ на Поляковъ, и разсматривалъ остатки оружія, которымъ ихъ разили храбрые иноки» [Карамзин 1802с: 296] – 1 пример).

Н.М. Карамзин описывает *пушки* Москвы и Подмосковья, объясняет их стратегическое расположение и оборонительное назначение, связывает их с историческими событиями и военными действиями, оценивает их размеры.

6. *Ровъ* (П <65> «Я обошелъ сперва вокругъ стѣны монастырской и готическихъ башенъ ея. Глубокой ровъ, высокія стѣны и самое положеніе монастыря дѣлали его нѣкогда лучшею крѣпостію нашего государства» [Карамзин 1802с: 288] – 1 пример).

Н.М. Карамзин оценивает глубину *рва*, подчеркивая его непроходимость и показывая его эффективность как фортификационного сооружения.

7. *Спасскія ворота* (М <231> «Для нихъ отворили Спасскія ворота: никто изъ мятежниковъ не дерзнулъ итти въ Кремль за ними» [Карамзин 1803d: 133], <213> – 2 примера).

Топоним *Спасскія ворота* использовался как имя собственное уже в XVII веке (см. [Сытин 1958: 58]). По свидетельству Н.М. Карамзина, *Спасскія ворота* так же, как и Кремлевские ворота, играли особую роль в обороне Кремля.

8. *Стѣны* (М <79> «Но Димитрій далъ примѣръ, и великій Князь Іоаннъ имъ воспользовался; свергнулъ иго -- и Москва въ стѣнахъ своихъ увидѣла плѣнныхъ Князей Татарскихъ» [Карамзин 1802с: 292], <274> – 2

примера, П <66> «Въ пятомъ – и шестомъ – надесять вѣкъ монахи ограждали себя каменными стѣнами не столько отъ мірскихъ соблазновъ, сколько отъ грозныхъ непріятелей» [Карамзин 1802с: 288], <65>, <81>, <87> – 4 примера).

В описании Н.М. Карамзиным *стѣнь* как фортификационных сооружений особое внимание уделяется их высоте (<65>) и материалу, из которых они сделаны (<66>). Он описывает практическую роль *стѣнь* в битве.

9. *Укрѣпленія* (П <122> «Не далеко отъ Деулинской церкви видны еще остатки укрѣплений» [Карамзин 1802d: 46] – 1 пример).

Н.М. Карамзин указывает конкретное местоположение *укрѣплений*, передавая их современное состояние через слово *остатки*, т.е. развалины исторического сооружения.

Общий комментарий

1. Н.М. Карамзин оценивает конкретное географическое положение, размеры, глубину, высоту и материал оборонительных сооружений.

2. Крепостные сооружения в описании Н.М. Карамзина защищают не только город Москву, но и подмосковные монастыри.

2.6.4.9 Кладбища

1. *Кладбище* (М <131> «но вдали, среди крестовъ кладбища, можетъ изобразить челоуѣка в глубокихъ, печальныхъ размышленіяхъ» [Карамзин 1802g: 306], <130> – 2 примера).

Нѣмецкое кладбище (М <313> «Жителямъ Московскимъ извѣстно старое Нѣмецкое кладбище, въ Марьиной рошѣ, я хотѣлъ узнать, когда оно было оставлено, и спрашивалъ о томъ у Пасторовъ здѣшнихъ Лютеранскихъ церквей» [Карамзин 1803f: 100], <314> – 2 примера).

Н.М. Карамзин указывает расположение *Нѣмецкаго кладбища* (<313> *въ Марьиной рошѣ*, <314> *въ Слободу*), используя при этом слова *старое* и *новое*. В описании упоминается *стѣна* как конструктивный элемент

кладбища.

2. *Палатка* (П <119> «Всякой, кто знаетъ исторію отечества, кто умѣетъ цѣнить характеры и дѣла, будучи въ Лаврѣ, захочетъ видѣть эту смиренную палатку» [Карамзин 1802d: 44], <109> – 2 примера).

В «Словаре Академии Российской» значение слова *палатка* определяется как «намет, шатер» [Словарь Академии Российской 1793: 699].

Н.М. Карамзин использует слово *палатка* для обозначения склепа¹ – сооружения для погребения, указывает ее местоположение, размер и материал.

В современном русском языке слово «палатка» значение ‘склеп’ не выражает².

Общий комментарий

Само упоминание кладбищ в ряду других городских объектов указывает на значимость их для городской жизни.

2.6.4.10 Транспорт

1. *Берлинъ* (М <222> «Въ день свадьбы Морозова Государь подарилъ ему великолѣпный берлинъ, окованный серебромъ и внутри обитый золотою парчею съ собольею опушкою» [Карамзин 1803d: 131] – 1 пример, П <262> «Не доѣзжая до монастыря за три версты, онъ выходилъ изъ коляски или берлина, чтобы со всѣми Боярами итти пѣшкомъ до самыхъ воротъ, гдѣ встрѣчалъ его Архимандрить» [Карамзин 1803e: 254] – 1 пример).

Слово *берлинъ* не обнаруживается ни в обоих изданиях «Словаря Академии Российской», ни в современном «Словаре русского языка XVIII века». В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля имеется следующее определение: «старинная карета, рыдван, колымага»

¹ «ПАЛАТКА <...> О склепе» [Словарь русского языка XVIII века 2011a: 180].

² См., например, [Русский семантический словарь 2002b: 72, 505].

[Даль 1880: 86].

Н.М. Карамзин описывает детали экстерьера и интерьера *берлина* (использование в качестве отделки дорогих *серебра, парчи и собольей опушки*). Он показывает, что в XVII веке *берлинъ* был не только средством передвижения, но и символом власти и знатности.

В настоящий момент слово «берлин» является историзмом.

2. *Гондола* (П <134> «Бывало всякое Воскресенье, отъ Мая до Августа, дорога Кусковская представляла улицу многолюднаго города, и карета обскакивала карету Въ садахъ гремѣла музыка, въ аллеяхъ тѣснились люди, и Венеціанская гондола съ разноцвѣтными флагами разѣзжала по тихимъ водамъ большаго озера (такъ можно назвать обширный Кусковский прудъ). Спектакль для благородныхъ, разныя забавы для народа и потѣшныя огни для всѣхъ, составляли еженедѣльный праздникъ Москвы» [Карамзин 1803а: 279] – 1 пример).

Слово *гондола* не обнаруживается в обоих изданиях «Словаря Академии Российской», но есть в современном «Словаре русского языка XVIII века»: «Гондола <...> *венецианская особой формы лодка*» [Словарь русского языка XVIII века 1989: 162].

Н.М. Карамзин упоминает *Венеціанскую гондолу*, украшенную *разноцвѣтными флагами*, во фрагменте, посвященном описанию увеселительных мероприятий.

3. *Колымага* (М <287> «Боярыни, нарядясь великолѣпно, выѣзжали лѣтомъ въ закрытыхъ маленькихъ коляскахъ, или *колымагахъ*, обитыхъ *снаружи* краснымъ сукномъ; а зимою въ саняхъ, также закрытыхъ» [Карамзин 1803е: 263], <288> – 2 примера).

По определению «Словаря Академии Российской», «Колымага <...> 1) Старинная коляска, повозка о четырех колесах с покрышкой. 2) Уничжительно. Худая, неудобная, тяжелая карета» [Словарь Академии Российской 1792: 737].

Н.М. Карамзин использует слово *колымага* в первом из значений.

Автор описывает внешний вид колымаги XVII века, указывая материал отделки и его цвет (*красное сукно*), наличие крыши и украшенность лошади, впряженной в колымагу, *лисьими хвостами* (<288>). По описанию Н.М. Карамзина понятно, что речь идет о летнем транспортном средстве.

Следует обратить внимание на использование автором курсива при первом упоминании слова *колымага* в <287>: по мысли Н.М. Карамзина, его читатель может и не знать этого слова, называющего предмет, вышедший из обихода.

В настоящий момент слово *колымага* используется в русском языке во втором значении, зафиксированном «Словарем Академии Российской».

4. *Коляска* (М <287> «Боярыни, нарядясь великолѣпно, выѣзжали лѣтомъ въ закрытыхъ маленькихъ коляскахъ, или *колымагахъ*, обитыхъ *снаружи* краснымъ сукномъ; а зимою въ саняхъ, также закрытыхъ» [Карамзин 1803e: 263] – 1 пример, П <18> «Сѣвъ въ коляску, я могъ на досугъ мыслить о быстрыхъ и медленныхъ успѣхахъ гражданского искусства» [Карамзин 1802b: 211], <24>, <132>, <262> – 4 примера).

Н.М. Карамзин упоминает *коляску* – средство передвижения, использовавшееся летом русским дворянством в XVII веке, и указывает ее размеры и наличие крыши.

Велика вероятность, что выделение в конструкции запятыми с двух сторон сочетания *или колымагахъ* свидетельствует о том, что *колымаги* – это и есть *закрытыя маленькія коляски* (см. также приведенное выше определение слова *колымага* в «Словаре Академии Российской»).

5. *Конь* (М <248> «Съ сими словами Государь сѣлъ на коня и со всею свитою Боярь и царедворцевъ возвратился въ Кремль» [Карамзин 1803d: 141] – 1 пример).

Н.М. Карамзин указывает, что в Москве XVII века *кони* (*лошади*) использовались как средство передвижения. К социальным группам, которые ездили на *коняхъ* (*лошадяхъ*), относились цари, знатные люди и чиновники.

Примечательно, что автор намного чаще использует слово *лошадь*, при этом оба слова используются в однотипных контекстах (ср. <247> «Царь Алексѣй Михайловичъ выѣхалъ изъ Кремля, сошелъ съ лошади» и <248> «Государь сѣлъ на коня и <...> возвратился въ Кремль» – эти фрагменты следуют один за другим и слова *конь* и *лошадь* используются как синонимы, называющие один денотат).

6. *Лодка* (М <198> «Воображаю еще множество лодокъ и шлюпокъ на Москвѣ-рѣкѣ съ разноцвѣтными флагами, съ роговою музыкою» [Карамзин 1803с: 285] – 1 пример, П <163> «Оно (*Дѣдлово* – Л.В.) разселено вдоль низкаго берега Оки на великомъ пространствѣ, и въ весенніе мѣсяцы заливается водою недѣль на шесть, такъ что жители другъ ко другу ѣздятъ въ лодкахъ» [Карамзин 1803а: 288] – 1 пример).

Н.М. Карамзин отмечает использование *лодокъ* как средства передвижения, которым в XVII веке пользовались простые жители московских окрестностей, а также указывает, что лодки использовались как в повседневной жизни московских жителей, так и в их развлекательных мероприятиях.

7. *Лошадь* (М <212> «(*Граждане* – Л.В.) схватили за узду лошадь Царскую» [Карамзин 1803d: 128], <215>, <247>, <294> – 4 примера).

См. комментарий к слову *конь*.

8. *Сани* (М <288> «на лошади, впряженной въ колымагу или въ сани, висѣли лисьи хвосты» [Карамзин 1803е: 263], <287> – 2 примера).

Н.М. Карамзин описывает *сани*, зимнее средство передвижения в XVII веке, сообщая, что они имеют крышу и украшения на лошадях (*лисьи хвосты*). Среди людей, которые пользовались санями, автор упоминает *боярынь* <287>.

9. *Шлюпки* (М <198> «Воображаю еще множество лодокъ и шлюпокъ на Москвѣ-рѣкѣ съ разноцвѣтными флагами, съ роговою музыкою» [Карамзин 1803с: 285] – 1 пример).

Н.М. Карамзин изображает *шлюпки* как средство передвижения по

Москве-реке во время увеселительных мероприятий.

Примечательно, что, описывая «развлекательный» водный транспорт (*гондолы, лодки, шлюпки*), автор каждый раз упоминает, что они украшены *разноцветными флагами*.

Общий комментарий

1. Н.М. Карамзин указывает, что использование того или иного транспортного средства связано со временем года и местом перемещения (дороги vs. реки или пруда).

2. В некоторых случаях Н.М. Карамзин указывает на связь между типом транспортного средства и социального статуса ездока.

3. В описании Н.М. Карамзина указывается, что транспорт используется не только для перемещения, но и для развлечения.

4. При описании разных транспортных средств перемещения по дорогам указывается их размер, наличие крыши, украшенность.

2.6.4.11 Памятники и достопримечательности

1. *Возвышенное мѣсто* (М <271> «Не далеко отъ Василія Блаженнаго было возвышенное мѣсто, на которомъ *лежали* неподвижно двѣ огромныя пушки, обращенныя къ той улицѣ, откуда обыкновенно приходили Татары» [Карамзин 1803e: 256], <247> – 2 примера).

В сноске к приводимому фрагменту Н.М. Карамзин указывает, что «(*) Олеарій называетъ сіе мѣсто *театромъ*» [Карамзин 1803d: 141]. В настоящее время это место на Красной площади называется Лобным местом.

Н.М. Карамзин не употребляет топоним *Лобное мѣсто*, хотя данное словосочетание использовалось в XVIII веке («*Лобное мѣсто*. Возвышенное место, на каковых казнят смертию преступников, или читаются указы для провозглашения оных народу» [Словарь Академии Российской 1792: 1248]) и непосредственно в Москве приобрело особую значимость в XVII веке: «В XVII в. на площади в "вербную субботу"

происходило "библейское действо": из Кремля к Лобному месту и обратно шел крестный ход, причем царь вел за узду осла, на котором восседал патриарх. В 1678 г. это "хождение на ослати" было отменено. 11 июля 1682 г. на Лобном месте отсекали голову раскольнику Никите Пустосвяту, а указом 5 февраля 1685 г. на Лобном месте повелено и впредь совершать всякие казни» [Сытин 1958: 74].

2. *Колоколь* (М <155> «иностранцы смотреть въ Москвѣ большую пушку, разбитой колоколь, и не ѣздить по окрестнымъ деревнямъ» [Карамзин 1803а: 286] – 1 пример).

Под *разбитымъ колоколомъ* подразумевается Царь-колокол, который стал достопримечательностью в начале XIX века, о чем как раз и свидетельствует рассказ Н.М. Карамзина.

3. *Обелискъ* (П <78> «Между колокольнею и Троицкимъ Соборомъ стоит каменный обелискъ, сооруженный Митрополитомъ Платономъ» [Карамзин 1802с: 291] – 1 пример).

Н.М. Карамзин упоминает *обелискъ*, установленный в Троице-Сергиевой лавре митрополитом Платоном в память Преподобного Сергия Радонежского.

4. *Пушка* (М <271> «Не далеко отъ Василия Блаженнаго было возвышенное мѣсто, на которомъ *лежали* неподвижно двѣ огромныя пушки, обращенныя къ той улицѣ, откуда обыкновенно приходили Татары» [Карамзин 1803е: 256], <155> – 2 примера).

Упоминаемая Н.М. Карамзиным в <155> *большая пушка*, которая уже в начале XIX века привлекала внимание иностранцев, в наше время известна как Царь-пушка.

Общий комментарий

В данный раздел нами были включены индивидуальные объекты, которые сложно было отнести к какому-либо определенному разряду. В то же время многие из уже описанных ранее объектов (например, дворцы) оцениваются Н.М. Карамзиным именно как достопримечательности.

2.6.5 Пространство и его части¹

1. *Амфитеатръ* (П <137> «Одинъ Кирила Полуектовичъ Нарышкинъ умѣлъ выбрать несравненное Кунцово на высокомъ берегу Москвы-рѣки, гдѣ представляется взору самый величественный амфитеатръ» [Карамзин 1803а: 281] – 1 пример).

Н.М. Карамзин употребляет этот театральный термин, оценивая живописность открывающегося наблюдателю панорамного вида окрестностей². Необходимо заметить, что словосочетание *величественный амфитеатръ* обнаруживается и в других текстах писателя: так, оно используется в приводимом в разделе 2.1 описательном фрагменте повести «Бедная Лиза» (1792).

Согласно данным «Словаря русского языка XVIII века», слово *амфитеатръ* регулярно использовалось авторами XVIII века при описании таких возвышенностей, как горы и утесы (см. [Словарь русского языка XVIII века 1984: 62, 63]).

2. *Видъ* (М <130> «Мнѣ хотѣлось бы представить начало Москвы ландшафтомъ -- лугъ, рѣку, пріятное зрѣлище строенія: деревья падаютъ, лѣсъ рѣдѣтъ, открывая виды окрестностей -- небольшое селеніе дворянина Кучки, съ небольшою церковью и съ кладбищемъ» [Карамзин 1802g: 305, 306] – 1 пример, П <95> «Видъ съ колокольни (превышающей двумя или тремя саженьями Ивана Великаго) отмѣнно хорошъ» [Карамзин 1802с: 297], <42>, <46>, <132>, <185> – 5 примеров,).

Слово *видъ* используется Н.М. Карамзин так же, как и слово *амфитеатръ*, при описании «большого» пространства, которому необходимо дать оценку. Отличием является то, что эта оценка может быть и негативной (<132> «Унылый видъ Природы располагаетъ только къ

¹ Данный разряд слов, выделяемых в [Русский семантический словарь 2003: 65–73], включает абстрактные имена, относящиеся к подклассу «Пространство». О принципах отнесения слов к данному подклассу см. [Русский семантический словарь 2003: XXI, XXII]. Следует заметить, что все слова, отнесенные нами к данному разряду (кроме слова *амфитеатръ*, используемого Н.М. Карамзиным в переносном значении), обнаруживаются в названном подклассе «Русского семантического словаря».

² О панорамном описании Москвы в повести «Бедная Лиза» см. [Топоров 1995а: 96, 102, 300, 376].

меланхолическимъ *Іереміадамъ*»).

3. *Ландшафтъ* (М <130> «Мнѣ хотѣлось бы представить начало Москвы *ландшафтомъ* -- лугъ, рѣку, пріятное зрѣлище строенія: деревья падаютъ, лѣсъ рѣдѣетъ, открывая виды окрестностей -- небольшое селеніе дворянина Кучки, съ небольшою церковью и съ кладбищемъ» [Карамзин 1802g: 305, 306] – 1 пример, П <147> «Отъѣхавъ верстъ 25, увидѣлъ я на правой сторонѣ Москву-рѣку и нѣсколько деревень, которыя, съ господскими домами и садами, образуютъ прекрасной ландшафтъ» [Карамзин 1803a: 283], <46>, <175> – 3 примера).

Так же, как и два предыдущих существительных, Н.М. Карамзин использует слово *ландшафтъ* при описании больших пространств, воспринимаемых наблюдателем, выражающим свою оценку объекта.

Необходимо заметить, что, согласно данным «Словаря русского языка XVIII века», авторы XVIII века использовали слово *ландшафтъ* при описании сельских видов, будь то изображение на картине или словесное описание объекта действительности: «ЛАНДШАФТ <...> 1. Живописное изображение сельской местности, сельского быта; пейзаж. <...> 2. Сельские виды, картины сельской природы, быта» [Словарь русского языка XVIII века 2000: 115]. Таким образом, использование этого слова Н.М. Карамзиным отражает особенности толкования этого слова его современниками.

4. *Пространство* (П <163> «Оно (*Дѣдлово* – Л.В.) разселено вдоль низкаго берега Оки на великомъ пространствѣ, и въ весенніе мѣсяцы заливается водою недѣль на шесть, такъ что жители другъ ко другу ѣздить въ лодкахъ» [Карамзин 1803a: 288], <25> – 2 примера).

Слово *пространство* используется для обозначения территории, на которой расположен объект.

5. *Сторона* (М <196> «огромный Воспитательный Домъ съ одной стороны, а съ другой длинный, необозримый берегъ съ маленькими домиками, зеленью и громадами плотоваго лѣса; вдали Воробьевы горы,

лѣса, поля – вотъ картина! вотъ гульбище, достойное великаго народа!» [Карамзин 1803с: 285] – 1 пример, П <49> «Видно, что онъ безъ вниманія смотрѣлъ на окрестности Троицкой дороги, частый кустарникъ и самый грунтъ земли (на правой и на лѣвой сторонѣ) доказываютъ, что тутъ прежде были сплошные лѣса, которые, вѣроятно, простирались и далѣе къ сѣверу, то есть, къ Переславлю» [Карамзин 1802b: 220], <7>, <16>, <42>, <118>, <147> – 6 примеров).

Слово *сторона* используется в описательных фрагментах при соотнесении объектов, находящихся в одном или смежных пространствах.

Общий комментарий

Отнесенные к данному разделу существительные не называют собственно объекты восприятия, однако их роль в организации описания очень важна: а) слова *амфитеатръ*, *видъ*, *ландшафтъ* необходимы автору для именования больших пространств, объединяющих различные воспринимаемые наблюдателем объекты в общую картину, которая оценивается им положительно и отрицательно; б) слова *пространство* и *сторона* используются в качестве текстообразующих средств, позволяющих соотнести описываемые объекты, находящиеся в одном или смежных пространствах.

Необходимо также отметить, что Н.М. Карамзиным крайне редко используются существительные, называющие не городские и пригородные объекты (по этой причине они не учитываются при подсчетах в разделе 2.7), а параметры их оценки: в рассмотренных фрагментах не обнаружены такие слова, как *высота*, *глубина*, *объемъ*, *размѣръ*, *разстояніе*, *толщина*, *форма*, *цвѣтъ*, *ширина*. Три раза используется слово *длина* (<23> «Водоводъ идетъ мостомъ черезъ низкую долину, на каменныхъ аркахъ, и длиною будетъ сажень въ 60» [Карамзин 1802b: 213], а также <6> и <8>), два раза – слово *въсь* (<94> «Къ любопытнымъ вещамъ въ Лаврѣ принадлежитъ и большой колоколъ, въ 4000 пудъ въсьомъ» [Карамзин 1802с: 297], а также <259>) и

один раз – слово *величина* (<71> «Два образа, даръ Царей Иоанна и Годунова Троицкому Собору, осыпаны рѣдкой величины драгоцѣнными камнями» [Карамзин 1802с: 289]). Таким образом, у Н.М. Карамзина не обнаруживаются свойственные описаниям сочетания типа **сукно красного цвѣта*, **своды круглой формы*, **ровъ большой глубины* и под., но используются сочетания *красное сукно* (<9>), *круглые своды* (<256>), *глубокой ровъ* (<65>) и под.

Особо следует сказать об использовании слова *масса*: его единственное употребление обнаруживается во фрагменте, в котором оно не называет параметр, но используется в качестве средства выражения оценки (<139> «Чего стоилъ Кусковский прудъ? Хорошо взглянуть на него; но здорово ли жить на берегу страшной, водяной *массы*, почти неподвижной?» [Карамзин 1803а: 281]). Примечательно выделение этого слова курсивом, которое свидетельствует о том, что автор фокусирует внимание читателя на использовании этого слова¹.

2.7 Количественные показатели существительных, используемых в описаниях городских и пригородных объектов

Подсчет существительных, используемых в описаниях городских и пригородных объектов и рассмотренных нами в разделе 2.6, позволил получить следующие данные: в 319 фрагментах статей Н.М. Карамзина обнаруживается 208 существительных, общее количество словоупотреблений которых составляет 631 словоформу.

Анализ количественных показателей привел к необходимости выделить группы существительных, которые называют объекты определенного типа, находящиеся: а) только в Москве, б) только в Подмосковье, в) как в Москве, так и в Подмосковье, г) в Москве или Подмосковье (содержание фрагмента не позволяет оценить объект как локализованный в определенном месте). Распределение существительных

¹ Слово *масса* не является неологизмом Н.М. Карамзина: его использование еще в первой половине XVIII века зафиксировано в [Словарь русского языка XVIII века 2001: 81].

по типам называемых объектов выглядит следующим образом (в скобках указывается количество словоупотреблений)¹:

Таблица 2. Распределение существительных по типам называемых объектов и количество словоупотреблений

Тип объекта	Объекты, которые находятся только в Москве	Объекты, которые находятся в Москве (также упоминаются во фрагментах про Подмоскowie)	Объекты, которые находятся только в Подмоскowie	Объекты, которые находятся в Подмоскowie (также упоминаются во фрагментах про Москву)	Объекты, которые находятся в Москве или Подмоскowie	Всего
2.6.1 Водные объекты	2 (2)	2 (9)	12 (22)	2 (7)	-	16 (40)
2.6.2 Элементы рельефа земной поверхности	2 (2)	2 (6)	8 (11)	2 (10)	-	12 (29)
2.6.3 Участки растительности	1 (1)	3 (4)	3 (5)	3 (14)	-	7 (24)
2.6.4.1 Части территории города и населенные места, находящиеся за городом	11 (46)	2 (14)	26 (52)	2 (6)	-	39 (118)
2.6.4.2 Нелинейные объекты	5 (21)	2 (3)	1 (3)	2 (11)	-	8 (38)
2.6.4.3 Линейные объекты	6 (10)	2 (12)	5 (11)	2 (9)	-	13 (42)
2.6.4.4 Технические сооружения, объекты инфраструктуры и их конструктивные элементы	-	3(5)	4 (5)	3(6)	-	7 (16)
2.6.4.5 Здания и постройки, в которых располагаются органы власти, учреждения, предприятия	18 (35)	1(1)	2 (2)	1(1)	-	21 (39)
2.6.4.6 Жилые строения и хозяйственные постройки и их конструктивные элементы	1 (1)	6 (44)	11 (13)	6 (33)	1 (1)	19 (92)

¹ В том случае, если один и тот же объект называется разными именованиями, каждое из них подсчитывается (например, *Скородомь* и *Земляной Городь* оцениваются как 2 именования). Если же при обозначении одного объекта используются имена собственные и сочетания, включающие эти имена собственные и нарицательные существительные, выражающие родовое значение, то они оцениваются как одно именование (например, *Алексѣвское* и *село Алексѣвское* подсчитываются как одно именование).

2.6.4.7 Культовые сооружения (строения и их части), предметы культа	14 (17)	3 (20)	19 (66)	3 (15)	-	36 (118)
2.6.4.8 Военные сооружения и их части	3 (7)	3 (6)	3 (3)	3 (7)	-	9 (23)
2.6.4.9 Кладбища	2 (4)	-	1 (2)	-	-	3 (6)
2.6.4.10 Транспорт	5 (10)	3 (3)	1 (1)	3 (6)	-	9 (20)
2.6.4.11 Памятники и достопримечательности	3 (5)	-	1 (1)	-	-	4 (6)
2.6.5 Пространство и его части	-	3 (3)	2 (3)	3 (14)	-	5 (20)
Всего	73 (161)	35 (130)	99 (200)	35 (139)	1 (1)	208 (631)

Таким образом, Н.М. Карамзин использует 108 именовании объектов, находящихся в Москве, и 134 – в Подмосковье, при этом 73 из них употребляются для обозначения только московских объектов, а 99 – подмосковных. Речь при этом идет не только об использовании имен собственных, но и о нарицательных существительных.

Более частое упоминание объектов, находящихся в Подмосковье, касается существительных, которые называют:

- природные, преимущественно нерукотворные объекты, обозначаемые существительными разделов 2.6.1–2.6.3: М – 12 (24) vs. П – 30 (69);

- части Москвы и населенные места, находящиеся за городом (раздел 2.6.4.1): М – 13 (60¹) vs. П – 28 (58) – автор часто упоминает различные населенные пункты, находящиеся рядом с Москвой;

- технические сооружения и под. (раздел 2.6.4.4): М – 3 (5) vs. П – 7 (11) – следует учесть, что бóльшая часть упоминаний подмосковных технических сооружений имеет отношение к мытищинскому водопроводу, имеющему прямое отношение к водоснабжению Москвы;

- культовые сооружения и под. (раздел 2.6.4.7): М – 17 (37) vs. П – 22 (81) – следует учесть, что наиболее подробно описываемое путешествие

¹ 18 из 60 словоупотреблений приходится на слово *Кремль*.

Н.М. Карамзина по Подмоскovie представляет собой паломничество в Троице-Сергиеву лавру и вполне естественно, что автор часто упоминает культовые сооружения и то, что имеет к ним отношение;

- различные пространственные понятия (раздел 2.6.5): М – 3 (3) vs. П – 5 (17) – большее лексическое разнообразие и более частое словоупотребление слов данной группы во фрагментах о Подмоскovie связаны с необходимостью описания прежде всего природных объектов.

Более частое упоминание объектов, находящихся в Москве, касается существительных, которые называют:

- линейные и нелинейные объекты (разделы 2.6.4.2 и 2.6.4.3): М – 15 (46) vs. П – 10 (34) – речь идет о планировке города, с чем и связано расхождение в имеющихся показателях;

- кладбища (раздел 2.6.4.9): М – 2 (4) vs. П – 1 (2);

- транспорт (раздел 2.6.4.10): М – 8 (13) vs. П – 4 (7);

- памятники и достопримечательности (раздел 2.6.4.11): М – 3 (5) vs. П – 1 (1).

В последних трех случаях (разделы 2.6.4.9–2.6.4.11) количественные показатели невысоки и потому вряд могут быть оценены как репрезентативные.

Показательно различие, свойственно двум близким друг другу разделам:

- здания и постройки, в которых располагаются органы власти, учреждения, предприятия (раздел 2.6.4.5): М – 19 (36) vs. П – 3 (3) – вполне логично, что именно в Москве находятся многие здания данного типа;

- жилые строения и хозяйственные постройки и их конструктивные элементы (раздел 2.6.4.6): М – 7 (45) vs. П – 17 (46) – подмосковным деревням и селам свойственно наличие типов зданий, которые в Москве не обнаруживаются.

Приблизительное равенство показывают редко упоминаемые военные сооружения и их части (раздел 2.6.4.8): М – 6 (13) vs. П – 6 (10).

В целом же, если оценить количество словоупотреблений, можно сделать вывод, что внимание Н.М. Карамзина привлекают прежде всего различные природные объекты (93), а также части Москвы и подмосковные населенные пункты (118), в которых находятся линейные и нелинейные объекты (80) и расположенные там же жилые строения и хозяйственные постройки (92) и культовые сооружения (118).

2.8 Выводы к главе 2

Проведенное нами в главе 2 исследование статей Н.М. Карамзина, опубликованных в журнале «Вестник Европы» в 1802–1803 гг., позволило установить следующие лексические особенности описания Москвы и Подмосковья:

1. Сопоставление художественной прозы Н.М. Карамзина и его статей 1802–1803 гг. показывает, что описание Москвы является повторяющимся элементом его текстов, своеобразным «мотивом», к которому автор возвращается на протяжении нескольких десятилетий. При этом в описаниях художественной прозы и публицистических статей обнаруживаются одни и те же приемы («панорамное» описание, перечисление одних и тех же типовых объектов и их характеристик вплоть до использования одних и тех же оборотов речи).

2. В статьях 1802–1803 гг. обнаруживаются фрагменты, содержащие визуальное описание или описание-характеристику, а также комбинации описания с другими ФСТР – повествованием и рассуждением.

3. Н.М. Карамзин воспринимает Москву и Подмосковье как единый объект описания. Однако при этом он может использовать разные слова для номинации однотипных объектов города и окрестностей (например, *улица* в Москве vs. *дорога* в Подмосковье).

4. Н.М. Карамзин описывает Москву и Подмосковье середины XVII века и начала XIX века: временной фактор во многих случаях определяет тот или иной выбор лексем, в связи с чем лексический состав описаний объектов середины XVII века и начала XIX века не совпадает.

5. Вне зависимости от того, какой эпохе посвящена статья, наряду с другими словами для номинации Москвы автор использует слово *столица*, что показывает его высокую оценку роли Москвы в истории и жизни России. Помимо этого, им часто используется слово *городъ*, и в отсутствие определений читатель должен однозначно понимать, что имеется в виду именно Москва, а не какой-либо другой город.

6. Важнейшими элементами описаний у Н.М. Карамзина являются слова, принадлежащие двум частям речи, – существительные и прилагательные. Существительные называют объекты, попадающие в поле восприятия (прежде всего зрительного) рассказчика или имплицитного наблюдателя, прилагательные называют характеристики этих объектов.

При этом следует отметить, что в случаях подробного описания значимых объектов, например дворцов, автор называет объекты, которые являются составными частями этих значимых объектов (например, при описании дворцов упоминаются комнаты, стены, двери, окна и под.), а потому можно считать, что существительные в этом случае выполняют также и характеризующую функцию (то, какие в данном дворце комнаты, стены, двери, окна и под., отличает его от другого дворца).

Кроме того, следует отметить, что Н.М. Карамзину не свойственно использование параметрических существительных, которые обычно употребляются в описательных текстах.

7. Имена нарицательные называют объекты разных типов, но все они так или иначе связаны с человеком. Например, упоминая природные объекты (водоемы, элементы рельефа земной поверхности, участки растительности), автор выбирает те из них, которые испытали воздействие со стороны человека и, в свою очередь, играют определенную роль в его жизни.

Лексический состав существительных в значительной своей части совпадает с современным, однако обнаруживаются и такие слова, которые следует оценить как историзмы (*берлинъ* и под.) или архаизмы (*окончина* и

под.). Некоторые слова в современной речи используются в других значениях (*ландшафт* и под.), а некоторые не зафиксированные толковыми словарями конца XVIII – начала XIX вв., но обнаруживаемые у Н.М. Карамзина слова вошли в основной пласт лексики и перестали восприниматься как новые (*булеварь* и под.). Помимо этого, обращают на себя внимание изменения в графическом облике некоторых слов (*алея* и под.).

8. Имена собственные также значительной частью совпадают с современными топонимами, однако некоторые из них современному носителю языка неизвестны (*Скородомь* и под.) или известны, но выражают другие значения (*Марьиная роща* и под.).

В ряде случаев используемые Н.М. Карамзиным существительные, воспринимаемые сегодня как нарицательные, в его время соотносились с индивидуализированным денотатом (*булеварь, набережная*), а потому, по сути, употреблялись как имена собственные.

9. В описаниях, посвященных Москве и Подмосковию середины XVII века, Н.М. Карамзин использует слова, которые для него самого были устаревшими (*Кукуй* и под.). В этих случаях, вводя в текст слово, воспринимаемое читателем XIX века как историзм или архаизм, он поясняет его значение, соотносит с реалиями начала XIX века, объясняет его этимологию.

10. В случаях, когда автор использует особые локальные слова (*Меншикова башня* и под.), он не дает никаких пояснений, что указывает на то, что, по мысли автора, читателем статей является москвич, когнитивная база которого должна включать информацию о том, что эти слова обозначают.

11. Общий принцип отбора существительных в описаниях Н.М. Карамзина можно определить как антропоцентрический: автора интересуют объекты так или иначе связанные с человеком, и он использует те существительные, которые позволяют ему их называть.

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Ли Вэнвэнь

**ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОПИСАНИЯ МОСКВЫ И
ПОДМОСКОВЬЯ В ПУБЛИЦИСТИКЕ НАЧАЛА XIX ВЕКА (НА
МАТЕРИАЛЕ СТАТЕЙ Н.М. КАРАМЗИНА В ЖУРНАЛЕ
«ВЕСТНИК ЕВРОПЫ»)**

Том 2

Специальность 5.9.5. Русский язык. Языки народов России

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
доцент Виктор Сергеевич Савельев

Москва – 2026

Оглавление

Глава 3. Описание Москвы и Подмосковья в статьях Н.М. Карамзина 1802–1803 гг.: характеризующая лексика, лексические и композиционные особенности комплексного описания объектов, социологический аспект	3
3.1 Теоретические основания анализа лексики описательных фрагментов. Прилагательное.....	3
3.2 Лексические особенности прилагательных, используемых в описаниях городских и пригородных объектов	11
3.3 Лексические особенности глаголов, используемых в описаниях городских и пригородных объектов	51
3.4 Лексические и композиционные особенности комплексного описания городских и пригородных пространств.....	63
3.5 Особенности номинации жителей и гостей Москвы и Подмосковья	67
3.6 Выводы к главе 3.....	89
Заключение	93
Библиография	101
Приложение 1. Фрагменты статей Н.М. Карамзина 1802–1803 гг. в журнале «Вестник Европы», рассмотренные в диссертации	124
Приложение 2. Количество словоупотреблений существительных, рассмотренных в разделе 2.6.....	160
Приложение 3. Сочетаемость прилагательных и существительных, рассмотренных в разделе 2.6.....	175
Приложение 4. Количество словоупотреблений глаголов, рассмотренных в разделе 3.3	199

Глава 3. Описание Москвы и Подмосковья в статьях Н.М. Карамзина 1802–1803 гг.: характеризующая лексика, лексические и композиционные особенности комплексного описания объектов, социологический аспект

3.1 Теоретические основания анализа лексики описательных фрагментов. Прилагательное

Важную роль во фрагментах, включающих описания Москвы и Подмосковья, играют имена прилагательные.

На особую роль прилагательных в описательных фрагментах указывают исследователи, придерживающиеся различных научных взглядов (см. обзор в разделе 2.5 главы 2). В связи с этим необходимо, как и в случае с существительными, остановиться на возможных принципах их классификации.

Согласно определению, данному в «Русской грамматике» (1980), имя прилагательное представляет собой «часть речи, обозначающую непроцессуальный признак предмета и выражающую это значение в словоизменительных морфологических категориях рода, числа и падежа. Прилагательное обладает морфологической категорией степени сравнения и имеет полные и краткие формы» [Русская грамматика 1980: 538].

Прилагательные русского языка способны выражать различные значения и, в частности, называть различные признаки предметов, связанные с их сенсорным восприятием (такие как цвет, форма, размер и т. д.). Вполне естественно, что различные классификации прилагательных учитывают в первую очередь их способность выражать определенные типовые значения, при этом существенным является то, в рамках какого научного направления осуществляется описание прилагательных.

При морфологическом описании прилагательных их классификация ограничивается чаще всего выделением трех традиционных разрядов, деление на которые связано с учетом влияния типовых лексических

значений на грамматические свойства слова. Так, Е.В. Клобуков указывает, что «противопоставление качественных, относительных и притяжательных признаков предмета лежит в основе выделения трех лексико-грамматических разрядов прилагательных – качественных, относительных и притяжательных» [Современный русский язык 2007: 273]. Однако при введении дополнительных параметров морфологическая классификация может усложняться. Так, в «Русской грамматике» (1980) приводится две классификации, в основу которых положены различные классификационные параметры: характер выражаемого признака и характер обозначения признака (признак называется или присутствует указание на признак). Первая классификация делит прилагательные на качественные и относительные, при этом относительные прилагательные подразделяются на собственно относительные (притяжательные и непритяжательные), порядковые прилагательные и местоименные прилагательные. Вторая классификация делит прилагательные на знаменательные прилагательные и местоименные прилагательные. Следует отметить, что, согласно данной классификации, к так называемым «знаменательным прилагательным» относятся все качественные прилагательные и все относительные прилагательные, за исключением местоименных прилагательных (см. [Русская грамматика 1980: 538–543]).

В рамках функционально-коммуникативного направления при классификации прилагательных принимаются во внимание иные, чем при морфологическом описании, признаки.

Так, в классификации, разработанной М.Ю. Сидоровой, учитываются прежде всего параметры, отражающие связь лексических значений прилагательных и их потенциальной сочетаемости с другими элементами в составе синтаксических конструкций определенного типа. Исследователь устанавливает базовые характеристики полнознаменательных прилагательных и разделяет их на 4 класса по типу выражаемого адъективного значения: «(1) Наблюдаемые неэмоциональные

(эмпирические): *Эта книга толстая*; (2) Информативные: *Эта книга папина*; (3) Эмоциональные: *Эта книга грустная*; (4) Оценочные: *Эта книга хорошая*» [Золотова, Онипенко, Сидорова 2004: 84]. М.Ю. Сидорова отмечает, что такие разряды прилагательных различаются по четырем семантическим параметрам:

«1) Наблюдаемость (онтологическая объективность, существование в реальности, данной нам в ощущении, воспринимаемость органами чувств) – ненаблюдаемость противопоставляет наблюдаемые признаки (цвет, форма, тактильные и т. д.) всем остальным, ср: *В комнату вошла высокая, *жадная, *бессердечная девушка*;

2) Авторизованность – неавторизованность (субъективность/объективность) объединяет наблюдаемые и информативные (*женский, книжный, средневековый* и т. д.) признаки как неавторизованные, противопоставляя их оценочным и эмоциональным. Ср.: *Волки – хищные млекопитающие. *С чьей точки зрения? – Для детей волк в "Ну, погоди!" плохой, а заяц хороший*;

3) Критериальность – некритериальность среди авторизованных признаков выделяет оценочные (*опасный, полезный, трудный* и т. д.). Ср.: *Эта машина хорошая, потому что новая и мощная. – Эта машина красная, *потому что...*;

4) Каузативность – некаузативность (проективность/непроективность) противопоставляет среди авторизованных признаков эмоционально-статусные и эмоционально-экспрессивные как непроективные (*унылое лицо, печальная девушка*) оценочным и эмоционально-каузативным (*унылый пейзаж, печальные результаты*)» [Золотова, Онипенко, Сидорова 2004: 84].

Классификация прилагательных М.В. Всеволодовой основана на классификации, предложенной М.Ю. Сидоровой, при этом в нее внесены некоторые изменения. Как указывает М.В. Всеволодова, можно выделить три аспекта семантической системы прилагательных: «1) собственно систему значений, передаваемых прилагательными; 2) типы отношений,

выражаемые адъективным с/с (словосочетанием – Л.В.); 3) семантическую иерархию существительного и прилагательного в адъективном с/с» [Всеволодова 2000: 61]. По первому аспекту прилагательные можно разделить на строевые (неполнознаменательные) и полнознаменательные. Строевые прилагательные подразделяются на: 1) «Экспликативы – строевые элементы ОП (описательного предиката – Л.В.): *свойственный, характерный, присущий, типичный, чуждый, естественный* – выступающие в функции Ск (сказуемого – Л.В.) в краткой форме и в номинализованном обороте – в полной, 2) Модальные Мд (модификаторы – Л.В.): *возможен, нужен, должен, обязателен, неизбежен, необходим, склонен*, 3) Авторизационные Мд: *виден, слышен, замечен*» [Всеволодова 2000: 61]. Полнозначные прилагательные подразделяются в зависимости от типа субъекта и характеристик самого атрибута на:

1) «Объективные наблюдаемые признаки – сущностные: *Книга толстая; Это стекло чистое; Розы на кусте белые.*

2) Объективные ненаблюдаемые признаки – информативные: *Эта книга папина; Это стекло хрупкое; Розы в вазе покупные.*

3) Субъективные наблюдаемые признаки – эмоциональные: *Эта книга грустная; Эти розы печальные; Машиа веселая.*

4) Субъективные ненаблюдаемые признаки – оценки: *Эта книга хорошая; Стекло некачественное; Розы изумительные!»* [Всеволодова 2000: 62].

Учет типовых отношений, выражаемых адъективным словосочетанием (второй аспект описания), согласно точке зрения М.В. Всеволодовой, позволяет выделить 5 моделей, различия между которыми определяются типом субъекта: 1) лицо (Л), 2) зооним (З), 3) предмет (Прд), 4) пропозиция (Прп: действие, событие, состояние), 5) признак (Прз). Каждый из названных субъектов может быть выражен как существительным (N), так и зависимым от него прилагательным (Adj). Исследователь рассматривает все возможные комбинации на примере

использования информативных прилагательных: «1.1. Л (Adj) – Л (N): *детский хирург, генеральский сын, Олина подруга*; 1.2. Л (Adj) – 3 (N): *соседская кошка, Машин пес, старухин щенок*; <...> 2.1. 3 (Adj) – 3 (N): *львиный молодняк*; 2.2. 3 (Adj) – Л (N): *кошкина хозяйка, собачий доктор*» [Всеволодова 2000: 63] и т.д. (подробнее см. [Всеволодова 2000: 63, 64]).

Согласно третьему аспекту описания, в зависимости от семантической иерархии существительного и прилагательного в адъективном словосочетании, тип отношений между ними делится на: 1) «семантически главное слово – существительное. Прилагательное выполняет конкретизирующую функцию; 2) семантически главное слово – прилагательное, а имя – пустая „формальная подпорка“; 3) прилагательное и имя – в отношениях семантического равновесия» [Всеволодова 2000: 64, 65].

Таким образом, классификация М.В. Всеволодовой, как и классификация М.Ю. Сидоровой, учитывает не только типовые лексические значения прилагательных, но и закономерности их сочетаемости в синтаксических конструкциях.

Для целей нашего исследования наиболее важным представляется то, как прилагательные могут быть классифицированы с точки зрения их лексической семантики: определение закономерностей использования прилагательных в описательных фрагментах напрямую зависит от того, информацию какого типа они передают.

Выделение и описание семантических классов прилагательных в современной лингвистике связано прежде всего с работой Р. Диксона (1977), в которой им на основании анализа 17 неродственных языков были выделены следующие семантические классы прилагательных: размер (*большой* и под.), физические свойства (*тяжелый* и под.), цвет (*черный* и под.), состояния человека (*счастливый* и под.), время (*новый* и под.), оценка (*хороший* и под.), скорость (*быстрый* и под.) (см. [Dixon 1977]). Очевидно, что выделение данных групп свидетельствует об их универсальности, но не

исключает возможности особенностей реализации в пределах какого-либо языка.

Важными для разработки семантической классификации прилагательных стали работы советских лингвистов А.Н. Шрамма и Е.М. Вольф.

А.Н. Шрамм различает эмпирийные и рациональные прилагательные на основе характера признаков качественных прилагательных. «Критерием разграничения ЛСВ (*лексико-семантических вариантов* – Л.В.) эмпирийных прилагательных является то, каким органом чувств воспринимается тот или иной признак» [Шрамм 1979: 24]. Рациональные прилагательные делятся на категории по сочетаемости, они подразделяются на следующие категории: 1) «обозначающие признаки человека и того, что непосредственно связано с человеком (частей тела, общего вида, внутренних характеристических свойств человека, таких как характер, ум и т. п.); 2) обозначающие такие признаки, которые могут быть свойственны только животным; 3) обозначающие признаки предметов; 4) обозначающие оценочные признаки и человека, и животных, и предметов» [Шрамм 1979: 33, 34]. Данная классификация напрямую связана с одним из главных свойств русского языка – его антропоцентричностью.

Е.М. Вольф рассматривает две основные структурные формы прилагательных в дискурсе и их функциональные характеристики. Во-первых, прилагательные могут употребляться как самостоятельно, так и в сочетании с другими компонентами, что соответствует «денотативной» и «квалификативной» конструкциям, которые можно рассматривать как оценочную функцию прилагательных в широком смысле. Денотативные конструкции направлены на описание свойств объекта, объективно ему присущих, в то время как квалификативные конструкции являются в большей степени оценочными, т.е. отражают отношение или позицию говорящего. Двойная функция прилагательных делает их уникальными среди частей речи, то есть в некоторых случаях они могут выполнять как

денотативную, так и оценочную функцию. Однако не все прилагательные выполняют обе функции; некоторые прилагательные могут выполнять только одну из них. Собственно относительные прилагательные встречаются только в денотативных конструкциях и используются в основном для характеристики предметов, не предполагая оценки. Кроме того, «качественные прилагательные и относительные, находящиеся на той или иной ступени окачества, несут, как правило, две функции – и денотативную, и квалификативную, при этом у одних на первый план выступает денотативная функция, у других – оценочная» [Вольф 1978: 28, 29]. В целом, двойная функция прилагательных позволяет в случае необходимости реализовывать одну из них в зависимости от контекста и намерений говорящего.

При составлении семантической классификации прилагательных может учитываться синтаксический фактор – особенности их сочетаемости. Так, в классификации П.В. Гращенкова и И.М. Кобозевой прилагательные распределяются на две группы в зависимости от их способности/неспособности иметь при себе распространители (см. [Гращенков, Кобозева 2017] и [Гращенков, Лютикова 2018]):

- I. a. СОБСТВЕННО ОЦЕНОЧНЫЕ *важный* <...>
- b. ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ *ближний* <...>
- c. СИММЕТРИЧНЫХ СВОЙСТВ *идентичный* <...>
- d. НЕСИММЕТРИЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ *послушный* <...>
- e. ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ОТНОШЕНИЯ *агрессивный* <...>
- f. ЭМОЦИОНАЛЬНОГО И ФИЗИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ ЧЕЛОВЕКА *гордый (чем-л.)* <...>
- g. БЕНЕФАКТИВНОЙ ОЦЕНКИ *вредный* <...>
- h. ИЗВЕСТНОСТИ *знакомый (кому-л.)* <...>
- i. ТИПИЧНОСТИ *обыкновенный* <...>
- j. НАЛИЧИЯ / ОТСУТСТВИЯ *богатый* <...>
- II. k. ВРЕМЕННЫЕ *долгий* <...>

l. РАЗМЕРА *длинный* <...>

m. ФИЗИЧЕСКИХ СВОЙСТВ

ЦВЕТА (*черный* <...>)

ОСЯЗАНИЯ (*горячий* <...>)

СЛУХА (*тихий* <...>)

ОБОНЯНИЯ (*медвяный* <...>)

ВКУСА (*сырой* <...>)

ВЕСА (*твердый* <...>)

n. ЧЕРТ ХАРАКТЕРА И СПОСОБНОСТЕЙ ЧЕЛОВЕКА
добродушный <...>.

Учет семантического фактора крайне важен при изучении прилагательных с точки зрения лексикографической. Фундаментальным исследованием в этой области русистики является написанный под ред. Л.Г. Бабенко «Словарь-тезаурус русских прилагательных, распределенных по тематическим группам» (2016), в котором подробно описываются категории и значения прилагательных в виде распределения по группам. Прилагательные разделены на 15 категорий в зависимости от сферы их референции: «неживая природа (1), вещества и материалы (2), живая природа (3), человек как живое существо (4), населенный пункт (5), нации (6), родственные и семейные отношения (7), человек и его внутренний мир (8), язык и речь (9), сверхъестественное (10), общественно-государственная сфера (11), конкретная физическая деятельность (12), социальная сфера жизни человека (13), восприятие окружающего мира (14), универсальные представления, смыслы и отношения (15)» [Словарь-тезаурус русских прилагательных 2012: 25]. В данном словаре классификация прилагательных выстраивается от более общих значений к более частным в соответствии со степенью конкретизации фрагмента реальности. Такая структура классификации прилагательных позволяет не только отразить особенности их лексических значений, но и описать их грамматические функции, а также специфику их сочетаемости в различных контекстах.

Описание каждого из прилагательных, включаемых в приводимый ниже раздел 3.2, имеет следующую структуру:

- название группы слов по типу выражаемого значения (в соответствии с группами прилагательных, выделяемых в «Словаре-тезаурусе русских прилагательных, распределенных по тематическим группам»¹),
- прилагательное, относящееся к данной группе слов (в скобках указывается количество словоупотреблений),
- именная группа, включающая анализируемое прилагательное и существительное, которое оно распространяет (в скобках указывается количество словоупотреблений и приводятся ссылки на фрагмент(ы) статьи (статей) Н.М. Карамзина, в которых обнаруживается именная группа),
- комментарий к особенностям употребления слова и/или описания объекта (при наличии).

Рассматриваемые прилагательные и именные группы приводятся в орфографии Н.М. Карамзина в алфавитном порядке.

В конце раздела дается общий комментарий к использованию прилагательных.

Со списком примеров, в которых обнаруживаются анализируемые прилагательные, можно ознакомиться в Приложении 1.

3.2 Лексические особенности прилагательных, используемых в описаниях городских и пригородных объектов

1. Неживая природа

1.1. Земная поверхность и ее признаки (1.4)

Дикій (1 пример)

1. *Дикая пустыня* (1: <31>). Словосочетание используется автором метафорически: с его помощью он оценивает ранее процветавшую, а ныне заброшенную усадьбу.

¹ В скобках указывается номер группы в словаре.

1.2. Оптические явления и их признаки (1.11)

Сѣнистый (1 пример)

1. *Сѣнистая алея* (1: <102>). В «Словаре-тезаурусе русских прилагательных, распределенных по тематическим группам» слово *сѣнистый* отсутствует, однако его толкование обнаруживается в «Словаре Академии Российской»: «Сѣнистый <...>. Тѣнистый, имѣющій густую тѣнь» [Словарь Академии Российской 1794а: 1602]. В современном русском языке значение прилагательного *сѣнистый* выражает слово «тенистый», приводимое в «Словаре-тезаурусе русских прилагательных, распределенных по тематическим группам». Прилагательное указывает на наличие тени в *алее* – искусственной дороге, служащей для прогулок.

Темный (1 пример)

2. *Темный домикъ* (1: <282>). Контекст употребления прилагательного (<282> «при Годуновѣ жили они (*старые Руские Бояре* – Л.В.) въ деревянныхъ, маленькихъ и темныхъ домикахъ») не дает возможности точно оценить его значение, но более вероятным представляется то, что оно характеризует *домикъ* как такое помещение, в котором зрительное восприятие затруднено. Таким образом, оценка объекта дается с точки зрения использования его человеком.

2. Вещества и материалы

2.1. Металлы (2.2)

Желѣзный (1 пример)

1. *Желѣзные решетки* (1: <170>). Прилагательное называет разновидность металла, из которого сделаны *решетки* на окнах *темницы* (тюрьмы).

Жестяной (1 пример)

2. *Жестяная петля* (1: <9>). Прилагательное называет разновидность металла, из которого во времена Н.М. Карамзина делались дверные петли.

Златый (1 пример)

3. *Златая глава* (1: <56>). В словосочетании прилагательное выражает первое из значений, указанных в «Словаре Академии Российской»: «Златый <...> 1) Изъ золота сдѣланный» [Словарь Академии Российской 1792: 77]. Прилагательное называет драгоценный металл и сочетается с существительным *глава*, обозначающим ‘купол храма’ [Русский семантический словарь 2002b: 68].

Золотый (1 пример)

4. *Золотая парча* (1: <222>). В словосочетании прилагательное выражает второе значение, указанное в «Словаре Академии Российской»: «Золотый <...> 2) Истканый съ пряженымъ золотом» [Словарь Академии Российской 1792: 80]. Прилагательное называет драгоценный металл и указывает на его использование при изготовлении ткани, используемой в обивке *берлина* (см. комментарий к слову *берлинъ* в разделе 2.6.4.10).

Серебряный (1 пример)

5. *Серебряный рядъ* (1: <272>). Прилагательное называет драгоценный металл и сочетается с существительным, обозначающим место его продажи в Москве. Таким образом, свидетельствуется факт свободной торговли серебром во времена царя Алексея Михайловича.

2.2. Древесина (2.17)

Лѣсной (1 пример)

1. *Лѣсной рядъ* (1: <277>). Прилагательное называет разновидность материала – древесину – и сочетается с существительным, обозначающим место его продажи в Москве.

2.3. Ткань и ее признаки (2.20)

Суконный (1 пример)

1. *Суконный рядъ* (1: <272>). Прилагательное называет разновидность ткани и сочетается с существительным, обозначающим место ее продажи в Москве.

Шелковый (1 пример)

2. *Шелковый рядъ* (1: <272>). Прилагательное называет разновидность ткани и сочетается с существительным, обозначающим место ее продажи в Москве.

Большинство прилагательных групп 2.1, 2.2 и 2.3 сочетаются с существительным *рядъ*, называющим 'ларьки, рыночные прилавки, расположенные в одну линию' [Русский семантический словарь 2002b: 78].

3. Живая природа. Растительный мир

3.1. Названия растений. Растения, плоды или части которых употребляются человеком в пищу или используются при ее приготовлении. Деревья и кустарники со съедобными плодами и листьями (3.1.2.1.1)

Малиновый (1 пример)

1. *Малиновый кустъ* (1: <14>). Прилагательное называет разновидность растения, выращиваемого в саду или огороде.

Смородинный (1 пример)

2. *Смородинный кустъ* (1: <14>). Прилагательное называет разновидность растения, выращиваемого в саду или огороде. Использование прилагательного, образованного с помощью суффикса «н», свойственно и современному русскому языку¹.

Оба прилагательных группы 3.1 сочетаются с существительным *кустъ* и называют растения, ягоды которых человек употребляет в пищу.

3.2. Названия растений. Растения, плоды или части которых не употребляются человеком в пищу. Деревья и кустарники с несъедобными плодами и листьями (3.1.2.2.1)

Березовый (1 пример)

1. *Березовая алея* (2: <41>, <44>). Прилагательное называет разновидность деревьев и сочетается с существительным, обозначающим

¹ См. [Ожегов, Шведова 2006: 736].

искусственно созданную дорогу, обсаженную деревьями (см. [Русский семантический словарь 2002а: 33]).

Сосновый (1 пример)

2. *Сосновая роща* (1: <16>). Прилагательное называет разновидность деревьев и сочетается с существительным, обозначающим естественный 'небольшой, обычно лиственный лес' [Русский семантический словарь 2002а: 615].

3.3. Совокупность растений (3.1.5)

Лѣсной (1 пример)

1. *Лѣсная Владимірская дорога* (1: <148>). Прилагательное указывает на наличие *лѣса* вдоль одной из основных *дорогъ*, ведущих из Москвы.

3.4. Живое существо. Животное как организм. Животный мир.

Млекопитающие животные. Хищные млекопитающие (3.2.2.3.2.1)

Лисій (1 пример)

1. *Лисій хвостъ* (1: <288>). Прилагательное называет разновидность хищных млекопитающих и сочетается с существительным, обозначающим часть тела этого животного, которая используется в качестве украшения лошади, запряженной в *колымагу* или в *сани*, в которых выезжали боярыни.

Соболій (1 пример)

2. *Соболья опушка* (1: <222>). Прилагательное называет разновидность хищных млекопитающих животных и сочетается с существительным, обозначающим украшение *берлина* (см. комментарий к слову *берлинъ* в разделе 2.6.4.10).

4. Человек как живое существо

4.1. Физиологические и бытовые потребности человека. Быт.

Приспособления. Приспособления для управления животными

(4.3.2.6.7)

Съдельный (1 пример)

1. *Съдельный рядъ* (1: <272>). Прилагательное называет разновидность упряжи и сочетается с существительным, обозначающим место его продажи в Москве. Упоминание данного товара указывает на его востребованность у москвичей.

4.2. Физиологические и бытовые потребности человека. Быт.

Приспособления. Приспособления различного назначения (4.3.2.6.9)

Задвижный (1 пример)

1. *Задвижное окно* (1: <39>). Прилагательное указывает на конструктивные особенности элемента строения – *окна*. *Задвижное окно* обнаруживается в *Царской башинь* – сооружении, в старину являвшимся своеобразным путевым дворцом.

Данное прилагательное обнаруживается как в [Словарь Академии Российской 1790: 547], так и в современном толковом словаре русского языка [Большой академический словарь русского языка Т.6 2006: 157].

4.3. Физиологические и бытовые потребности человека. Одежда и обувь. Обувь и ее части (4.3.3.6)

Сапожный (1 пример)

1. *Сапожный рядъ* (1: <272>). Прилагательное называет разновидность обуви и сочетается с существительным, обозначающим место продажи *сапогъ* в Москве.

4.4 Физиологические и бытовые потребности человека. Одежда и обувь. Головные уборы и их части (4.3.3.7)

Шапошный (1 пример)

1. *Шапошный рядъ* (1: <272>). Прилагательное называет разновидность головного убора и сочетается с существительным, обозначающим место его продажи в Москве.

Как и большинство прилагательных групп 2.1, 2.2 и 2.3, прилагательные групп 4.1, 4.3 и 4.4 сочетаются с существительным *рядъ*,

называющим ‘ларьки, рыночные прилавки, расположенные в одну линию’ [Русский семантический словарь 2002b: 78].

5. Населенный пункт¹

5.1. Тип населенного пункта (5.1)

Венеціанскій (1 пример)

1. *Венеціанская гондола* (1: <134>). Прилагательное образовано от названия населенного пункта и сочетается с существительным *гондола*. Данное словосочетание описывает особый тип плавательного средства: «Венецианская одновесельная длинная лодка с каютой или тентом посередине, с приподнятыми фигурными носом и кормой» [Русский семантический словарь 2002b: 78]. Слово *Венеціанскій* может указывать на место производства или внешний вид этой лодки.

Городской (1 пример)

2. *Городская темница* (1: <297>). Прилагательное называет тип населенного пункта и сочетается с существительным, обозначающим тюрьму.

Кусковскій (1 пример)

3. *Кусковскій садъ* (1: <141>). Прилагательное указывает на месторасположение *сада* в подмосковном поместье *Кусково*.

Московскій (6 примеров)

4. *Московскій бульваръ* (1: <188>).

5. *Московское гульбище* (1: <192>). Прилагательное сочетается с существительным, обозначающим ‘место для гуляния (сад, парк, бульвар и т.п.)’ [Словарь русского языка XVIII века 1991: 11].

6. *Московскій дворець* (1: <33>).

7. *Московскій колоколь* (1: <258>).

8. *Московское помѣстье* (1: <150>).

9. *Московская улица* (1: <173>).

¹ Помимо прочих к данному типу мы относим также прилагательные, образованные от названий населенных пунктов.

В словосочетаниях 4–9 прилагательное указывает на месторасположение называемых существительными объектов в *Москвѣ*.

Сельской (4 примера)

10. *Сельской домъ* (1: <144>).

11. *Сельской домикъ* (1: <179>).

12. *Сельское заведение* (1: <184>).

В словосочетаниях 10–12 прилагательное называет тип населенного пункта, в котором находится объект, называемый существительным.

13. *Сельской ландшафтъ* (1: <46>). Прилагательное называет тип населенного пункта и его окрестности, которые являются объектом восприятия, на что указывает существительное *ландшафтъ*. При этом во времена Н.М. Карамзина слово *ландшафтъ* использовалось для обозначения именно сельских (см. комментарий к слову *ландшафтъ* в разделе 2.6.5).

5.2. Место расположения населенного пункта (5.2)

Загородный (1 пример)

1. *Загородный домъ* (1: <174>). Прилагательное обозначает место расположения *дома* в населенном пункте вблизи Москвы (но не называет его).

Провинціальный (1 пример)

2. *Провинціальный огородъ* (1: <14>). Прилагательное обозначает место расположения *огорода* в населенном пункте вдали от Москвы.

5.3. Место в населенном пункте (5.3)

Кремлевскій (3 примера)

1. *Кремлевскія ворота* (2: <228>, <237>). Прилагательное называет конкретное место, а именно *Кремль*, частью которого как сооружения являются *ворота*.

2. *Кремлевскій домъ* (1: <219>).

3. *Кремлевскія палаты* (2: <208>, <290>).

В словосочетаниях 2 и 3 прилагательное называет место (*Кремль*), в котором находится называемый существительным объект.

5.4. Характеристика населенного пункта по количеству жителей (5.5)

Многолюдный (1 пример)

1. *Многолюдный городъ* (1: <134>). Прилагательное указывает на степень плотности населения объекта, при этом характеризующее поместье *Кусково* Н.М. Карамзин сравнивает с городом.

6. Нации

6.1. Общие понятия в обозначении наций и народов (6.1)

Иноземский (1 пример)

1. *Иноземская Слобода* (1: <312>). Прилагательное обозначает тип поселения, основной характеристикой которого является то, что его жители являются приезжими из других стран.

6.2. Племена, нации и народы (6.2)

Английский (2 примера)

1. *Английский садъ* (1: <184>). Прилагательное называет стиль, в котором разбит *садъ*, по названию нации и страны, где данный тип садоводства был придуман и получил распространение (см. комментарий к слову *садъ* в разделе 2.6.4.2).

2. *Английская церковь* (1: <312>).

Голландский (1 пример)

3. *Голландская церковь* (1: <312>).

В словосочетаниях 2 и 3 прилагательные сочетаются с существительным *церковь* и указывают на конфессиональную принадлежность по названию нации, населяющей одноименную страну.

7. Человек и его внутренний мир

7.1. Эмоции. Эмоциональные состояния и переживания, эмоциональное отношение, воздействие, эмоциональные качества и внешние проявления эмоций. Счастье – несчастье. Удовольствие (8.1.1.2.3)

Пріятный (2 примера)

1. *Пріятная отлогость* (1: <195>).
2. *Пріятный цвѣтникъ* (1: <195>).

В словосочетаниях 1 и 2 прилагательное называет положительное эмоциональное состояние субъекта восприятия (= рассказчика) от созерцания *отлогости* как элемента ландшафта и *цвѣтника*.

7.2. Эмоции. Эмоциональные состояния и переживания, эмоциональное отношение, воздействие, эмоциональные качества и внешние проявления эмоций. Радость – грусть. Радость (8.1.1.3.1)

Веселый (1 пример)

1. *Веселый лугъ* (1: <47>). Прилагательное называет положительное эмоциональное состояние субъекта восприятия (= рассказчика) от созерцания *луга*.

7.3. Эмоции. Эмоциональные состояния и переживания, эмоциональное отношение, воздействие, эмоциональные качества и внешние проявления эмоций. Радость – грусть. Скука (8.1.1.3.5)

Скучный (1 пример)

1. *Скучная Владимірская дорога* (1: <148>). Прилагательное называет негативное эмоциональное состояние субъекта восприятия (= рассказчика) от восприятия *Владимірской дороги*. О причинах такой оценки см. комментарий к *Владимірская дорога* в разделе 2.6.4.3.

7.4. Эмоции. Эмоциональные состояния и переживания, эмоциональное отношение, воздействие, эмоциональные качества и внешние проявления эмоций. Одобрение – неодобрение. Одобрение (8.1.1.7.1)

Достойный (2 примера)

1. *Достойное великаго народа гульбище* (1: <196>).
2. *Достойная примѣчанія церковь Василия Блаженнаго* (1: <270>).

В словосочетаниях группы 7.4 используется прилагательное, значение которого описывается в «Словаре Академии Российской» как ‘заслуживающий что либо’ [Словарь Академии Российской 1794а: 768]. Прилагательное выражает положительную оценку объекта, соответствующего определенному стандарту, со стороны рассказчика.

7.5. Эмоции. Эмоциональные состояния и переживания, эмоциональное отношение, воздействие, эмоциональные качества и внешние проявления эмоций. Одобрение – неодобрение. Уважение (8.1.1.7.3)

Почтенный (1 пример)

1. *Почтенное зданіе* (1: <5>). Прилагательное оценивает *зданіе* (дворец царя Алексея Михайловича) с точки зрения его исторической ценности и указывает на положительное эмоциональное состояние субъекта восприятия (= рассказчика).

7.6. Эмоции. Эмоциональные состояния и переживания, эмоциональное отношение, воздействие, эмоциональные качества и внешние проявления эмоций. Надежда – отчаяние. Безнадёжность (8.1.1.8.5)

Унылый (1 пример)

1. *Унылый видъ* (1: <132>). Прилагательное выражает негативную оценку объекта со стороны субъекта восприятия (= рассказчика).

7.7. Эмоции. Эмоциональные состояния и переживания, эмоциональное отношение, воздействие, эмоциональные качества и внешние проявления эмоций. Смелость – трусость. Страх (8.1.1.12.4)

Страшный (1 пример)

1. *Страшная водяная масса* (1: <139>). Прилагательное называет негативное эмоциональное состояние субъекта восприятия (= рассказчика) и употребляется со словосочетанием *водяная масса*, обозначающим *Кусковский прудъ*.

7.8. Оценка. Общая оценка (8.2.1)

Лучший (1 пример)

1. *Лучшая крепость* (1: <65>). Прилагательное выражает положительную оценку объекта воспринимающим субъектом (= рассказчиком) в сравнении с однотипными объектами.

Прекрасный (5 примеров)

2. *Прекрасная алея* (1: <41>).

3. *Прекрасный водоводъ* (1: <20>).

4. *Прекрасный домикъ* (1: <184>).

5. *Прекрасный ландшафтъ* (1: <147>).

6. *Прекрасное селеніе* (1: <34>).

В словосочетаниях 2–6 прилагательное выражает положительную оценку объекта со стороны субъекта восприятия (= рассказчика). В «Словаре русского языка XVIII века» указывается два значения слова *прекрасный*: «**ПРЕКРАСНЫЙ** <...> 1. *Отличающийся высокими эстетическими качествами, красотой.* <...> 2. *Очень хороший, превосходный*» [Словарь русского языка XVIII века 2024: 292, 293]. В первом из приведенных значений слово *прекрасный* может быть отнесено к группе 7.10, во втором – к группе 7.8. Следует отметить, что, анализируя употребление Н.М. Карамзиным данного прилагательного в сочетании со словами *алея*, *водоводъ*, *домикъ*, *селеніе*, невозможно однозначно отнести его к одной из двух этих групп, в то время как в сочетании *прекрасный водоводъ* (см. комментарий к слову *водоводъ* в разделе 2.6.4.4) и *прекрасный ландшафтъ* скорее имеется в виду первое значение.

Славный (2 примера)

7. *Славный колодезь* (1: <34>). Прилагательное выражает положительную оценку объекта описания со стороны субъекта восприятия (= рассказчика).

8. *Славная обитель* (1: <64>). Прилагательное выражает положительную оценку объекта описания со стороны субъекта восприятия (= рассказчика) и сочетается с существительным, обозначающим монастырь, которым в описании Н.М. Карамзина обозначается современная Троице-Сергиева Лавра.

Примечательно толкование слова *славный*, данное ему в «Словаре Академии Российской»: «Славный <...> 1) Обще восхваляемый <...> 2) Достохвальный, знаменитый» [Словарь Академии Российской 1794а: 513]. Таким образом, критерием положительной оценки в этом случае является известность объекта¹.

Хороший (2 примера)

9. *Хороший видъ* (2: <42>, <185>).

10. *Хороший садъ* (1: <157>).

В словосочетаниях 9 и 10 прилагательное выражает положительную оценку объекта описания со стороны субъекта восприятия (= рассказчика).

7.9. Оценка. Частная оценка. Нормативная оценка (8.2.2.1)

Правильный (1 пример)

1. *Правильный садъ* (1: <186>). Прилагательное выражает нормативную оценку объекта описания и сочетается с существительным, обозначающим сад, ‘сделанный по правилам’ [Словарь Академии Российской 1793: 1049]. В современном русском языке для обозначения *правильного сада* используется словосочетание «регулярный сад» (см. также комментарий к слову *садъ* в разделе 2.6.4.2).

7.10. Оценка. Частная оценка. Эстетическая оценка (8.2.2.2)

¹ Отнесение прилагательного *славный* к группе «7.8. Оценка. Общая оценка» мотивировано тем, что выражающие схожие значения прилагательные «знаменитый», «известный» в «Словаре-тезаурусе русских прилагательных, распределенных по тематическим группам» отнесены именно к этой группе.

Богатый (1 пример)

1. *Богатое украшение* (1: <29>). В «Словаре Академии Российской» приводится следующее толкование значения слова *богатый*, соответствующее употреблению Н.М. Карамзина: «БОГАТЫЙ <...> 2) Великолѣпный, драгоцѣнный» [Словарь Академии Российской 1789: 244]. Прилагательное выражает положительную эстетическую оценку внутреннего убранства здания со стороны субъекта восприятия (= рассказчика).

Великолѣпный (3 примера)

2. *Великолѣпный берлинь* (1: <222>). Прилагательное выражает положительную эстетическую оценку со стороны субъекта восприятия (= рассказчика) внешнего вида *берлина* (см. комментарий к слову *берлинь* в разделе 2.6.4.10).

3. *Великолѣпная обитель* (1: <64>).

4. *Великолѣпный Соборъ Троицкій* (1: <68>).

В словосочетаниях 3 и 4 прилагательное выражает положительную эстетическую оценку внешнего вида здания со стороны субъекта восприятия (= рассказчика).

Величественный (2 примера)

5. *Величественный амфитеатръ* (1: <137>).

6. *Величественный храмъ* (1: <69>).

В словосочетаниях 5 и 6 прилагательное выражает положительную эстетическую оценку объекта описания, обращая внимание на чувство, испытываемое субъектом восприятия (= рассказчиком).

Живописный (1 пример)

7. *Живописная дичь* (1: <185>). В «Словаре русского языка XVIII века» указывается значение слова *живописный*: «ЖИВОПИСНЫЙ <...> 3) Красивый, достойный изображения живописью» [Словарь русского языка XVIII века 1992: 127]. Прилагательное выражает положительную эстетическую оценку объекта описания со стороны субъекта восприятия (=

рассказчика) и сочетается с существительным *дичь* ('дикая растительность'; см. комментарий к слову *дичь* в разделе 2.6.3).

Красивый (3 примера)

8. *Красивый домикъ* (1: <36>).

9. *Красивая рѣка* (1: <195>).

10. *Красивый храмъ* (1: <270>).

В словосочетаниях 8–10 прилагательное выражает положительную эстетическую оценку объекта описания со стороны субъекта восприятия (= рассказчика).

Несравненный (1 пример)

11. *Несравненное Кунцово* (1: <137>). Прилагательное выражает положительную эстетическую оценку объекта описания, подчеркивая его уникальность, со стороны субъекта восприятия (= рассказчика).

7.11. Оценка. Частная оценка. Прагматическая, утилитарная оценка (8.2.2.4)

Драгоценный (1 пример)

1. *Драгоценный окладъ* (1: <221>). В «Словаре Академии Российской» значение слова *драгоценный* объясняется следующим образом «ДРАГОЦѢННЫЙ <...>1) Стоящій великой цѣны» [Словарь Академии Российской 1794b: 645]. Прилагательное выражает положительную прагматическую оценку и сочетается с существительным, обозначающим 'тонкое металлическое покрытие на иконе, оставляющее открытым изображение лица и рук, риза' [Русский семантический словарь 2002b: 377].

8. Общественно-государственная сфера

8.1. Государство и общественный порядок. Социальный класс (11.1.5)

Народный (1 пример)

1. *Народный колодезь* (1: <22>). Прилагательное называет *народъ* как совокупность простых, незнатных людей¹, указывая на то, что *колодезь* предназначен для использования народом, т.е. является общедоступным.

8.2. Государство и общественный порядок. Человек, обладающий властью (11.1.9)

Государевъ (3 примера)

1. *Дворецъ Государевъ* (2: <218>, <242>). Прилагательное называет *Государя* – владельца *дворца*, проживающего или останавливающегося в нем.

2. *Деревня Люберцы Государева* (1: <143>). См. *Дворецъ Государевъ*.

3. *Палаты Государевы* (1: <216>). см. *Дворецъ Государевъ*.

Царскій (1 пример)

4. *Царская лошадь* (1: <212>). Прилагательное называет *Царя* – владельца *лошади*, использующего ее как «транспортное средство».

8.3. Экономика. Собственность (11.3.4)

Казенный (1 пример)

1. *Казенный погребъ* (1: <243>). Прилагательное указывает на собственника *погреба* – государственную *казну*.

Наслѣдственный (1 пример)

2. *Наслѣдственное помѣстье* (1: <162>). Прилагательное определяет способ приобретения права собственности на *помѣстье* – наследование имущества.

Собственный (1 пример)

3. *Собственная церковь* (1: <253>). Прилагательное указывает на принадлежность кому-либо объекта, называемого существительным².

Оценивая контекст, в котором употребляется сочетание *собственная церковь*, можно предположить, что имеется в виду ‘домовая церковь’.

¹ «Простой народъ. Чернь, простолюдины» [Словарь Академии Российской 1794а: 43].

² «Собственный <...> Принадлежащій кому безспорно, по праву» [Словарь Академии Российской 1794а: 43].

Частный (1 пример)

4. *Частный домъ* (1: <292>). Прилагательное обозначает владельца дома – частное лицо.

8.4. Экономика. Человек. Человек по участию в экономической деятельности (11.3.9.2)

Купеческий (1 пример)

1. *Купеческий огородъ* (1: <14>). Прилагательное указывает на то, что собственником является человек, принадлежащий определенному сословию, определяемому по типу осуществляемой экономической деятельности.

8.5. Религия. Вероучение (11.7.1)

Лютеранский (1 пример)

1. *Лютеранская церковь* (2: <312>, <313>).

Реформатский (1 пример)

2. *Реформатская церковь* (1: <312>).

Оба прилагательных группы 8.5 сочетаются с существительным *церковь* и называют конфессиональную принадлежность.

8.6. Религия. Догмат (11.7.3)

Святой (1 пример)

1. *Святая обитель* (1: <116>). В «Словаре Академии Российской» значение слова *святой* объясняется в следующем смысле, соответствующем употреблению Н.М. Карамзина: «СВЯТЫЙ <...> 3) Богу посвящённый» [Словарь Академии Российской 1794а: 388]. Прилагательное определяет место *обители* в системе религиозных верований и ее восприятие со стороны социума.

8.7. Религия. Религиозные организации, объединения, движения (11.7.6)

Приходский (1 пример)

1. *Приходская церковь* (1: <68>). Прилагательное указывает на принадлежность храмового сооружения и сочетается с существительным, обозначающим место осуществления богослужения.

8.8. Религия. Религиозные сооружения (11.7.7)

Церковный (1 пример)

1. *Церковная паперть* (1: <46>). Прилагательное называет разновидность религиозных сооружений и сочетается с существительным, обозначающим 'крыльцо, площадку перед входом в церковь' [Русский семантический словарь 2002b: 68].

8.9. Искусство. Жанровые и другие характеристики произведений искусства. Общие понятия, связанные с произведениями искусства (11.8.5.1)

Аллегорический (1 пример)

1. *Аллегорическая фигура* (1: <9>). Прилагательное называет разновидность художественного приёма и сочетается с существительным, обозначающим 'скульптурное или живописное изображение человека, животного, мифического существа' [Русский семантический словарь 2003: 410].

8.10. Искусство. Жанровые и другие характеристики произведений искусства. Произведения изобразительного и декоративно-прикладного искусства (11.8.5.3)

Иконный (1 пример)

1. *Иконный рядъ* (1: <272>). Прилагательное называет *иконы* и сочетается с существительным, обозначающим место их продажи в Москве. Ср. с примером 2 в 2.1 и под.

Лѣпный (1 пример)

2. *Лѣпная работа* (1: <98>). Прилагательное называет разновидность изобразительного искусства (*лѣпнина*) и сочетается с существительным, обозначающим внутреннее убранство здания.

8.11. Сельское хозяйство. Человек в сфере сельского хозяйства (11.12.7)

Крестьянский (1 пример)

1. *Крестьянский сарай* (1: <180>). Прилагательное называет социальный класс крестьянство, относя к нему владельца жилого помещения, называемого существительным.

8.12. Строительство. Свойство сооружения или его части (11.13.4)

Златоглавый (1 пример)

1. *Златоглавый Соборъ* (1: <195>). В «Словаре русского языка XVIII века» указывается значение слова *златоглавый*: «ЗЛАТОГЛАВЫЙ <...> С золотой главой, куполом, крышей (о здании)» [Словарь русского языка XVIII века 1995: 183]. Прилагательное указывает на конструктивную особенность религиозного здания.

Красный (1 пример)

2. *Красное крыльцо* (1: <217>). В «Словаре Академии Российской» приводится следующее толкование этого сочетания: «*Красное крыльцо*. Крыльцо, по которому въ старину Государи выходы церимониальные имѣли; парадная лесница» [Словарь Академии Российской 1792: 904, 905]. Таким образом, принадлежность слова *красное* (*крыльцо*) к данной группе определяется исходя из толкования его значения как аналогичного современному «парадный».

Крытый (1 пример)

3. *Крытая палатка* (1: <109>). Прилагательное называет структурную особенность объекта, обозначаемого существительным, – склепа (кладбищенского сооружения, предназначенного для погребения) (см. комментарий к слову *палатка* в разделе 2.6.4.9).

8.13. Строительство. Строительный материал (11.13.5)

Алебастровый (1 пример)

1. *Алебастровое изображение* (1: <98>). Прилагательное называет материал *алебастръ*, который используется для изготовления декоративных деталей.

Деревянный (6 примеров)

2. *Деревянная башня* (1: <201>).

3. *Деревянный домъ* (4: <5>, <267>, <276>, <312>).

4. *Деревянный домикъ* (1: <282>).

5. *Деревянный колодезь* (1: <35>).

6. *Деревянный мостъ* (1: <191>).

7. *Деревянная церковь* (4: <39>, <121>, <253>, <254>).

Прилагательное *деревянный* в словосочетаниях 2–7 называет разновидность строительного материала и сочетается с существительными, обозначающими здания или сооружения в Москве и Подмоскowie, построенные из этого материала. Использование этих сочетаний позволяет современному читателю определить особенности строительства во времена Н.М. Карамзина.

*Каменный (каменной)*¹ (9 примеров)

8. *Каменная арка* (1: <23>).

9. *Каменной домъ* (4: <181>, <281>, <305>, <312>).

10. *Каменное здание* (1: <169>).

11. *Каменная келья* (1: <159>).

12. *Каменный колодезь* (1: <35>).

13. *Каменный мостъ* (1: <191>).

14. *Каменный обелискъ* (1: <78>).

15. *Каменная стѣна* (2: <66>, <152>).

16. *Каменная церковь* (4: <17>, <43>, <159>, <254>).

Прилагательное *каменный (-ой)* в словосочетаниях 8–16 называет разновидность строительного материала и сочетается с существительными,

¹ В текстах Н.М. Карамзина встречаются две различные формы употребления прилагательного в форме именительного падежа: *каменной* в сочетании с существительным *домъ* (<181>) и *каменный* в сочетании с существительным *обелискъ* (<78>).

обозначающими здания или сооружения в Москве и Подмосковье, построенные из этого материала. Использование этих сочетаний позволяет современному читателю определить особенности строительства во времена Н.М. Карамзина, в частности понять, что при возведении объектов одного и того же типа могли использоваться разные материалы (ср. 2–7 и 8–16).

8.14. Транспорт. Транспортное средство. Вид транспортного средства (11.15.2.1)

Плотовой (1 пример)

1. *Плотовой лѣсъ* (1: <196>). Прилагательное называет вид простейшего водного транспортного средства (*плоть*), для изготовления которого используются деревья (*лѣсъ*).

8.15. Транспорт. Транспортное средство. Транспортное средство по техническим характеристикам (11.15.2.4)

Закрытый (2 примера)

1. *Закрытая коляска* (1: <287>).

2. *Закрытые сани* (1: <287>).

Прилагательное в группе 8.15 называет конструктивную особенность транспортных средств, называемых существительными *коляска* и *сани*.

9. Конкретная физическая деятельность. Физическое воздействие на объект. Отрицательное воздействие на объект (12.4.4)

Гнилой (1 пример)

1. *Гнилая лѣстница* (1: <30>). Прилагательное называет тип отрицательного воздействия на объект, приведшего к его ветхому состоянию.

Разбитый (2 примера)

2. *Разбитый колоколь* (1: <155>).

3. *Разбитая окончина* (1: <29>).

В словосочетаниях 2 и 3 прилагательное называет тип отрицательного воздействия на объект, приведшего к его ветхому состоянию.

10. Социальная сфера жизни человека. Человек по социальному положению, мировоззрению. Человек по положению в обществе, сословному положению, социальному статусу и его титулы, звания
(13.5.3)

Боярскій (1 пример)

1. *Боярскій погребъ* (1: <223>).

Господскій (2 примера)

2. *Господскій домъ* (1: <147>).
3. *Господскій садъ* (1: <147>).

В словосочетаниях группы 10 прилагательные обозначают социальный статус владельца объекта, называемого существительным.

11. Восприятие окружающего мира

11.1. Зрительное восприятие. Внешние качества предмета (14.1.2)

Ветхій (2 примера)

1. *Ветхое здание* (1: <39>).
2. *Ветхая церковь* (1: <40>).

Прилагательное группы 11.1 выражает оценку плохого состояния объекта, определяемую субъектом восприятия (= рассказчиком).

11.2. Зрительное восприятие. Цвет (14.1.3)

Бѣлый (1 пример)

1. *Бѣлая стѣна* (1: <274>).

Зеленый (1 пример)

2. *Зеленая гора* (1: <195>).

Красный (2 примера)

3. *Красная стѣна* (1: <274>).
4. *Красное сукно* (2: <9>, <287>).

Прилагательные группы 11.2 называют цвет объектов, определяемых визуально субъектом восприятия (= рассказчиком).

11.3. Зрительное восприятие. Расцветка (14.1.5)

Разноцветный (1 пример)

1. *Разноцветный флаг* (2: <134>, <198>). Прилагательное называет расцветку объекта, определяемого визуально субъектом восприятия (= рассказчиком).

11.4. Восприятие предмета. Геометрические тела и фигуры (14.6.2)

Круглый (1 пример)

1. *Круглый сводъ* (1: <256>). Прилагательное называет геометрическую форму объекта, называемого существительным, обозначающим ‘куполообразный верх какого-н. полого пространства’ [Русский семантический словарь 2002b: 58]. По словам Н.М. Карамзина, именно эта архитектурная деталь была характерна для всех московских церквей во времена царя Михаила Фёдоровича.

11.5. Восприятие предмета. Величина, размер, вес (14.6.4)

Большой (16 примеров)

1. *Большая гора* (1: <195>).
2. *Большой домъ* (1: <310>).
3. *Большая дорога* (2: <26>, <44>).
4. *Большое зданіе* (1: <102>).
5. *Большой колоколъ* (1: <94>).
6. *Большая комната* (1: <27>).
7. *Большое озеро* (1: <134>).
8. *Большая печь* (1: <9>).
9. *Большая площадь* (1: <229>).
10. *Большой прудъ* (1: <140>).
11. *Большая пушка* (1: <155>).
12. *Большая равнина* (1: <151>).
13. *Большая рѣка* (1: <26>).
14. *Большой садъ* (2: <146>, <181>).
15. *Большая Троицкая дорога* (1: <34>).

16. *Большая церковь* (1: <17>).

Прилагательное *большой* в словосочетаниях 1–16 называет величину различных называемых существительными объектов, размер которых превышает норму.

Великий (1 пример)

17. *Великое пространство* (1: <163>). Прилагательное называет величину называемого объекта, размер которого превышает норму.

Высокий (5 примеров)

18. *Высокий берегъ* (1: <137>).

19. *Высокий домъ* (1: <125>).

20. *Высокая лѣстница* (1: <29>).

21. *Высокая стѣна* (1: <65>).

22. *Высокий теремъ* (1: <39>).

Прилагательное *высокий* в словосочетаниях 18–22 называет высоту различных называемых существительными объектов, характеристика которых по данному параметру превышает норму.

*Глубокій (глубокой)*¹ (4 примера)

23. *Глубокія пески* (1: <158>).

24. *Глубокій погребъ* (1: <223>).

25. *Глубокой ровъ* (1: <65>).

26. *Глубокая яма* (1: <170>).

Прилагательное *глубокій (-ой)* в словосочетаниях 23–26 называет глубину различных называемых существительными объектов, характеристика которых по данному параметру превышает норму.

Длинный (2 примера)

27. *Длинная алея* (1: <34>).

28. *Длинный берегъ* (1: <196>).

¹ В текстах Н.М. Карамзина встречаются две различные формы употребления прилагательного в форме именительного падежа: *глубокій* в сочетании с существительным *погребъ* (<223>) и *глубокой* в сочетании с существительным *ровъ* (<65>).

Прилагательное *длинный* в словосочетаниях 27 и 28 называет протяженность различных называемых существительными объектов, характеристика которых по данному параметру превышает норму.

Маленькой (9 примеров)

29. *Маленькой городокъ* (1: <312>).

30. *Маленькой домъ* (1: <276>).

31. *Маленькой домикъ* (3: <34>, <196>, <282>).

32. *Маленькая деревенька* (1: <154>).

33. *Маленькая коляска* (1: <287>).

34. *Маленькое окно* (1: <170>).

35. *Маленькая палатка* (1: <109>).

36. *Маленькой ручеекъ* (1: <187>).

37. *Маленькая церковь* (2: <130>, <253>).

Диминутивное прилагательное *маленькой* в словосочетаниях 29–37 называет величину различных называемых существительными объектов, размер которых является меньшим, чем считающийся нормальным. Обращает на себя внимание то, что некоторые из этих существительных являются диминутивами (*городокъ*, *домикъ*, *деревенька*, *ручеекъ* и, возможно, *палатка*) и сочетание с ними образует плеоназм.

Малѣйшій (1 пример)

38. *Малѣйшая церковь* (1: <68>). *Малѣйшій* представляет собой форму превосходной степени прилагательного *малый*. Оно называет величину называемого объекта, размер которого является меньшим, чем считающийся обычным. Использование формы превосходной степени этого слова с существительными, называющими здания, не характерно для современного русского языка.

Небольшой (2 примера)

39. *Небольшое здание* (1: <169>).

40. *Небольшое селение* (2: <34>, <130>).

Прилагательное *небольшой* называет величину объекта, размер которых является меньшим, чем считающийся нормальным.

Немалый (*не малый*) (2 примера)

41. *Немалый прудъ* (1: <102>).

42. *Не малая рѣка* (1: <195>).

Прилагательное *немалый* (*не малый*) в словосочетаниях 41 и 42 называет величину различных называемых существительными объектов, размер которых превышает норму. Обращает на себя внимание вариативность написания прилагательного.

Низкій (2 примера)

43. *Низкій берегъ* (1: <163>).

44. *Низкая долина* (1: <23>).

Прилагательное *низкій* в словосочетаниях 43 и 44 называет высоту различных называемых существительными объектов, характеристика которых по данному параметру является меньшей, чем считающаяся нормальной.

Низенькой (1 пример)

45. *Низенькой домикъ* (2: <19>, <172>).

Прилагательное *низенькой* образовано от слова *низкій*, выражает то же значение и является диминутивом.

Огромный (5 примеров)

46. *Огромный Воспитательный Домъ* (1: <196>).

47. *Огромное здание* (2: <31>, <268>).

48. *Огромный колоколъ* (1: <94>).

49. *Огромная колокольня* (1: <56>).

50. *Огромная пушка* (1: <271>).

Прилагательное *огромный* в словосочетаниях 46–50 называет величину различных называемых существительными объектов, размер которых в значительной степени превышает норму.

Пространный (1 пример)

51. *Пространная вышка* (1: <39>). Прилагательное называет площадь объекта, превышающую норму («*Пространный* <...> 1) Обширный, имеющий великое протяжение во все стороны» [Словарь Академии Российской 1794а: 856]).

В толковых словарях современного русского языка указывается схожее с приведенным выше значение¹, однако при этом сообщается, что оно является книжным. Употребление слова «пространный» для указания размеров зданий в речи носителей современного русского языка не встречается: по данным «Национального корпуса русского языка» (<https://ruscorpora.ru/>; обращение 15.02.2026), сочетания «пространный дом», «пространное здание», «пространное строение» встречаются в текстах исключительно XVII–XIX вв.

Широкій (1 пример)

52. *Широкія петли* (о дверных петлях) (1: <9>). Прилагательное характеризует объект, ширина которого превышает норму.

В словосочетаниях группы 11.5 прилагательные используются для описания различных пространственных параметров объектов, называемых существительными. Речь идет о следующих параметрах:

1. величина (*большой, маленькой, небольшой, немалый, пространный*),
2. длина (*длинный*),
3. высота (*высокий, низенькой, низкий, огромный*),
4. ширина (*широкий*).

Примечательно, что в большинстве случаев прилагательные характеризуют объекты, размеры которых превышают норму (37), а не являются меньшими (15). Необходимо заметить, что отбор всех этих прилагательных отражает точку зрения субъекта восприятия (= рассказчика).

¹ Например, «ПРОСТРАННЫЙ <...> 1. Обширный, занимающий большое пространство (книжн.)» [Ожегов, Шведова 2006: 622].

Также обращает на себя внимание, что Н.М. Карамзин неоднократно использует диминутивные прилагательные с суффиксом «еньк», в некоторых случаях образуя плеонастические словосочетания.

11.6. Восприятие окружающего мира. Пространство. Направление в пространстве и пространственные ориентиры (14.7.3)

Левый (1 пример)

1. *Левая сторона* (5: <7>, <16>, <42>, <49>, <118>).

Правый (1 пример)

2. *Правая сторона* (3: <44>, <49>, <147>).

Дейктические прилагательные в словосочетаниях 1 и 2 называют пространственную характеристику объекта в горизонтальном направлении – его местоположение относительно *Москвы*.

11.7. Восприятие окружающего мира. Пространство. Пространственные характеристики. Предельный / беспредельный (14.7.4.1)

Необозримый (1 пример)

1. *Необозримый берегъ* (1: <196>).

Обширный (2 примера)

2. *Обширный Кусковский прудъ* (1: <134>).
3. *Обширный лугъ* (1: <185>).

Прилагательные обозначают пространственные пределы объектов, визуально воспринимаемых рассказчиком.

11.8. Пространство. Пространственные характеристики. Близкий/далекий (14.7.4.2)

Окрестный (1 пример)

1. *Окрестная деревня* (2: <155>, <157>). Прилагательное указывает на положение объекта относительно ориентира, а именно от *Москвы*.

Отдаленный (1 пример)

2. *Отдаленный монастырь* (1: <107>). Прилагательное указывает на

расстояние объекта относительно ориентира, а именно от *Москвы*.

Удаленный (1 пример)

3. *Удаленное* (от чего-л.) *Нѣмецкое кладбище* (1: <314>).

Прилагательное обозначает расстояние объекта относительно ориентира, т.е. *Нѣмецкой Слободы*.

11.9. Пространство. Пространственные характеристики.

Пустой/полный (14.7.4.4)

Пустый (1 пример)

1. *Пустыя залы* (1: <29>). Прилагательное характеризует помещение (*заль*) как незаполненное объектами.

11.10. Пространство. Пространственные характеристики.

Местный/неместный (14.7.4.5)

Здѣшній (2 примера)

1. *Здѣшняя слобода* (1: <77>).

2. *Здѣшняя церковь* (2: <73>, <313>).

Тамошній (1 пример)

3. *Тамошній колодець* (1: <34>).

Дейктические прилагательные группы 11.10 характеризуют местоположение объектов относительно рассказчика, локализованного попеременно в различных пространствах.

11.11. Пространство. Расположение в пространстве (14.7.5)

Густой (1 пример)

1. *Густой лѣсъ* (1: <47>).

Дремучій (1 пример)

2. *Дремучій лѣсъ* (1: <60>).

Неподвижный (1 пример)

3. *Неподвижная водяная масса* (1: <139>). Прилагательное называет физическое состояние природного объекта в пространстве и сочетается со словосочетанием *водяная масса* в описании *Кусковского пруда*.

Сплошный (1 пример)

4. *Сплошный лѣсъ* (1: <49>).

Прилагательные в примерах 1, 2, 4 используются для указания высокой степени плотности объектов в пространстве и сочетаются с существительным *лѣсъ*, который оценивается субъектом восприятия (= рассказчиком) как сильно заросший деревьями, труднопроходимый.

11.12. Время. Время относительно момента речи (14.8.4)

Готический (3 примера)

1. *Готическая Башня* (1: <65>).

2. *Готический дворець* (1: <195>).

3. *Готическая церковь Василия Блаженного* (1: <270>).

Прилагательное *готический* в словосочетаниях 1–3 используется в значении ‘старинный’, ‘построенный очень давно’, обращая внимание читателя на время создания описываемого объекта (см. комментарий к слову *дворецъ* в разделе 2.6.4.6).

Древний (2 примера)

4. *Древнее здание* (1: <40>).

5. *Древний Кремль* (1: <195>). См. *Древнее здание*.

В словосочетаниях 4 и 5 прилагательное используется в значении ‘старинный’, ‘построенный очень давно’, обращая внимание читателя на время создания описываемого объекта.

Новый (6 примеров)

6. *Новый дворець* (1: <43>). Прилагательное используется как дейктическое слово в рамках дейктической проекции, оценивая время появления объекта по отношению к моменту речи персонажа (Екатерины Великой).

7. *Новый домъ* (1: <210>). Прилагательное используется как дейктическое слово в рамках дейктической проекции, оценивая время появления объекта по отношению к моменту действий персонажей, живших во времена царя Алексея Михайловича.

8. *Новое здание* (1: <44>). См. *Новый дворецъ*.
 9. *Новое Нѣмецкое кладбище* (1: <314>). См. *Новый домъ*.
 10. *Новая Нѣмецкая Слобода* (1: <312>). См. *Новый домъ*.
 11. *Новые палаты* (2: <208>, <290>). См. *Новый домъ*.
- Нынѣшній* (4 примера)
12. *Нынѣшній бѣлый городъ* (1: <276>).
 13. *Нынѣшній дворецъ* (1: <97>).
 14. *Нынѣшняя Меншикова башня* (1: <306>).
 15. *Нынѣшняя Нѣмецкая слобода* (1: <312>).

В словосочетаниях 12–15 прилагательное используется как дейктическое слово, оценивая время появления объекта по отношению к моменту речи (= времени создания статьи).

Старинный (2 примера)

16. *Старинный монастырь* (1: <67>).
17. *Старинное помѣстье* (1: <136>).

Старый (3 примера)

18. *Старый домъ* (1: <5>).
19. *Старый дворецъ* (1: <4>).

В словосочетаниях 16–19 прилагательные используются в значении ‘старинный’, ‘построенный очень давно’, обращая внимание читателя на время создания описываемого объекта.

20. *Старое Нѣмецкое кладбище* (1: <313>). Прилагательное используется как дейктическое слово в рамках дейктической проекции, оценивая время появления объекта по отношению к моменту действий персонажей, живших во времена царя Алексея Михайловича.

Теперешній (1 пример)

21. *Теперешній лугъ* (1: <47>). См. *Нынѣшній бѣлый городъ*.

Прилагательные группы 11.12 выражают временную характеристику объекта относительно момента речи – номинативную (*готическій, древній, старинный*) или дейктическую (*нынѣшній, теперешній*), а также в рамках

дейктической проекции, в которой «точкой отсчета» хронотопа является персонаж (*новый*). Слово *старый* используется как в номинативной, так и в дейктической функции.

12. Универсальные представления, смыслы и отношения.

12.1. Универсальные представления, смыслы и отношения.

Универсальные смыслы. Обычность/исключительность. Обычность (15.2.5.1)

Смиренный (2 примера)

1. *Смиренная обитель* (1: <64>).
2. *Смиренная палатка* (1: <119>).

В «Словаре Академии Российской» прилагательное *смиренный*, называющее качество человека, дается со следующим толкованием: «Смиренный <...>. 2) Тихий, кроткий, невозносящийся» [Словарь Академии Российской 1793: 153]. В современном русском языке значение прилагательного *смиренный*, называющего качество предмета, выражают слова «скромный», «обычный».

12.2. Универсальные смыслы. Значимость/незначимость. Значимость (15.2.6.1)

Главный (3 примера)

1. *Главная алея* (1: <142>).
2. *Главный питейный домъ казенный* (1: <241>).
3. *Главное украшеніе* (1: <221>).

В словосочетаниях группы 12.2 прилагательное указывает, что объект является основным (центральным) в группе однотипных объектов.

12.3. Универсальные смыслы. Совокупность (единство)/дополнительность/отдельность (обособленность).

Отдельность, обособленность (15.2.10.3)

*Особенный (особенной)*¹ (3 примера)

1. *Особенной городокъ* (1: <312>).

2. *Особенная палата* (1: <92>).

3. *Особенный рядъ* (1: <272>).

Толкование значения прилагательного в «Словаре Академии Российской» указывает на то, что оно значительно отличается от современного: «Особенный <...> 2) Отдѣленный отъ прочихъ» [Словарь Академии Российской 1794а: 399, 400]. Таким образом, у Н.М. Карамзина прилагательное указывает на *отдѣленность* упоминаемых *городка, палаты* и *ряда* от других пространств.

12.4. Универсальные смыслы. Равенство/неравенство. Равенство, тождество, подобие (15.2.11.1)

Подобный (1 пример)

1. *Подобная* (чему-л.) *колокольня* (1: <56>). Прилагательное указывает на соотнесенность объекта с другим объектом по определенному признаку. В описании Н.М. Карамзина (<56> «Версть за семь отъ Троицы открываются, среди зелени лѣсовъ, златыя главы церквей ея, вокругъ огромной колокольни, подобной величественному столбу») сопоставляются *колокольня* и *столбъ*. При этом, вероятно, слово *столбъ* используется в значении 'башня': «СТОЛПЪ, столбъ <...> 3) Въ Сл: значит башню» [Словарь Академии Российской 1794а: 740, 741].

13. Произведенный человеком, рукотворный

Искусственный (1 пример)

1. *Искусственныя украшенія* (1: <138>). Прилагательное указывает на рукотворный способ происхождения группы предметов (*алеи, пруды* и *бесѣдки*), которые оцениваются Н.М. Карамзиным как ненужные *украшенія*, т.е. (<138> «У насъ и нынѣ обыкновенно думаютъ, что въ деревняхъ надобно

¹ В текстах Н.М. Карамзина встречаются две различные формы употребления прилагательного в форме именительного падежа: *особенной* в сочетании с существительным *городокъ* (<312>) и *особенный* в сочетании с существительным *рядъ* (<272>).

садить алеи, рыть пруды, строить бесѣдки; у всякаго свой вкусъ -- но я люблю тѣ мѣста, которыя для своей пріятности не требуютъ никакихъ искусственныхъ украшеній»).

Таким образом, анализ прилагательных, используемых в описании Москвы и Подмосковья Н.М. Карамзиным, позволяет сделать следующие выводы.

1. Прилагательные, обнаруженные в изученных фрагментах статей Н.М. Карамзина, разделены на следующие 13 классов и 61 подкласс в соответствии с их типовыми значениями:

1) Неживая природа. Прилагательные используются для характеристики различных объектов, называя прежде всего оптические явления (*сѣнистый, темный*).

2) Вещества и материалы. Прилагательные этого класса образованы от существительных и называют материалы, из которых сделаны строительные конструкции или их компоненты, обозначаемые существительными.

3) Живая природа. Растительный мир. Прилагательные делятся на четыре подкласса: съедобные растения (*малиновый, смородинный*), несъедобные растения (*березовый, сосновый*), совокупность растений (*лѣсной*) и хищные млекопитающие (*лисий, соболий*), указывая на разновидность растений или животных, и сочетаются с существительными, обозначающими разновидность растения (*кустъ*), часть тела животного (*хвостъ*) или изделие из его меха (*опушка*), а также пространственные объекты (*алея, роща, Владимирская дорога*).

4) Человек как живое существо. Прилагательные образуют четыре подкласса: приспособления для управления животными (*сѣдельный*), конструктивные особенности элемента строения (*завдвижной*), обувь (*сапожный*) и головной убор (*шапошный*), и сочетается с существительными, обозначающими элементы зданий, а также места, где

продаются называемые прилагательными предметы.

5) Населенный пункт. Прилагательные этого класса разделены на четыре подкласса: тип населенного пункта и его название (*Венеціанскій, городской, Московскій, сельской*), место расположения населенного пункта (*загородный, провинціальный*), место в населенном пункте (*Кремлевскій*), характеристика населенного пункта по количеству жителей (*многолюдный*). Прилагательные определяют географическую или административную принадлежность зданий, мест для гуляния, проживания и различных объектов, используемых человеком в его жизнедеятельности (*гондола, колоколь*).

6) Нации. Прилагательное указывает на идентичность жителей (*иноземскій*), национальный стиль объектов (*Англійскій садъ*) или конфессиональную принадлежность культовых зданий (*Англійскій, Голландскій*).

7) Человек и его внутренний мир. Прилагательные этого класса обозначают положительные (*пріятный, достойный, почтенный*) или негативные (*скучная, унылый, страшная*) эмоциональные состояния человека, общие (*лучшая, прекрасный, славный*) и частные нормативные (*правильный*), эстетические (*богатый, великолѣпный, живописный*), прагматические (*драгоцѣнный*) оценки. Большинство прилагательных этого класса сочетаются с существительными, называющими здания и природные объекты, и используются для передачи впечатлений, которые возникли у субъекта восприятия (рассказчика).

8) Общественно-государственная сфера. Этот класс прилагательных разделен на 15 подклассов с учетом того, относится ли называемый признак к государственной, социальной, экономической, религиозной, искусствоведческой, сельскохозяйственной, строительной или транспортной сфере: социальный класс (*народный*), человек, обладающий властью (*государевъ, Царскій*), собственность (*казенный, наслѣдственный*), человек по участию в экономической деятельности (*купеческій*), вероучение

(*Лютеранский, Реформатский*), догмат (*святой*), религиозные организации, объединения, движения (*приходский*), религиозные сооружения (*церковный*), общие понятия, связанные с произведениями искусства (*аллегорический*), произведения изобразительного и декоративно-прикладного искусства (*иконный, лѣпной*), человек в сфере сельского хозяйства (*крестьянский*), свойство сооружения или его части (*златоглавый, красный*), строительный материал (*алебастровый, деревянный, каменный [-ой]*), вид транспортного средства (*плотовой*), транспортное средство по техническим характеристикам (*закрытый*). Прилагательные называют характеристики жилых зданий, культовых сооружений и их элементов, сооружений и средств передвижения, определяя их принадлежность тому или иному человеку, конфессиональную принадлежность, конструктивные особенности и украшающие элементы.

9) Конкретная физическая деятельность. Физическое воздействие на объект. Отрицательное воздействие на объект. Прилагательные этого класса констатируют отрицательное воздействие (*гнилой, разбитый*) на элементы зданий и памятников, называемых существительными.

10) Социальная сфера жизни человека. Человек по социальному положению, мировоззрению. Человек по положению в обществе, сословному положению, социальному статусу и его титулы, звания. Прилагательные описывают социальный статус человека и указывают на принадлежность жилых строений и хозяйственных построек и других нелинейных пространственных объектов (*боярский, господский*)¹.

11) Восприятие окружающего мира. В данном классе выделяются прилагательные, называющие следующие признаки: внешние качества предмета (*ветхий*), цвет (*бѣлый, зеленый, красный*), расцветка (*разноцвѣтный*), геометрические тела и фигуры (*круглый*), размер, вес (*большой, высокій, маленькій*), направление в пространстве и

¹ Согласно классификации в «Словаре-тезаурусе русских прилагательных, распределенных по тематическим группам», эти прилагательные образуют особую группу, а потому не относятся нами к группе 8.

пространственные ориентиры (*левый, правый*), предельный/беспредельный (*необозримый, обширный*), близкий/далекий (*окрестный, отдаленный, удаленный*), пустой/полный (*пустой*), местный/неместный (*здешний, тамошний*), расположение в пространстве (*густой, дремучий, неподвижный*), время относительно момента речи (*готический, древний, новый*). Прилагательные отражают зрительное восприятие различных объектов рассказчиком, а также характеризуют их в зависимости от времени событий относительно момента речи (= времени путешествия рассказчика) или положения воспринимающего субъекта (= рассказчика) в пространстве.

12) Универсальные представления, смыслы и отношения. Прилагательные называют различные универсальные характеристики объектов: обычность (*смиранный*), значимость (*главный*), отдельность (*особенной*), подобие (*подобный*). В описаниях Н.М. Карамзина объектами, оцениваемыми по данным параметрам, выступают здания и сооружения (особенно культовые и предметы культа), линейные объекты и части территории города.

13) Произведенный человеком, рукотворный. Прилагательное *искусственный* используется для указания на особенности происхождения объекта. Характеризуемыми объектами в описании Н.М. Карамзина являются *алеи, пруды и бесѣдки*.

2. Общее количество изученных прилагательных составляет 128 слов, количество их словоупотреблений – 231 словоформа.

Распределение прилагательных по тематическим группам в количественном отношении выглядит следующим образом:

Таблица 3. Распределение прилагательных по тематическим группам и количество словоупотреблений

Тематические группы прилагательных	Количество прилагательных	Количество словоупотреблений
1. Неживая природа	3	3
2. Вещества и материалы	8	8
3. Живая природа. Растительный мир	7	7

4. Человек как живое существо	4	4
5. Населенный пункт	9	19
6. Нации	3	4
7. Человек и его внутренний мир	19	32
8. Общественно-государственная сфера	25	41
9. Конкретная физическая деятельность. Физическое воздействие на объект. Отрицательное воздействие на объект	2	3
10. Социальная сфера жизни человека. Человек по социальному положению, мировоззрению. Человек по положению в обществе, сословному положению, социальному статусу и его титулы, звания	2	3
11. Восприятие окружающего мира	41	97
12. Универсальные представления, смыслы и отношения	4	9
13. Произведенный человеком, рукотворный	1	1

Наибольшее количество прилагательных относится к группе «11. Восприятие окружающего мира», причем в большинстве случаев эти прилагательные называют величину, размер и вес воспринимаемого объекта (подгруппа 11.5 – 14 прилагательных, 52 словоупотребления) и его темпоральные характеристики (подгруппа 11.12 – 7 прилагательных, 21 словоупотребление). Достаточно часто используются прилагательные группы «8. Общественно-государственная сфера», при этом наибольшее количество словоупотреблений приходится на слова, называющие строительные материалы (подгруппа 8.13 – 3 прилагательных, 16 словоупотреблений). Регулярно используются прилагательные, принадлежащие группе «7. Человек и его внутренний мир», называя при этом эмоциональное состояние субъекта восприятия (подгруппы 7.1–7.7 – 7 прилагательных, 9 словоупотреблений) и выражая различные его оценки воспринятого (подгруппы 7.8–7.11 – 12 прилагательных, 23 словоупотребления). Обращают на себя внимание количественные показатели групп «2. Вещества и материалы» и «5. Населенный пункт» (подгруппа 5.1. Тип населенного пункта – 5 прилагательных, 13 словоупотреблений).

Таким образом, количественные показатели использования прилагательных позволяют утверждать, что в описательных фрагментах

статей Н.М. Карамзина преобладают прилагательные, называющие различные характеристики объектов, связанные с сенсорным восприятием автора, его эмоциональным состоянием и оценкой этих объектов, а также сообщением читателю объективной информации об объекте, которая самим пишущим может быть получена в результате сенсорного восприятия (информация о строительных материалах и под.). Установленная особенность соотносится с данными исследователей описательных фрагментов, представляющих различные научные направления (см. разделы 1.3.3, 1.3.4 и 2.5).

3. Н.М. Карамзин использует прилагательные для многоаспектного описания объектов Москвы и Подмосковья, опираясь на различные параметры, при этом от типа объекта зависит то, какие его признаки указываются.

Говоря о водных объектах, автор отмечает их величину, глубину и другие пространственные характеристики, историю происхождения, а также эмоциональное состояние и эстетическую оценку субъекта восприятия (= рассказчика).

Описывая элементы рельефа земной поверхности, автор упоминает их цвет, величину, глубину, протяженность, пространственные характеристики (предельность / беспредельность), а также эмоциональное состояние и эстетическую оценку субъекта восприятия (= рассказчика).

Рассказывая об участках растительности, Н.М. Карамзин указывает на разновидности растений, время их произрастания относительно момента речи, пространственные характеристики (предельность / беспредельность), расположение в пространстве, а также эмоциональное состояние и эстетическую оценку субъекта восприятия (= рассказчика).

Упоминая части Москвы и населенные пункты, находящиеся за городом, Н.М. Карамзин называет их пространственные и темпоральные характеристики (время создания, удаленность от Москвы), нахождение в чьей-либо собственности, а также эмоциональное впечатление,

производимое на субъект восприятия (= рассказчика).

Характеризуя нелинейные объекты, Н.М. Карамзина останавливает внимание на их размере, нахождении в чьей-либо собственности, социальном статусе их владельца, пространственных и темпоральных характеристиках, эмоциональном впечатлении, производимом на субъект восприятия (= рассказчика).

Характеризуя линейные объекты, Н.М. Карамзина отмечает их оптические характеристики (тенистость и под.), величину, протяженность, географическую принадлежность, историю происхождения, универсальные характеристики (значимость и под.), частные характеристики, связанные с разновидностью объекта (для природных объектов – разновидность растений, для торговых – тип продаваемых объектов и под.), а также эмоциональное впечатление, производимое на субъект восприятия (= рассказчика).

Рассказывая о различных технических сооружениях, объектах инфраструктуры, зданиях и постройках, Н.М. Карамзин упоминает историю их происхождения, строительные материалы, габариты (размер, высоту, ширину и под.), пространственные и темпоральные характеристики (относительно места и времени рассказа), нахождение в чьей-либо собственности, утилитарную значимость, эмоциональное впечатление, производимое на субъект восприятия (= рассказчика), а также частные характеристики, связанные с типом объекта (например, для культовых сооружений – их конфессиональную принадлежность).

Упоминая военные сооружения и их части, автор отмечает их габариты, строительные материалы, административную принадлежность и утилитарную оценку субъекта восприятия (= рассказчика).

Говоря о кладбищах, автор указывает их размер, конструктивные особенности, пространственные характеристики (удаленность от Москвы), время их постройки относительно момента речи.

Рассуждая о транспортных средствах, автор определяет их размер,

нахождение в чьей-либо собственности, технические характеристики, а также эстетическую оценку субъекта восприятия (= рассказчика).

Упоминая памятники и достопримечательности, автор указывает их размер, местонахождение, степень сохранности, эмоциональное впечатление, производимое на субъект восприятия (= рассказчика).

Таким образом, Н.М. Карамзин использует прилагательные для характеристики объектов, называя те признаки, которые свойственны объектам определенного типа. При этом интерес писателя вызывают внешние признаки объектов (размер, высота, цвет и под.), их внутренние характеристики (материал и под.), история возникновения, дейктические пространственные и темпоральные характеристики (относительно локализации рассказчика и/или Москвы, относительно места и времени рассказа об объекте), различные оценки рассказчика – утилитарные и эстетические. В целом можно сделать вывод, что выбор прилагательных отражает установленную ранее при анализе существительных особенность: основной принцип описаний Н.М. Карамзина можно назвать *антропоцентрическим* – рассказывая про объекты, связанные с жизнедеятельностью человека, автор обращает внимание на те их признаки, которые существенны с этой точки зрения.

3.3 Лексические особенности глаголов, используемых в описаниях городских и пригородных объектов

Анализируя описательные фрагменты статей Н.М. Карамзина в разделах 2.6 и 3.2, мы обращали внимание прежде всего на те лексические средства, использование которых необходимо как для номинации объектов (существительные), так и для их характеристики (прилагательные). Несомненно, важную роль в создании описаний играют и глаголы, однако их роль не является ведущей: создание описания подразумевает номинацию сенсорно воспринимаемых объектов внеязыковой действительности и указание их характеристик, и эту задачу в статьях Н.М. Карамзина выполняют существительные и прилагательные, в то время как глаголы

используются прежде всего для указания того, как располагаются в пространстве по отношению друг к другу описываемые объекты и субъект их восприятия – рассказчик. Использование же глаголов для номинации свойственных объектам характеристик имеет место тогда, когда необходимо назвать динамический признак, что в текстах Н.М. Карамзина случается достаточно редко (см. Приложение 4).

Характерно, что в исследованиях, посвященных описанию, в разных аспектах подробно анализируются существительные и прилагательные, а про глаголы или почти не говорится (например, в исследовании О.А. Нечаевой [Нечаева 1974] сообщается об особенностях использования видо-временных форм глаголов, но не упоминаются лексические значения, которые они выражают), или кратко отмечается преобладание глаголов с пространственной семантикой в визуальном описании (см. [Варфоломеева 2019: 23]), глаголов с обобщенно-отвлеченными значениями в описании-характеристике (см. [Варфоломеева 2019: 23]), указывается, что маркерами репродуктивного регистра являются перцептивные глаголы (см. [Онипенко 2012a]).

Подробная классификация глаголов по типам выражаемых ими лексических значений содержится в томе 4 «Русского семантического словаря» (2007), уже использованного нами в качестве базовой модели классификации в разделе 2.6. При анализе глаголов мы также будем использовать сведения из этого словаря, в случае необходимости ссылаясь на выделяемые в «Словаре» группы слов.

В некоторых случаях мы сочли необходимым рассмотреть также и синтаксические дериваты, образованные от глаголов, используемых во фрагментах статей Н.М. Карамзина.

Список рассмотренных глаголов и их синтаксических дериватов, а также количество словоупотреблений приводятся в Приложении 4.

В описаниях Н.М. Карамзина встречается употребление глаголов и их

синтаксических дериватов, типичных для данного функционально-смыслового типа речи. Большую часть из них можно отнести к следующим группам:

1. Глаголы и их синтаксические дериваты, называющие изменения, происходящие с природными объектами:

а) их возникновение (в том числе появление в поле зрения) (<129> «не явились ли новые (*ручьи* – Л.В.)»; <202> «облака разсѣялись и солнце проглянуло»);

б) преобразование (или сохранение в неизменном виде) (<31> «такое пріятное мѣсто, окруженное водою и густо осѣненное старыми деревьями <...> теперь остается дикою пустынею»; <15> «кромѣ погреба, гдѣ не только ледъ, но даже и снѣгъ не таетъ до глубокой осени»; <129> «рѣки поднялись»; <187> «гніетъ вода неподвижная»; <130> «деревя падаютъ, лѣсъ рѣдѣетъ»; <194> «тогда же берегъ не былъ еще выстланъ камнемъ»; <26> запруженная Яуза; <12> «ямы столбовъ не заросли еще въ нѣкоторыхъ мѣстахъ»¹);

в) исчезновение (в том числе из поля зрения) (<129> «ручьи сокрылись»; <50> «гдѣ размножаются люди, тамъ <...> исчезаютъ лѣса»; <51> изсушение болотъ; <51> истребление лесовъ; <202> «облака разсѣялись и солнце проглянуло».

В ряде случаев эти изменения связаны с деятельностью человека (*выстланъ, запруженная, изсушение, истребление*).

Примечательно, что «Русском семантическом словаре» некоторые из этих глаголов определяются как связанные со зрительным восприятием (слово «явиться» относится к группе 8.55 «Восприятие зрением» [Русский семантический словарь 2007: 82], слово «скрыться» – к группе 13.11 «Прекращение самовыявления и восприятия зрением» [Русский семантический словарь 2007: 142]).

¹ Ямы столбовъ, возникшие как рукотворный объект, в дальнейшем не подвергаются воздействию человека и испытывают изменения аналогичные тем, которые испытывают природные объекты.

2. Глаголы, описывающие возникновение рукотворных объектов, связанное с человеческой деятельностью (<17> «Большая каменная церковь Алексѣвская сооружена также Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ»; <34> «къ тамошнимъ славнымъ колодцамъ, откуда проведена вода въ Москву»; <44> «насажена въ правую сторону еще другая березовая алея до самой большой дороги»; <142> «тамъ, въ главной алеѣ, выставлялись прежде всѣ померанцевыя деревья изъ оранжерей»; <152> «Князь Василій Ивановичъ окружилъ ее каменною стѣною съ башнями»; <191> «если бы можно было <...> гору къ Соборамъ устлатъ дерномъ, разбросать по ней кусточки и цвѣтники, сдѣлать уступы и крыльцы для восхода, соединить такимъ образомъ Кремль съ набережною, и внизу насадить алею»; <279> «Стрѣлецкая Слобода (за Москвою-рѣкою), также обнесенная деревянною стѣною, была построена ввремя Князя Василья Ивановича»; <309> «черезъ нѣкоторое время они построили новую (*церковь* – Л.В.) въ Земляномъ Городѣ»; <303> «Послѣ имъ отведено было мѣсто за городомъ, на берегу Яузы, гдѣ на счетъ казны выстроили для нихъ (*иностранцев* – Л.В.) домики»; <144> «Петръ III, будучи Великимъ Княземъ, желалъ имѣть въ Люберцахъ сельской домъ; но его не успѣли достроить»; <314> «Нѣмцы <...> обнесли стѣною новое кладбище свое»).

Необходимо заметить, что очень часто – 23 раза – во фрагментах используются принадлежащие данной группе глагол *строить* и его приставочные дериваты (см. Приложение 4).

3. Глаголы, описывающие изменения, произошедшие с рукотворными объектами и (а) не связанные с человеческой деятельностью или (б) связанные с человеческой деятельностью:

а) <223> «глубокій погребъ Боярскій <...> обратился въ колодезь»; <124> «Оно (*землетрясеніе* – Л.В.) не сдѣлало ни малѣйшаго вреда <...>, кромѣ того, что въ стѣнѣ одного погреба <...> оказались трещины»;

б) <180> «Мнѣ случилось въ одной Подмосковной деревнѣ видѣть крестьянскій сарай, обращенный въ комнату съ диванами»; <312>

«Иностранцы продали каменные дома свои въ городѣ, а деревянные перевезли на берегъ Яузы»).

4. Глаголы, называющие исчезновение рукотворных объектов, (а) не связанное с человеческой деятельностью или (б) связанное с человеческой деятельностью:

а) <32> «мосты сгнили»; <39> «другая вышка, которая уже разрушилась, была гораздо пространнѣе»; <8> «стѣны разрушаются»; <15> «Вокругъ дворца не осталось никакихъ другихъ зданій»; <45> «тутъ зданіе отслужило время свое»; <201> «Развѣ одно время разрушить ее, такъ же, какъ оно разрушило стѣну вокругъ Бѣлаго города и Землянаго»);

б) <96> «еще недавно сломанъ Троицкій каменный дворецъ Царя Іоанна Васильевича»; <191> «если бы можно было сломать тамъ Кремлевскую стѣну»; <254> «Патріархъ Никонъ <...> уговаривалъ набожныхъ и богатыхъ людей строить каменные церкви, и множество деревянныхъ было при немъ сломано»; <210> «Царь подарилъ ему домъ въ Кремль; но пышный Милославскій изломалъ его и построилъ новый».

5. Многочисленные глаголы-локализаторы, указывающие пространственные характеристики одних объектов относительно других и выражающие значения (а) направления, (б) местоположения или (в) такого местоположения, при котором один объект находится вокруг другого:

а) <23> «Водоводъ идеть мостомъ черезъ низкую долину»; <41> «къ нему идеть отъ села прекрасная березовая аллея»; <49> «лѣса, которые простирались и далѣе къ сѣверу»; <151> «на равнинѣ, гдѣ течетъ рѣка Сѣверка; впадаетъ Москва-рѣка въ Оку»; <163> «Оно (*Дѣдлово* – Л.В.) разселено вдоль низкаго берега Оки»;

б) <78> «Между колокольнею и Троицкимъ Соборомъ стоитъ каменный обелискъ»; <109> «подлѣ Успенскаго Собора вростаеть въ землю маленькая, желѣзомъ крытая палатка»; <271> «Не далеко отъ Василия Блаженнаго было возвышенное мѣсто, на которомъ лежали неподвижно двѣ огромныя пушки, обращенныя къ <...> улицѣ»; <275> «тамъ же были

Царская конюшня и литейной дворъ»»; <277> «Тамъ находился лѣсной рядъ, гдѣ продавались всегда готовые срубы»¹;

в) <55> «Дворъ <...> остановился въ селѣ, укрѣпленномъ только своими оврагами»²; <31> «такое пріятное мѣсто, окруженное водою и густо осѣненное старыми деревьями»³; <60> «Лавра со всѣхъ сторонъ окружена горами, покрытыми нѣкогда дремучимъ лѣсомъ»; <148> «наша древняя столица окружена со всѣхъ сторонъ пріятными мѣстами»; <274> «Китай-городъ окруженъ былъ красною, а Царь-городъ бѣлою стѣною»; <278> «въ *Скорodomъ*, окруженномъ деревянною стѣною съ башнями, жили мѣщане и подъячіе»; <26> «Яуза <...> со всѣхъ сторонъ обтекаетъ дворецъ Елисаветы Петровны».

Соотнося местоположение объектов, автор также использует безглагольные конструкции с предложно-падежными формами существительных с пространственными значениями (<102> «Садъ подлѣ дворца»; <17> «Большая каменная церковь Алексѣевская сооружена также Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ. Дворецъ подлѣ нее»).

6. Глаголы, указывающие, что пространственный объект является составной частью другого пространственного объекта (группа 3.18 «Касательство, принадлежность, связанность» в [Русский семантический словарь 2007: 24, 25]) или сам делится на какие-либо части (группа 16.128 «Разъединение. Отделение» в [Русский семантический словарь 2007: 169]) (<39> «Они (*монументы старины* – Л.В.) состоятъ въ деревянной церкви <...> и въ ветхомъ зданіи, похожемъ на анбаръ»; <102> «Садъ подлѣ дворца, состоящій изъ алей сѣнистыхъ»; <276> «Третья часть Москвы <...> состояла изъ однихъ деревянныхъ маленькихъ домовъ»; <162> «Деревня Клинь <...> принадлежитъ къ Дѣдлову; большой садъ, раздѣляющій селеніе на двѣ половины»; <264> «Въ его время она (*Москва* – Л.В.) раздѣлялась на Китай-

¹ Глагол *продаваться* называет вид человеческой деятельности, но в то же время его использование позволяет автору локализовать объекты (*срубы*) в определенном месте (*лѣсной рядъ*).

² Глагол *укрѣпить* указывает не только на местоположение *овраговъ* относительно *села*, но и на их пользу с точки зрения человеческой практики (они служат естественной защитой *села*).

³ Обращает на себя внимание использование глагола *осѣнять* в прямом значении ‘давать тень, затенять’.

городъ, Царь-городъ <...>»).

7. Глаголы движения, характеризующие перемещения рассказчика – от начальной к конечной точке маршрута по определенной траектории, в том числе с упоминанием остановок:

а) пешком (<20> «Но я увидѣлъ не далеко отъ дороги прекрасный водоводъ <...> и пошелъ смотрѣть его»; <145> «Я съ удовольствіемъ вошелъ и въ садъ»; <8> «Стѣны разрушаются; но я осмѣлился войти въ домъ, и прошелъ во всю длину его»; <59> «Я сталъ на вершинѣ горы»);

а) на транспорте (<120> «Изъ монастыря поѣхалъ я въ село Деулино»; <147> «Отѣхавъ верстъ 25, увидѣлъ я на правой сторонѣ Москву-рѣку и нѣсколько деревень»; <57> «Я взѣхалъ на гору Волкушу»; <149> «Въ селѣ Марковѣ я останавливался искать <...> окаменѣлостей»; <26> «Я своротилъ влѣво съ большой дороги, чтобы видѣть село Тайнинское»).

Также в одном фрагменте может упоминаться перемещение пешком и на транспорте: <34> «Выѣхавъ опять на большую Троицкую дорогу въ Мытищахъ, я ходилъ пѣшкомъ <...> къ тамошнимъ славнымъ колодцамъ».

Использование глаголов движения является крайне важным текстообразующим средством, позволяющим автору «перемещаться» в пространстве и, оказавшись в новой его точке, описывать новые сенсорно воспринимаемые объекты.

8. Глаголы движения и локализации, сообщающие о регулярно повторяющихся перемещениях (пешком и на транспорте) и местонахождении москвичей и жителей Подмосковья, зачастую выражающие дополнительные значения¹ (<195> «рѣка <...> съ двумя мостами, гдѣ всегда движется столько людей»; <209> «народъ толпился на красной площади, а въ другихъ частяхъ города собирался передъ церквами»; <163> «Оно (*Дѣдлово* – Л.В.) <...> въ весенніе мѣсяцы заливается водою <...>, такъ что жители другъ ко другу ѣздятъ въ лодкахъ»; <272> «на

¹ Например, *гулять* означает ‘перемещаться в пространстве с целью отдыха’. В «Русском семантическом словаре» глагол *гулять* в данном значении отнесен к группе «80. Отдых. Прогулка. Развлеченія. Празднование» [Русский семантический словарь 2007: 757]

Красной Площади съ утра до вечера толпилось множество людей праздныхъ»; <176> «они гуляли только въ своихъ огородахъ, гдѣ, сидя подѣ тѣню черемхи»; <285> «сидѣльцы запирали лавки свои и въ лѣтнее время спали на землѣ передъ ними»; <211> «Царь, отслушавъ тамъ обѣдню, возвращался верхомъ въ Кремлевскій дворецъ свой»).

Использование данных глаголов позволяет автору «заполнить» описываемые пространства людьми, для которых нахождение в этих пространствах является обычным.

9. Глаголы-локализаторы, сообщающие о постоянном местонахождении москвичей и жителей Подмосковья:

а) о живших или живущих (<278> «Въ *Скородомѣ*, окруженномъ деревянною стѣною съ башнями, жили мѣщане и подъячїе»; <275> «Въ сей части города жили дѣти Боярскїе или дворяне»; <102> «Садъ <...> и большое зданїе, гдѣ живутъ семинаристы, называются также Писаревскими»);

б) о покойных (<90> «прахъ Эрмогена покоится въ Чудовѣ монастырѣ»; <103> «въ Лаврѣ погребены многіе знаменитые люди»; <109> «Подлѣ Успенскаго Собора вросла въ землю маленькая, желѣзомъ крытая палатка, гдѣ погребена фамилія Годуновыхъ»).

10. Глаголы движения, сообщающие о движении транспорта (<134> «дорога Кусковская представляла улицу многолюднаго города, и карета обскакивала карету <...> Венеціанская гондола съ разноцвѣтными флагами разѣзжала по тихимъ водамъ большаго озера»).

11. Перцептивные глаголы двух типов – (а) указывающие на эксплицитный субъект восприятия или (б) указывающие на восприятие имплицитного, чаще всего дейктического, наблюдателя:

а) *смотрѣть, осматривать, взглянуть, рассматривать* и *(у)видѣть* (<20> «Но я <...> оставилъ сравненїя и пошелъ смотрѣть его»; <46> «я съ удовольствїемъ смотрѣлъ вокругъ себя и на сельскїе ландшафты вдали»; <70> «я съ любопытствомъ осматривалъ достопамятности церквей и ризницы»; <91> «я съ любопытствомъ взглянулъ на Троицкія пушки <...> и

разсматривалъ остатки оружія»; <20> «Я увидѣлъ не далеко отъ дороги прекрасный водоводъ»; <147> «я увидѣлъ Москву-рѣку»; <141> «Кусковскіе сады, гдѣ глаза мои видѣли нѣкогда столько людей»; <157> «я видѣлъ очень хорошіе сады»; <170> «я видѣлъ глубокія ямы»; <180> «Мнѣ случилось видѣть крестьянскій сарай»);

б) визуальное восприятие: (*быть*) *видным*, *казаться*, *открываться*, (*не*) *показывать*, *представлять* (*вид*), *представляться* (*взору*, *глазам*) (<12> «Москва не много видна изъ оконъ дворца»; <15> «Тутъ видны развалины двухъ бань»; <16> «на лѣвой сторонѣ видна сосновая роща»; <26> «Яуза кажется большою рѣкою»; <34> «каждый (*колодезь* – Л.В.) представляетъ издали видъ маленькаго домика, и всѣ вмѣстѣ кажутся небольшимъ, прекраснымъ селеніемъ»; <56> «Версть за семь отъ Троицы открываются, среди зелени лѣсовъ, золотыя главы церквей ея»; <97> «Архитектура нынѣшняго дворца не показываетъ древности»¹; <134> «всякое Воскресенье <...> дорога Кусковская представляла улицу многолюднаго города»; <137> «на высокомъ берегу Москвы-рѣки, гдѣ представляется взору самый величественный амфитеатръ»; <4> «Но тамъ представляется глазамъ еще другой ближайшій его памятникъ: старый дворецъ»);

аудиальное восприятие: *выть*, *свистеть*, *хлопать* (*не*) *умолкать* (<29> «вѣтеръ воетъ въ трубахъ, свиститъ въ разбитыя окончины и хлопаетъ дверми»; <82> «святые гимны христіанскіе, которые день и ночь не умолкали въ храмахъ Троицы»);

осязательное восприятие: *трястись* (<126> «работники, бывшіе на Спаской башнѣ, увѣряютъ, что стѣны ея тряслися»);

обонятельное восприятие: *проходить* (о запахе) (<284> «они крайне любили чеснокъ, и <...> въ самыхъ знатнѣйшихъ домахъ рѣдко проходилъ запахъ его»).

Примечательно, что в одном фрагменте могут быть использованы глаголы, называющие разные виды перцепции (<134> «Въ садахъ гремѣла

¹ Глагол (*не*) *показывать* выражает не только перцептивное, но и оценочное значение.

музыка, въ алеяхъ тѣснились люди»).

Также обращает на себя внимание то, что во фрагментах с глаголами, указывающими на эксплицитный субъект восприятия – рассказчика – используются формы прошедшего времени (описываются однократные события – восприятие рассказчиком объектов во время путешествия по Москве и окрестностям, состоявшегося до момента рассказа о них), а во фрагментах с глаголами, указывающими на восприятие дейктического наблюдателя, употребляются формы настоящего времени («устранение» из фрагмента рассказчика делает возможным объективизировать рассказ об объектах, которые могут быть восприняты в любой момент).

12. Глаголы именования (см. [Русский семантический словарь 2007: 26]) *называть* и *назвать*, указывающие, что предмет имеет то или иное название (<35> «Колодцы деревянные, кромѣ одного, каменнаго, называемаго громовымъ»; <39> «въ ветхомъ зданіи, похожемъ на анбаръ и называемомъ Царскою вышкою <...> въ старину назывались такъ высокіе терема»; <102> «Садъ подлѣ дворца <...> и большое зданіе <...> называются также Писаревскими»; <275> «на томъ мѣстѣ, которое называлось *поганымъ прудомъ*»; <276> «третья часть Москвы <...> называлась Скородомомъ»; <269> «Будучи между Кремлемъ и Царемъ-городомъ, Китай могъ назваться среднимъ»).

Данные глаголы используются, когда рассказчик сообщает читателям названия-архаизмы, названия-историзмы или современные названия объектов, о которых адресат узнает впервые.

13. Оценочные глаголы, отражающие общепринятое представление относительно описываемых объектов (<149> «Въ селѣ Марковѣ я останавливался искать на берегу Москвы-рѣки окаменѣлостей, которыми оно славится»; <265> «Кремль считался только частию Китая-города»).

14. Оценочные глаголы, отражающие точку зрения рассказчика относительно воспринимаемых им объектов (<14> «огородъ, который безъ сомнѣнія украшался всего болѣе подсолнечниками»; <187> «ручеекъ

своимъ быстрымъ теченіемъ и журчаніемъ оживляетъ сельскія Красоты»).

15. Глаголы, относящиеся к разным группам, объединяемые тем, что их метафорическое употребление (иногда в сочетании с зависимыми словами) позволяет рассказчику выразить оценку объекта (<42> «рѣчка Скауба на лѣвой сторонѣ, поля и луга составляютъ очень хорошій сельскій видъ»; <136> «теперь Кусково можетъ завидовать Останкину, которое въ самомъ дѣлѣ лучше мѣстоположеніемъ»; <147> «нѣсколько деревень, которыя, съ господскими домами и садами, образуютъ прекрасной ландшафтъ»).

Таким образом, анализ использования глаголов в описательных фрагментах статей Н.М. Карамзина показывает следующее:

1. Описывая различные объекты, Н.М. Карамзин называет различные стадии их бытия¹ – возникновение, преобразование или сохранение в неизменном виде, исчезновение. Намного чаще при этом речь идет не о природных, а о рукотворных объектах. Помимо этого, существенно, что во многих случаях, сообщая о наступлении новой стадии бытия объекта, в качестве причины автор указывает деятельность человека. Не менее важно, что многие глаголы, называющие стадии бытия объектов, могут быть также определены как перцептивные: об изменениях, происходящих с объектами, рассказчик узнает в результате их наблюдения.

2. Н.М. Карамзин использует глаголы-локализаторы, которые соотносят в пространстве описываемые объекты, выражая частные значения (а) направления и (б) местоположения. В последнем случае обращает на себя внимание, что значительная часть глаголов местоположения указывает, что один из объектов находится вокруг другого.

3. Особый аспект соотнесения пространственных объектов реализуется при использовании глаголов, выражающих партитивные отношения: автор указывает, что ряд объектов совокупно составляет какой-

¹ См. [Русский семантический словарь 2007: 51–151].

либо более крупный пространственный объект.

4. Н.М. Карамзин использует глаголы движения, направленного и разнонаправленного, пешком или на транспорте, обращая внимание на его разные фазы, при этом субъектом движения может быть рассказчик или иной субъект пропозиции («персонаж» – москвич, житель Подмосковья, гость Москвы). Упоминание перемещений рассказчика позволяет ему осуществлять переход от повествования к описанию: оказавшись в новом месте, рассказчик видит новые объекты и описывает их. Перемещения «персонажей» упоминаются тогда, когда они отражают их повседневный быт в тех местах, которые описывает автор. С теми же целями используются глаголы локализации, называющие обычное или постоянное местоположение в пространствах Москвы и Подмосковья. В связи с этим во фрагментах, в которых субъектом пропозиций является рассказчик, преобладают глаголы совершенного вида в формах прошедшего времени, а во фрагментах с «персонажами» – глаголы несовершенного вида в формах настоящего и прошедшего времени.

Также глаголы движения используются при описании транспорта.

5. Используются перцептивные глаголы, называющие восприятие эксплицитного субъекта восприятия или имплицитного наблюдателя, чаще всего дейктического. И в том и в другом случае в большинстве случаев субъектом восприятия является рассказчик. В первом случае речь идет о зрительном восприятии, во втором – о разных способах перцепции (зрительное, аудиальное, осязательное, обонятельное восприятие). Во фрагментах с эксплицитным субъектом восприятия используются преимущественно формы прошедшего времени, во фрагментах с имплицитным наблюдателем – формы настоящего времени.

6. Глаголы именования используются при сообщении новых для читателя-москвича сведений – названий-архаизмов, названий-историзмов и современных названий объектов, расположенных в местах, где читатель скорее всего не бывал.

7. Оценочные глаголы чаще всего отражают точку зрения рассказчика, но могут выражать и общепринятое мнение относительно описываемых объектов.

В целом же, как нам кажется, относительно использования Н.М. Карамзиным глаголов в описательных фрагментах можно сказать следующее: основными лексическими средствами, создающими само описание, являются существительные, называющие воспринимаемые объекты, и прилагательные, называющие характеристики этих объектов; глаголы так же, как и прилагательные, способны характеризовать объекты, но основное их назначение – указывать на отношения между различными элементами субъектной перспективы предложения, так или иначе связанной с ситуацией восприятия (местоположение объектов по отношению друг к другу; отношения между субъектом и объектом восприятия; оценка, возникающая в результате восприятия) и тем самым служить маркерами репродуктивного регистра.

В Приложении 4 обобщены количественные показатели употребления глаголов, относящихся к разным группам.

3.4 Лексические и композиционные особенности комплексного описания городских и пригородных пространств

Анализ существительных, результаты которого представлены в разделе 2.6, позволил нам установить круг городских объектов, вызывающих интерес Н.М. Карамзина, и способы их номинации. Помимо этого, анализируя описание некоторых из них – ряда дворцов (прежде всего *Дворца Государя Алексея Михайловича*) и *Троицкой Лавры*, мы обратили внимание на композиционные особенности фрагментов, включающих упоминание различных взаимосвязанных объектов и их признаков, образующих своеобразное «комплексное описание». Наиболее подробное «комплексное описание» посвящено Москве XVII века и встречается в статье [Карамзин 1803e] и ее продолжении [Карамзин 1803f]. Каковы лексические и композиционные особенности данного текста?

Н.М. Карамзин рассказывает об особенностях городской планировки. Примечательно, что автор описывает ее в двух временных планах: вслед за Адамом Олеарием, сообщает о «частях» Москвы середины XVII века, и соотносит эти сведения со сведениями начала XIX века: <264> «Олеарій при описаніи своего путешествія издалъ весьма хорошій и вѣрный планъ Москвы. Въ его время она раздѣлялась на *Китай-городъ*, *Царь-городъ* (нынѣ бѣлой-городъ), *Скородомъ* и Стрѣлецкую Слободу, бывшую за Москвою-рѣкою»¹. Как мы видим, писатель перечисляет городские хоронимы, одни из которых продолжают использоваться как названия районов Москвы (*Китай-городъ*, *Кремль*), а другие перешли в разряд архаизмов (*Царь-городъ*, *бѣлой городъ*, *Скородомъ*, *Стрѣлецкая Слобода*), притом два из них – *Скородомъ* и *Царь-городъ* – являлись устаревшими уже во времена Н.М. Карамзина, в связи с чем он считает необходимым дать пояснение (<276>) «третья часть Москвы (за нынѣшнимъ *бѣлымъ городомъ*)» и (<264>) «нынѣ бѣлой-городъ». В этом случае писатель прибегает к одной из речевых тактик, позволяющих ему разграничить исторические и современные сведения, – использованию временного дейктика *нынѣ* и его дериватов (<264> *нынѣ бѣлой-городъ*, <272> «Уже при Царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ <...> для всякаго товара былъ въ Москвѣ особенный рядъ, какъ и нынѣ, и на томъ же самомъ мѣстѣ»), <276> «Третья часть Москвы (за нынѣшнимъ бѣлымъ городомъ) называлась *Скородомомъ* <...>», <306> «Лютеране имѣли церковь свою въ Бѣломъ городѣ (близъ нынѣшней Меншиковой башни); но женская ссора разрушила ее до основанія».

Необходимо заметить, что, характеризуя «части» Москвы через наличие одной из их «конструктивных деталей» – стен, Н.М. Карамзин реализует модель, обнаруживаемую во всех его статьях: он описывает городские объекты, переходя от более крупных к образующим их менее

¹ В продолжении статьи Н.М. Карамзин также упоминает *Земляной Городъ*, позднее получивший название *Скородома*: <309> «Черезъ нѣкоторое время они построили новую (*церковь* – Л.В.) въ Землянѣмъ Городѣ; но скоро должны были совсѣмъ переселиться за валъ».

крупным. Так, «части» города состоят из ряда городских пространств – *площадей, улиц* или их объединений (<265> «Кремль считался только частию Китая-города»), на них находятся торговые *ряды* (<272> «Олеарій именуєть ряды шелковый, суконный, серебряный, шапошный, сѣдельный, сапожный, иконный и проч.») и другие объекты, определяемые по роду деятельности, осуществляемой городскими жителями, – *рынокъ* (<273> «Онъ говоритъ еще о рынокѣ (между Посольскимъ Дворомъ и Красною Площадью), гдѣ въ хорошую погоду Московскіе жители стригли себѣ волосы <...>»), *конюшня* и *литейной дворъ* (<275> «<...> тамъ же (в Царь-городе – Л.В.) были Царская конюшня и литейной дворъ <...>»). На площадях и улицах находились строения: жилые здания – *дома, домики, дворцы, палаты* (<281> «Не многіе изъ нихъ имѣли каменные дома, и то уже во время Романовыхъ», <282> «при Годуновѣ жили они (*старые Русские Бояре* – Л.В.) въ деревянныхъ, маленькихъ и темныхъ домикахъ», <268> «Палаты Никона Патріарха были тамъ, послѣ дворца, огромнѣйшимъ зданіемъ») или здания, связанные с осуществлением какой-либо иной социальной функции, – *церкви, лавки, темница* (<252> «Во время Царя Михаила Ѳеодоровича считалось въ Москвѣ около 2000 церквей», <296> «Купецъ, идучи по утру въ лавку, заходилъ прежде на рынокъ, покупалъ хлѣбъ, и разрѣзавъ его на ломти, отдавалъ нищимъ», <297> «По древнему обыкновенію Цари наши, въ первый день Пасхи, между заутрени и обѣдни, ходили въ городскую темницу»).

В итоге в статьях Н.М. Карамзина обнаруживаются описательные фрагменты, в которых перечисляются взаимосвязанные (прежде всего пространственными отношениями) городские объекты и их характеристики. Приведем в качестве примера последовательность нескольких фрагментов, в которых описывается центр Москвы: <265> «Кремль считался только частию Китая-города», <266> «Олеарій пишетъ о великолѣпнѣ дворца, построеннаго въ Италіянскомъ вкусѣ Царемъ Михаиломъ для сына его, Алексѣя Михайловича», <267> «самъ же Царь жилъ для своего здоровья въ

деревянномъ домѣ», <268> «Всѣ знатнѣйшіе Бояре имѣли дома въ Кремлѣ. Палаты Никона Патріарха были тамъ, послѣ дворца, огромнѣйшимъ зданіемъ», <269> «<...> Будучи между Кремлемъ и Царемъ-городомъ, *Китай* могъ назваться *среднимъ*. Въ немъ жили тогда всѣ богатѣйшіе гости или купцы, нѣкоторые Князья Московскіе и дворяне», <270> «Олеарій, упоминая о готической и примѣчанія достойнѣйшей въ Китаѣ-городѣ церкви Василия Блаженнаго, рассказываетъ, что Царь Іоаннъ, будучи ею весьма доволенъ, приказалъ выколоть глаза Архитектору ея <...>», <271> «Не далеко отъ Василия Блаженнаго было возвышенное мѣсто, на которомъ лежали неподвижно двѣ огромныя пушки, обращенныя къ той улицѣ, откуда обыкновенно приходили Татары», <272> «На Красной Площади *съ утра до вечера* толпилось множество людей праздныхъ, господскихъ слугъ, купцовъ и продавцевъ всякаго роду вещей <...>». Как мы видим, вначале упоминаются «большие» открытые пространства – *Кремль* и *Китай-городъ*, причем между ними устанавливаются партитивные отношения. Далее упоминаются объекты, расположенные внутри Кремля, – *дворецъ*, *дома* и *палаты*; параметрами описания этих зданий служат материал, предназначение (указано, кто в них жил), стиль, красота, а также размер: <268> «палаты <...> были тамъ, послѣ дворца, огромнѣйшимъ зданіемъ» означает, что палаты были меньше дворца, но больше домов. Далее рассказчик переходит к описанию оставшейся части Китай-города, упомянув вначале ее месторасположение по отношению к уже описанному Кремлю. Определяется наиболее значимый объект – *церковь Василия Блаженнаго*, рассказывается легенда, связанная с возведением храма. Затем рассказчик называет менее значимые и потенциально динамичные объекты – *пушки*, причем описывается их местоположение относительно более крупных статичных объектов – уже охарактеризованной *церкви*, *улицы*, которой дается описательная характеристика (<271> «<...> улица, откуда обыкновенно приходили Татары»), а также *возвышеннаго мѣста*, которое само по себе упоминается в связи с его пространственным отношением к

церкви (<271> «не далеко отъ Василія Блаженнаго»). Далее упоминается еще один тип городского пространства, для именованя которого используется агороним ¹ *Красная Площадь*. Примечательно, что, характеризуя во фрагменте различные объекты через отношение к ним людей, рассказчик вначале называет постоянных «обитателей» – жителей Кремля и Китай-города, а затем указывает на тех, кто временно оказывается на открытом пространстве Красной площади, полностью заполняя его (<272> «толпилось множество людей»).

Таким образом, описывая Москву XVII века, Н.М. Карамзин использует лексемы, которые для его современников начала XIX века являлись архаизмами или историзмами; в этом случае он поясняет их значение, называя реалии XIX века, позволяющие правильно понять слова XVII века. «Связующим звеном» в конструкциях, объединяющих эти слова, являются дейктики типа *нынѣ*. В описаниях «крупных» пространств Н.М. Карамзин реализует композиционную модель: идет от описания более крупного объекта к описанию образующих его более мелких объектов.

3.5 Особенности номинации жителей и гостей Москвы и Подмосковья

Учитывая определения феномена «город», рассмотренные нами в разделе 1.1, одним из объектов, без упоминания которого описание города не может быть достаточным, являются его жители. Во фрагментах рассматриваемых нами статей Н.М. Карамзина регулярно упоминаются москвичи и жители Подмосковья, а также гости столицы, причем автор рассказывает о людях двух эпох – времени царствования Алексея Михайловича (середина XVII века) и рубежа XVIII и XIX вв.

Именованьям лиц в лингвистике последних десятилетий посвящено значительное количество работ. В ряде из них способы номинации людей рассматриваются в диахроническом аспекте. При этом объектом исследования могут быть как именованья лиц, входящих в отдельные

¹ «Агороним – вид урбанонима. Название городской площади, рынка» [Подольская 1988: 27].

социальные группы (см. [Багрянцева 2013]), так и лексемы, называющие человека безотносительно его принадлежности к определенному социуму; в последнем случае внимание исследователей сосредоточено на деривационных характеристиках слов (см. [Ефимова 2011]).

Крайне важным для изучения лексики, называющей человека, является выделение лексико-семантических групп, объединяющих именование лиц на основании определенного параметра. Подробные классификации слов, относящихся к данному семантическому полю, обнаруживаются как в специализированных исследованиях (см. [Лаврова 1984]), так и в идеографических словарях (см. [Русский семантический словарь 2002а: 59–395]).

Какие социальные группы привлекают внимание Н.М. Карамзина? Каковы способы номинации, используемые им?

Прежде всего необходимо отметить, что в статьях Н.М. Карамзина последовательно реализуется концепт «свой» vs. «чужой» – один из основных концептов русской культуры¹, при этом повествование отражает точку зрения *москвича*. Весьма показательно, что одна из статей называется «Записки старого московского жителя» ([Карамзин 1803с]): в этой и других статьях автор-москвич рассказывает истории о московской жизни² читателю-москвичу, «отправляя» его в те или иные места Москвы и Подмосковья³. При этом достаточно часто автор использует слово *мы*, объединяющее автора и его читателей-москвичей: «14 Октября, въ исходѣ втораго часа по полудни, мы чувствовали легкое землетрясеніе» [Карамзин 1802е: 69]⁴, «Густой и непрерывный туманъ, который у насъ до сего дня,

¹ О концепте «свой» vs. «чужой» см. [Степанов 2004: 126–143].

² <3> «<...> въ прекраснѣйшее время года я выѣхалъ изъ Москвы <...>», «Я общалъ вамъ, любезный другъ, объѣздить Московскія окрестности и сказать нѣсколько словъ о томъ, что увижу» [Карамзин 1803а: 278] и т.п.

³ <182> «Поѣзжайте въ Воскресенъ на Воробьевы Горы, къ Симонову Монастырю, въ Сокольники <...>», <169> «Подите въ село Преображенское <...> – тамъ, среди огородовъ, укажутъ вамъ развалины небольшого каменнаго зданія» и т.п.

⁴ При написании раздела 3.5 для полноты описания способов наименования людей в статьях Н.М. Карамзина нами были привлечены дополнительные фрагменты, не рассматривавшиеся в предшествующих разделах и не вошедшие в Приложение 1. В подобных случаях они вводятся в текст без указания номера фрагмента, но с указанием источника.

продолжается» [Карамзин 1802e: 72], <191> «Иногда думаю, гдѣ быть у насъ гульбищу, достойному столицы – и не нахожу ничего лучше берега Москвы-рѣки <...>» и т.п.

Примечательно, что Н.М. Карамзин не использует слова *москвитянинъ*, *московитъ* и *москвичъ* (встречающиеся в разных текстах XVIII века; см. [Словарь русского языка XVIII века 2003: 40]), но регулярно употребляет словосочетания *Московскіе жители* (<22>, <25>, <133>, <260>, <273>, <313>) и – реже – *Московский народъ* и *граждане Московскіе*¹, причем последние два только в статьях, посвященных истории Москвы (<250>, «Тутъ народъ Московскій, всегда усердный къ добрымъ Государямъ своимъ» [Карамзин 1802b: 213], «Граждане Московскіе чувствовали сію несправедливость тѣмъ живѣе, что благодатное царствованіе Михаила приучило ихъ къ царству милости и правосудія» [Карамзин 1803d: 125, 126] и др.). Помимо этого, для обозначения москвичей используется метонимия *Москва* («<...> какъ будто бы тогдашняя Москва еще мало страдала, видя Князя своего въ безчестномъ плѣну» [Карамзин 1802e: 71]).

Для обозначения не-москвичей употребляются два ряда общих именований:

а) если речь идет о людях, не живущих в Москве и не имеющих к ней отношения, употребляется словосочетание, построенное по модели «жители + Род. падеж хоронима или ойконима»: *жители Нижняго Новгорода* [Карамзин 1802b: 226], «Вообразимъ жителей острововъ Антильскихъ» [Карамзин 1802e: 71], *житель Парижа или Берлина* (<197>);

б) если речь идет о людях, по той или иной причине посещающих Москву, в большинстве случаев отмечается, что они не являются россиянами, – используются слова *иностранецъ* (<73>, <110>, <155>, <184>, <244>, <256>, <305>, <312>), *чужестранецъ* («Онъ былъ усерднымъ

¹ «Гражданин <...> 1. Житель города, горожанин» [Словарь русского языка XVIII века 1989: 212, 213]. Полногласную форму *горожанинъ* Н.М. Карамзин не использует.

покровителемъ всѣхъ чужестранцевъ въ Москвѣ» [Карамзин 1803e: 264]), субстантиват *чужестранный* (<312> «<...> никто не смѣлъ оскорблять чужестранныхъ») и словосочетание *иностранный путешественникъ* («Я увѣренъ, что всякой иностранной путешественникъ съ удовольствіемъ взглянетъ на сіе дѣло общественной пользы» [Карамзин 1802b: 213]). Использование определения в последнем случае мотивировано тем, что в качестве *путешественника* может выступать и сам автор-москвич («Наблюденія вашего путешественника не очень важны: что дѣлать? Москва не Римъ» [Карамзин 1803a: 279]).

Еще один способ назвать путешественника, который использует автор, – словосочетание *дорожный человекъ* (<296> «<...> продавали еще множество сухарей дорожнымъ людямъ»); этот актуальный во времена Н.М. Карамзина способ номинации («Дорожный <...> 1) В дороге находящийся. *Дорожный человекъ*» [Словарь Академии Российской 1790: 733]) в XX веке оценивается словарями как устаревший («Дорожный <...> 3) Находящийся в пути, в дороге (обл. и устар.). *Дорожные люди*» [Толковый словарь русского языка Т.1 1935: 776]).

Обращаясь к теме «иностранцы в Москве», Н.М. Карамзин описывает отношения не только иностранцев и москвичей в частности, но и иностранцев и россиян в целом. Говоря об иностранцах, автор часто указывает их национальную принадлежность или иноземное подданство: упоминаются *голландцы* («Голландскій Фельдшеръ» [Карамзин 1803e: 268]), *голиштинцы* («Голштинецъ Петръ Марселлисъ» <177>), *датчане* («Датскій Принцъ» [Карамзин 1803e: 270]), *нарвцы* («Нарвскій Пасторъ» [Карамзин 1803e: 269]), *нѣмцы* («1000 человекъ Нѣмцовъ» [Карамзин 1803f: 97]), *татары* («Рускія женщины переняли ѣздить верхомъ у Татарокъ» [Карамзин 1803e: 260]), *французы* («Французскій дворянинъ де-Гронъ» [Карамзин 1803f: 102]).

Что касается россиян, то Н.М. Карамзин подчеркивает, что они являются *подданными* русского государя («Государь не имѣлъ нужды

доказывать ее подданнымъ» [Карамзин 1802b: 214]) и *гражданами*¹ своего государства («Народъ Рускій <...> кажется, всегда чувствовалъ <...> что своевольная управа гражданъ есть во всякомъ случаѣ великое бѣдствіе для государства» [Карамзин 1803d: 120]).

Осознание себя русскими свойственно москвичам и подтверждается как иностранцами, отмечающими *русские* особенности московского уклада (<258> «Олеарій и другіе чужестранные Писатели говорятъ, что одно Руское ухо могло сносить страшной звонъ Московскихъ колоколовъ», <260> «Описывая тишину благочестія, наблюдаемую Рускими въ церквахъ, Олеарій прибавляетъ, что Московскіе жители и на улицахъ безпрестанно молятся <...>»), так и самими москвичами, и прежде всего – автором-москвичом («Я, какъ Руской и дворянинъ, <...>» [Карамзин 1803a: 282], «<...> теперь вездѣ нахожу общество! Однимъ словомъ, Рускіе уже чувствуютъ красоту природы» [Карамзин 1803c: 281, 282]).

Произведенный на базе типологии «Русского семантического словаря» (1998) под ред. Н.Ю. Шведовой анализ лексем, используемых Н.М. Карамзиным для именования людей, показывает, что при описании различных сфер социальной жизни *москвичей* и *не-москвичей* выбор номинации в большинстве случаев определяется принадлежностью человека определенной эпохе и оценкой того, является ли он «своим» или «чужим».

Верховные правители, монархи, престолонаследники²

В статьях, посвященных истории Москвы, используются слова *Царь* (<4>, <7>) и *Императоръ* («До самыхъ временъ Императора ПЕТРА Великаго Рускіе Священники не смѣли говорить проповѣдей въ церквахъ» [Карамзин 1803e: 253]) и – в качестве синонимов к ним – *Государь* (<10>) и

¹ «Гражданин <...> 2. Член общества, народа, состоящего под одним общим управлением, подчиненного общему для всехъ закону» [Словарь русского языка XVIII века 1989: 212, 213].

² Здесь и далее используется классификация, разработанная в «Русском семантическом словаре» (см. [Русский семантический словарь 2002a]).

Монархъ («Онъ угадываль чувствительное сердце юнаго Монарха» [Карамзин 1803d: 126]). Упоминаются родственники верховного правителя – *Царица* (<7>), *Царевна* (<7>), иноземные монархи и их родственники – *Король* («сынъ его всенародно хвалился свойствомъ съ Королями Польскими» [Карамзин 1802b: 224]), *Ханъ* («Освобожденный миромъ, торжественно заключеннымъ Россією съ Ханомъ, онъ жилъ и погребенъ въ селѣ Чиркинѣ» [Карамзин 1803a: 284]), *Шахъ* («Тутъ въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича строился фрегатъ для Голштинскаго Посла, отравленнаго Герцогомъ черезъ Россію къ Персидскому Шаху» [Карамзин 1803a: 287]), *Принцъ* («Когда Датскій Принцъ, женихъ любезной Ксеніи, занемогъ въ Москвѣ, Борисъ Годуновъ объявилъ Докторамъ, что они жизнию своею заплатятъ за его смерть. Къ несчастію, Принцъ умеръ, и Медики должны были скрыться» [Карамзин 1803e: 270]), в том числе посещавшие Москву («Когда Датскій Принцъ, женихъ любезной Ксеніи, занемогъ въ Москвѣ <...>» [Карамзин 1803e: 270]).

В статьях, посвященных Москве XIX века, верховные правители не упоминаются. Примечательно, что при этом Н.М. Карамзин регулярно использует слово *государь*, но только в качестве обращения к читателям («Вы можете засмѣяться, государи мои; но <...>» [Карамзин 1803c: 283]).

По сословному положению, по состоянию личного господства или зависимости

В Москве XVII века, по словам Н.М. Карамзина, живут *Князья* («Князь сей фамиліи Андрей Ивановичъ и Милославскій были тогда начальниками грозныхъ Стрѣльцовъ и поссорились другъ съ другомъ» [Карамзин 1802b: 223]), *Бояре* (<220>), *Духовенство* («начальники Духовенства боялись ереси и расколу» [Карамзин 1803e: 253]), *Дѣти Боярскіе* (*Сыны Боярскіе*) (<275>), *дворяне* («Илья Даниловичъ Милославскій хотя издавна служилъ при Дворѣ, но былъ весьма небогатый дворянинъ» [Карамзин 1803d: 123, 124]), *купцы* («Купецъ не разорялся, платя въ казну однажды навсегда шесть или семь гривень за желѣзной

аршинъ» [Карамзин 1803d: 123]), *мѣщане* (<278>), *граждане* ¹ («Милославскій <...> началъ также давать обѣды знаменитѣйшимъ изъ купцовъ и гражданъ» [Карамзин 1803d: 138]) и *рабы* («Всякая изъ нихъ сажала въ ноги своихъ молодую *рабу*» [Карамзин 1803e: 263]). Обращает на себя внимание использование собирательных существительных, называющих отдельные сословия: помимо слова *Духовенство*, используются лексемы *купечество* («Купечество жаловалось на то, что Правительство запретило употребленіи неклеименыхъ аршиновъ <...>» [Карамзин 1803d: 123]), *мѣщанство* (<275>) и *гражданство* («Государь <...> сказалъ купечеству и гражданству, что <...>» [Карамзин 1803d: 139]). Достаточно часто в статьях встречаются перечислительные ряды, объединяющие представителей разных сословий. Так, упоминается, что во времена царя Алексея Михайловича в Китай-городе жили «купцы, нѣкоторые Князья Московскіе и дворяне» (<269>).

Для именованія представителей привилегированных слоев общества используются слова *господа* («Знатные господа обыкновенно подбрасывали себѣ волосы кругомъ, и единственно тогда отпускали ихъ, когда впадали при Дворѣ въ немилость» [Карамзин 1803e: 258]) и *знатные* (<178>), для низших сословий – *народъ* (<211>), *простые люди* ([Карамзин 1803e: 262]), *незнатные* («всѣ знатные и незнатные любили сего именитаго Боярина» [Карамзин 1803d: 133, 134]) и оценочное *чернь* (<243> «<...> чернь съ жадностію бросилась въ казенные погреба»). В некоторых случаях описываются ситуации, объединяющие всех москвичей («всѣ знатные и незнатные любили сего именитаго Боярина» [Карамзин 1803d: 133, 134], «Рускіе обѣдали въ старину часу въ одиннадцатомъ утра, и тотчасъ ложились отдыхать, какъ знатные, такъ и простые люди» [Карамзин 1803e: 262]).

В XVII веке Москву посещали титулованные иноземные гости –

¹ «Гражданин <...> 1. <...> // Юр. Член городского общества, представитель торгово-промышленного сословия, владеющий недвижимой собственностью, мещанин» [Словарь русского языка XVIII века 1989: 212, 213].

Графъ Шликъ (<315>), *Баронъ Петръ Ремонъ* («Полковникъ Леслей, Баронъ Петръ Ремонъ и Французскій дворянинъ де-Гронъ также приняли въ Москвѣ Греческую Вѣру» [Карамзин 1803f: 102]). Интересно, что некоторые из них принимали христианство и становились российскими подданными, претерпевая при этом изменения в титуловании: <315> «<...> Графъ Шликъ, взятый ко Двору, назвался Княземъ Львомъ Александровичемъ Шлыкомъ или Шлаковскимъ».

Также в Москву XVII века приезжали *гости*, или, как поясняет Н.М. Карамзин, *купцы* (<269> «Въ немъ жили тогда всѣ богатѣйшіе гости или купцы <...>»), – данное значение фиксирует и «Словарь Академии Российской»: «Гость <...> 2) В старин. употр.: Купец приезжий» ([Словарь Академии Российской 1790: 276]).

Говоря о Москве XIX века, Н.М. Карамзин упоминает *духовныхъ* (<318>), *дворянъ* (*Дворянство*) («еще многіе дворяне, и даже въ хорошемъ состояніи, не берутъ газетъ» [Карамзин 1802а: 58], «<...> образовать еще большее число любителей учености въ такомъ городѣ, который можно назвать столицею Россійскаго Дворянства <...>» [Карамзин 1803g: 266]), *купцовъ* (<318>), *мѣщанъ* («но за то купцы, мѣщане любятъ уже читать ихъ (*газеты* – Л.В.)» [Карамзин 1802а: 58]) и подмосковных *крестьянъ* («многіе крестьяне начинаютъ жить господами, опрятно, со вкусомъ и даже роскошно?» [Карамзин 1803а: 285]). Представители привилегированных слоев общества именуются словами *благородные*, *знатные*, низшіе сословия – словами *народъ*, *незнатные*, при этом они могут упоминаться в одном контексте при описании события, объединяющего всех москвичей («<...> гдѣ знатные не стыдятся гулять вмѣстѣ съ не-знатными <...>» [Карамзин 1803с: 283], <134> «Спектакль для благородныхъ, разныя забавы для народа и потѣшные огни для всѣхъ <...>»). С той же целью используются описательные номинации *смѣсь разныхъ состояній* («Гдѣ граждане любятъ собираться ежедневно въ пріятной свободѣ и смѣси разныхъ состояній» [Карамзин 1803с: 283]) и *люди всякаго званія* (<318>

«Любитель просвѣщенія съ душевнымъ удовольствіемъ видитъ тамъ <...> людей всякаго званія <...>»).

Также следует обратить внимание на то, что в статьях о современной ему Москве Н.М. Карамзин использует слово *господинъ*, но исключительно в качестве обращения («Господинъ! господинъ! Не надобно ли вамъ цвѣтовъ?» [Карамзин 1803с: 278]), при именовании персон (*Господинъ Новиковъ* «Господинъ Новиковъ былъ въ Москвѣ главнымъ распространителемъ книжной торговли» [Карамзин 1802а: 57], *Господинъ Шлецеръ* «Нѣмецкій языкъ, на которомъ Господинъ Шлецеръ преподаетъ Исторію, хотя вообще и не столь извѣстенъ у насъ, какъ Французскій» [Карамзин 1803g: 266]) или группы лиц (*Господа Московскіе Профессоры* «Вообще должно отдать справедливость ревности и талантамъ Господъ Московскихъ Профессоровъ <...>» [Карамзин 1803g: 264]). Слово *Дама* употребляется при упоминании женщин, принадлежащих высшим слоям общества (*знатныя Московскія Дамы* <318>).

По отношению к направлению, течению в религии, по вероисповеданию

Москвичи XVII века описываются как люди *набожные* (<254>). Местные жители являются *православными* («онъ (*Царь* – Л.В.) приказалъ имъ носить Нѣмецкое платье и тѣмъ отличаться отъ православныхъ» [Карамзин 1803f: 98]), в отличие от иностранцев, живущих в Москве, среди которых обнаруживаются *Католики* («Достойно замѣчанія, что Цари наши однимъ Католикамъ не позволяли въ Москвѣ свободнаго богослуженія» [Карамзин 1803f: 100]), *Лютеране* (<306>) и *Реформаты* (<314>), определяемые как *иновѣрцы* («Я не хочу (сказалъ Патріархъ) впредь ошибаться и благословлять иновѣрцевъ» [Карамзин 1803f: 98]). Православные москвичи являются *прихожанами* церквей («Патріархъ велѣлъ Священникамъ утверждать прихожанъ въ тишинѣ, миролюбіи и повиновеніи властямъ законнымъ» [Карамзин 1803d: 138]), службу в которых отправляют *Священники* (<310>), наставляемые *Патріархомъ*

(«Патріархъ велѣлъ Священникамъ утверждать прихожанъ въ тишинѣ, миролюбіи и повиновеніи властямъ законнымъ» [Карамзин 1803d: 138]); на московских улицах можно увидеть *монаховъ* («Вдругъ видятъ они монаха, который съ великимъ усиленіемъ тащитъ за собою мертвое тѣло, и говоритъ имъ:.. помогите мнѣ бросить его въ огонь» [Карамзин 1803d: 137]). Из иностранных священнослужителей Н.М. Карамзиным упоминается *Нарвскій Пасторъ Мартинъ Беръ* («Нарвскій Пасторъ Мартинъ Беръ, бывший въ Москвѣ при Царѣ Годуновѣ, рассказываетъ слѣдующій анекдотъ <...>» [Карамзин 1803e: 269]). Что касается религиозной жизни Москвы XIX века, то Н.М. Карамзин о ней не говорит, упоминая лишь <313> «у Пасторовъ здѣшнихъ Лютеранскихъ церквей».

В большинстве случаев именование лиц у Н.М. Карамзина связано с указанием их профессиональной деятельности.

Должностные, официальные лица, чиновники, служащие

В статьях используются два общих обозначения для лиц при дворе русского царя XVII века – *вельможа* (<10>) и *царедворецъ* (<248>), а также специализированные номинации – *Дворецкій* («Знатнѣйшій между ими былъ Никита Ивановичъ Романовъ - Юрьевъ, Дворецкій Государя и ближній его родственникъ, человекъ умный, но безпечный» [Карамзин 1803d: 133]) и *Окольничій* («Двое изъ новыхъ любимцевъ Фортуны сдѣлались особеннымъ предметомъ народной ненависти: Окольничіе Леонтій Плещеевъ и шуринъ его Троханіотовъ» [Карамзин 1803d: 124]). Общие обозначения должностных лиц того времени – слова *дьякъ*¹ (<299>), *подъячій* (<278>) и *чиновникъ* («Царь защитилъ бы своихъ добрыхъ подданныхъ и наказалъ бы неправду чиновниковъ <...>» [Карамзин 1803d: 126, 127]), специализированные – *Думный Дьякъ* (<227>), *Дьякъ иностранныхъ дѣлъ* (<299>), *судья уголовный* («судья уголовный держалъ въ рукѣ приговоръ къ смерти» [Карамзин 1803d: 136]) и *палачъ* («палачъ

¹ Интересно, что в одном случае Н.М. Карамзин поясняет значение этого слова, употребляя лексику *секретарь*: «Дьякъ или Секретарь управлялъ ею, всюду ѣзжалъ съ Государемъ и писалъ личные царскіе указы» [Карамзин 1803b: 127].

вель его» [Карамзин 1803d: 136]). Иные номинации используются для обозначения иностранных чиновников, посещавших Москву, – *Посоль* (<259>), *Секретарь Посольства* («Олеарій, какъ извѣстно, былъ Секретаремъ Посольства, отправленнаго Голштинскимъ Герцогомъ въ Персію черезъ Москву въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича» [Карамзин 1803b: 126]) и *Министръ*¹ («Цари, принимая чужестранныхъ Министровъ, нарочно окружали себя людьми дородными <...>» [Карамзин 1803e: 258]).

Описывая Москву XIX века, Н.М. Карамзин о царедворцах и должностных лицах не говорит, употребляя лишь слово *Министръ* («<...> о Государственныхъ правилахъ, которымъ въ разсужденіи торговли слѣдуютъ благоразумные Министры <...>» [Карамзин 1803g: 263]) в привычном для нас значении.

В военной, военизированной сферах деятельности

Говоря о военных XVI–XVIII вв., Н.М. Карамзин именуют их по тому, к какому «роду войск» они относятся, – *Опричные* («Такимъ образомъ народъ Московскій великодушно терпѣлъ всѣ ужасы временъ Царя Ивана Васильевича всѣ неистовства его Опричныхъ <...>» [Карамзин 1803d: 120]) и *Стрѣльцы* («Князь сей фамиліи Андрей Ивановичъ и Милославскій были тогда начальниками грозныхъ Стрѣльцовъ и поссорились другъ съ другомъ» [Карамзин 1802b: 223]), называя последних также оценочно-собирательным существительным *гвардія* (<245> «Царь угощалъ въ Кремлѣ всю свою гвардію (То есть, Стрѣльцовъ *)»). Намного чаще используются обозначения, отражающие принадлежность «воинским категориям и званиям», и во всех случаях говорится об иностранных воинах, нанятых на службу московскому царю, – упоминаются *иностранные солдаты* (<279>), *солдаты Нѣмецкіе* (<304>), *офицеры иностранные* («Офицеры иностранные разставили караулы у всѣхъ башенъ и вокругъ дворца <...>» [Карамзин 1803d: 133]), *Нѣмецкіе Офицеры* (<307>), *Полковникъ Леслей*

¹ «Министр <...> 2. Дипломатический представитель одного государства в другом; посол, посланник» [Словарь русского языка XVIII века 2001: 196].

(«Полковникъ Леслей, Баронъ Петръ Ремонъ и Французскій дворянинъ де-Гронъ также приняли въ Москвѣ Греческую Вѣру» [Карамзин 1803f: 102]), *Генераль Бауеръ* (<21>). Помимо этого, используется собирательное существительное *войско*, называющее как русских воинов (*войско* <59>, *Руское войско* «или Татары жгутъ ее, или въ ней собирается Руское войско итти противъ Татаръ» [Карамзин 1803а: 284]), так и иностранных наемников (*войско иностранное* <230>).

Что касается Москвы XIX века, то в статьях о военной жизни города не говорится, а потому не упоминаются и военные.

В хозяйственной, экономической сферах деятельности

В Москве XVII века трудятся различные *работники* («но Троханіотовъ не думалъ исполнять его, бралъ деньги себѣ, и тирански мучилъ работниковъ, которые смѣли усиленно требовать платы и жаловаться» [Карамзин 1803d: 125]), *ремесленники* (<275>) и *мастеровые люди* («Мастеровые люди наши и въ старину славились отмѣнною переимчивостію» [Карамзин 1803е: 266]). Особо упоминаются *хлѣбники* (<275>), *ямщики* («ибо ямщики видѣли его за валомъ» [Карамзин 1803d: 136]), «работники торговли» – *продавцы* (<272>) и *сидѣльцы*¹ (<285>). В домах своих господ работают *слуги* («Они бросились въ Кремлевскій домъ Морозова; отбили ворота; умертвили вѣрнаго слугу, который хотѣлъ имъ противиться, и ворвались въ горницу, гдѣ была супруга Боярина...» [Карамзин 1803d: 130]) и *служанки* («взяла изъ рукъ служанки поднось съ наливою чаркою<...>» [Карамзин 1803е: 262]), а в подмосковных имениях бояр за порядком следят *ключники* («тогда ключники ихъ должны были навѣдываться о бѣдныхъ людяхъ и надѣлять ихъ мукою» [Карамзин 1803е: 267]).

В статьях о Москве XIX века встречаются те же общие обозначения трудящихся, что и в статьях об истории Москвы – *работники* (<126>) и

¹ «Сиделец <...> Продавец в купеческой лавке, а также продавец за стойкой в кабаке, трактире» [Русский семантический словарь 2002а: 306].

ремесленники («Самые ремесленники любят уже веселиться хорошим днем на чистом воздухе» [Карамзин 1803с: 281]), однако список лиц по профессиям существенно отличается: упоминаются *портные* (<183>), *сапожники* (<183>), *пирожники* («Одному моему знакомцу случилось видеть несколько пирожников» [Карамзин 1802а: 58]), *книгопродавцы* («Я спрашивал о том у многих книгопродавцев <...>» [Карамзин 1802а: 60]).

В сфере медицины

Упоминания работников медицины обнаруживаются исключительно в статьях о Москве XVII века, в которых встречаются слова *врач* (<302>), *Доктор* («При Царь Михаилъ Феодоровичъ былъ въ Россіи Докторъ Павелъ Флемингъ, человекъ умной, доброй -- и стихотворецъ» [Карамзин 1803f: 94]), *лекаръ* («Одинъ изъ его лекарей хотѣлъ ѣхать въ Нѣмецкій Университетъ, чтобы получить тамъ градусъ Доктора» [Карамзин 1803е: 270]), *Медикъ* («<...> Медики должны были скрыться» [Карамзин 1803е: 270]), *Голландскій Фельдшеръ* («Голландскій Фельдшеръ держитъ у себя мертвыхъ и заставляетъ ихъ плясать по лютнѣ» [Карамзин 1803е: 268]), называющие иностранных специалистов. Примечателен при этом комментарий Н.М. Карамзина, говорящего о врачевании в старой Москве: «Но только Дворъ и Бояре, говоритъ Маржеретъ, прибѣгали къ иностраннымъ врачамъ: всѣ другіе Московскіе жители не вѣрятъ ихъ искусству и лечатся по своему; а именно, виномъ съ растертымъ порошкомъ или чеснокомъ: что, вмѣстѣ съ жаркою банею, служить для нихъ лекарствомъ во всѣхъ болѣзняхъ» [Карамзин 1803е: 270, 271].

В сфере науки и просвещения

В статьях о Москве XVII века упоминается живший в городе немецкий *Астрономъ* (<298>).

В XIX веке въ *Московскомъ Университетѣ* трудятся ученые *Мужжи* («Московскій отличается уже въ разныхъ частяхъ достойными учеными Мужами» [Карамзин 1803g: 267]) – российские и иностранные *Профессоры*

(«скоро Новые Профессоры, вызванные изъ Германіи и въ цѣлой Европѣ извѣстные своими талантами, умножать число ихъ <...>» [Карамзин 1803g: 267]), лекции которыхъ посещаютъ *студенты Законоспаской Академіи* (<318>). В домахъ состоятельныхъ москвичей воспитаниемъ детей занимаются *иностранные учителя* («<...> но иностранные учителя, которымъ платять они столь дорого, могутъ ли питомцевъ своихъ наставлять въ важныхъ Наукахъ?» [Карамзин 1803g: 267]).

В сфере искусства и творчества

Среди специалистов, работавшихъ в Москвѣ XVII века, упоминаются российский *Архитекторъ* (<270>) и *иностранные художники* (<295>). Упоминаются также *чужестранные Авторы* («Сообщаемъ публикѣ анекдоты и разныя извѣстія о старой Москвѣ и Россіи, выбранныя нами изъ чужестранныхъ Авторовъ <...>» [Карамзин 1803e: 251]), *чужестранные Писатели* (<258>), посещавшіе Москву и наряду с *нашими лѣтописцами* («Лѣтописцы наши и не подозрѣвали, что должно изображать характеръ времени въ его обыкновеніяхъ» [Карамзин 1802b: 209]), *Рускими Писателями* («Онъ никѣмъ изъ Рускихъ Писателей не былъ изображенъ подробно и вѣрно» [Карамзин 1803d: 120]) оставившіе ее описанія. Слово *Писатель* употребляется Н.М. Карамзинымъ и по отношению к современникамъ-соотечественникамъ («Писатели, которые утверждаютъ, что Рюрикъ происходитъ отъ Кесаря Августа, и, что осада Трои принадлежитъ къ Славянской Исторіи <...>» [Карамзин 1803a: 285]), а словомъ *Авторъ* онъ называетъ самого себя («Авторъ *отъ слова до слова* повторяетъ здѣсь извѣстія чужестранцевъ, бывшихъ очевидными свидѣтелями происшествія» [Карамзин 1803d: 135]).

По интеллектуально-эмоциональному отношению к кому-чему-н., по воспріятию кого-чего-н.

Н.М. Карамзинъ описываетъ москвичей XIX века, называя ихъ увлечения: используются качественные имена – *любители* (*Исторіи* <24>, *отечественной славы* «Троицкой монастырь святъ не только для сердець

набожныхъ, но и для ревностныхъ любителей отечественной славы» [Карамзин 1802b: 207], *просвѣщенія* <318>, *учености* «<...> образовать еще большее число *любителей учености* въ такомъ городѣ <...>» [Карамзин 1803g: 266], *чтенія* «<...> всѣми способами старался пріохотить Публику ко чтенію, угадывалъ общій вкусъ и не забывалъ частнаго» [Карамзин 1802a: 57]) и *охотники* («Торгаши <...> нынѣ ѣздятъ они съ *ученымъ товаромъ*, и <...> желая прельстить охотниковъ, рассказываютъ содержаніе романовъ и комедій» [Карамзин 1802a: 59]).

По врожденному или приобретенному интеллектуальному или интеллектуально-эмоционально-физическому свойству, качеству

Н.М. Карамзин обращает внимание на качества некоторых москвичей XVII века (*праздные люди* <272> «На Красной Площади съ утра до вечера толпилось множество людей праздныхъ <...>») и XIX века (*безграмотные* «Самые безграмотные желаютъ знать, что пишутъ изъ чужихъ земель!» [Карамзин 1802a: 58]).

По социально-экономическому положению, по отношению к собственности, к средствам существования

Важной характеристикой москвича является его состоятельность: регулярно упоминаются *богатые* (XVII век: см. «Сіи люди, по большей части весьма бѣдные и привыкшіе въ низкой долѣ завидовать богатымъ <...>» [Карамзин 1803d: 124]; XIX век: см. <180>), *небогатые* (XVII век: <205>; XIX век: «Люди не богатые, лѣнивые, а можетъ быть и нѣкоторые люди со вкусомъ пристанутъ къ моему мнѣнію» [Карамзин 1803a: 281]), *бѣдные* (XVII век: «такая надбавка не могла быть тягостна и для самыхъ бѣдныхъ людей» [Карамзин 1803d: 123]; XVIII век: см. <21>; XIX век: «Самые бѣдные люди подписываются <...>» [Карамзин 1802a: 58]) и *нищие* (XVII век: <296>). Характерно, что данные лексемы используются не только как прилагательные, но и как субстантиваты.

Также необходимо отметить, что в статьях Н.М. Карамзина регулярно используются характеризующие именованія москвичей, образующие пару

слов *богатые и/или знатные* (XVII век: <253> «всякой знатной или богатой человекъ», «другіе знатные или богатые люди» [Карамзин 1803e: 260], «богатые и знатные люди» [Карамзин 1803e: 261], «жены богатыхъ и знатныхъ мужей» [Карамзин 1803e: 263]).

По характерному или разовому действию, поступку, функции

При описании Москвы XVII века Н.М. Карамзиным упоминаются различные *преступники* (<297>) – *грабители* («Грабители дерзнули даже прикоснуться и къ святынѣ образовъ и сняли съ нихъ богатая ризы» [Карамзин 1803d: 131]), *мятежники* (<226>), *бунтовщики* («Правительство какъ будто бы исчезло въ сіе время, оставивъ столицу въ жертву, можетъ быть, горсти бунтощиковъ» [Карамзин 1803d: 132]); связано это с тем, что в одной из статей автор описывает *Московскіи мятежъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича* ([Карамзин 1803d]).

Также среди москвичей XVII века обнаруживаются *утѣсенные* («Напрасно утѣсенные искали правосудія» [Карамзин 1803d: 125]) и (*народные*) *притѣснители* («Государь вторично даетъ имъ слово наказать всѣхъ народныхъ притѣснителей <...>» [Карамзин 1803d: 134]), а также *благодѣтели* (*бѣдныхъ*) («благодѣтель всѣхъ бѣдныхъ въ столицѣ <...>» [Карамзин 1803d: 133]), (*народные*) *благодѣтели* («Съ сего времени онъ сдѣлался первымъ народнымъ благодѣтелемъ <...>» [Карамзин 1803d: 144]) и *покровители* (*чужестранцевъ*) («Онъ былъ усерднымъ покровителемъ всѣхъ чужестранцевъ въ Москвѣ <...>» [Карамзин 1803e: 264]). Необходимо заметить, что четыре последних релятора употребляются исключительно в сочетании с объектными расширителями; также требует расширителя и актуальное имя *свидѣтели* (*происшествія*) («Авторъ отъ слова до слова повторяетъ здѣсь извѣстія чужестранцевъ, бывшихъ очевидными свидѣтелями происшествія» [Карамзин 1803d: 135]).

В описаниях Москвы XIX века обнаруживаются слова, называющие субъекты восприятия – *читатели* («въ такомъ случаѣ перо служить отводомъ ея, и передаетъ всю скуку Автора читателямъ» [Карамзин 1803c:

276]) и *слушатели* («Щастливое избраніе предметовъ для сихъ публичныхъ лекцій доказывается числомъ слушателей, которые въ назначенные дни собираются въ Университетской залѣ» [Карамзин 1803g: 263]), которые в ряде контекстов замещаются собирательным *Публика* («<...> новостію своего предмета и разнообразіемъ матеріи, не смотря на ученическій переводъ многихъ піесъ, нравилось Публикѣ» [Карамзин 1802a: 58], «публика находитъ отмѣнное удовольствіе въ слушаніи его лекцій» [Карамзин 1803g: 264]). В качестве актуального имени используется слово *чтець* («<...> нѣсколько пирожниковъ, которые, окруживъ чтеца, съ великимъ вниманіемъ слушали описаніе сраженія между Австрійцами и Французами» [Карамзин 1802a: 58]). Помимо этого, в статьях употребляются релятор *благотворитель* («Народъ видитъ, что объ немъ пекутся, и любятъ своихъ благотворителей» [Карамзин 1802b: 212]) и актуальное имя – субстантиват *гуляющіе* (<182>).

Особо следует отметить употребление Н.М. Карамзиным слова *субскрибентъ* («Число субскрибентовъ ежегодно умножалось, и лѣтъ черезъ десять дошло до 4000» [Карамзин 1802a: 58]): слово *подписчикъ* на рубеже веков использовалось в значениях «1) Тот, кто обязался к чему подпискою. 2) Кто под руку, под почерк чей подписывается» ([Словарь Академии Российской 1793: 846]). Как отмечает В.В. Виноградов, «слово *подписчик* в современном значении: "лицо, подписавшееся на какое-нибудь печатное издание" <...>, укрепилось в русском литературном языке не ранее начала XIX в., точнее: 10–20 годов XIX в.» [Виноградов 1999: 494]. Примечательно, что в «Указателе к Вестнику Европы 1802–1830» (1861 г.) при изложении содержания статьи слово *субскрибентъ* замещается на *подписчикъ*: «Число субскрибентовъ ежегодно умножалось, и лѣтъ черезъ десять дошло до 4000» (1802) [Карамзин 1802a: 58] > «черезъ десять лѣтъ число подписчиковъ возрасло до 4,000» (1861) [Указатель к Вестнику Европы 1802–1830 1861: 3].

Названия родства, свойства, породнения¹

Некоторые показатели степеней родства встречаются в описаниях Москвы как XVII, так и XIX веков – *мужъ* (XVII век: <301>; XIX век: «но какъ отцы и мужья ихъ употребляютъ деньги?» [Карамзин 1802b: 218]), *жена* (XVII век: «Жена одного Сына Боярскаго вздумала тѣмъ воспользоваться, чтобы отмстить мужу своему за разныя его жестокости» [Карамзин 1803e: 269]; XIX век: «Жена у него еще старѣе (двумя или тремя годами) и живетъ съ нимъ въ хижинѣ какъ Бавкида съ Филемономъ» [Карамзин 1802b: 221, 222]), *отецъ* (XVII век: «но Царевна Софія велѣла еще на дорогѣ взять подъ стражу отца и сына, оковать и привести въ Воздвиженское» [Карамзин 1802b: 224]; XIX век: «но какъ отцы и мужья ихъ употребляютъ деньги?» [Карамзин 1802b: 218]), *дѣти* (XVII век: «но черезъ нѣсколько лѣтъ опять возвратился въ Москву, выпросилъ себѣ у Царя большую деревню на берегу Волги, и поселился въ ней съ женою и дѣтми своими» [Карамзин 1803f: 102]; XIX век: <183>). Другие обозначения обнаруживаются только в статьях о Москве XVII века – *супругъ* («По обычаю тогдашняго времени Царица Анастасія должна была ожидать супруга въ Московскомъ дворцѣ <...>» [Карамзин 1802b: 216]), *супруга* (<33>), *мать* («<...> черезъ нѣсколько дней лишился и матери и тронъ дорого стоилъ его доброму сердцу» [Карамзин 1803d: 122]), *сынъ* («<...>сынъ его всенародно хвалился свойствомъ съ Королями Польскими» [Карамзин 1802b: 224]), *дочь* («Сей молодой человѣкъ женился потомъ на дочери одного Боярина» [Карамзин 1803f: 102]), *дѣдъ* (<26>). В них же при номинации москвичек используются лексемы, а) отмечающие особо их отношение к браку – *замужніе* («Замужнія ходили въ шапкахъ (**) съ бобровою опушкою, унизанныхъ жемчугомъ и вышитыхъ золотомъ» [Карамзин 1803e: 260]), *дѣвицы* («а дѣвицы въ большихъ лисьихъ» [Карамзин 1803e: 260]), б) свидетельствующие потерю кормильца – *вдовы*

¹ К данной группе слов могут быть также отнесены некоторые слова, приведенные в разделе «Верховные правители, монархи, престолонаследники».

(«но вдовы и сироты жаловались только на скдѣбк, а не на Царя своего» [Карамзин 1802b: 214])¹, в) характеризующие по социальному статусу супруга – *боярыни* (<287>).

По полу, по возрасту, а также по полу и возрасту

В статьях встречаются именованія лиц разнаго возраста преимущественно мужскаго пола: в описаніях Москвы разных эпох – *старецъ*² («XVII век: «Старецъ Хованскій со слезами просилъ Бояръ, чтобы они только выслушали его» [Карамзин 1802b: 224]; XIX век: «Гдѣ старцы, которые еще не давно говаривали со слезами о ПЕТРѢ Великомъ?» [Карамзин 1803b: 129]), *молодой человекъ* (*молодые люди*) (XVII век: «Нѣкто Графъ Шликъ, молодой человекъ, пріѣхалъ въ Россію <...>» [Карамзин 1803f: 101]; XIX век: <318>); только XVII век – *мущина* («Женщины носили фережи, или сарафаны, а сверхъ шубы или длинное, широкое платье, почти такое же, какъ мущины <...>» [Карамзин 1803e: 260]), *мальчикъ* («но мальчики, тутъ бывшіе, схватили трупъ и бросили его въ огонь <...>» [Карамзин 1803d: 138]), *мальчишка* («мальчишки бѣгали за ними по улицамъ <...>» [Карамзин 1803f: 98]); только XIX век – собирательное *юношество* («Тѣмъ нужнѣе впечатлѣвать ихъ въ разумъ юношества систематическимъ изустнымъ предложеніемъ <...>» [Карамзин 1803g: 266]) и *старикъ* (<15>). Слово *старикъ* встречается также и в статьях про Москву XVII века, но обозначает не людей преклоннаго возраста, а предков современных автору москвичей («<...> старики наши съ похмѣлья ѣдали обыкновенно рубленую баранину съ огурцами, перцомъ, уксусомъ и разсоломъ огурешнымъ» [Карамзин 1803e: 261]). Помимо этого, автор употребляет релятор *предки*, оппозитивный слову *мы*, называющему современников автора («Предки наши не имѣли въ Москвѣ гульбища <...>» <189>), «Пусть мы умнѣе своихъ предковъ» [Карамзин 1802b: 209]).

В описаніях Москвы разных эпох встречается слово *женщина* (XVII

¹ По тому же признаку выделяются *сироты* ([Карамзин 1802b: 214]).

² Слово употребляется при упоминании мужей почтеннаго возраста, помнящих «старину».

век: «Женщины носили ферези, или сарафаны, а сверхъ шубы или длинное, широкое платье, почти такое же, какъ мушины <...>» [Карамзин 1803e: 260]; XIX век: «<...> веселыя женщины стали унылыми <...>» [Карамзин 1803c: 277]), при этом оно может сочетаться с определениями, указывающими на возраст или социальный статус – *молодая* (XVII век: «Сія женщина, молодая и прекрасная, ожидала вѣрной смерти отъ неистовыхъ» [Карамзин 1803d: 130]), *знатная* (XVII век: «но всѣ знатныя женщины объявили ей войну за такое презрѣніе къ древнему обыкновенію <...>» [Карамзин 1803e: 258]) и *свѣтская* (XIX век: «Любезнѣйшія свѣтскія женщины и лучшіе молодые люди составляютъ тамъ многочисленную аудиторію Профессора Шарля» [Карамзин 1803g: 264]). Кроме того, однословные именованія лиц женского пола разнаго возраста часто совмещаются с другими их характеристиками¹.

По состоянию здоровья

В статьях о Москвѣ XVII века встречаются субстантиваты *больной* («но естѣли лекарства не дѣйствовали и больной умираеть на ихъ рукахъ, то имъ надлежало отвѣтствовать за сію неудачу какъ за уголовное преступленіе» [Карамзин 1803e: 270]) и *пьяный* (<243>).

Таким образом, для номинации лиц Н.М. Карамзин использует слова, создающие представление о жизни москвичей и не-москвичей в самых различных социальных сферах.

Как это видно из приводимых примеров, особый интерес в именовании лиц вызывает дистрибуция прописных и строчных букв.

Говоря об употреблении прописных букв в «Письмах русского путешественника», Ю.М. Лотман и Б.А. Успенский отмечают, что «в прозе Карамзина они составляют целую продуманную партитуру, означая то смысловое и интонационное выделение, то перевод имени в другой смысловой класс, иногда уважение, иногда иронию» [Лотман, Успенский

¹ См. приведенные выше слова *царица*, *царевна*, *жена* и др.

1984: 519].

Анализ номинаций лиц позволяет установить два «правила», которыми руководствовался Н.М. Карамзин при выборе прописных букв: а) принадлежность слова к определенной лексико-семантической группе (слова, указывающие национальную принадлежность, подданство; вероисповедание; именованья верховных правителей и членов их семей; священнослужителей; титулы; воинские звания; должности), б) тип выражаемого лексического значения: общие обозначения требуют использования строчных, а конкретные – прописных букв (ср. *иностранецъ*, *чужестранецъ* vs. *Руской*, *Голишинецъ*, *Нѣмецъ*; *иновѣрцы* vs. *Католики*, *Лютеране*, *Реформаты*; *вельможа*, *царедворецъ* vs. *Дворецкій*, *Окольничій*).

В ряде случаев выбор Н.М. Карамзина представляет сложности для толкования. Так, при обозначении сословий преимущественно используются строчные буквы (*духовные*, *князья*, *дворяне*, *купцы*, *мѣщане*, *граждане*, *рабы*), однако обнаруживаются и прописные – *Духовенство* и *Дворянство* (при наличии тождественных по словообразовательной структуре собирательных *купечество*, *мѣщанство*, *гражданство*). Написание слова *бояре* (*Бояре*) вариативно и не мотивировано различиями в выражаемых значениях, в отличие от вариативного написания слов *дѣти* и *сынѣ*: при обозначении сословия используются прописные буквы (*Дѣти Боярскіе*, *Сынѣ Боярскій*), при обозначении родственных отношений – строчные (*дѣти*, *сынѣ*).

Вариативное написание, объясняемое необходимостью выражения разных значений, обнаруживается также в следующих случаях:

Гражданинѣ – обозначение сословной принадлежности конкретного лица (<58> *Гражданинѣ Мининѣ*), *гражданинѣ* – все остальные случаи;

Государь – обозначение монарха, *государь* – в качестве обращения к не-монарху;

Господинѣ – при именовании персон (*Господинѣ Новиковѣ*) или группы лиц (*Господа Московскіе Профессоры*), *господинѣ* – при

упоминании представителей привилегированных слоев общества («Рускимъ крестьянамъ не полюбилися работать на чужестраннаго господина» [Карамзин 1803f: 102]) и в качестве обращения («Господи́нь! господи́нь! Не надобно ли вамъ цвѣтовъ?»);

Мужъ – «заслуженный деятель на каком-н. общественном поприще» [Русский семантический словарь 2002a: 195] (*ученый Мужъ*), *мужъ* – при обозначении степени родства.

Таким образом, на основании проведенного анализа можно сделать следующие выводы об особенностях номинации лиц в статьях Н.М. Карамзина:

1. Тематика статей определяет то, какие лексемы используются при именовании лиц. Например, только в статьях о Москве XVII века описываются мятежи и, как следствие, в них обнаруживаются слова *мятежники*, *бунтовщики* и под. Однако наблюдаются и определенные ограничения в использовании слов, связанные с тем, какая именно эпоха описывается. Так, вполне логично, что в статьях о Москве XVII века упоминаются *Опричные* и *Стрѣльцы*, а в статьях о Москве XIX века – *Профессоры*, *учители* и *студенты*.

2. В сфере номинации лиц последовательно реализуется концепт «свой» vs. «чужой». Однако в некоторых тематических областях – именовании по возрасту, степеням родства и под. – деление на *своих* и *чужих* не наблюдается по причине того, что речь идет о характеристиках, касающихся любого человека.

3. Используются агентивные существительные различного семантического типа: актуальные (*свидѣтель*, *слушатель* и под.), результативные (*Авторъ*, *грабитель* и под.), качественные (*любитель*, *охотникъ* и под.), функциональные (*продавецъ*, *сидѣлецъ* и под.) и реляционные (*благотворитель*, *притѣснитель* и под.) имена. Некоторые из

них выступают в функциях, не свойственных их современному употреблению (например, *чтець* в качестве актуального имени).

4. Достаточно часто номинации лиц употребляются в сочетании с определениями, позволяющими уточнить, какой именно объект имеется в виду (*знатныя Московскія Дамы, благородные молодые люди* и под.). В ряде случаев подобные атрибуты используются как субстантиваты (*чужестранный, нищий, больной* и под.).

5. Для обозначения групп людей наряду с конкретными используются собирательные существительные (*Духовенство, купечество, мѣщанство, гражданство* и под.).

6. Обнаруживаются отличия от современного употребления номинаций лиц: а) встречаются архаизмы (*субскрибентъ, дорожный человекъ, книгопродавецъ*), б) используются слова, сохранившиеся в современном русском языке, но не выражающие те значения, в которых их употребляет Н.М. Карамзин (*гость* в значении ‘купец’, *гражданинъ* в значении ‘горожанин’, *Министръ* в значении ‘посол’ и под.).

7. В статьях встречается значительное количество историзмов, многие из которых неизвестны большинству современных носителей русского языка (*Дѣти Боярскіе, сиделець, Окольничій* и под.).

8. Использование прописных и строчных букв в большинстве случаев мотивировано тем, какое значение выражает слово.

3.6 Выводы к главе 3

Проведенное нами в главе 3 исследование статей Н.М. Карамзина, опубликованных в журнале «Вестник Европы» в 1802–1803 гг., позволило установить следующие лексические особенности описания Москвы и Подмосковья:

1. Важнейшими элементами описаний, называющими признаки различных объектов, являются прилагательные. При описании любых объектов Н.М. Карамзин указывает различные их параметрические признаки (размер, высота, глубина, ширина, длина), цвет, конкретное

географическое положение объекта, окружающую его природную среду. Большинство называемых признаков устанавливается путем сенсорного восприятия со стороны рассказчика.

2. Отбор называемых признаков очень часто определяется тем, какой именно объект описывается: например, если речь идет о здании, Н.М. Карамзин регулярно упоминает, из какого материала оно построено (*каменной* или *деревянный домъ* и под.), в каком состоянии находится (*ветхое здание* и под.), какими конструктивными особенностями обладает (*наличие задвижныхъ оконъ* и под.).

3. Важной для Н.М. Карамзина является характеристика объекта в его отношении к социуму: автор указывает общественную значимость объекта, его административную принадлежность, сообщает о том, в чьей собственности объект находится, а также быт какого социального класса данный объект характеризует.

4. Многие пространственные и темпоральные характеристики объектов являются дейктическими: в качестве «точки отсчета» рассказчиком используется место и время рассказа об объекте. Подмосковные объекты регулярно характеризуются по степени их удаленности относительно Москвы.

5. Н.М. Карамзин регулярно приводит различные оценки описываемых объектов, относящиеся к одному из двух типов: а) утилитарные оценки объектов, используемых человеком в быту, б) эстетические оценки как природных, так и рукотворных объектов, сенсорно воспринимаемых рассказчиком.

6. Прилагательные называют признаки, свойственные описываемым объектам, при этом их лексический состав сравнительно с современным русским языком практически не изменился; лишь в некоторых случаях они, сохранившись в современной речи, выражают иные значения (*готический, красный, особенный* и под.).

7. Используемые автором глаголы позволяют ему называть те признаки объектов, которые в большинстве случаев не могут быть названы прилагательными. К ним относятся: а) различные стадии существования (возникновение, изменение и неизменность, исчезновение); б) локализация статичных и динамичных объектов относительно друг друга.

8. Некоторые группы глаголов позволяют автору построить текст таким образом, чтобы его составной частью стали описательные фрагменты: а) глаголы движения, сообщающие о перемещениях рассказчика, предваряют описательные фрагменты, сообщая информацию о том, как рассказчик оказался в новом пространстве, к описанию которого он приступает; б) перцептивные глаголы используются при введении в текст именных групп (сочетаний существительных и прилагательных), называющих воспринимаемые объекты, а также сообщают о типе перцепции; в) глаголы именованья используются при введении в текст собственных существительных, называющих те или иные объекты, названия которых, по мысли автора, неизвестны читателям.

9. Некоторые глаголы позволяют рассказчику высказать свои оценки тех объектов, которые он описывает.

10. В целом выбор прилагательных и глаголов, используемых в описаниях объектов Москвы и Подмосковья, отражает следование *антропоцентрическому* принципу: называются те признаки объектов, которые отражают их отношение к человеку – москвичу или жителю Подмосковья.

11. Особое место в описаниях Н.М. Карамзин уделяет социальной структуре города, связывая городские и пригородные пространства с людьми, которые населяют или посещают их. В связи с этим автор использует множество именованья лиц – как имен нарицательных, так и собственных, многие из которых для его читателей являются неизвестными (в тех случаях, когда речь идет о Москве середины XVII века). Так же, как и в случае с неживыми объектами, в этих случаях автор приводит

подробные объяснения. Необходимо также отметить, что ведущую роль в номинации лиц у Н.М. Карамзина играет реализация концепта «свой» vs. «чужой».

12. Некоторые описания Н.М. Карамзина имеют «комплексный» характер: если объект требует детального описания, автор создает пространственные фрагменты текста, в которых объект описывается как состоящий из ряда «конструктивных элементов», связанных друг с другом и также описываемых по отдельности. Приемом, позволяющим рассказчику создать «комплексное описание», является то, что в данных фрагментах он представляет себя читателю в качестве путешественника-гида, перемещающегося от объекта к объекту.

13. Понятие «комплексное описание» может быть, на наш взгляд, применено не только по отношению к отдельным фрагментам текстов Н.М. Карамзина (например, так описывается дворец царя Алексея Михайловича), но и к совокупности его «московедческих» статей 1802–1803 гг. в целом: чтение этих статей, не связанных друг с другом сюжетно, позволяет читателю представить полноценные картины московской и подмосковной жизни двух эпох – середины XVII века и начала XIX века, и немаловажную роль в их изображении играют описания предметного мира Москвы и ее окрестностей.

Заключение

Город как место средоточия культурной, социальной, экономической и политической деятельности является объектом изучения различных гуманитарных дисциплин – философии, социологии, психологии, политологии, истории, культурологии, литературоведения и лингвистики. В частности, лингвисты исследуют связь между языком и городской культурой, определяют особенности городской речи, изучают города как семиотическую систему и культурный феномен. В качестве материала исследования при этом используются не только городская речь и городская топонимика, но и городские тексты, содержащие как описание материальной культуры города, так и «семантические» пространства городской культуры, истории и этнической принадлежности.

Высокая значимость феномена «город» для человека находит свое подтверждение в текстах различных российских авторов, при этом чаще всего речь идет не о городе вообще, а о конкретных городах (например, работы лингвистов, посвященные «петербургскому тексту» vs. «московскому тексту»). Не служат исключением и тексты, написанные выдающимся российским писателем, публицистом, историографом Н.М. Карамзиным. В частности, речь идет о его публицистических работах – статьях, опубликованных в журнале «Вестник Европы» в 1802–1803 гг. Значительная их часть посвящена Москве – ее роли в истории и современной жизни России. Н.М. Карамзин оценивает ее как чрезвычайно высокую, во многих случаях – судьбоносную. Неслучайно, используя разные наименования города, он часто называет его *столицей*: для автора важно подчеркнуть, что в становлении Российского государства Москва играла роль главного его города. Но и во фрагментах, посвященных России начала XIX века, официальной столицей которой был Санкт-Петербург, он указывает, что Москва остается столицей в плане духовном – это столица дворянства, столица образованности.

Поставленная Н.М. Карамзиным задача – оценить роль Москвы – не

была бы решена без написания фрагментов, в которых содержится описание города и его окрестностей (они мыслятся автором как единое пространство: историческое событие может связывать, например, *Кремль* и *Троицкий монастырь*, а современная жизнь москвичей протекает не только в *Москве*, но и в *Подмосковныхъ*): рассказ о важных для России событиях был бы неполным, если бы автор не локализовал их, описав «декорации» предметного мира, в которых эти события происходили. Не менее важно, что одним из авторских приемов является неоднократно встречающийся в статьях переход от сенсорного (зрительного) восприятия к ментальной деятельности – активации памяти: оказавшись в местах, где происходили в прошлом какие-либо важные события, автор вспоминает о них, глядя на объекты «из прошлого», и рассказывает о них читателю. Рассказ же о Москве настоящего и будущего связан у Н.М. Карамзина прежде всего с происходящими в городе и окрестностях изменениями, которые касаются предметного мира.

Лексические средства, которые используются Н.М. Карамзиным при описании Москвы и окрестностей, рассмотрены нами в главах II и III. Основными выводами нашего исследования являются следующие:

1. Во фрагментах, включающих описания Москвы и ее окрестностей, воспринимаемых как единый объект описания, встречается упоминание различных объектов предметного мира (преимущественно при помощи существительных) и их характеристик (преимущественно при помощи прилагательных).

2. В статьях Н.М. Карамзина встречается описание самых различных объектов, и во всех случаях причиной их упоминания является их тесная связь с жизнью человека. Так, о природных объектах (водоемах, особенностях рельефа, растительности и т.д.) говорится тогда, когда само их существование имеет отношение к человеку: они приносят пользу или вред, используются в его жизнедеятельности, доставляют ему эстетическое наслаждение и под. Таким образом, описательные фрагменты статей

Н.М. Карамзина антропоцентричны: точкой отсчета при описании городского и пригородного мира является человек. Поэтому неудивительно, что очень часто в этих фрагментах упоминаются люди – как представители различных социальных групп, так и конкретные исторические деятели.

3. Следуя антропоцентрическому принципу описания Москвы и Подмосковья, Н.М. Карамзин использует в общей сложности 208 нарицательных и собственных существительных, принадлежащих различным тематическим группам, при этом количество словоупотреблений составляет 631 единицу. Наибольшее количество словоупотреблений наблюдается среди именовании различных природных объектов (93), частей Москвы и подмосковных населенных пунктов (118), находящихся в них линейных и нелинейных объектов (80), а также жилых строений, хозяйственных построек (92) и культовых сооружений (118).

Н.М. Карамзин использует 108 именовании объектов, которые находятся в Москве, и 134 – в Подмосковье, при этом 73 из них употребляются для обозначения только московских объектов, а 99 – подмосковных. Более частым при упоминании подмосковных объектов является использование существительных, называющих природные, преимущественно нерукотворные объекты; населенные пункты, находящиеся за городом; технические сооружения; культовые сооружения, а также жилые строения и хозяйственные постройки и их конструктивные элементы (см. таблицу 2). При упоминании объектов, находящихся в Москве, чаще используются существительные называющие линейные и нелинейные объекты, кладбища, транспорт, памятники и достопримечательности, а также здания и постройки, в которых располагаются органы власти, учреждения, предприятия (см. таблицу 2).

Следует также отметить, что в описаниях Н.М. Карамзина крайне редко используются параметрические существительные.

4. Называя объекты предметного мира прошлого (середина XVII века)

и настоящего (начало XIX века), Н.М. Карамзин использует как общую для двух эпох лексику (*домъ, площадь, стена, Москва*), так и специфическую (XVII век: *палаты, теремъ, Скородомъ*; XIX век: *алея, бульваръ, Московскій Университетъ*). При этом он использует существительные – как имена нарицательные, так и имена собственные.

5. В исторических описаниях Москвы и окрестностей Н.М. Карамзин упоминает несохранившиеся объекты, используя при этом слова, уже в карамзинские времена бывшие архаизмами (*Царь-городъ, Скородомъ*) или историзмами (*поганный прудъ, Кукуй*). В этих случаях автор поясняет, что именно означают эти слова, учитывая, что его читатели могут не понять их значения (например, описание *Царской Вышки, громового колодезя*), и даже рассказывает об их происхождении (например, о топониме *Кукуй*).

6. При описании объектов, актуальных для москвича середины XVII века, а во времена Н.М. Карамзина малоизвестных или неизвестных, автор использует еще один прием, состоящий в сопоставлении описываемого с объектом, который должен быть известен москвичу начала XIX века (см., например, описание *Царской вышки*).

7. Называя актуальные для начала XIX века московские и подмосковные объекты, Н.М. Карамзин не дает пояснений в тех случаях, когда используются особые локальные слова (например, *Василій Блаженный, Иванъ Великій, Менишикова башня, Труба*). Это связано с тем, что «Вестник Европы» являлся московским журналом и был адресован москвичам, которые должны были уметь расшифровывать особые московские импликатуры.

8. Называя характеристики объектов, Н.М. Карамзин использует 128 прилагательных, при этом количество словоупотреблений составляет 231 единицу.

Наибольшее количество прилагательных относится к тематической группе «Восприятие окружающего мира»; чаще всего они называют величину, размер и вес воспринимаемого объекта, а также его темпоральные

характеристики. Часто используются прилагательные группы «Общественно-государственная сфера», и прежде всего слова, называющие строительные материалы. Регулярно используются прилагательные, принадлежащие группе «Человек и его внутренний мир»; они называют эмоциональное состояние субъекта восприятия (= рассказчика) и выражают различные его оценки воспринятого (см. таблицу 3).

9. Называя характеристики объектов, Н.М. Карамзин прибегает к системе параметров, которые используются при описании однотипных объектов. Так, водоемы оцениваются по параметрам «размер», «длина», «статичность (воды)», «эстетическая ценность», линейные объекты – по параметрам «длина», «ширина», «функция», «оценка пригодности», различные строения – по параметрам «высота», «размер», «материал постройки», «время постройки», «сохранность», «украшенность». При этом во многих случаях автор использует прилагательные, которые образуют антонимические пары типа *высокій vs. низкій, широкій vs. узкій, старый vs. новый* и т.п. Даже в случае использования относительных прилагательных они употребляются «попарно», составляя окказиональные «антонимы» типа *каменный (-ой) vs. деревянный*.

10. Называя пространственные и темпоральные характеристики объектов, Н.М. Карамзин регулярно использует дейктические прилагательные (*лѣвый, правый, здѣшній, тамошній, нынѣшній, теперешній* и др.): в качестве «точки отсчета» рассказчиком используется место и время рассказа об объекте. Примечательно, что подмосковные объекты регулярно характеризуются по степени их удаленности относительно Москвы.

11. Использование глаголов в описаниях связано с двумя основными функциями: а) глаголы используются в качестве текстообразующих средств, необходимых для введения в текст описательных фрагментов (глаголы движения, называющие перемещения рассказчика) и их организации (перцептивные глаголы, указывающие на восприятие эксплицитного или

имплицитного субъекта восприятия, совпадающего с рассказчиком); б) глаголы называют те признаки объектов, которые не могут быть названы прилагательными (например, стадии существования объектов).

Наиболее частым является использование перцептивных глаголов (49 словоупотреблений), глаголов, описывающих возникновение рукотворных объектов, связанное с человеческой деятельностью (40 словоупотреблений), глаголов-локализаторов, указывающих пространственные характеристики одних объектов относительно других (32 словоупотребления), глаголов-локализаторов, сообщающих о постоянном местонахождении москвичей и жителей Подмосковья (22 словоупотребления), а также глаголов движения и локализации, сообщающих о регулярно повторяющихся перемещениях и местонахождении москвичей и жителей Подмосковья, и выражающих при этом дополнительные значения (20 словоупотреблений) (см. Приложение 4).

12. Одним из параметров, по которому различаются описываемые Н.М. Карамзиным объекты, является степень их «элементарности» vs. «комплексности» (ср. *пушку* или *колоколь*, описанные в текстах как нечто элементарное, не делимое на части, и *дворец* или *монастырь* как сложные объекты, представляющие собой «конструкции» из множества взаимосвязанных более простых объектов). В связи с этим при описании «комплексных» объектов автор регулярно использует прием, состоящий в том, что помимо упоминания признаков, называемых прилагательными, он перечисляет те «конструктивные» элементы, из которых состоят «комплексные» объекты, а также характеристики этих «конструктивных» элементов (так, при описании *дворца* сообщается не только о его размерах, материале постройки, эстетической ценности и под., но и о том, сколько в нем *комнат*, каковы их размеры, отделка и под.). В связи с этим следует отметить, что в подобных фрагментах использование существительных, называющих предметы, которые представляют собой составные части комплексных объектов, является также и характеризующим.

13. Особую группу слов, используемых Н.М. Карамзиным в его

статьях, составляют номинации лиц. Автор уделяет большое внимание социальной структуре города, устанавливая связь между московскими и подмосковными пространствами и людьми, населяющими или посещающими их. Н.М. Карамзин использует именованья лиц, многие из которых для его читателей являются неизвестными, поскольку эти слова именуют реалии середины XVII века. Так же, как и в случае с неживыми объектами, в этих случаях автор приводит уточняющие объяснения. Примечательно, что ведущую роль в номинации лиц у Н.М. Карамзина играет реализация концепта «свой» vs. «чужой».

14. Оценка используемых в описаниях Н.М. Карамзиным лексических средств с точки зрения функционирования русского языка в XXI веке показывает, что наибольшие изменения обнаруживаются в использовании существительных:

- имена нарицательные превращаются в историзмы (*берлинъ, поместье*) или архаизмы (*окончина, темница*), неологизмы входят в основной пласт лексики (*алея, бульваръ*) или замещаются другими словами (*субскрибенты > подписчики*), слова меняют свои значения (*колымага, палатка, яма*) или графический облик (*алея, бульваръ*);

- имена собственные выходят из употребления по причине исчезновения объекта номинации (*Троицкій каменный дворецъ, Земскій Дворъ*) или появления нового топонима (*Ростокинскій мостъ, Троицкая дорога*), меняют свое значение по причине изменения характеристик денотата (например, *Марьиная роща* – роща близ деревни Марьино > район Москвы, *Ростокино* – село > район Москвы, *Люберцы* – деревня > город).

Обращает на себя внимание изменение графических особенностей написания имен собственных (*Ключи Мытицскіе, Кунцово, Спасская башня*).

Что касается прилагательных и глаголов, то как их состав, так и система значений особых изменений не претерпели, хотя и в этой области обнаруживаются единичные отличия от современного употребления, касающиеся значений прилагательных (у Н.М. Карамзина *готическій* –

‘старинный’, ‘средневековый’, *красный* – ‘парадный’).

Таким образом, анализ статей Н.М. Карамзина, опубликованных в журнале «Вестник Европы» в 1802–1803 гг., позволил установить лексические особенности фрагментов, содержащих описания Москвы и ее окрестностей.

Библиография

I. Источники

1. Карамзин 1802a – Карамзин Н.М. О книжной торговле и любви к чтению в России // Вестник Европы. 1802a. Ч.3, № 9. С.57–64.
2. Карамзин 1802b – Карамзин Н.М. Историческая воспоминания и замечания на пути к Троице // Вестник Европы. 1802b. Ч.4, № 15. С.207–226.
3. Карамзин 1802c – Карамзин Н.М. Историческая воспоминания, вместе с другими замечаниями, на пути к Троице и в сем монастыре (продолжение). Вестник Европы. 1802c. Ч. 4, № 16. С. 287–304.
4. Карамзин 1802d – Карамзин Н.М. Историческая воспоминания, вместе с другими замечаниями, на пути к Троице и в сем монастыре (окончание) // Вестник Европы. 1802d. Ч.5, № 17. С.30–47.
5. Карамзин 1802e – Карамзин Н.М. Известия и замечания. Москва // Вестник Европы. 1802e. Ч.6, № 21. С.69–73.
6. Карамзин 1802f – Карамзин Н.М. К читателям Вестника // Вестник Европы. 1802f. Ч.6, № 23. С. 227–229.
7. Карамзин 1802g – Карамзин Н.М. О случаях и характерах в российской истории, которые могут быть предметом художеств // Вестник Европы. 1802g. Ч.6, № 24. С.289–308.
8. Карамзин 1803a – Карамзин Н.М. Путешествие вокруг Москвы // Вестник Европы. 1803a. Ч.7, № 4. С.278–289.
9. Карамзин 1803b – Карамзин Н.М. О тайной канцелярии // Вестник Европы. 1803b. Ч.8, № 6. С.122–133.
10. Карамзин 1803c – Карамзин Н.М. Записки старого московского жителя: [Очерк об улучшениях в Москве] // Вестник Европы. 1803c. Ч.10, № 16. С.276–286.
11. Карамзин 1803d – Карамзин Н.М. О московском мятеже в царствование Алексея Михайловича // Вестник Европы. 1803d. Ч.11, № 18. С. 119–145.
12. Карамзин 1803e – Карамзин Н.М. Русская старина // Вестник Европы. 1803e.

Ч.11, № 20. С.251–271.

- 13.Карамзин 1803f – Карамзин Н.М. Руская старина (продолжение) // Вестник Европы. 1803f. Ч.12, № 21/22. С.94–103.
- 14.Карамзин 1803g – Карамзин Н.М. О публичном преподавании наук в Московском Университете // Вестник Европы. 1803g. Ч.12, № 23/24. С.261–268.
- 15.Карамзин 1814a – Карамзин Н.М. Бедная Лиза // Сочинения Карамзина. Т.6. М.: В типографии С. Селивановского, 1814. С. 1–39.
- 16.Карамзин 1814b – Карамзин Н.М. Наталья, боярская дочь // Сочинения Карамзина. Т.6. М.: В типографии С. Селивановского, 1814. С. 129–222.
- 17.Карамзин 1984 – Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Л.: Наука, 1984. 726 с.

II. Словари и энциклопедии

1. Атлас 2008 – Атлас объектов культурного наследия (памятников истории и культуры города Москвы) Т.1. М.: Издат. дом Руденцовых, 2008. 281 с.
2. Барсов 1865 – Барсов Н.П. Географический словарь Русской земли: (IX – XIV ст.). Вильна.: Тип. А. Сыркина, 1865. 220 с.
3. Берында 1627 – Берында П. Лексикон славеноросский. Имен толкование. Киев.: Типография Киево-Печерской лавры, 1627. 477 с.
4. Большой академический словарь русского языка Т.3 2005 – Большой академический словарь русского языка / Гл. ред. К.С. Горбачевич. Во – Вящий. М.-СПб.: Наука, 2005. 664 с.
5. Большой академический словарь русского языка Т.4 2006 – Большой академический словарь русского языка / Гл. ред. К.С. Горбачевич. Г – День. М.-СПб.: Наука, 2006. 677 с.
6. Большой академический словарь русского языка. Т.6 2006 – Большой академический словарь русского языка. / Гл. ред. К.С. Горбачевич. З – Зятюшка. М.-СПб.: Наука, 2006. 825 с.

7. Большой юридический словарь 2003 – Большой юридический словарь / Под ред. А.Я. Сухарева, В.Е. Крутских. 2 изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2003. 703 с.
8. Ганжина 2001 – Ганжина И.М. Современный словарь русских фамилий. М.: АСТ: Астрель, 2001. 671 с.
9. Даль 1880 – Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. Т.1. СПб.-М.: Издание книгопродавца-типографа М.О. Вольфа, 1880. 723 с.
10. Даль 1882 – Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. Т.3. СПб.-М.: Издание книгопродавца-типографа М.О. Вольфа, 1882. 576 с.
11. Елистратов 1997 – Елистратов В.С. Язык старой Москвы. Лингвоэнциклопедический словарь. М.: Русские словари, 1997. 704 с.
12. Кубрякова, Демьянков, Панкрац, Лузина 1996 – Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов / Под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М.: Филол. фак. МГУ, 1996. 245 с.
13. Левашов 2000 – Левашов Е.А. Географические названия. Словарь-справочник. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. 604 с.
14. Москва. Энциклопедия 1997 – Москва: Энциклопедия / Гл. ред. С.О. Шмидт. М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 1997. 976 с.
15. Никонов 1966 – Никонов В.А. Краткий топонимический словарь. М.: Мысль, 1966. 509 с.
16. Никонов 1993 – Никонов В.А. Словарь русских фамилий / Сост. Е.Л. Крушельницкий. М.: Школа-Пресс, 1993. 224 с.
17. Ожегов, Шведова 2006 – Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М.: ООО «А ТЕМП», 2006. 944 с.

18. Подольская 1988 – Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Отв. ред. А.В. Суперанская. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Наука, 1988. 192 с.
19. Пospelова 1998 – Пospelова Е.М. Географические названия мира: Топонимический словарь: Свыше 5000 единиц / Отв. ред. Р.А. Агеева. М.: Русские словари, 1998. 372 с.
20. Пospelов 2007 – Пospelов Е.М. Географические названия Московской области. Топонимический словарь. М.: АСТ: Астрель, 2007. 600 с.
21. Пospelов 1993 – Пospelов Е.М. Имена городов. Вчера и сегодня (1917–1992): Топонимический словарь. М.: Русские словари, 1993. 250 с.
22. Российская социологическая энциклопедия 1998 – Российская социологическая энциклопедия / РАН. Ин-т социал.-полит. исслед.; Под общ. ред. акад. РАН Г.В. Осипова. М.: НОРМА-ИНФРА-М, 1998. 672 с.
23. Русская грамматика 1980 – Русская грамматика / Гл. ред. Н.Ю. Шведова. Т.1. М.: Наука, 1980. 788 с.
24. Русская ономастика и ономастика России 1994 – Русская ономастика и ономастика России / Под ред. О.Н. Трубачева. М.: Школа-пресс, 1994. 287 с.
25. Русский ассоциативный словарь 1994 – Русский ассоциативный словарь. В 5 т. / Ю.Н. Караулов, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов и др. М.: 1994.
26. Русский ассоциативный словарь 2011 – Русский ассоциативный словарь: ассоциативные реакции школьников I–XI классов. В 2-х т. / В.Е. Гольдин, А.П. Сдобнова, А.О. Мартыянов. Саратов.: Изд-во Саратов. гос. ун-та им. Н.Г. Чернышевского, 2011. 500 с.
27. Русский семантический словарь 2002a – Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Под общ. ред. Н.Ю. Шведовой. Т.1. М.: Азбуковник, 2002a. 807с.
28. Русский семантический словарь 2002b – Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Под общ. ред. Н.Ю. Шведовой. Т.2. М.: Азбуковник, 2002b. 762 с.

29. Русский семантический словарь 2003 – Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Под общ. ред. Н.Ю. Шведовой. Т.3. М.: Азбуковник, 2003. 720 с.
30. Русский семантический словарь 2007 – Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Под общ. ред. Н.Ю. Шведовой. Т.4. М.: Азбуковник, 2007. 948 с.
31. Русский язык. Энциклопедия 1997 – Русский язык. Энциклопедия / Гл. ред. Ю.Н. Караулов. Изд. 2-е, переработанное и дополненное. М.: Большая Российская энциклопедия. Изд. дом "Дрофа", 1997. 703 с.
32. Семенов 2003 – Семенов А.В. Этимологический словарь русского языка. Серия «Русский язык от А до Я». М.: ЮНБЕС, 2003. [Электронный ресурс]. URL: <https://rus-etmo-semenov-dict.slovaronline.com/265-город> (дата последнего обращения 05.04.2025).
33. Словарь Академии Российской 1789 – Словарь Академии Российской. Часть I. От А. до Г. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1789. 1150 с.
34. Словарь Академии Российской 1790 – Словарь Академии Российской. Часть II. От Г. до З. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1790. 1200 с.
35. Словарь Академии Российской 1792 – Словарь Академии Российской. Часть III. От З. до М. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1792. 1388 с.
36. Словарь Академии Российской 1793 – Словарь Академии Российской. Часть IV. От М. до Р. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1793. 1272 с.
37. Словарь Академии Российской 1794а – Словарь Академии Российской. Часть V. От Р. до Т. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1794а. 1204 с.
38. Словарь Академии Российской 1794б – Словарь Академии Российской. Часть VI. От Т. до конца. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1794б. 1064 с.
39. Словарь Академии Российской 1806 – Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. Ч. 1. СПб.: Императорская академия наук, 1806. 1312 с.
40. Словарь ассоциативных норм русского языка 1977 – Словарь ассоциативных норм русского языка / [А.А. Леонтьев, А.П. Клименко,

- А.Е. Супрун и др.]; Под ред. А.А. Леонтьева; Ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина, М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977. 192 с.
- 41.Словарь русского языка XVIII века 1984 – Словарь русского языка XVIII века. Выпуск 1. А – Безпристрастие. Л.: «Наука», 1984. 224 с.
 - 42.Словарь русского языка XVIII века 1989 – Словарь русского языка XVIII века. Выпуск 5. Выпить – Грызть. Л.: «Наука», 1989. 255 с.
 - 43.Словарь русского языка XVIII века 1991 – Словарь русского языка XVIII века. Выпуск 6. Грызться – Древный. Л.: «Наука», 1991. 256 с.
 - 44.Словарь русского языка XVIII века 1992 – Словарь русского языка XVIII века. Выпуск 7. Древо – Залежь. СПб.: «Наука», 1992. 264 с.
 - 45.Словарь русского языка XVIII века 1995 – Словарь русского языка XVIII века. Выпуск 8. (Залѣзть – Ижоры. СПб.: «Наука», 1995. 256 с.
 - 46.Словарь русского языка XVIII века 2000 – Словарь русского языка XVIII века. Выпуск 11. Крепость – Льняной. СПб.: «Наука», 2000. 255 с.
 - 47.Словарь русского языка XVIII века 2001 – Словарь русского языка XVIII века. Выпуск 12. Лъстец – Молвотворство. СПб.: «Наука», 2001. 253 с.
 - 48.Словарь русского языка XVIII века 2003 – Словарь русского языка XVIII века. Выпуск 13. Молдавский – Напрокудить. СПб.: «Наука», 2003. 272 с.
 - 49.Словарь русского языка XVIII века 2011а – Словарь русского языка XVIII века. Выпуск 18. Открытие – Пѣна. СПб.: «Наука», 2011. 260 с.
 - 50.Словарь русского языка XVIII века 2011b – Словарь русского языка XVIII века. Выпуск 19. Пенат – Плангерд. СПб.: «Наука», 2011. 238 с.
 - 51.Словарь русского языка XVIII века 2013 – Словарь русского языка XVIII века. Выпуск 20. Планета – Подняться. СПб.: «Наука», 2013. 246 с.
 - 52.Словарь русского языка XVIII века 2024 – Словарь русского языка XVIII века. Выпуск 23. Потрата – Пресветлый. М.: Издательский Дом ЯСК, 2024. 352 с.
 - 53.Словарь современного русского литературного языка Т.3 1954 – Словарь современного русского литературного языка. Т.3. М.-Л.: Академия наук, 1954. 1340 с.

- 54.Словарь-тезаурус русских прилагательных 2012 – Словарь-тезаурус русских прилагательных, распределенных по тематическим группам / Под общ. ред. Л.Г. Бабенко. Екатеринбург.: изд-во Уральского ун-та, 2012. 835 с.
- 55.Словарь церковно-славянского и русского языка 1847 – Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым Отделением Императорской Академии наук. Т.1. СПб.: Тип. Императ. Акад. Наук, 1847. 415 с.
- 56.Срезневский 1912 – Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т.3. СПб.: Издание Отделения русского языка и словесности Императорской АН, 1912. 1684 с.
- 57.Суперанская 1998 – Суперанская А.В. Словарь русских личных имен. М.: Назрань: АСТ, 1998. 521 с.
- 58.Тупиков 1903 – Тупиков Н.М. Словарь древнерусских личных собственных имен / Труд Н.М. Тупикова. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1903. 857 с.
- 59.Улицы Москвы. Старые и новые названия 2003 –Улицы Москвы. Старые и новые названия. Топонимический словарь-справочник. М.: Наука, техника, образование, 2003. 336 с.
- 60.Толковый словарь русского языка Т.1 1935 – Толковый словарь русского языка. Под ред. проф. Д.Н. Ушакова. Т.1. А – Кюрины. М.: ОГИЗ, 1935. 822 с.
- 61.Федосюк 1972 – Федосюк Ю.А. Русские фамилии: Популярный этимологический словарь. М.: Детская литература, 1972. 223 с.

III. Статьи и монографии

1. Агеева 2012 – Агеева Р.А. Как появились названия рек и озёр: популярная гидронимика. М.: АСТ-Пресс, 2012. 286 с.
2. Агишева 2007 – Агишева О.В. Город и его образ в мире политического // Вестн. Том. гос. ун-та. 2007. № 300 (3). С. 26–30.

3. Акчурина 2019 – Акчурина А.Р. «Вестник Европы» Н.М. Карамзина (1802–1803) как предтеча «Истории государства Российского» // Карамзинский сборник. «История государства Российского» Н.М. Карамзина в контексте русской и мировой культуры. К 200-летию выхода в свет первых восьми томов «Истории государства Российского». Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Отв. редактор О.Н. Даранова. Ульяновск.: Общество с ограниченной ответственностью "Арт-Бюро", 2019. С. 3–9.
4. Акчурина 2013 – Акчурина А.Р. Эволюция Н.М. Карамзина-журналиста. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: 2013. 24 с.
5. Алпатова 2012 – Алпатова Т.А. Издательская стратегия Н.М. Карамзина и проблемы поэтики повествования // Филоlogos. 2012. № 13 (2). С. 5–11.
6. Арефьева 1998 – Арефьева С.А. Синтактико-стилистическая подготовка учащихся к сочинениям разных типов: Монография. М.: Прометей, 1998. 342 с.
7. Арутюнова 1999 – Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
8. Аскольдов 1928 – Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская речь. Новая серия. II. Под ред. Л.В. Щербы. Л.: Academia, 1928. С. 28–44.
9. Багрянцева 2013 – Багрянцева Г.И. Наименования должностных лиц в двух регламентах Петровского времени // Вопросы филологических наук. 2013. № 1. С. 12–17.
10. Бару 2015 – Бару М. Принцип неопределенности // Волга, 2015. № 1. [Электронный ресурс]. URL: <https://magazines.gorky.media/volga/2015/1/princzip-neopredelennosti.html> (дата последнего обращения 08.02.2025).
11. Баянбаева 2016 – Баянбаева Ж.А. Локальный текст и его функции (на примере Алма-Атинского локального текста) // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение, журналистика. 2016. № 2. С. 77–84.

12. Блудилина 2017 – Блудилина Н.Д. Публицистический диалог России с Западом о «духе нового времени» в статьях Н.М. Карамзина журнала «Вестник Европы» // Язык и текст. 2017. Т. 4. № 2. С. 62–74.
13. Болотина 2010 – Болотина Ю.П. Языковые особенности англоязычного описания иноязычного города (на материале путеводителей и прессы). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб.: 2010. 19 с.
14. Бондалетов 1983 – Бондалетов В.Д. Русская ономастика. М.: Просвещение, 1983. 224 с.
15. Брунов 1988 – Брунов Н.И. Храм Василия Блаженного в Москве. Покровский собор. М.: Искусство, 1988. 255 с.
16. Булыгина, Трипольская 2015 – Булыгина Е.Ю., Трипольская Т.А. Язык городского пространства: словарь, карта, текст. М.: Языки славянской культуры, 2015. 240 с.
17. Бурмистрова 2017 – Бурмистрова Т.А. Лингвокультурологический потенциал лексико-семантической оппозиции город/деревня: лексикографический аспект. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб.: 2017. 25 с.
18. Буслаев 1867 – Буслаев Ф.И. О преподавании отечественного языка. М.: бр. Салаевы, 1867. 472 с.
19. Вагнер, Клевкова 2003 – Вагнер Б.Б., Клевкова И.В. Реки Московского региона. М.: 2003. 215 с.
20. Валгина 2003 – Валгина Н.С. Теория текста. М.: Логос, 2003. 173 с.
21. Варфоломеева 2017 – Варфоломеева Ю.Н. Типология описательных текстов (сравнительная характеристика визуального описания и описания-характеристики) // Филология: научные исследования. 2017. № 1. С. 28–39.
22. Варфоломеева 2019 – Варфоломеева Ю.Н. Типы описательных текстов (визуальное описание, описание-характеристика, контаминированное описание) // Вестник Бурятского государственного университета. Язык. Литература. Культура. 2019. №1 С. 21–24.

23. Вебер 1994 – Вебер М. Город // Вебер М. Избранное. Образ общества. М.: Юрист, 1994. 706 с.
24. Виноградов 1941 – Виноградов В.В. Стиль Пушкина. М.: Гослитиздат, 1941. 620 с.
25. Виноградов 1976 – Виноградов В.В. Поэтика русской литературы: избранные труды / В.В. Виноградов; [ред.: М.П. Алексеев, А.П. Чудаков]; Акад. наук СССР, Отд-ние лит. и яз. М.: Наука, 1976. 512 с.
26. Виноградов 1980 – Виноградов В.В. Избранные труды. О языке художественной прозы. М.: Наука, 1980. 362 с.
27. Виноградов 1986 – Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). Изд. 3-е, испр. М.: «Высшая школа», 1986. 640 с.
28. Виноградов 1990 – Виноградов В.В. Избранные труды. Язык и стиль русских писателей. От Карамзина до Гоголя. М.: Наука, 1990. 386 с.
29. Виноградов 1999 – Виноградов В.В. История слов. М.: Институт русского языка РАН, 1999. 1138 с.
30. Воднева 2011 – Воднева М.Г. Национальная и индивидуально-авторская концептуализация понятия "город" в русской языковой картине мира. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар.: 2011. 22 с.
31. Водясова 2019 – Водясова Л.П. Описание как функционально-смысловой тип речи, его виды и роль в художественном тексте // Вестник угроведения. 2019. Т.9. № 3. С. 417–426.
32. Вольф 1978 – Вольф Е.М. Грамматика и семантика прилагательного. М.: Наука, 1978. 200 с.
33. Всеволодова 2000 – Всеволодова М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. Учебник. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000. 501 с.
34. Гальцова 2011 – Гальцова А.С. Лингвокультурологический потенциал петербургской топонимии. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб.: 2011. 22 с.

35. Горбаневский 1996 – Горбаневский М.В. Русская городская топонимия: Методы историко-культурного изучения и создания компьютерных словарей. М.: Общество любителей российской словесности, 1996. 304 с.
36. Грачев, Романова 2006 – Грачев М.А., Романова Т.В. Культура речи современного города. Лингвистический ландшафт Нижнего Новгорода. Н. Новгород.: НГПУ им. Н.А. Добролюбова, 2006. 261 с.
37. Гращенков, Кобозева 2017 – Гращенков П.В., Кобозева И.М. Семантические классы и управление прилагательных // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной международной конференции «Диалог» (Москва, 31 мая – 3 июня 2017 г.). Вып. 16 (23): В 2 т. Т.2. М.: 2017. С. 134–149.
38. Гращенков, Лютикова 2018 – Гращенков П.В., Лютикова Е.А. Прилагательные в типологии и теории языка: семантика, дистрибуция, деривация // Rhema. Рема. 2018. № 4. С. 9–33.
39. Григорьева, Цзян 2018 – Григорьева О.Н., Цзян Н. Лексико-семантическая группа "город" в современных российских масс-медиа // Вестник МГОУ. Серия: Русская филология. 2018. № 5. С. 31–38.
40. Денисенко 2019 – Денисенко О.В. Функциональные особенности топонимов // Опыт и перспективы обучения иностранным языкам в евразийском образовательном пространстве. 2019. № 4. С. 169–174.
41. Джанджугазова 2012 – Джанджугазова Е.А. Историческая прогулка по любимым уголкам столицы: Алексеевское и его окрестности // Современные проблемы сервиса и туризма. 2012. № 3. С. 90–98.
42. Дмитриев 1967 – Дмитриев И.И. Полное собрание стихотворений. Л.: Советский писатель, 1967. 512 с.
43. Дроздов, Лапшин, Шабуров 2016 – Дроздов Д.П., Лапшин А.В., Шабуров А.Ю. Парк Сокольники: исторический очерк. М.: Рекламно-производственная компания «АВ-Крафт», 2016. 327с.
44. Ефимова 2011 – Ефимова В.С. Наименования лиц в старославянском языке. М.: Институт славяноведения РАН, 2011. 224 с.

45. Ефремов 1997 – Ефремов Ю.К. Московских улиц имена: Воспоминание-исследование. М.: Вече: Рус. мирь, 1997. 489 с.
46. Жерноклетова 2014 – Жерноклетова Т.Е. Явление контаминации функционально-смысловых типов речи как результат закономерного процесса восприятия действительности // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. № 10 (4). С. 78–83.
47. Жукова 2020 – Жукова А.В. Прогулки по Москве. Дворцы, усадьбы, парки: путеводитель с планами и объемными схемами. М.: Изд-во АСТ, 2020. 127 с.
48. Жулькова 2019 – Жулькова К.А. Москва и Петербург в русской литературе начала XXI в // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7. Литературоведение: Реферативный журнал. 2019. № 1. С. 202–208.
49. Забелин 1905 – Забелин И.Е. История города Москвы: сочинение Ивана Забелина написанное по поручению Московской Городской Думы. Ч. 1. Изд. 2-е. М.: Типо-литография Товарищества И.Н. Кушнерев и К°, 1905. 652 с.
50. Забелин 2007 – Забелин Н.Ю. Московская городская топонимия. Структурно-семантический анализ топонимической системы: дис. ...канд. фил. наук. М.: 2007. 202 с.
51. Загороднюк, Томилов, Федотова 2016 – Загороднюк Н.И., Томилов И.С., Федотова Д.Ю. Определение понятия "город" в Отечественной историографии // Манускрип. 2016. № 5(67). С. 86–89.
52. Заусаев 2012 – Заусаев А.А. Образы европейских городов в "письмах из-за границы" П.В. Анненкова к вопросу о феноменологическом описании пространства // Казанская наука. 2012. № 4. С. 200–204.
53. Земская 1988 – Земская Е.А. Городская устная речь и задачи ее изучения // Разновидности городской устной речи: Сб. науч. тр. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Отв. ред. Д.Н. Шмелев, Е.А. Земская. М.: Наука, 1988. С. 5–44.

54. Золотова, Онипенко, Сидорова 2004 – Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М.: 2004. 544 с.
55. Иванов 2008 – Иванов А.А. История Петербурга в старых объявлениях М.: Центрполиграф, 2008. 543 с.
56. Имена московских улиц 1979 – Имена московских улиц / Под общ. ред. А.М. Пегова. Изд. 3-е. М.: Московский рабочий, 1979. 565 с.
57. История московских районов 2005 – История московских районов: энциклопедия / под ред. К.А. Аверьянова. М.: Астрель, АСТ, 2005. 830 с.
58. Кадырова 2012 – Кадырова Н.С. Семантическое ядро концепта «город» в романе М.А. Булгакова «Белая гвардия» // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 6 (260). С. 77–79.
59. Караулов 1972 – Караулов Ю.Н. Структура лексико-семантического поля // Филологические науки. 1972. № 1. С.57–68.
60. Кафанова 1991 – Кафанова О.Б. Библиография переводов Н.М. Карамзина в "Вестнике Европы" (1802–1803 гг.) // XVIII век. Сборник 17. Отв. ред. А.М. Панченко. СПб.: «Наука», 1991. С. 249–283.
61. Кафанова 2024 – Кафанова О.Б. Переводы Н.М. Карамзина в "Вестнике Европы": контент, философия, поэтика. СПб.: Алетейя, 2024. 504 с.
62. Китайгородская, Розанова 2010 – Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Языковое существование современного горожанина: на материале языка Москвы. М.: Языки славянских культур, 2010. 496 с.
63. Колесов 1991 – Колесов В.В. Язык города. М.: Высшая школа, 1991. 192 с.
64. Колодий, Баджио, Гончарова, Агранович, Иванова 2021 – Колодий Н.А., Баджио Р., Гончарова Н.А., Агранович В.Б., Иванова В.С. Локальные тексты в фокусе современной урбанистики // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2021. № 44. С. 25–47.

65. Ковалева 2019 – Ковалева О.А. Эволюция представлений о Наполеоне Бонапарте на страницах русской публицистики XIX в. (по материалам «Вестника Европы» Н.М. Карамзина) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 1 (48). С. 142–149.
66. Кошанский 1829 – Кошанский Н.Ф. Общая реторика. СПб.: Типография медицинского департамента министерства внутренних дел, 1829. 152 с.
67. Кошанский 2013 – Кошанский Н.Ф. Риторика / сост. В.И. Аннушкин, А.А. Волков, Л.Е. Макарова. М.: Русская панорама - Кафедра, 2013. 320 с.
68. Кубрякова 1978 – Кубрякова Е.С. Части речи в ономаσιологическом освещении. М.: Наука, 1978. 116 с.
69. Кубрякова 2006 – Кубрякова Е.С. Язык и знание. М.: Языки славянской культуры, 2006. 560 с.
70. Кудреватых 2014 – Кудреватых А.Н. Образ Марфы-посадницы как политического лидера в повести Н.М. Карамзина «Марфа-Посадница, или Покорение Новагорода» // Политическая лингвистика. 2014. № 2 (48). С. 229–233.
71. Лаврова 1984 – Лаврова Л.В. Лексико-семантические группы слов, характеризующие человека. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов.: 1984. 19 с.
72. Ларин 1977 – Ларин Б.А. История русского языка и общее языкознание: избр. работы. М.: Просвещение, 1977. 224 с.
73. Левашов 2009 – Левашов Е.А. Еще раз о Москве-реке и Москва-реке // Русская речь. 2009. № 3. С. 52–54.
74. Ли 2020 – Ли П. Николай Карамзин и его представления о Китае (на материале журнала «Вестник Европы») // Казанский лингвистический журнал. 2020. Т. 3. № 4. С. 308–325.
75. Лихачева 1990 – Лихачева Э.А. О семи холмах Москвы. М.: Наука, 1990. 141 с.

76. Лотман 1984 – Лотман Ю.М. Примечания // Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Л.: Наука, 1984. С. 613–694.
77. Лотман, Успенский 1984 – Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Текстологические принципы издания // Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Л.: Наука, 1984. С. 516–524.
78. Максим Грек 1975 – Максим Грек. «Толкования именам по алфавиту» Максима Грека // Лексикография в Московской Руси XVI – начала XVII в. Л.: 1975. С. 313–349.
79. Мартынов 1878 – Мартынов А.А. Названия московских улиц и переулков с историческими объяснениями, составленными А. Мартыновым. М.: тип. Т. Рис, 1878. 100 с.
80. Меднис 2003 – Меднис Н.Е. Сверхтексты в русской литературе: учебное пособие. Новосибирск.: НГПУ, 2003. 170 с.
81. Мезенко, Генкин, Деревяго 2022 – Мезенко А.М., Генкин В.М., Деревяго А.Н. Теория имени собственного: учебное пособие / Под общ. ред. А.М. Мезенко. Витебск.: ВГУ имени П.М. Машерова, 2022. 202 с.
82. Мерзляков 1828 – Мерзляков А.Ф. Краткая риторика. М.: Университетская Типография, 1828. 113 с.
83. Миллер, Сытин 1938 – Миллер П.Н., Сытин П.В. Происхождение названий, улиц, переулков, площадей Москвы. М.: Московский рабочий, 1938. 104 с.
84. Михайлов 1939 – Михайлов Б.П. Мосты новой Москвы: Архитектура и конструкция. М.: Изд-во Всес. акад. архитектуры, 1939. 136 с.
85. Надежин 1979 – Надежин Б.М. Мосты Москвы. М.: Московский рабочий, 1979. 191 с.
86. Насимович 2018 – Насимович Ю.А. «Реки, озёра и пруды Москвы». 2018. [Электронный ресурс]. URL: https://temnyjles.ru/Nasimovich_kraevedenie/reki.shtml#ogl (дата последнего обращения 04.12.2025).

87. Нерознак 1983 – Нерознак В.П. Названия древнерусских городов. М.: Наука, 1983. 207 с.
88. Нечаева 1974 – Нечаева О.А. Функционально-смысловые типы речи (описание, повествование, рассуждение). Улан-Удэ.: Бурят. кн. изд-во, 1974. 260 с.
89. Нечаева 1975 – Нечаева О.А. Функционально-смысловые типы речи (описание, повествование, рассуждение). Дис. ... д-ра филол. наук. М.: 1975. 410 с.
90. Никонов 2011 – Никонов В.А. Введение в топонимику. Изд. 2-е. М.: ЛКИ, 2011. 184 с.
91. Олеарий 1906 – Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. Введение, перевод, примечания и указатель А.М. Ловягина. СПб.: Издание А.С. Суворина, 1906. 638 с.
92. Омельченко 2013 – Омельченко Л.Н. О синкретизме в системе функционально-смысловых типов речи // Вестник БГУ. 2013. № 10. С. 55–59.
93. Онипенко 2001 – Онипенко Н.К. Теория коммуникативной грамматики и проблемы системного описания русского синтаксиса // Русский язык в научном освещении. 2001. № 2. С. 107–121.
94. Онипенко 2012a – Онипенко Н.К. Лингвистический анализ текста и терминологический аппарат современной грамматической науки // Рациональное и эмоциональное в русском языке: международный сборник научных трудов. М.: Издательство МГОУ, 2012a. С. 383–389.
95. Онипенко 2012b – Онипенко Н.К. Статика пространства, фигура наблюдателя и пространственный дейксис в свете онтолингвистики (о грамматике текстов-описаний) // Проблемы онтолингвистики – 2012. Материалы международной научной конференции, посвященной 130-летию со дня рождения К.И. Чуковского и 120-летию со дня рождения А.Н. Гвоздева. М.: Златоуст, 2012b. С. 347–351.

96. Описаніе императорскаго, столичнаго города Москвы 1782 – Описание императорскаго, столичнаго города Москвы: Содержащее въ себѣ званіе Государскихъ Воротъ, Каменныхъ и Деревянныхъ Мостовъ большихъ Улицъ и Переулковъ, Монастырей, Церквей, Дворцовъ, Присудственныхъ и другихъ казенныхъ Мѣстъ, число обывательскихъ Дворовъ, и Покоевъ, Рядовъ и Рынковъ, Фабрикъ, Заводовъ, Кладбищъ, Дорогъ, Заставъ, число Извозчиковъ и прочая. / Собранное и изданное въ свѣтъ, для удовольствія общества Издателемъ Описанія Санктпетербурга, г. н. с. В.Г. Рубаномъ. СПб.: Печ. при Арт. и инж. шляхет. кадет. корпусе, у содержателя тип. Х.Ф. Клеэна, 1782. 159 с.
97. Паламарчук 2009 – Паламарчук М.Л. Город как социокультурный феномен. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Архангельск.: 2009. 21 с.
98. Панкратова, Тихонов, Фролов 2014 – Панкратова Л.Н., Тихонов Н.А., Фролов В.В. Научные школы от древней Греции до millennium // Успехи в химии и химической технологии. 2014. № 4 (153). С. 114–116.
99. Петунников 1915 – Петунников А.Н. Пути сообщения в г. Москве по ВЫСОЧАЙШЕ утвержденному плану регулирования. М.: Городская типография, 1915. 367 с.
100. Подосинникова 2009 – Подосинникова А.Н. Вопрос об описании как функционально-смысловом типе речи в современной лингвистике // Альманах современной науки и образования. 2009. № 2 (2). С. 112–114.
101. Попов 1965 – Попов А.И. Географические названия (введение в топонимику). М.-Л.: Наука, 1965. 181 с.
102. Попова 2020 – Попова Т.П. Описание Москвы и Санкт-Петербурга в мемуарах П.Д. Боборыкина «За полвека» (к вопросу о функции городского текста в воспоминаниях крупных форм) // Человек и язык в коммуникативном пространстве: сб. научных статей XI Международных филологических чтений им. проф. Р.Т. Гриб / Ответ. ред. М.В. Веккессер. Красноярск: Сибирский федеральный университет. 2020. Вып. 11 (20). С.

- 98–103. [Электронный ресурс]. URL: https://case.asu.ru/files/form_312-38365.pdf (дата последнего обращения 08.02.2025).
103. Потанина, Гололобов 2012 – Потанина Н.Л., Гололобов М.А. Городской текст как теоретическая проблема // Филологическая регионалистика. 2012. № 1 (7). С. 32–37.
104. Пыляев 1990 – Пыляев М.И. Старая Москва: Рассказы из былой жизни первопрестольной столицы. / Сост. Ю.Н. Александров. М.: Московский рабочий, 1990. 416 с.
105. Риторика М.В. Ломоносова 2017 – Риторика М.В. Ломоносова / науч. ред. П.Е. Бухаркин, С.С. Волков, Е.М. Матвеев. СПб.: Нестор-История, 2017. 632 с.
106. Роговнева 2016 – Роговнева Ю.В. Коммуникативно-функциональный анализ нефикциональных репродуктивно-описательных текстов. Дис. ... канд. филол. наук. М.: 2016. 203 с.
107. Романюк 2013 – Романюк С.К. Переулки старой Москвы: история, памятники архитектуры, маршруты. М.: Центрполиграф, 2013. 830 с.
108. Романюк 1998 – Романюк С.К. По землям московских сел и слобод. Ч. 1. М.: Между Садовым кольцом и Камер-коллежским валом, 1998. 625 с.
109. Романюк 1999 – Романюк С.К. По землям московских сел и слобод. Ч. 2. М.: Между Камер-коллежским валом и современной границей города, 1999. 507 с.
110. Рябинин 2015 – Рябинин Ю.В. История московских кладбищ. Под кровом вечной тишины. М.: РИПОЛ классик, 2015. 622 с.
111. Саладин 1997 – Саладин А.Т. Очерки истории московских кладбищ. М.: Кн. сад, 1997. 343 с.
112. Сапченко 2017 – Сапченко Л.А. Литературно-критическая позиция Н.М. Карамзина периода «Вестника Европы» (1802–1803) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 4. С. 106–115.

113. Селеменова 2009 – Селеменова М.В. «Московский текст» в русской литературе XX в. (на материале художественной прозы 1910–1950-х гг.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2009. № 2. С. 20–27.
114. Селеменова 2015a – Селеменова М.В. «Московский текст» в творчестве Р. Сенчина // Пушкинские чтения. 2015. № XX. С. 131–139.
115. Селеменова 2015b – Селеменова М.В. Образ Москвы в русской литературе начала XXI века // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение, журналистика. 2015. № 4. С. 93–103.
116. Селиванов 1895 – Селиванов А.Ф. Клин // Энциклопедический словарь. Т. XV. Керосин – Коайе. Издатели Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб.: Типо-Литография И.А. Ефрона, 1895. С. 404, 405.
117. Сертакова 2014 – Сертакова Е.А. Концепт «город» в русской культуре // Человек и культура. 2014. № 2. С. 97–126.
118. Сидорова 2000 – Сидорова М.Ю. Грамматическое единство художественного текста (проза и поэзия). Дис. ... д-ра филол. наук. М.: 2000. 220 с.
119. Сидорова 2014 – Сидорова М.Ю. Функционально-семантическая классификация существительных, релевантная для задач коммуникативной грамматики // Мир русского слова. 2014. № 4. С. 9–19.
120. Скуридина, Кузьминых, Новикова 2022 – Скуридина С.А., Кузьминых Е.О., Новикова М.В. Москва в восприятии Ф.М. Достоевского, М.А. Булгакова и С.А. Есенина // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2022. № 2 (45). С. 59–66.
121. Смолицкая 1997 – Смолицкая Г.П. Названия московских улиц. Изд. 2-е. М.: Издательский дом "Муравей", 1997. 237 с.
122. Смолицкая, Горбачевский 1982 – Смолицкая Г.П., Горбачевский М.В. Топонимия Москвы. М.: Наука, 1982. 176 с.
123. Снегирев 1865–1873 – Снегирев И.М. Москва. Подробное историческое и археологическое описание города: [В 2-х томах] / Текст

составлен И.М. Снегиревым, при сотрудничестве самого издателя. М.: Издание А. Мартынова, Почетного вольного общника Императорской Академии Художеств, 1865–1873.

124. Современный русский язык 2007 – Лекант П.А., Диброва Е.И., Касаткин Л.Л., Клобуков Е.В. Современный русский язык: учеб. для студ. вузов, обучающихся по спец. "Филология" / Под ред. П.А. Леканта. М.: Профа, 2007. 557 с.

125. Солганик 2001 – Солганик Г.Я. Стилистика текста. М.: Флинта: Наука, 2001. 256 с.

126. Сперанский 1844 – Сперанский М.М. Правила высшего красноречия: сочинение Михаила Сперанского. СПб.: типография Второго отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1844. 216 с.

127. Сталтмане 1989 – Сталтмане В.Э. Ономастическая лексикография / Отв. ред. А.В. Суперанская; АН СССР, Ин-т языкознания. М.: Наука, 1989. 112 с.

128. Старикова, Ханг Тхи Хонг Чанг 2017 – Старикова Г.Н., Ханг Тхи Хонг Чанг Трофонимы (ресторонимы) как особый тип эргонимов (на материале имен заведений общественного питания Москвы) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 41. С. 72–87.

129. Степанов 1981 – Степанов Ю.С. Имена. Предикаты. Предложения. Семиологическая грамматика. М.: Наука, 1981. 360 с.

130. Степанов 2004 – Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. Издание 3-е, исправленное и дополненное. М.: «Академический проект», 2004. 992 с.

131. Суперанская 1973 – Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973. 366 с.

132. Суперанская 1985 – Суперанская А.В. Что такое топонимика? М.: Наука, 1985. 175 с.

133. Суперанская, Сталтмане, Подольская, Султанов 2007 – Суперанская А.В., Сталтмане В.Э., Подольская Н.В., Султанов А.Х. Теория

и методика ономастических исследований / Отв. ред. А.П. Непокупный. Изд. 2-е. М.: ЛКИ, 2007. 256 с.

134. Сытин 1948 – Сытин П.В. Из истории московских улиц (очерки). М.: Московский рабочий, 1948. 318 с.

135. Сытин 1958 – Сытин П.В. Из истории московских улиц (очерки). Издание третье, пересмотренное и дополненное. М.: Московский рабочий, 1958. 844 с.

136. Сытин 1959 – Сытин П.В. Откуда произошли названия улиц Москвы. М.: Московский рабочий, 1959. 365 с.

137. Сытин 1946 – Сытин П.В. Прошлое Москвы в названиях улиц. М.: Московский рабочий, 1946. 157 с.

138. Топоров 1984 – Топоров В.Н. Петербург и петербургский текст русской литературы // Ученые записки Тартуского государственного университета. Семиотика города и городской культуры. Вып. 664. Тарту.: 1984. С. 4–29.

139. Топоров 1995a – Топоров В.Н. «Бедная Лиза» Карамзина. Опыт прочтения. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 1995. 512 с.

140. Топоров 1995b – Топоров В.Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» (введение в тему) // Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: исследования в области мифопоэтического. М.: Издательская группа «Прогресс» – «Культура», 1995. С. 259–367.

141. Трошева 2003 – Трошева Т.Б. Система функционально-смысловых типов речи в современном русском языке (описание – повествование – рассуждение – предписание – констатация) // Филолог. 2003. № 2. С. 3–7.

142. Тюкалов 1915 – Тюкалов М.А. Ведение письменных работ в средней школе / под ред. Н.К. Грунского. Рига: Кн-во Ф.И. Трескиной, 1915. С. 43–44.

143. Указатель к Вестнику Европы 1802–1830 1861 – Указатель к Вестнику Европы 1802–1830. Сост. М. Полуденский. М.: В Университетской типографии, 1861. 310 с.

144. Указатель улиц г. Москвы 1917–1982 гг. – Указатель улиц г. Москвы 1917–1982 гг. / Архивное управление Мосгорисполкома, Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства г. Москвы; принимали участие: Н.Д. Бородачева [и др.]. М.: 1986.
145. Уржа 2014 – Уржа А.В. Грамматика и текст. Учебное пособие для практических занятий. М.: Издательство Московского университета, 2014. 264 с.
146. Фрайман – Фрайман И. Русские мемуары в историко-типологическом освещении: к постановке проблемы. [Электронный ресурс]. URL: <https://ruthenia.ru/document/422973.html> (дата последнего обращения 08.02.2025).
147. Фрик 2016 – Фрик Т.Б. Эпистолярные формы в журналах Н.М. Карамзина «Московский журнал» и «Вестник Европы» // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2016. № 3 (168). С. 102–108.
148. Фролова 2017 – Фролова О.Е. Булыгина Е.Ю., Трипольская Т.А. Язык городского пространства: словарь, карта, текст. М.: языки славянской культуры, 2015. 240 с // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2017. № 6. С. 225–227.
149. Хамаганова 1996 – Хамаганова В.М. Лексика: значение, отношения, функционирование. Улан-Удэ.: Бурятский госуниверситет, 1996. 120 с.
150. Хамаганова 2000 – Хамаганова В.М. Описательный текст в семиотическом аспекте. М.-Улан-Удэ.: Издательство Бурятского госуниверситета, 2000. 155 с.
151. Хамаганова 2002 – Хамаганова В.М. Структурно-семантическая и лексическая модель текста типа «описание» (проблемы семантики и онтологии). Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М.: 2002. 42 с.

152. Хамаганова 2012 – Хамаганова В.М. Функции текста типа "описание" в художественном произведении // Вестник Бурятского государственного университета. 2012. № 1. С. 132–135.
153. Хворых 2021 – Хворых Т.О. Прекрасное Царицыно: путеводитель по архитектурным памятникам императорской усадьбы XVIII века. М.-СПб.: Нестор-История, 2021. 215 с.
154. Цзян Нань 2022 – Цзян Н. Лексико-семантическое поле "город" в современном русском языке. Дис. ... канд. филол. наук. М.: 2022. 287 с.
155. Шмелева 2020 – Шмелева Т.В. Великий Новгород: ономастический портрет: научная монография. Великий Новгород.: ТПК «Печатный Двор», 2020. 288 с.
156. Шрамм 1979 – Шрамм А.Н. Очерки по семантике качественных прилагательных. Л.: изд-во ЛГУ, 1979. 134 с.
157. Штейнбах, Еленский 2004 – Штейнбах Х.Э., Еленский В.И. Психология жизненного пространства. СПб.: Речь, 2004. 239 с.
158. Юе Цюй 2021 – Юе Цюй. Теоретические основы построения топонимической базы данных с лингвокультурным компонентом (на материале московских годонимов). Дис. ... канд. филол. наук. М.: 2021. 145 с.
159. Якимова, Наумова 2017 – Якимова С.И., Наумова В.В. Журнал «Вестник Европы»: история и современность // Ученые заметки ТОГУ. 2017. Том 8. № 3. С. 151–157.
160. Dixon 1977 – Dixon R.M.W. Where have all the adjectives gone? // Studies in Language. 1977. Vol. 1. Pp. 19–80.

Приложение 1. Фрагменты статей Н.М. Карамзина 1802–1803 гг. в журнале «Вестник Европы», рассмотренные в диссертации

Статья «О книжной торговле и любви к чтению в России»

(«Вестник Европы». 1802. Ч. 3, № 9. С. 57–64)

<1> «За 25 лѣтъ передъ симъ были въ Москвѣ двѣ книжныя лавки, которыя не продавали въ годъ ни на 10 тысячъ рублей» [Карамзин 1802а: 57]

<2> «Взявъ на откупъ Университетскую Типографію, онъ умножилъ механическіе способы книгопечатанія, отдавалъ переводить книги, завелъ лавки въ другихъ городахъ, всѣми способами старался пріохотить Публику ко чтенію, угадывалъ общій вкусъ и не забывалъ частнаго» [Карамзин 1802а: 57]

Статья «Историческія воспоминания и замечания на пути к Троице»

(«Вестник Европы». 1802. Ч. 4, № 15. С. 207–226)

<3> «Возобновивъ въ памяти своей дѣла нашей древности, въ прекраснѣйшее время года я выѣхалъ изъ Москвы на ту дорогу, по которой столь часто Цари Рускіе ѣзжали и ходили на богомолье, испрашивать побѣды или благодарить за нее Всевышняго, въ обители основанной святымъ мужемъ и Патріотомъ» [Карамзин 1802b: 207].

<4> «Черезъ нѣсколько минутъ открылось село Алексѣевское, напоминающее именемъ своимъ Царя Алексѣя Михайловича, который приготовилъ Россію къ величію и славѣ. Но тамъ представляется глазамъ еще другой ближайшій его памятникъ: старый дворецъ, гдѣ онъ всегда останавливался на возвратномъ пути изъ монастыря Троицкаго и располагалъ торжественный въѣздъ свой въ Москву» [Карамзин 1802b: 208].

<5> «Я спѣшилъ видѣть сіе почтенное зданіе, едва ли не старѣйшее изъ всѣхъ деревянныхъ домовъ въ Россіи» [Карамзин 1802b: 208].

<6> «Оно очень не высоко, но занимаетъ въ длину сажень тридцать» [Карамзин 1802b: 208].

<7> «На лѣвой сторонѣ отъ Москвы были комнаты Царя, на правой жили Царевны, а въ серединѣ Царица; въ первыхъ окна довольно велики, а въ другихъ гораздо менѣе и выше отъ земли, вѣроятно для того, чтобы нескромное любопытство не могло въ нихъ со двора заглядывать» [Карамзин 1802b: 208].

<8> «Стѣны разрушаются; но я осмѣлился войти въ домъ, и прошелъ во всю длину его, естли не съ благоговѣніемъ, то по крайней мѣрѣ съ живѣйшимъ любопытствомъ» [Карамзин 1802b: 208].

<9> «Печи вездѣ большія, съ разными, отчасти аллегорическими фигурами на изразцахъ. Внутреннія украшенія не могли истощить казны Царской: потолки и стѣны обиты выбѣленнымъ холстомъ, а двери (и то въ однѣхъ Царскихъ комнатахъ) краснымъ сукномъ съ широкими жестяными петлями; окна выкрашены зеленою краскою» [Карамзин 1802b: 208, 209].

<10> «Я воображалъ нашего добраго Рускаго Царя, сидящаго тутъ среди вельможъ своихъ, или, лучше сказать, *передъ ними*: тогда и самые важные бояре, приходя къ Государю, останавливались у дверей; а сиживали съ нимъ единственно за обѣдомъ, и то за другимъ столомъ» [Карамзин 1802b: 209].

<11> «Мнѣ случилось видать памятники иностранной древности; но дворецъ Государя Алексѣя Михайловича гораздо болѣе занималъ мое воображеніе, даже и сердце <...>» [Карамзин 1802b: 210].

<12> «Москва не много видна изъ оконъ дворца; но вѣроятно, что бывшій съ этой стороны заборъ (ямы столбовъ не заросли еще въ нѣкоторыхъ мѣстахъ) не позволялъ и того видѣть» [Карамзин 1802b: 210].

<13> «въ старину любили жить открытымъ сердцемъ, а не въ открытомъ домѣ. Передъ окнами растутъ двѣ березы, изъ которыхъ одна запустила корень свой подъ самый домъ» [Карамзин 1802b: 210].

<14> «Другая стѣна безъ оконъ, но съ дверьми въ садъ или въ огородъ, который безъ сомнѣнія украшался всего болѣе подсолнечниками (этотъ

вкусъ видимъ еще и нынѣ въ провинціальныхъ купеческихъ огородахъ); теперь густѣютъ въ немъ однѣ рябины, малиновые и смородинные кусты, такіе старые, что Царевны могли еще брать съ нихъ ягоды» [Карамзин 1802b: 210, 211].

<15> «Тутъ видны развалины двухъ бань, въ которыя онѣ ѣзжали не рѣдко изъ самой Москвы, даже зимою, какъ я слыхалъ отъ стариковъ, свѣдущихъ въ Рускихъ преданіяхъ. – Вокругъ дворца не осталось никакихъ другихъ зданій, кромѣ погреба, гдѣ не только ледъ, но даже и снѣгъ не таетъ до глубокой осени» [Карамзин 1802b: 211].

<16> «Онѣ любилъ Алексѣевское, хотя впрочемъ мѣстоположеніе очень обыкновенно: ровное и гладкое, на лѣвой сторонѣ видна сосновая роща» [Карамзин 1802b: 211].

<17> «Большая каменная церковь Алексѣевская сооружена также Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ. Дворецъ подлѣ нее» [Карамзин 1802b: 211].

<18> «Сѣвъ въ коляску, я могъ на досугъ мыслить о быстрыхъ и медленныхъ успѣхахъ гражданскаго искусства» [Карамзин 1802b: 211].

<19> «Этотъ низенькой домикъ Алексѣя Михайловича удивилъ бы своею огромностію Министровъ Сеннарскаго Царя» [Карамзин 1802b: 212].

<20> «Но я увидѣлъ не далеко отъ дороги прекрасный водоводъ, оставилъ сравненія и пошелъ смотрѣть его. Вотъ одинъ изъ монументовъ ЕКАТЕРИНИНОЙ благодѣтельности! ОНА любила во многомъ слѣдовать примѣру Римлянъ, которые не жалѣли ничего для пользы имѣть въ городахъ хорошую воду, столь необходимую для здоровья людей» [Карамзин 1802b: 212].

<21> «ЕКАТЕРИНА хотѣла, чтобы всякой бѣдной человѣкъ находилъ близъ своего дому колодезь свѣжей, здоровой воды, и поручила Генералу Бауеру привести ее трубами изъ ключей Мытицскихъ; теперь она уже въ городѣ: остается сдѣлать каналы внутри его» [Карамзин 1802b: 213].

<22> «Работа долговременна и трудна, но благодѣяніе еще превосходить труды; и время открытія народныхъ колодезей будетъ важною эпохою для

Московскихъ жителей, то есть небогатыхъ, слѣдственно большаго числа» [Карамзин 1802b: 213].

<23> «Водоводъ идетъ мостомъ черезъ низкую долину, на каменныхъ аркахъ, и длиною будетъ сажень въ 60» [Карамзин 1802b: 213].

<24> «Коляска дожидалась меня въ деревнѣ Ростокинѣ, которая достойна примѣчанія для любителей Исторіи» [Карамзин 1802b: 213].

<25> «Лѣтописи говорятъ, что все пространство отъ города до Ростокинскаго моста (то есть, семь верстъ) было занято радостными Московскими жителями, которые, слѣдуя собственному побужденію, спѣшили скорѣе преклонить колѣна передъ своимъ Государемъ» [Карамзин 1802b: 214].

<26> «Я своротилъ влѣво съ большой дороги, чтобы видѣть село Тайнинское, гдѣ Царь Алексѣй Михайловичъ любилъ забавляться соколиною охотою. Мѣсто уединенное и пріятное! Тутъ запруженная Яуза кажется большою рѣкою, и со всѣхъ сторонъ обтекаетъ дворецъ Елисаветы Петровны, Которая, любя слѣды великаго Ея Дѣда, построила его близъ развалинъ дворца Алексѣя Михайловича. Онъ также разрушается» [Карамзин 1802b: 215].

<27> «Я осмотрѣлъ его: есть большія комнаты, и видно, что нѣкоторыя были хорошо отдѣланы» [Карамзин 1802b: 215].

<28> «Госпожа Радклифъ могла бы воспользоваться симъ дворцомъ и сочинить на него ужасной романъ» [Карамзин 1802b: 215].

<29> «тутъ есть все нужное для ея мастерства: пустыя залы, коридоры, высокія лѣстницы, остатки богатыхъ украшеній, и (что всего важнѣе) вѣтеръ воетъ въ трубахъ, свиститъ въ разбитыя окончины и хлопаетъ дверми, съ которыхъ валится позолота» [Карамзин 1802b: 215].

<30> «Я же ходилъ по гнилымъ его лѣстницамъ» [Карамзин 1802b: 215, 216].

<31> «такое пріятное мѣсто, окруженное водою и густо осѣненное старыми деревьями, которыя могли бы закрыть и самое огромное зданіе, теперь

остається дикою пустинею» [Карамзин 1802b: 216].

<32> «Мосты сгнили, такъ, что я съ великимъ трудомъ могъ черезъ одинъ изъ нихъ перебраться» [Карамзин 1802b: 216].

<33> «По обычаю тогдaшняго времени Царица Анастасія должна была ожидать супруга въ Московскомъ дворцѣ и преодолѣть желаніе сердца, которое стремилось на встрѣчу къ нему, чтобы представить Іоанну новорожденного сына ихъ Димитрія» [Карамзин 1802b: 216].

<34> «Выѣхавъ опять на большую Троицкую дорогу въ Мытищахъ, я ходилъ пѣшкомъ, сквозь длинную насаженную алею, къ тамошнимъ славнымъ колодцамъ, откуда проведена вода въ Москву. Ихъ числомъ 42; каждый представляетъ издали видъ маленькаго домика, и всѣ вмѣстѣ кажутся небольшимъ, прекраснымъ селеніемъ» [Карамзин 1802b: 216, 217].

<35> «Колодцы деревянные, кромѣ одного, каменнаго, называемаго громовымъ, для того, какъ увѣряють, что тутъ ударилъ нѣкогда громъ въ землю, и что изъ отверстія, имъ сдѣланнаго, потекла сама собою чистая вода» [Карамзин 1802b: 217].

<36> «многіе крестьяне села Пушкина живутъ не въ избахъ, а въ красивыхъ домикахъ» [Карамзин 1802b: 217, 218].

<37> «Троицкая дорога ни въ какое время года не бываетъ пуста, и живущіе на ней крестьяне всякой день угощаютъ проѣзжихъ съ большою для себя выгодною» [Карамзин 1802b: 217].

<38> «Я всегда радуюсь успѣхамъ промышленности, встрѣчая на улицахъ, въ торговые дни, миловидныхъ крестьянокъ съ ягодами, цвѣтами, травами для Аптекъ» [Карамзин 1802b: 218].

<39> «Они (*монументы старины* – Л.В.) состоятъ въ деревянной церкви, построенной, думаю, еще прежде Царя Алексѣя Михайловича, и въ ветхомъ зданіи, похожемъ на анбаръ и называемомъ *Царскою вышкою*. Это имя было для меня не ново я слыхаль, что въ старину назывались такъ высокіе терема, въ которыхъ Рускіе Бояре прохлаждались иногда лѣтомъ. Цари наши не требовали ничего великолѣпнѣе для своего дорожнаго отдыха. Тутъ вѣрно

клали имъ перину или устилали полъ травою для свѣжести, отворяя со всѣхъ сторонъ *задвижныя* окна: тогда не боялись еще сквознаго вѣтра. Приставъ сказывалъ мнѣ, что другая *вышка*, которая уже разрушилась, была гораздо пространнѣе» [Карамзин 1802b: 218, 219].

<40> «Близъ ветхой церкви (гдѣ давно нѣтъ ни службы, ни образовъ) построень дворецъ при Елисаветѣ Петровнѣ: Г. Миллеръ ошибся, назвавъ его древнимъ зданіемъ Царей» [Карамзин 1802b: 219].

<41> «Къ нему идетъ отъ села прекрасная березовая алея» [Карамзин 1802b: 219].

<42> «Рѣчка Скауба на лѣвой сторонѣ, поля и луга составляютъ очень хорошій сельскій видъ» [Карамзин 1802b: 219].

<43> «Онъ полюбился ЕКАТЕРИНѢ Великой, Которая, бывъ тутъ въ 1775 году, приказала строить новый дворецъ и каменную церковь» [Карамзин 1802b: 219].

<44> «Отъ мѣста, гдѣ надлежало быть новому зданію, насажена въ правую сторону еще другая березовая алея до самой большой дороги» [Карамзин 1802b: 219].

<45> «Развалины древности говорятъ по крайней мѣрѣ о прошедшемъ; тутъ зданіе отслужило время свое» [Карамзин 1802b: 219, 220].

<46> «Сѣвъ на гнилой церковной паперти, я съ удовольствіемъ смотрѣлъ вокругъ себя и на сельскіе ландшафты вдаль, думая, что не только люди, образъ ихъ жизни и твореніи, но и самый видъ Натуры перемѣняется со временемъ» [Карамзин 1802b: 220].

<47> «Теперешніе веселые луга и поля были нѣкогда или болотомъ или густымъ лѣсомъ» [Карамзин 1802b: 220].

<48> «Г. Миллеръ удивляется, отъ чего Переславль названъ Залѣскимъ, когда вокругъ его нѣтъ даже и рощи!» [Карамзин 1802b: 220].

<49> «Видно, что онъ безъ вниманія смотрѣлъ на окрестности Троицкой дороги, частый кустарникъ и самый грунтъ земли (на правой и на лѣвой сторонѣ) доказываютъ, что тутъ прежде были сплошные лѣса, которые,

вѣроятно, простирались и далѣе къ сѣверу, то есть, къ Переславлѣю» [Карамзин 1802b: 220].

<50> «Гдѣ размножаются люди, тамъ (особливо въ сѣверныхъ земляхъ) исчезаютъ лѣса; нѣкоторые боятся того, думая, что потомкамъ нашимъ со временемъ нечѣмъ будетъ согрѣвать домовъ своихъ: страхъ напрасной!» [Карамзин 1802b: 221].

<51> «Вопервыхъ, по мѣрѣ истребленія лѣсовъ, изсушенія болотъ и другихъ успѣховъ гражданской дѣятельности, климатъ становится теплѣе» [Карамзин 1802b: 221].

<52> «Я шель пѣшкомъ, увидѣлъ старика съ сумою, и проговорилъ съ нимъ долѣе часу. Ему около ста лѣтъ; но онъ едва начинаетъ сѣдѣть, и твердъ на ногахъ какъ человѣкъ лѣтъ въ 50; только худо видитъ. Жена у него еще старѣе (двумя или тремя годами) и живетъ съ нимъ въ хижинѣ какъ Бавкида съ Филемономъ» [Карамзин 1802b: 221, 222].

<53> «Испуганный Дворъ немедленно Уѣхалъ въ Савинъ монастырь» [Карамзин 1802b: 224].

<54> «Войско, собравшееся тогда вокругъ монастыря Троицкаго, единодушно требовало дозволенія итти въ Москву, истребить опасный корпусъ Стрѣльцовъ, и навсегда успокоить Дворъ» [Карамзин 1802b: 224, 225].

<55> «Мудрено понять, для чего Дворъ въ то время не прямо отправился къ Троицѣ, а остановился въ селѣ, укрѣпленномъ только своими оврагами» [Карамзин 1802b: 225].

<56> «Версть за семь отъ Троицы открываются, среди зелени лѣсовъ, златыя главы церквей ея, вокругъ огромной колокольни, подобной величественному столбу» [Карамзин 1802b: 225].

<57> «Я взѣхалъ на гору Волкушу.... Рускіе Патріоты! это мѣсто должно быть вамъ извѣстно» [Карамзин 1802b: 225].

<58> «Здѣсь Архимандритъ монастыря Троицкаго благословлялъ крестомъ и кропилъ святою водою достойныхъ сыновъ Россіи, которые съ Вождемъ

Пожарскимъ и съ Гражданиномъ Мининымъ шли освободить Москву отъ чужестранныхъ тирановъ!» [Карамзин 1802b: 225].

<59> «Я сталъ на вершинѣ горы -- и воображеніе представило глазамъ моимъ ряды многочисленнаго войска подъ сѣнію распущенныхъ знаменъ, украшенныхъ именемъ городовъ, которыхъ добрые жители шли подъ ними» [Карамзин 1802b: 225, 226].

Статья «Историческія воспоминанія, вместе съ другими замечаніями, на пути къ Троице и въ семъ монастырѣ (продолженіе)»

(«Вестникъ Европы». 1802. Ч. 4, № 16. С. 287–304)

<60> «Лавра со всѣхъ сторонъ окружена горами, покрытыми нѣкогда дремучимъ лѣсомъ» [Карамзин 1802с: 287].

<61> «Здѣсь мракъ лѣсовъ и дикое уединеніе, оградивъ его своею тишиною, не мѣшали святому юношѣ мирно бесѣдовать съ Творцемъ Натуры» [Карамзин 1802с: 287].

<62> «здѣсь, отвращаясь сердцемъ и взоромъ отъ мятежной земли, въ безмолвіи пустынь гласилъ онъ съ Пророкомъ древности» [Карамзин 1802с: 287].

<63> «Но святой угодникъ, какъ говорить почтенный Историкъ Лавры, *сокрывъ себя въ пустынь, не могъ сокрыть имени своего*» [Карамзин 1802с: 287].

<64> «Вотъ происхожденіе сей обители, смиренной въ своемъ началѣ, славной и великолѣпной въ послѣдствіи!» [Карамзин 1802с: 288].

<65> «Я обошелъ сперва вокругъ стѣны монастырской и готическихъ башенъ ея. Глубокой ровъ, высокія стѣны и самое положеніе монастыря дѣлали его нѣкогда лучшею крѣпостію нашего государства» [Карамзин 1802с: 288].

<66> «Въ пятомъ – и шестомъ – надѣсять вѣкѣ монахи ограждали себя каменными стѣнами не столько отъ мірскихъ соблазновъ, сколько отъ

грозныхъ непріятелей» [Карамзин 1802с: 288].

<67> «Всѣ старинные монастыри вокругъ Москвы построены на высокихъ мѣстахъ» [Карамзин 1802с: 288].

<68> «Соборъ Троицкій основанъ еще при Князѣ Васильѣ Дмитріевичѣ, слѣдственно въ началѣ 15 вѣка; онъ въ свое время казался безъ сомнѣнія великолѣпнымъ, а теперь малѣйшая изъ приходскихъ церквей въ Москвѣ болѣе его» [Карамзин 1802с: 289].

<69> «Италіянскій Архитекторъ, именемъ Аристотель, родомъ изъ Болоньи, привезъ къ намъ вкусъ щастливаго вѣка Медицисовъ въ Княженіе Іоанна Васильевича и построилъ въ Москвѣ Соборъ Успенскій, служившій образцомъ для Успенскаго Собора Лавры, храма величественнаго» [Карамзин 1802с: 289].

<70> «Изъявивъ Христіанское усердіе къ святынь Троицкаго монастыря, я съ любопытствомъ осматривалъ достопамятности церквей и ризницы» [Карамзин 1802с: 289].

<71> «Два образа, даръ Царей Іоанна и Годунова Троицкому Собору, осыпаны рѣдкой величины драгоцѣнными камнями» [Карамзин 1802с: 289].

<72> «Елисавета Петровна подарила монастырю богатую служебную шапку и панагію, а Великая ЕКАТЕРИНА большіе золотые сосуды» [Карамзин 1802с: 290].

<73> «Иностранцы, которые видали богатство Италіянскихъ и Гишпанскихъ монастырей, могутъ еще подивиться богатству Троицкой ризницы, большимъ серебрянымъ паникадиламъ, подсвѣчникамъ и другимъ украшеніямъ здѣшнихъ церквей» [Карамзин 1802с: 290].

<74> «Кромѣ щедрости Государей, кромѣ 100.000 душъ, бывшихъ во владѣніи у сего монастыря, вклады частныхъ людей также не мало способствовали его велелѣпію» [Карамзин 1802с: 290].

<75> «Сіе отмѣнное усердіе къ Лаврѣ не прохладается въ сердцахъ Россіянь» [Карамзин 1802с: 290].

<76> «Святость Лавры торжествовала и въ наши времена» [Карамзин 1802с:

291].

<77> «когда Москва и окрестности ея представляли ужасъ язвы -- когда всѣ деревни на Троицкой дорогѣ, и даже здѣшнія слободы были опустошены ею -- ни одинъ человѣкъ не заразился въ монастырѣ, отворенномъ для всѣхъ молельщиковъ, которые толпами приходили въ него» [Карамзин 1802с: 291].

<78> «Между колокольною и Троицкимъ Соборомъ стоитъ каменный обелискъ, сооруженный Митрополитомъ Платономъ» [Карамзин 1802с: 291].

<79> «Но Димитрій далъ примѣръ, и великій Князь Іоаннъ имъ воспользовался; свергнулъ иго -- и Москва въ стѣнахъ своихъ увидѣла плѣнныхъ Князей Татарскихъ» [Карамзин 1802с: 292].

<80> «Въ мятежное царствованіе Шуйскаго Троицкій монастырь былъ осажденъ Поляками» [Карамзин 1802с: 292].

<81> «Начались приступы, кровопролитныя сраженія, и монахи вмѣстѣ съ малочисленными стрѣльцами умирали на стѣнахъ» [Карамзин 1802с: 292].

<82> «святые гимны христіянскіе, которые день и ночь не умолкали въ храмахъ Троицы, были для Рускихъ гимнами битвы» [Карамзин 1802с: 292, 293].

<83> «цѣлая армія болѣе года осаждала монастырь, истощила всѣ усилія, и наконецъ отступила» [Карамзин 1802с: 293].

<84> «Троицкая обитель увѣнчала подвигъ свой тѣмъ, что отправила къ Царю всѣ церковныя сокровища» [Карамзин 1802с: 293].

<85> «начальники Троицкаго монастыря, не имѣя денегъ, прислали имъ ризы, стихари, жемчужныя эпитрахили» [Карамзин 1802с: 293].

<86> «юный Михаилъ царствовалъ, но Польскій Королевичъ Владиславъ называлъ себя Царемъ Рускимъ и и скоро осадилъ Москву, не могъ взять ее, и Приступилъ къ Троицкому монастырю -- но тамъ были еще живы побѣдители Сапѣги и Пана Лисовскаго» [Карамзин 1802с: 294].

<87> «храбрые иноки снова явились на стѣнахъ съ Келаремъ Авраамомъ, и

такъ славно отразили Владислава» [Карамзин 1802с: 294].

<88> «онъ потерялъ надежду завоевать престолъ Россійскій -- заключилъ перемиріе съ монастыремъ и требовалъ мира съ Россією» [Карамзин 1802с: 294].

<89> «Троицкая Лавра съ самаго основанія своего была истиннымъ Рускимъ Палладіумомъ, и благочестивые старцы ея не только молитвами, но и дѣломъ ревностно служили отечеству» [Карамзин 1802с: 294].

<90> «прахъ Эрмогена покоится въ Чудовѣ монастырѣ» [Карамзин 1802с: 295].

<91> «Я съ любопытствомъ взглянулъ на Троицкія пушки, бросавшія громъ на Поляковъ, и разсматривалъ остатки оружія, которымъ ихъ разили храбрые иноки» [Карамзин 1802с: 296].

<92> «Здѣсь была особенная палата, наполненная бердышами, мечами и пищалями; но Генераль-Фельдцейрмейстеръ Шуваловъ по указу Императрицы Елисаветы Петровны взялъ сіе древнее оружіе въ Петербургъ; осталась только нѣкоторая часть его на память монастырю» [Карамзин 1802с: 296].

<93> «Въ Лаврѣ двѣ библіотеки: одна принадлежитъ Семинаріи, а другая монастырю; первая состоитъ изъ 6000 книгъ, иностранныхъ и Рускихъ, историческихъ, нравоучительныхъ, богословскихъ, и проч.» [Карамзин 1802с: 296].

<94> «Къ любопытнымъ вещамъ въ Лаврѣ принадлежитъ и большой колоколь, въ 4000 пудъ вѣсомъ, первой въ Россіи и въ цѣломъ свѣтѣ, такъ, что и славный Китайскій не можетъ съ нимъ равняться. Вѣроятно, что онъ и навсегда останется первымъ: вкусъ къ огромнымъ колоколамъ проходитъ» [Карамзин 1802с: 297].

<95> «Видъ съ колокольни (превышающей двумя или тремя саженьями Ивана Великаго) отмѣнно хорошъ» [Карамзин 1802с: 297].

<96> «Еще недавно сломанъ Троицкій каменный дворецъ Царя Іоанна Васильевича» [Карамзин 1802с: 297].

<97> «Архитектура нынѣшняго дворца не показываетъ древности. Странно, что въ архивѣ монастырской не нашлось никакихъ записокъ о его построеніи. Знають только, что онъ назывался Писаревскимъ» [Карамзин 1802с: 297].

<98> «внутри же украшенъ лѣпною работою при Елисаветѣ Петровнѣ. Зала, расписанная бирюзовою краскою, представляетъ въ барельефахъ всѣ побѣды ПЕТРА Великаго, съ девизами не дурно вымышленными. Я съ большимъ удовольствіемъ смотрѣлъ на барельефы и читалъ надписи. Въ двухъ комнатахъ стоятъ алебастровыя изображенія всѣхъ нашихъ Князей и Государей съ самаго Рюрика, сдѣланныя съ медалями, которыя не весьма удачно изобрѣтены художникомъ» [Карамзин 1802с: 298].

<99> «ПЕТРЪ Великій могъ еще жить въ этомъ дворцѣ, онъ часто бывалъ въ Троицкомъ монастырѣ и часто бралъ деньги изъ монастырской казны, давая собственноручныя росписки, которыя и теперь хранятся въ Лаврѣ» [Карамзин 1802с: 298].

<100> «Онъ посылалъ Архимандрита въ церковь, оставался съ Келаремъ, и дружески спрашивалъ: есть ли у нихъ деньги?» [Карамзин 1802с: 298, 299].

<101> «Надобно знать, что Троицкіе Архимандриты не вмѣшивались въ экономію монастыря: ею занимались всегда Келари» [Карамзин 1802с: 299].

<102> «Садъ подлѣ дворца, состоящій изъ алей сѣнистыхъ, вокругъ немалаго пруда, и большое зданіе, гдѣ живутъ семинаристы, называются также Писаревскими» [Карамзин 1802с: 299].

<103> «Въ Лаврѣ погребены многіе знаменитые люди» [Карамзин 1802с: 300].

<104> «Въ Успенскомъ Соборѣ погребена единственная *Лифляндская* Королева въ свѣтѣ, Марѳа Владиміровна, двоюродная Племянница Царя Іоанна Васильевича и супруга Магнуса» [Карамзин 1802с: 300].

<105> «Въ часовнѣ, при церкви Сошествія Св. Духа, стоитъ гробъ ученаго Грека Максима» [Карамзин 1802с: 301].

<106> «Онъ противился браку Великаго Князя Василя Іоанновича съ

Княжною Глинскою, находя его незаконнымъ -- былъ сосланъ въ заточеніе, возвращенъ при Іоаннѣ и жилъ въ Троицкомъ монастырѣ, когда Царь, послѣ своей тяжелой болѣзни, съ Царицею и съ сыномъ пріѣхалъ въ сію обитель» [Карамзин 1802с: 301].

<107> «гораздо лучше царствовать добродѣтельно, нежели скитаться по отдаленнымъ монастырямъ» [Карамзин 1802с: 301].

<108> «Въ монастырѣ Св. Николая, на берегу рѣки Яхромы, путешествующій Царь желалъ увидѣться съ однимъ старымъ монахомъ, который прежде былъ Епископомъ, и котораго любилъ отецъ его» [Карамзин 1802с: 302].

<109> «Подлѣ Успенскаго Собора вростаетъ въ землю маленькая, желѣзомъ крытая палатка, гдѣ погребена фамилія Годуновыхъ» [Карамзин 1802с: 303].

Статья «Историческія воспоминанія, вместе съ другими замечаніями, на пути къ Троице и въ семъ монастырѣ (окончаніе)»

(«Вестникъ Европы». 1802. Ч. 5, № 17. С. 30–47)

<110> «Двадцати лѣтъ онъ сдѣлался извѣстенъ при Дворѣ въ должности Рынды или оруженосца; для чего надлежало ему быть пріятной наружности: ибо иностранцы, описывая Дворъ Царей нашихъ, замѣчаютъ отмѣнную красоту юношей, которые, въ длинной бѣлой одеждѣ, носили передъ Государями оружіе въ ихъ торжественныхъ выходахъ» [Карамзин 1802d: 30].

<111> «вооружили столько людей, сколько могли набрать въ своихъ помѣстьяхъ» [Карамзин 1802d: 33].

<112> «Въ самое то время, когда государство было жертвою неслыханныхъ золъ, Царь Борисъ, находя въ духѣ своемъ довольно твердости для ихъ отраженія, спокойно и величественно принималъ въ Москвѣ иностранныхъ Министровъ, удивлялъ ихъ велелѣпіемъ Двора, <...>» [Карамзин 1802d: 36,

37].

<113> «даже самъ грабилъ съ ними дома Боярь (**)!» [Карамзин 1802d: 38].

<114> «Москва въ царствованіе Бориса не видала при Дворѣ тѣхъ соблазнительныхъ, развратныхъ сценъ, которыя описаны Курбскимъ, и которыми она гнушалась послѣ въ царствованіе Лжедимитрія: тамъ сіяло одно великолѣпіе и соблюдалась строгая благопристойность» [Карамзин 1802d: 40].

<115> «не лѣзя сомнѣваться въ ея искренности, когда онъ пожертвовалъ ей жизнью любимаго сына, велѣвъ его больнаго, въ холодный зимній день, нести въ церковь» [Карамзин 1802d: 40].

<116> «Никто изъ Рускихъ Царей чаще Бориса не бывалъ въ монастырѣ Троицкомъ и въ другихъ святыхъ обителяхъ» [Карамзин 1802d: 40].

<117> «Шуйскій, сдѣлавшись Царемъ, велѣлъ перевести тѣло Годунова изъ Варсонофьевскаго монастыря въ Троицкій и похоронить его честно, вмѣстѣ съ супругою и дѣтьми, при Успенскомъ Соборѣ» [Карамзин 1802d: 44].

<118> «На лѣвой сторонѣ отъ Собора, съ краю, лежитъ Царица; подлѣ нее Борисъ» [Карамзин 1802d: 44].

<119> «Всякой, кто знаетъ исторію отечества, кто умѣетъ цѣнить характеры и дѣла, будучи въ Лаврѣ, захочетъ видѣть эту смиренную палатку» [Карамзин 1802d: 44].

<120> «Изъ монастыря поѣхалъ я въ село Деулино, до котораго будетъ версты 4 отъ Троицы» [Карамзин 1802d: 44].

<121> «Но Деулино и самая деревянная церковь, построенная Троицкимъ Архимандритомъ Діонисіемъ и Келаремъ Авраміемъ на память миру» [Карамзин 1802d: 46]

<122> «Не далеко отъ Деулинской церкви видны еще остатки укрѣпленій» [Карамзин 1802d: 46].

Статья «Известия и замечания. Москва»

(«Вестник Европы». 1802. Ч. 6, № 21. С. 69–73)

<123> «Оно шло отъ востока къ западу, и въ нѣкоторыхъ частяхъ города было сильнѣе, нежели въ другихъ: на примѣръ (сколько можно судить по рассказамъ) на Трубѣ, Рождественкѣ и за Яузою» [Карамзин 1802е: 69].

<124> «Оно (*землетрясение* – Л.В.) не сдѣлало ни малѣйшаго вреда и не оставило никакихъ слѣдовъ, кромѣ того, что въ стѣнѣ одного погреба (въ Городской Части) оказались трещины, а въ другомъ отверстіе въ землѣ, на аршинъ въ окружности» [Карамзин 1802е: 69, 70].

<125> «Удары были чувствительнѣе въ высокихъ домахъ; почти во всѣхъ качались люстры, въ иныхъ столы и стулья» [Карамзин 1802е: 70].

<126> «Работники, бывшіе на Спаской башнѣ, увѣряютъ, что стѣны ея тряслися» [Карамзин 1802е: 70].

<127> «Тѣ, которые шли по улицѣ или ѣхали, ничего не чувствовали, и большая часть жителей только на другой день узнала, что въ Москвѣ было землетрясение» [Карамзин 1802е: 70].

<128> «Татаръ властелинами Россіи, все отечество въ горести, и бывъ за три мѣсяца передъ тѣмъ жертвою пламени, которое всѣ дома ея обратило въ кучу пепла!» [Карамзин 1802е: 71].

<129> «Любопытно знать, произвело ли оно (*землетрясение* – Л.В.) какое нибудь дѣйствіе въ окрестностяхъ Москвы: на примѣръ, не сокрылись ли нѣкоторые ручьи, не явились ли новые, не поднялись ли рѣки» [Карамзин 1802е: 73].

Статья «О случаях и характерах в российской истории, которые могут быть предметом художеств»

(«Вестник Европы». 1802. Ч. 6, № 24. С. 289–308)

<130> «Мнѣ хотѣлось бы представить начало Москвы *ландшафтомъ* -- лугъ, рѣку, пріятное зрѣлище строенія: деревья падаютъ, лѣсъ рѣдѣетъ, открывая виды окрестностей -- небольшое селеніе дворянина Кучки, съ небольшою церковью и съ кладбищемъ» [Карамзин 1802g: 305, 306].

<131> «но вдали, среди крестовъ кладбища, можетъ изобразить челоуѣка в глубокихъ, печальныхъ размышленіяхъ» [Карамзин 1802g: 306].

Статья «Путешествие вокруг Москвы»

(«Вестник Европы». 1803. Ч. 7, № 4. С. 278–289)

<132> «Унылый видъ Природы располагаетъ только къ меланхолическимъ *Іереміадамъ*, для которыхъ нѣтъ нужды дышать туманами и прятаться въ коляскѣ отъ дождя» [Карамзин 1803a: 279].

<133> «Я выѣхалъ изъ своей деревни не рано, и первымъ моимъ ночлегомъ было Кусково, нѣкогда столь извѣстное Московскимъ жителямъ, а нынѣ оставленное и забытое» [Карамзин 1803a: 279].

<134> «Бывало всякое Воскресенье, отъ Мая до Августа, дорога Кусковская представляла улицу многолюднаго города, и карета обскакивала карету Въ садахъ гремѣла музыка, въ аллеяхъ тѣснились люди, и Венеціанская гондола съ разноцвѣтными флагами разѣзжала по тихимъ водамъ большаго озера (такъ можно назвать обширный Кусковский прудъ). Спектакль для благородныхъ, разныя забавы для народа и потѣшные огни для всѣхъ, составляли еженедѣльный праздникъ Москвы» [Карамзин 1803a: 279].

<135> «Наконецъ къ чести и славѣ сего помѣстья должно вспомнить, что въ немъ отдыхалъ на лаврахъ Герой Шереметевъ, когда отечество и ПЕТРЪ Великій не имѣли враговъ» [Карамзин 1803a: 280].

<136> «Теперь Кусково можетъ завидовать Останкину, которое въ самомъ дѣлѣ лучше мѣстоположеніемъ; первое есть старинное помѣстье Шереметевыхъ, а второе досталось имъ отъ Черкасскихъ» [Карамзин 1803a: 280, 281].

<137> «Одинъ Кирила Полуектовичъ Нарышкинъ умѣлъ выбрать несравненное Кунцово на высокомъ берегу Москвы-рѣки, гдѣ представляется взору самый величественный амфитеатръ» [Карамзин 1803a: 281]

<138> «У насъ и нынѣ обыкновенно думаютъ, что въ деревняхъ надобно садить алеи, рыть пруды, строить бесѣдки; у всякаго свой вкусъ -- но я люблю тѣ мѣста, которыя для своей пріятности не требуютъ никакихъ искусственныхъ украшеній» [Карамзин 1803а: 281].

<139> «Чего стоилъ Кусковскій прудъ? Хорошо взглянуть на него; но здорово ли жить на берегу страшной, водяной *массы*, почти неподвижной?» [Карамзин 1803а: 281].

<140> «Рѣка чиститъ воздухъ: большой прудъ наполняетъ его только вредною сыростію» [Карамзин 1803а: 281].

<141> «Кусковскіе сады, гдѣ глаза мои видѣли нѣкогда столько людей, представили мнѣ довольно печальныхъ мыслей!» [Карамзин 1803а: 281].

<142> «Тамъ, въ главной алеѣ, выставлялись прежде всѣ померанцевыя деревья изъ оранжерей: она казалась уголкомъ Гишпаніи» [Карамзин 1803а: 282].

<143> «На другой день въ 10 часовъ я остановился въ деревнѣ Люберцахъ (*), которая принадлежала славному Князю Меншикову, а теперь Государева <...> *) Въ 16 верстахъ отъ Москвы» [Карамзин 1803а: 282].

<144> «Петръ III, будучи Великимъ Княземъ, желалъ имѣть въ Люберцахъ сельской домъ; но его не успѣли достроить, и заготовленные матеріалы, отвезенные въ Москву, послужили для строенія Воспитательнаго Дому» [Карамзин 1803а: 282].

<145> «Я съ удовольствіемъ вошелъ и въ садъ, гдѣ гулялъ нѣкогда Меншиковъ, храбрый, искусный Генераль и *великой человекъ въ несчастіи*» [Карамзин 1803а: 282].

<146> «Мѣстоположеніе красиво, и большой садъ, раздѣляющій селеніе на двѣ половины, находится подъ вѣдѣніемъ Коломенскаго Управителя» [Карамзин 1803а: 282, 283].

<147> «Отъѣхавъ верстъ 25, увидѣлъ я на правой сторонѣ Москву-рѣку и нѣсколько деревень, которыя, съ господскими домами и садами, образуютъ прекрасной ландшафтъ» [Карамзин 1803а: 283].

<148> «Естьли изключить Владимірскую, лѣсную и скучную дорогу, то можно сказать, что наша древняя столица окружена со всѣхъ сторонъ пріятными мѣстами» [Карамзин 1803а: 283].

<149> «Въ селѣ Марковѣ я останавливался искать на берегу Москвы-рѣки окаменѣлостей, которыми оно славится» [Карамзин 1803а: 283].

<150> «отказалъ Московскія и Коломенскія помѣстья свои фельдмаршалу Борису Петровичу» [Карамзин 1803а: 283].

<151> «Вообще имя Коломны встрѣчается въ Исторіи по двумъ случаямъ: или Татары жгутъ ее, или въ ней собирается Руское войско итти противъ Татаръ -- бывало всегда на большой равнинѣ, гдѣ течетъ рѣка Сѣверка» [Карамзин 1803а: 284].

<152> «Князь Василій Ивановичъ окружилъ ее каменною стѣною съ башнями» [Карамзин 1803а: 285].

<153> «Улицы и строеніе здѣсь не красивы; но за то промышленность людей достойна вниманія и похвалы» [Карамзин 1803а: 285].

<154> «Въ самыхъ маленькихъ деревенькахъ женщины въ избахъ своихъ вьютъ шелкъ» [Карамзин 1803а: 285].

<155> «иностранцы смотрятъ въ Москвѣ большую пушку, разбитой колоколь, и не ѣздятъ по окрестнымъ деревнямъ» [Карамзин 1803а: 286].

<156> «Надобно только замѣтить, что богатѣйшіе изъ Подмосковныхъ крестьянъ Раскольники: они не пьянствуютъ!» [Карамзин 1803а: 286]

<157> «Не только въ городѣ, но и въ окрестныхъ деревняхъ я видѣлъ очень хорошіе сады» [Карамзин 1803а: 286].

<158> «Въ пяти верстахъ отъ Коломны впадаетъ Москва-рѣка въ Оку, среди глубокихъ песковъ. Тутъ построень монастырь, который возбудилъ мое любопытство своимъ именемъ: онъ называется Голутвинымъ. Разсказываютъ по старому монашескому преданію, что на семь мѣстѣ жили нѣкогда разбойники, которыхъ называли *голыдѣбою* или голыми людьми, и что ихъ имя въ теченіе времени досталось монастырю въ наслѣдство» [Карамзин 1803а: 286, 287].

<159> «Въ Голутвиномъ монастырѣ три церкви и кельи всѣ каменные. Сказываютъ, что онъ построенъ Сергіемъ Чудотворцемъ (слѣдственно въ 14 вѣкѣ)» [Карамзин 1803а: 287].

<160> «Прежде сей монастырь былъ очень богатъ» [Карамзин 1803а: 287].

<161> «Въ 25 верстахъ отъ Коломны находится село Дѣдлово, весьма достойное любопытства. Я давно желалъ видѣть его» [Карамзин 1803а: 288].

<162> «Деревня Клинь, которая была въ старину наслѣдственнымъ помѣстьемъ фамиліи Романовыхъ, принадлежитъ къ Дѣдлову» [Карамзин 1803а: 288].

<163> «Оно (*Дѣдлово* – Л.В.) разселено вдоль низкаго берега Оки на великомъ пространствѣ, и въ весенніе мѣсяцы заливается водою недѣль на шесть, такъ что жители другъ ко другу ѣздятъ въ лодкахъ» [Карамзин 1803а: 288].

<164> «На сей разъ будьте покойны: возвращаюсь къ камину своей Подмосковной» [Карамзин 1803а: 289].

Статья «О тайной канцелярии»

(«Вестник Европы». 1803. Ч. 8, № 6. С. 122–133)

<165> «Вамъ скажутъ объ этомъ и въ Архивѣ Иностранныхъ дѣлъ и въ Савинскомъ монастырѣ» [Карамзин 1803b: 127].

<166> «когда Царь хотѣлъ изъявить Свое отмѣнное благоволеніе къ какому нибудь монастырю, Онъ подчинялъ его Тайной Канцеляріи: на примѣръ, Савинскій, котораго всѣ расходы и счета въ ней повѣрялись» [Карамзин 1803b: 127].

<167> «Царь Иванъ Васильевичъ могъ бы съ удовольствіемъ читать описаніе своихъ побѣдъ, путешествій къ Троицѣ и въ другіе монастыри» [Карамзин 1803b: 128, 129].

<168> «Не много уже и такихъ, которые говорятъ о правленіи Анны, о нещастіи Долгорукихъ, о лютостяхъ Бирона, о весельяхъ Двора Елисаветы

-- и кто ихъ слушаетъ со вниманіемъ?» [Карамзин 1803b: 129, 130].

<169> «Подите въ село Преображенское, которое надѣляетъ Москву хорошею водою -- тамъ, среди огородовъ, укажутъ вамъ развалины небольшого каменнаго зданія» [Карамзин 1803b: 130].

<170> «Я видѣлъ глубокія ямы, гдѣ сидѣли несчастные; видѣлъ желѣзныя решетки въ маленькихъ окнахъ, сквозь которыя проходилъ свѣтъ и воздухъ для сихъ государственныхъ преступниковъ» [Карамзин 1803b: 130].

Статья «Записки стараго московскаго жителя: [Очерк об улучшеніяхъ в Москвѣ]»

(«Вестник Европы». 1803. Ч. 10, № 16. С. 276–286)

<171> «Эмилиа уѣхала въ деревню, и Бостонъ нашъ разстроился; на бульварѣ нѣтъ ни души, ибо время не благопріятно для гулянья» [Карамзин 1803с: 276].

<172> «Смотрю и вижу сельскую невинность, которая, остановясь передъ окномъ моего низенькаго домика, показываетъ мнѣ букетъ свѣжихъ ландышей» [Карамзин 1803с: 278].

<173> «Если докажутъ мнѣ, что въ шестидесятихъ годахъ хотя одинъ сельской букетъ былъ купленъ на Московской улицѣ, то соглашаюсь бросить перо свое въ первый огонь, который разведу осенью въ моемъ каминѣ» [Карамзин 1803с: 279].

<174> «Старинные Рускіе Бояре не заглядывали въ деревню, не имѣли загородныхъ домовъ и не чувствовали ни малѣйшаго влеченія наслаждаться Природою (для которой не было и самаго имени въ языкѣ ихъ)» [Карамзин 1803с: 279, 280].

<175> «(*Старинные Рускіе Бояре* – Л.В.) не знали, какъ милы для глазъ ландшафты полей, и какъ нуженъ для здоровья деревенскій воздухъ...» [Карамзин 1803с: 280].

<176> «они гуляли только въ своихъ огородахъ, гдѣ, сидя подъ тѣнію

черемхи, пивали холодной медъ изъ стопъ оловянныхъ» [Карамзин 1803с: 280].

<177> «Старинные Рускіе Бояре <...> не имѣли даже и цвѣтниковъ; въ глаза не знали великолѣпной душистой розы, которую уже во время Царя Михаила Ѳедоровича привезъ въ Москву Голштинецъ Петръ Марселлисъ» [Карамзин 1803с: 280].

<178> «Только при Государѣ ПЕТРѢ Великомъ знатные начали строить дома въ Подмосковныхъ; но еще за 40 лѣтъ передъ симъ богатому Рускому дворянину казалось стыдно выѣхать изъ столицы и жить въ деревнѣ» [Карамзин 1803с: 280].

<179> «число сельскихъ домиковъ въ окрестностяхъ ея годъ отъ году умножается» [Карамзин 1803с: 281].

<180> «Мнѣ случилось въ одной Подмосковной деревнѣ видѣть крестьянскій сарай, обращенный въ комнату съ диванами: тутъ въ хорошее время года живетъ довольно богатой купецъ съ своимъ семействомъ» [Карамзин 1803с: 281].

<181> «Въ городѣ у него (*богатого купца* – Л.В.) каменной домъ и большой садъ» [Карамзин 1803с: 281].

<182> «Поѣзжайте въ Воскресенье на Воробьевы Горы, къ Симонову Монастырю, въ Сокольники: вездѣ множество гуляющихъ» [Карамзин 1803с: 281].

<183> «Портные и сапожники съ женами и дѣтьми рвутъ цвѣты на лугахъ, и съ букетами возвращаются въ городъ» [Карамзин 1803с: 281].

<184> «Объѣзжайте Подмосковныя: сколько прекрасныхъ домиковъ, Англійскихъ садовъ, сельскихъ заведеній, достойныхъ любопытнаго взора просвѣщенныхъ иностранцевъ! На примѣръ, село Архангельское, въ 18 верстахъ отъ Москвы, вкусомъ и великолѣпіемъ садовъ своихъ можетъ удивить самага Британскаго Лорда» [Карамзин 1803с: 282].

<185> «Рощи -- гдѣ дикость Природы соединяется съ удобствами Искусства и всякая дорожка ведетъ къ чему нибудь пріятному: или къ

хорошему виду, или къ обширному лугу, или къ живописной дичи» [Карамзин 1803с: 282].

<186> «Рощи <...> наконецъ заступають у насъ мѣсто такъ называемыхъ *правильныхъ садовъ*, которые ни на что не похожи въ Натурѣ и совсѣмъ не дѣйствуютъ на воображеніе» [Карамзин 1803с: 282].

<187> «Скоро безъ сомнѣнія перестанемъ рыть и пруды, въ увѣреніи, что самой маленькой ручеекъ своимъ быстрымъ теченіемъ и журчаніемъ оживляетъ сельскія Красоты гораздо болѣе, нежели сіи *мутныя зеркала*, гдѣ гніетъ вода неподвижная....» [Карамзин 1803с: 282].

<188> «Знаете ли, что и самой Московскій *булеваръ*, каковъ онъ ни есть, доказываетъ успѣхи нашего вкуса?» [Карамзин 1803с: 283].

<189> «Предки наши не имѣли въ Москвѣ гульбища; даже и мы еще весьма не давно захотѣли имѣть сіе удовольствіе; но за то очень любимъ его» [Карамзин 1803с: 283].

<190> «Жаль только, что нашъ *булеваръ* скупъ на тѣнь и до крайности щедръ на пыль; онъ же, къ нещастію, именемъ своимъ напоминаетъ *булевары* Парижскіе, столь прекрасные и сѣнистые!» [Карамзин 1803с: 283].

<191> «Иногда думаю, гдѣ быть у насъ гульбищу, достойному столицы - и не нахожу ничего лучше берега Москвы-рѣки между каменнымъ и деревяннымъ мостомъ, естли бы можно было сломать тамъ Кремлевскую стѣну, гору къ Соборамъ устлатъ дерномъ, разбросать по ней кусточки и цвѣтники, сдѣлать уступы и крыльцы для всхода, соединить такимъ образомъ Кремль съ набережною, и внизу насадить алею» [Карамзин 1803с: 284].

<192> «Тогда, смѣю сказать, Московское гульбище сдѣлалось бы однимъ изъ первыхъ въ Европѣ» [Карамзин 1803с: 284].

<193> «Тамъ уже заводилось гульбище; но Кремлевская стѣна ни мало не весела для глазъ» [Карамзин 1803с: 284].

<194> «Тогда же берегъ не былъ еще выстланъ камнемъ» [Карамзин 1803с: 284].

<195> «Древній Кремль съ златоглавыми Соборами и готическимъ дворцомъ своимъ; большая зеленая гора съ пріятными отлогостями и цвѣтниками; рѣка не малая и довольно красивая, съ двумя мостами, гдѣ всегда движется столько людей» [Карамзин 1803с: 284, 285].

<196> «огромный Воспитательный Домъ съ одной стороны, а съ другой длинный, необозримый берегъ съ маленькими домиками, зеленью и громадами плотоваго лѣса; вдали Воробьевы горы, лѣса, поля – вотъ картина! вотъ гульбище, достойное великаго народа!» [Карамзин 1803с: 285].

<197> «Тогда житель Парижа или Берлина, сѣвъ на уступѣ Кремлевской горы, забылъ бы свой бульваръ, свою *липовую улицу*» [Карамзин 1803с: 285].

<198> «Воображаю еще множество лодокъ и шлюпокъ на Москвѣ-рѣкѣ съ разноцвѣтными флагами, съ роговою музыкою» [Карамзин 1803с: 285].

<199> «ежедневное собраніе людей на берегу ея безъ сомнѣнія произвело бы сію охоту забавляться и забавлять другихъ...» [Карамзин 1803с: 285].

<200> «Сверхъ того Кремль есть любопытнѣйшее мѣсто въ Россіи по своимъ богатымъ историческимъ воспоминаніямъ, которыя еще возвысили бы пріятность сего гульбища, занимая воображеніе» [Карамзин 1803с: 285].

<201> «Развѣ одно время разрушить ее, такъ же, какъ оно разрушило стѣну вокругъ Бѣлаго города и Землянаго: ибо и сей послѣдній былъ нѣкогда окруженъ башнями (деревянными)» [Карамзин 1803с: 285].

<202> «И такъ удовольствуемся своимъ *булеваромъ*! куда, государи мои, вы дозволите мнѣ и теперь отправиться: ибо облака разсѣялись и солнце проглянуло» [Карамзин 1803с: 285, 286].

Статья «О московском мятеже в царствование Алексея Михайловича»

(«Вестник Европы». 1803. Ч. 11, № 18. С. 119–145)

<203> «Граждане смиренно приносили жалобу, не находили защиты,

безмолвствовали -- и только въ храмахъ Царя Царей молили Небо со слезами тронуть, смягчить жестокое сердце Іоанна» [Карамзин 1803d: 120].

<204> «Желая властвовать, какъ Годуновъ при Ѳеодорѣ властвовалъ, онъ не имѣлъ мудрой, глубокой политики сего великаго человѣка, изумлявшаго народъ блескомъ своихъ добродѣтелей, но прибѣгнувъ къ средствамъ хитрости низкой: удалилъ отъ Двора многихъ знаменитыхъ Патріотовъ, особенно же родственниковъ покойной Царицы» [Карамзин 1803d: 121, 122].

<205> «Илья Даниловичъ Милославскій хотя издавна служилъ при Дворѣ, но былъ весьма небогатый дворянинъ» [Карамзин 1803d: 123, 124].

<206> «Первый Начальствовалъ въ Земскомъ Приказѣ, то есть уголовномъ и гражданскомъ судѣ столицы, и жертвовалъ правдою гнусной корысти съ такимъ безстыдствомъ, съ такою дерзостію, что въ наше время трудно повѣрить рассказамъ о дѣлахъ сего человѣка (*)» [Карамзин 1803d: 124, 125].

<207> «Онъ (*Окольничій Леонтій Плещеевъ* – Л.В.) разорялъ правыхъ и виноватыхъ; научалъ злодѣевъ доносить на богатыхъ людей, бралъ ихъ подъ стражу, заключалъ въ темницу и предлагалъ имъ выкупать себя деньгами» [Карамзин 1803d: 125].

<208> «Плещеевъ и Троханіотовъ его слышали, но презирали, вмѣстѣ съ другими Боярами веселясь безопасно въ новыхъ Кремлевскихъ палатахъ своего родственника Милославскаго (*)» [Карамзин 1803d: 126].

<209> «Народъ толпился на красной площади, а въ другихъ частяхъ города собирався передъ церквами, совѣтуясь, что ему дѣлать» [Карамзин 1803d: 126].

<210> «Царь подарилъ ему домъ въ Кремлѣ; но пышный Милославскій изломалъ его и построилъ новый» [Карамзин 1803d: 126].

<211> «23 Іюня 1648 году (*), въ день Крестнаго Хода въ монастырь Срѣтенской, Царь, отслушавъ тамъ обѣдню, возвращался верхомъ въ Кремлевскій дворецъ свой: многочисленныя толпы народа окружили его на

площади» [Карамзин 1803d: 128].

<212> «(*Граждане* – Л.В.) схватили за узду лошадь Царскую» [Карамзин 1803d: 128].

<213> «Народъ громогласно изъявилъ благодарность Монарху, и восклицанія: *здравія и многія лѣта нашему Царю-Государю!* провожали его до Спасскихъ воротъ» [Карамзин 1803d: 129]

<214> «Къ несчастію, нѣкоторые чиновники, прискакавъ за Царемъ на площадь, и слыша, что сдѣлалось, безразсудно вступились за Леонтія Плещеева» [Карамзин 1803d: 129].

<215> «нѣкоторые чиновники <...> начали укорять гражданъ мятежною дерзостію -- даже бить ихъ, топтать лошадьми» [Карамзин 1803d: 129].

<216> «Страшный вопль раздался на площади; камни посыпались на чиновниковъ: народъ въ слѣдъ за ними, вломился въ Кремль, гналъ ихъ до самыхъ палатъ Государевыхъ, и Стрѣльцы съ великимъ трудомъ могли остановить его на ступеняхъ крыльца» [Карамзин 1803d: 129, 130].

<217> «Бояринъ Морозовъ выходитъ на красное крыльцо» [Карамзин 1803d: 130].

<218> «Едва онъ могъ спастись отъ ихъ злобы во дворецъ Государевъ» [Карамзин 1803d: 130].

<219> «Они бросились въ Кремлевскій домъ Морозова» [Карамзин 1803d: 130].

<220> «Въ нѣсколько минутъ домъ Боярина былъ разграбленъ; сундуки, шкапы взломаны; богатые ковры Персидскіе, парчи, бархаты, соболи и черныя лисицы изорваны на части; мѣшки съ ефимками высыпаны на полъ, серебряная посуда выброшена изъ оконъ на улицу; жемчугъ выносили въ шапкахъ и за ничто продавали» [Карамзин 1803d: 130, 131].

<221> «въ старину сіи драгоцѣнные оклады составляли въ домахъ главное украшеніе и сокровище» [Карамзин 1803d: 131].

<222> «Въ день свадьбы Морозова Государь подарилъ ему великолѣпный берлинъ, окованный серебромъ и внутри обитый золотою парчею съ

соболюею опушкою» [Карамзин 1803d: 131].

<223> «Глубокій погребъ Боярскій, по словамъ одного иностраннаго Писателя, обратился въ колодезь: Нѣмецкія и Фряжскія вина лились изъ разбитыхъ бочекъ» [Карамзин 1803d: 131].

<224> «Мятежники, опустошивъ домъ перваго Боярина, раздѣлились на многія толпы» [Карамзин 1803d: 131].

<225> «Грабежъ въ домахъ ихъ продолжался во всю ночь, до самаго утра» [Карамзин 1803d: 131].

<226> «невѣрный слуга указалъ его мятежникамъ, которые тирански умертвили несчастнаго и бросили на дворѣ въ яму» [Карамзин 1803d: 132].

<227> «Олеарій, знавъ лично сего Думнаго Дьяка, описываетъ его человѣкомъ суровымъ и корыстолюбивымъ: будучи при Дворѣ знатенъ и силенъ, онъ дѣлалъ великія неудовольствія Голштинскимъ Посламъ за то, что они мало дарили его» [Карамзин 1803d: 132].

<228> «Онъ повелѣлъ только запереть Кремлевскія ворота, когда народъ разсѣялся по Китаю и Бѣлому Городу» [Карамзин 1803d: 132, 133].

<229> «На другой день мятежники снова явились на большой площади и грозили довершить свое мщеніе» [Карамзин 1803d: 133].

<230> «Тогда Государь приказалъ собраться въ Кремль войску иностранному» [Карамзин 1803d: 133].

<231> «Для нихъ отворили Спасскія ворота: никто изъ мятежниковъ не дерзнулъ итти въ Кремль за ними» [Карамзин 1803d: 133].

<232> «Романовъ выѣхалъ верхомъ изъ Кремля на площадь, снялъ съ головы высокую боярскую шапку свою и показалъ, что хочетъ говорить народу» [Карамзин 1803d: 134].

<233> «Народъ отвѣтствовалъ, что онъ чувствуетъ власть Царскую, готовъ умереть за него, но не сойдетъ съ площади» [Карамзин 1803d: 134, 135].

<234> «Никита Ивановичъ Романовъ изъявляетъ гражданамъ благодарность за ихъ усердіе къ Царю, увѣряя клятвенно, что Морозова и Троханіотова нѣтъ во дворцѣ, и что они бѣжали изъ города» [Карамзин 1803d: 135].

<235> «Народъ требуетъ Плещеева. Бояринъ обѣщаетъ обо всемъ донести Государю, кланяется народу и ѣдетъ назадъ въ Кремль....» [Карамзин 1803d: 135].

<236> «Вмѣсто того, чтобы въ грозномъ ополченіи выслать изъ Кремля Стрѣльцовъ и роты иностранныя, съ повелѣніемъ разсѣять мятежниковъ» [Карамзин 1803d: 135].

<237> «Черезъ нѣсколько минутъ въ самомъ дѣлѣ отворились Кремлевскія ворота, и народъ увидѣлъ сего несчастнаго» [Карамзин 1803d: 136].

<238> «Въ то же время Государь отправилъ Князя Семена Пожарскаго въ слѣдъ за Троханіотовымъ; его догнали близъ монастыря Троицкаго, заключили на нѣсколько часовъ въ темницѣ Земскаго Двора и казнили на площади 25 Іюня» [Карамзин 1803d: 136].

<239> «но онъ ускакалъ отъ нихъ, возвратился въ городъ и тихонько пробрался во дворецъ, какъ въ самое безопаснѣйшее для себя мѣсто» [Карамзин 1803d: 136].

<240> «въ три часа вечера сдѣлался страшный пожаръ на Дмитровкѣ и на Тверской, который обратилъ въ пепель всѣ дома, бывшіе за бѣлою стѣною до самой Неглинной» [Карамзин 1803d: 137].

<241> «(*пожар* – Л.В.) перешелъ даже за сію рѣку и грозилъ обнять пламенемъ главный питейный домъ казенный, гдѣ стояло множество бочекъ съ виномъ» [Карамзин 1803d: 137].

<242> «Китай-городъ и самый дворецъ Государевъ былъ въ опасности» [Карамзин 1803d: 137].

<243> «Вмѣсто того, чтобы гасить огонь, чернь съ жадностію бросилась въ казенные погреба; пьяные безъ чувствъ падали на улицахъ и задыхались отъ дыма....» [Карамзин 1803d: 137].

<244> «Въ 11 часовъ сей бѣдственной ночи, говоритъ онъ, нѣсколько иностранцевъ стояло на улицѣ и съ ужасомъ смотрѣло на быстрое теченіе пламени» [Карамзин 1803d: 137].

<245> «Черезъ нѣсколько дней послѣ того Царь угощалъ въ Кремлѣ всю

свою гвардію» [Карамзин 1803d: 138].

<246> «Бояре ѳздили по улицамъ, и народъ изъявлялъ обыкновенное къ нимъ уваженіе» [Карамзин 1803d: 138].

<247> «Царь Алексѳй Михайловичъ выѳхалъ изъ Кремля, сошелъ съ лошади и сталъ на возвышенномъ мѣстѣ (*)...» [Карамзин 1803d: 139].

<248> «Съ сими словами Государь сѣлъ на коня и со всею свитою Бояръ и царедворцевъ возвратился въ Кремль» [Карамзин 1803d: 141].

<249> «Черезъ нѣсколько дней послѣ того (*) Государь отправился въ монастырь Троицкій» [Карамзин 1803d: 142, 143].

<250> «Борисъ Ивановичъ Морозовъ, который около двухъ недѣль скрывался во дворцѣ, въ первый разъ явился тогда глазамъ народа Московскаго» [Карамзин 1803d: 143, 144].

<251> «Царь, послѣ крестнаго хода, возвращался тогда изъ Срѣтенскаго монастыря; а крестный ходъ въ сей монастырь бываетъ 23 число Іюня» [Карамзин 1803d: 144].

Статья «Руская старина»

(«Вестник Европы». 1803. Ч. 11, № 20. С. 251–271)

<252> «Во время Царя Михаила Ѳеодоровича считалось въ Москвѣ около 2000 церквей» [Карамзин 1803e: 251].

<253> «Сіе великое число покажется удивительно; но должно знать, что всякой Бояринъ, всякой знатной или богатой человѣкъ того времени хотѣлъ имѣть собственную церковь свою. Онѣ были почти всѣ деревянныя и маленькія» [Карамзин 1803e: 252].

<254> «Патріархъ Никонъ, видя частые въ Москвѣ пожары уговаривалъ набожныхъ и богатыхъ людей строить каменные церкви, и множество деревянныхъ было при немъ сломано» [Карамзин 1803e: 252].

<255> «Олеарій говоритъ о пятидесяти церквахъ въ Кремлѣ; но вѣроятно, что онъ и придѣлы называетъ Храмами» [Карамзин 1803e: 252].

<256> «Иностранцы, замѣчая, что всѣ наши церкви внутри бываютъ съ круглыми сводами, хотѣли знать причину того, но не могли свѣдать ее» [Карамзин 1803е: 252].

<257> «для чего въ храмахъ нашихъ не бываетъ музыки?» [Карамзин 1803е: 252].

<258> «Олеарій и другіе чужестранные Писатели говорятъ, что одно Руское ухо могло сносить страшной звонъ Московскихъ колоколовъ» [Карамзин 1803е: 252, 253].

<259> «Въ большой колоколъ Годунова, вѣсомъ въ 356 центнеровъ, звонили единственно въ большіе праздники, или тогда, какъ Цари принимали въ Кремлѣ важныхъ Пословъ чужестранныхъ» [Карамзин 1803е: 253].

<260> «Описывая тишину благочестія, наблюдаемую Рускими въ церквахъ, Олеарій прибавляетъ, что Московскіе жители и на улицахъ безпрестанно молятся, или передъ иконами, стоящими на воротахъ, или передъ крестами церквей» [Карамзин 1803е: 253].

<261> «Цари бывали со всѣми Боярами ежегодно два или три раза въ Монастырѣ Троицкомъ» [Карамзин 1803е: 254].

<262> «Не доѣзжая до монастыря за три версты, онъ выходилъ изъ коляски или берлина, чтобы со всѣми Боярами итти пѣшкомъ до самыхъ воротъ, гдѣ встрѣчалъ его Архимандритъ» [Карамзин 1803е: 254].

<263> «но едва ли кто нибудь изъ нихъ могъ сравняться въ усердной набожности съ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ, который, по словамъ Олеарія, почти всегда молился въ церкви на колѣняхъ и падалъ ницъ передъ иконами» [Карамзин 1803е: 254, 255].

<264> «Олеарій при описаніи своего путешествія издалъ весьма хорошій и вѣрный планъ Москвы. Въ его время она раздѣлялась на *Китай-городъ*, *Царь-городъ* (нынѣ бѣлой-городъ), *Скородомъ* и Стрѣлецкую Слободу, бывшую за Москвою-рѣкою» [Карамзин 1803е: 255].

<265> «Кремль считался только частію Китая-города» [Карамзин 1803е: 255].

<266> «Олеарій пишесть о великолѣпїи дворца, построеннаго въ Италіянскомъ вкусѣ Царемъ Михаиломъ для сына его, Алексѣя Михайловича» [Карамзин 1803е: 255].

<267> «самъ же Царь жилъ для своего здоровья въ деревянномъ домѣ» [Карамзин 1803е: 255].

<268> «Всѣ знатнѣйшіе Бояре имѣли дома въ Кремлѣ. Палаты Никона Патріарха были тамъ, послѣ дворца, огромнѣйшимъ зданіемъ» [Карамзин 1803е: 255].

<269> «Олеарій не изъясняетъ имени Кремля; но мы знаемъ, что оно Татарское и значить *крѣпость*. За то онъ сказываетъ намъ, что имя Китая-города значить *средній городъ* – вѣроятно, также на Монгольскомъ или Татарскомъ языкѣ, изъ котораго наши предки заимствовали довольно словъ. Будучи между Кремлемъ и Царемъ-городомъ, *Китай* могъ назваться *среднимъ*. Въ немъ жили тогда всѣ богатѣйшіе гости или купцы, нѣкоторые Князья Московскіе и дворяне» [Карамзин 1803е: 255, 256].

<270> «Олеарій, упоминая о готической и примѣчанія достойнѣйшей въ Китаѣ-городѣ церкви Василия Блаженнаго, рассказываетъ, что Царь Іоаннъ, будучи ею весьма доволенъ, приказалъ выколотъ глаза Архитектору ея, чтобы онъ не могъ построить другога, столь же красиваго храма» [Карамзин 1803е: 256]

<271> «Не далеко отъ Василия Блаженнаго было возвышенное мѣсто, на которомъ *лежали* неподвижно двѣ огромныя пушки, обращенныя къ той улицѣ, откуда обыкновенно приходили Татары» [Карамзин 1803е: 256].

<272> «На Красной Площади *съ утра до вечера* толпилось множество людей праздныхъ, господскихъ слугъ, купцовъ и продавцевъ всякаго роду вещей. Сіе мѣсто походило на Римскій Форумъ. Тутъ рассказывались всякія любопытныя вѣсти. Уже при Царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ (Вѣроятно, что и гораздо прежде) для всякаго товара былъ въ Москвѣ особенный рядъ, какъ и нынѣ, и на томъ же самомъ мѣстѣ. Олеарій именуеть ряды шелковый, суконный, серебряный, шапошный, сѣдельный, сапожный, иконный и

проч.» [Карамзин 1803е: 256].

<273> «Онъ говоритъ еще о рынкѣ (между Посольскимъ Дворомъ и Красною Площадью), гдѣ въ хорошую погоду Московскіе жители стригли себѣ волосы, которыми земля была тамъ устлана какъ *мягкими тюфяками*» [Карамзин 1803е: 256, 257].

<274> «Китай-городъ окружень былъ красною, а *Царь-городъ* бѣлою стѣною» [Карамзин 1803е: 257].

<275> «Въ сей части города жили дѣти Боярскіе или дворяне, богатое мѣщанство, купцы имѣвшіе торгъ съ другими городами, ремесленники и всѣ хлѣбники; тамъ же были Царская конюшня и литейной дворъ, на томъ мѣстѣ, которое называлось *поганымъ прудомъ*» [Карамзин 1803е: 257].

<276> «Третья часть Москвы (за нынѣшнимъ *бѣлымъ городомъ*) называлась *Скородомомъ* отъ того, что она состояла изъ однихъ деревянныхъ маленькихъ домовъ, которыхъ строеніе не требовало много времени» [Карамзин 1803е: 257].

<277> «Тамъ находился лѣсной рядъ, гдѣ продавались всегда готовые срубы» [Карамзин 1803е: 257].

<278> «Въ *Скородомѣ*, окруженномъ деревянною стѣною съ башнями, жили мѣщане и подъячіе» [Карамзин 1803е: 257].

<279> «Четвертая часть города, или Стрѣлецкая Слобода (за Москвою-рѣкою), также обнесенная деревянною стѣною, была построена ввремя Князя Василья Ивановича для иностранныхъ солдатъ, взятыхъ имъ въ Рускую службу. Во время Годунова, Димитрія и Царя Михаила Ѳеодоровича жили тамъ Стрѣльцы и самые бѣднѣйшіе люди» [Карамзин 1803е: 257].

<280> «Знатные господа обыкновенно подбривали себѣ волосы кругомъ, и единственно тогда отпускали ихъ, когда впадали при Дворѣ въ немилость» [Карамзин 1803е: 258].

<281> «Не многіе изъ нихъ имѣли каменные дома, и то уже во время Романовыхъ» [Карамзин 1803е: 261].

- <282> «при Годуновѣ жили они (*старые Руские Бояре* – Л.В.) въ деревянныхъ, маленькихъ и темныхъ домикахъ» [Карамзин 1803е: 261].
- <283> «Въ одномъ дворцѣ подавали кушанье на серебрѣ» [Карамзин 1803е: 261].
- <284> «они крайне любили чеснокъ, и что въ самыхъ знатнѣйшихъ домахъ рѣдко проходилъ запахъ его» [Карамзин 1803е: 261].
- <285> «Въ сіе время не лѣзя было итти въ гости ни къ купцу, ни къ Боярину; даже сидѣльцы запирали лавки свои и въ лѣтнее время спали на землѣ передъ ними» [Карамзин 1803е: 262, 263].
- <286> «Онѣ рѣдко выходили изъ дому, даже и въ церковь» [Карамзин 1803е: 263].
- <287> «Боярыни, нарядясь великолѣпно, выѣзжали лѣтомъ въ закрытыхъ маленькихъ коляскахъ, или *колымагахъ*, обитыхъ *снаружи* краснымъ сукномъ; а зимою въ саняхъ, также закрытыхъ» [Карамзин 1803е: 263].
- <288> «на лошади, впряженной въ колымагу или въ сани, висѣли лисьи хвосты» [Карамзин 1803е: 263].
- <289> «Онѣ дружески обласкавъ Голштинскихъ Пословъ, бывшихъ въ Москвѣ при Царѣ Михаилѣ -- угощаль ихъ въ домѣ своемъ, веселилъ соколиною охотою и провожалъ съ музыкою по Москвѣ-рѣкѣ, когда они отправились водою въ Персію» [Карамзин 1803е: 264].
- <290> «Онѣ (Патріархъ Никонѣ) жилъ, по ихъ извѣстіямъ, весьма хорошо и даже роскошно въ новыхъ Кремлевскихъ палатахъ своихъ» [Карамзин 1803е: 265].
- <291> «духовныя Особы въ Россіи, по обряду церкви, должны братски лобызать тѣхъ, которые принимаютъ ихъ Религію» [Карамзин 1803е: 265].
- <292> «онѣ запретилъ музыку въ столицѣ, думая, что она можетъ развратить нравы; велѣлъ отобрать музыкальные инструменты не только въ питейныхъ, но и во всѣхъ частныхъ домахъ, и торжественно сжечь ихъ за Москвою-рѣкою. Одинъ Никита Ивановичъ Романовъ не послушался его, и не переставалъ забавляться музыкою въ домѣ своемъ» [Карамзин 1803е: 265].

- <293> «Простые люди (говоритъ онъ) почти не имѣютъ къ нимъ доступа, и не могутъ вѣхатъ верхомъ на Боярскій дворъ» [Карамзин 1803е: 265, 266].
- <294> «Знатной человѣкъ никогда не ходитъ пѣшкомъ, боясь тѣмъ унизиться; ему надобно сѣсть на лошадь» [Карамзин 1803е: 266].
- <295> «Иностранные художники, пріѣзжавшіе въ Россію со временъ Князя Іоанна, не пускали ихъ наконецъ въ свою мастерскую, боясь, чтобы они не сравнялись съ ними въ искусствѣ» [Карамзин 1803е: 267].
- <296> «Купецъ, идучи по утру въ лавку, заходилъ прежде на рынокъ, покупалъ хлѣбъ, и разрѣзавъ его на ломти, отдавалъ нищимъ, которые не только сами питались сею милостынею, но и продавали еще множество сухарей дорожнымъ людямъ изъ остатковъ ея» [Карамзин 1803е: 267].
- <297> «По древнему обыкновенію Цари наши, въ первый день Пасхи, между заутрени и обѣдни, ходили въ городскую темницу, и сказавъ преступникамъ: *Христосъ воскресъ и для васъ!*» [Карамзин 1803е: 267].
- <298> «Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ желаетъ оставить при Дворѣ своемъ Астронома Олеарія» [Карамзин 1803е: 268].
- <299> «Черезъ нѣсколько лѣтъ пріѣхавъ опять въ Москву, онъ вздумалъ однажды забавлять Дьяка иностранныхъ дѣлъ темною камерою, и показывалъ ему на стѣнѣ предметы, бывшіе на улицѣ» [Карамзин 1803е: 268].
- <300> «страшная исторія кончилась тѣмъ, что Фельдшера выслали изъ Россіи, а скелетъ его сожгли за Москвою-рѣкою» [Карамзин 1803е: 268, 269].
- <301> «Жена одного Сына Боярскаго вздумала тѣмъ воспользоваться, чтобы отмстить мужу своему за разныя его жестокости; пришла во дворецъ и сказала, что мужъ ея знаетъ вѣрное средство вылечить Царя, но не хочетъ употребить его» [Карамзин 1803е: 269].
- <302> «Но только Дворъ и Бояре, говоритъ Маржереть, прибѣгали къ иностраннымъ врачамъ» [Карамзин 1803е: 270].

Статья «Русская старина (продолжение)»

(«Вестник Европы». 1803. Ч. 12, № 21/22. С. 94–103)

<303> «Послѣ имѣ отведено было мѣсто за городомъ, на берегу Яузы, гдѣ на счетъ казны выстроили для нихъ (*иностранцев*– Л.В.) домики» [Карамзин 1803f: 96].

<304> «Жены солдатъ Нѣмецкихъ, замѣтивъ что нибудь странное въ Рускихъ, ходившихъ мимо ихъ оконъ, кричали другъ другу: *Кукке, кукке гиръ*, то есть: *смотри, смотри!* Рускіе затвердили это слово, и прозвали Нѣмецкую слободу Кукуемъ» [Карамзин 1803f: 96].

<305> «Черезъ нѣсколько лѣтъ она запустѣла: иностранцы переселились въ городъ, и богатѣйшіе изъ нихъ начали тамъ строить каменные дома» [Карамзин 1803f: 96].

<306> «Лютеране имѣли церковь свою въ Бѣломъ городѣ (близъ нынѣшней Меншиковой башни); но женская ссора разрушила ее до основанія» [Карамзин 1803f: 96].

<307> «Многіе Нѣмецкіе Офицеры, бывшіе въ Руской службѣ, женились на служанкахъ, которыя, гордясь чиномъ мужей своихъ, захотѣли въ церкви сидѣть выше купеческихъ женъ» [Карамзин 1803f: 97].

<308> «Въ самую ту минуту Патріархъ ѣхалъ мимо; узналъ причину шума, и сказавъ: *когда онѣ ходятъ въ церковь не молиться, а гордиться, то имъ лучше не имѣть ее* -- и велѣлъ сломать церковь до основанія» [Карамзин 1803f: 97].

<309> «Черезъ нѣкоторое время они построили новую (*церковь* – Л.В.) въ Земляномъ Городѣ; но скоро должны были совсѣмъ переселиться за валъ» [Карамзин 1803f: 97].

<310> «Еще при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ Московскіе Священники жаловались на то, что Нѣмцы живутъ въ ихъ приходахъ, покупаютъ самыя лучшія мѣста и строятъ большіе дома, съ которыхъ церкви не имѣютъ никакого дохода» [Карамзин 1803f: 97].

<311> «и сверхъ того Царь Алексѣй Михайловичъ, уваживъ новыя жалобы Духовенства, запретилъ Нѣмцамъ жить въ городѣ, исключая тѣхъ, которые захотятъ принять Греческую Вѣру. Имъ снова отвели мѣста на берегу Яузы или на *Кукуль*» [Карамзин 1803f: 98].

<312> «Мальчишки бѣгали за ними (*за иностранцами* – Л.В.) по улицамъ, оскорбляли ихъ непристойными словами и дразнили именемъ Кукуя. Наконецъ, лишась терпѣнія, Нѣмцы требовали защиты Царя. <...> Добрый Царь Алексѣй Михайловичъ приказалъ <...> всенародно объявить, чтобы никто не смѣлъ оскорблять чужестранныхъ ни словомъ, ни дѣломъ <...> и что жилище Нѣмцовъ должно впредь называться *новою иноземскою Слободою*. Вотъ происхожденіе нынѣшней Слободы Нѣмецкой. Иностранцы продали каменные дома свои въ городѣ, а деревянные перевезли на берегъ Яузы, и были весьма довольны своимъ жребіемъ; отдѣлясь отъ Рускихъ, они лучше могли пользоваться удовольствіями общества между собою и благодарили Царя за то, что онъ велѣлъ имъ ходить въ собственной народной одеждѣ; построили двѣ Лютеранскія и двѣ Реформатскія церкви (Англійскую и Голландскую), и скоро обратили Слободу въ маленькой особенной городокъ, который черезъ нѣсколько лѣтъ соединился съ Москвою» [Карамзин 1803f: 98-100].

<313> «Жителямъ Московскимъ извѣстно старое Нѣмецкое кладбище, въ Марьиной рошѣ, я хотѣлъ узнать, когда оно было оставлено, и спрашивалъ о томъ у Пасторовъ здѣшнихъ Лютеранскихъ церквей» [Карамзин 1803f: 100].

<314> «Нѣмцы, Лютеране и Реформаты, переселясь въ Слободу во время Царя Алексѣя Михайловича, обнесли стѣною новое кладбище свое: вѣроятно, что въ самое сіе время было оставлено ими старое, отъ Слободы удаленное кладбище, гдѣ они погребали мертвыхъ, живучи въ городѣ» [Карамзин 1803f: 100].

<315> «Всѣ знатнѣйшіе люди были свидѣтелями его Крещенія, -- и Графъ Шликъ, взятый ко Двору, назвался Княземъ Львомъ Александровичемъ

Шлыкомъ или Шлаковскимъ» [Карамзин 1803f: 101].

**Статья «О публичном преподавании наук в Московском
Университете»**

(«Вестник Европы». 1803. Ч. 12, № 23/24. С. 261–268)

<316> «Къ числу сихъ способовъ принадлежать и *публичныя лекціи* Московскаго Университета» [Карамзин 1803g: 261].

<317> «Къ симъ двумъ Наукамъ Московскій Университетъ для публичныхъ лекцій присоединилъ еще Опытную Физику и систематическое обозрѣніе торговли» [Карамзин 1803g: 262].

<318> «Любитель просвѣщенія съ душевнымъ удовольствіемъ видитъ тамъ знатныхъ Московскихъ Дамъ, благородныхъ молодыхъ людей, духовныхъ, купцовъ, студентовъ Законоспаской Академіи и людей всякаго званія, которые въ глубокой тишинѣ и со вниманіемъ устремляютъ глаза на Профессорскую кафедру» [Карамзин 1803g: 263, 264].

<319> «Мысль, преподавать сію важную часть Исторіи въ Московскомъ Университетѣ для публики и наиболѣе для молодыхъ людей, была весьма щастливою мыслію» [Карамзин 1803g: 266].

Приложение 2. Количество словоупотреблений существительных, рассмотренных в разделе 2.6¹

Раздел	Существительное	Москва	Подмосковье	Москва или Подмосковье	Всего
2.6.1 Водные объекты	Болото	-	2	-	2
2.6.1 Водные объекты	Ключи Мытищинские	-	1	-	1
2.6.1 Водные объекты	Озеро	-	1	-	1
2.6.1 Водные объекты	Прудь	-	4	-	4
2.6.1 Водные объекты	Кусковский прудь	-	2	-	2
2.6.1 Водные объекты	поганный прудь	1	-	-	1
2.6.1 Водные объекты	Рѣка	2	3	-	5
2.6.1 Водные объекты	Москва-рѣка	7	4	-	11
2.6.1 Водные объекты	Неглинная	1	-	-	1
2.6.1 Водные объекты	Ока	-	2	-	2
2.6.1 Водные объекты	Рѣка Сѣверка	-	1	-	1
2.6.1 Водные объекты	Рѣка Яхрома	-	1	-	1
2.6.1 Водные объекты	Яуза	-	5	-	5
2.6.1 Водные объекты	Рѣчка Скауба	-	1	-	1
2.6.1 Водные объекты	Ручей	-	1	-	1
2.6.1 Водные объекты	Ручеекъ	-	1	-	1
2.6.2 Элементы рельефа земной поверхности	Берегъ	4	8	-	12
2.6.2 Элементы рельефа земной поверхности	Гора	2	2	-	4
2.6.2 Элементы рельефа земной поверхности	Воробьевы Горы	-	2	-	2
2.6.2 Элементы рельефа земной поверхности	Гора Волкуша	-	1	-	1
2.6.2 Элементы рельефа земной поверхности	Кремлевская гора	1	-	-	1
2.6.2 Элементы рельефа земной поверхности	Долина	-	1	-	1
2.6.2 Элементы рельефа земной поверхности	Оврагъ	-	1	-	1
2.6.2 Элементы рельефа земной поверхности	Отлогость	1	-	-	1
2.6.2 Элементы рельефа земной поверхности	Пески	-	1	-	1
2.6.2 Элементы рельефа земной поверхности	Пустыня	-	3	-	3
2.6.2 Элементы рельефа земной поверхности	Равнина	-	1	-	1
2.6.2 Элементы рельефа земной поверхности	Яма	-	1	-	1

¹ В столбцах «Москва» и «Подмосковье» указывается территориальная принадлежность описываемого объекта; в столбце «Москва или Подмосковье» указываются фрагменты, в которых описываются объекты, более точная локализация которых не может быть установлена.

2.6.3 Участки растительности	Дичь	-	1	-	1
2.6.3 Участки растительности	Лѣсъ	2	7	-	9
2.6.3 Участки растительности	Лугъ	1	4	-	5
2.6.3 Участки растительности	Поле	1	3	-	4
2.6.3 Участки растительности	Роща	-	3	-	3
2.6.3 Участки растительности	Марьиная роща	1	-	-	1
2.6.3 Участки растительности	Сокольники	-	1	-	1
2.6.4.1 Части территории города и населенные места, находящиеся за городом	Бѣлый городъ	5	-	-	5
2.6.4.1 Части территории города и населенные места, находящиеся за городом	Городъ	13	4	-	17
2.6.4.1 Части территории города и населенные места, находящиеся за городом	Коломна	-	3	-	3
2.6.4.1 Части территории города и населенные места, находящиеся за городом	Городокъ	-	1	-	1
2.6.4.1 Части территории города и населенные места, находящиеся за городом	Деревня	-	9	-	9
2.6.4.1 Части территории города и населенные места, находящиеся за городом	Деревня Клинь	-	1	-	1
2.6.4.1 Части территории города и населенные места, находящиеся за городом	Деревня Люберцы	-	1	-	1
2.6.4.1 Части территории города и населенные места,	Люберцы	-	1	-	1

находящиеся за городом					
2.6.4.1 Части территории города и населенные места, находящиеся за городом	Деревня Ростокино	-	1	-	1
2.6.4.1 Части территории города и населенные места, находящиеся за городом	Деревенька	-	1	-	1
2.6.4.1 Части территории города и населенные места, находящиеся за городом	Земляной Городъ	2	-	-	2
2.6.4.1 Части территории города и населенные места, находящиеся за городом	Китай-городъ	5	-	-	5
2.6.4.1 Части территории города и населенные места, находящиеся за городом	Китай	2	-	-	2
2.6.4.1 Части территории города и населенные места, находящиеся за городом	Кремль	18	-	-	18
2.6.4.1 Части территории города и населенные места, находящиеся за городом	Кукуй	-	3	-	3
2.6.4.1 Части территории города и населенные места, находящиеся за городом	Подмосковная	-	4	-	4
2.6.4.1 Части территории города и населенные места, находящиеся за городом	Помѣстье	-	5	-	5
2.6.4.1 Части территории города и населенные места, находящиеся за городом	Кунцово	-	1	-	1

2.6.4.1 Части территории города и населенные места, находящиеся за городом	Кусково	-	2	-	2
2.6.4.1 Части территории города и населенные места, находящиеся за городом	Останкино	-	1	-	1
2.6.4.1 Части территории города и населенные места, находящиеся за городом	Селение	1	2	-	3
2.6.4.1 Части территории города и населенные места, находящиеся за городом	Село	-	2	-	2
2.6.4.1 Части территории города и населенные места, находящиеся за городом	Село Алексѣевское	-	1	-	1
2.6.4.1 Части территории города и населенные места, находящиеся за городом	Алексѣевское	-	1	-	1
2.6.4.1 Части территории города и населенные места, находящиеся за городом	Село Архангельское	-	1	-	1
2.6.4.1 Части территории города и населенные места, находящиеся за городом	Село Деулино	-	1	-	1
2.6.4.1 Части территории города и населенные места, находящиеся за городом	Деулино	-	1	-	1
2.6.4.1 Части территории города и населенные места, находящиеся за городом	Село Дѣдлово	-	1	-	1
2.6.4.1 Части территории города и	Дѣдлово	-	1	-	1

населенные места, находящиеся за городом					
2.6.4.1 Части территории города и населенные места, находящиеся за городом	Село Марково	-	1	-	1
2.6.4.1 Части территории города и населенные места, находящиеся за городом	Мытищи	-	1	-	1
2.6.4.1 Части территории города и населенные места, находящиеся за городом	Село Преображенское	-	1	-	1
2.6.4.1 Части территории города и населенные места, находящиеся за городом	Село Пушкино	-	1	-	1
2.6.4.1 Части территории города и населенные места, находящиеся за городом	Село Тайнинское	-	1	-	1
2.6.4.1 Части территории города и населенные места, находящиеся за городом	Скородомъ	3	-	-	3
2.6.4.1 Части территории города и населенные места, находящиеся за городом	слобода	-	1	-	1
2.6.4.1 Части территории города и населенные места, находящиеся за городом	Нѣмецкая слобода	-	3	-	3
2.6.4.1 Части территории города и населенные места, находящиеся за городом	Стрѣлецкая слобода	2	-	-	2
2.6.4.1 Части территории города и населенные места,	Труба	1	-	-	1

находящиеся за городом					
2.6.4.1 Части территории города и населенные места, находящиеся за городом	Царь-городъ	2	-	-	2
2.6.4.1 Части территории города и населенные места, находящиеся за городом	Часть	5	-	-	5
2.6.4.1 Части территории города и населенные места, находящиеся за городом	Городская Часть	1	-	-	1
2.6.4.2 Нелинейные объекты	Гульбище	6	-	-	6
2.6.4.2 Нелинейные объекты	Дворъ	1	1	-	2
2.6.4.2 Нелинейные объекты	Площадь	7	-	-	7
2.6.4.2 Нелинейные объекты	Красная Площадь	3	-	-	3
2.6.4.2 Нелинейные объекты	Рынокъ	2	-	-	2
2.6.4.2 Нелинейные объекты	Садъ	2	10	-	12
2.6.4.2 Нелинейные объекты	Огородъ	-	3	-	3
2.6.4.2 Нелинейные объекты	Цвѣтникъ	3	-	-	3
2.6.4.3 Линейные объекты	Алея	1	7	-	8
2.6.4.3 Линейные объекты	Булеваръ	4	-	-	4
2.6.4.3 Линейные объекты	Дорога	-	4	-	4
2.6.4.3 Линейные объекты	Троицкая дорога	-	4	-	4
2.6.4.3 Линейные объекты	Дорога Кусковская	-	1	-	1
2.6.4.3 Линейные объекты	Владимирская дорога	-	1	-	1
2.6.4.3 Линейные объекты	Дорожка	-	1	-	1
2.6.4.3 Линейные объекты	Набережная	1	-	-	1
2.6.4.3 Линейные объекты	Рядъ	2	-	-	2

2.6.4.3 Линейные объекты	Улица	11	2	-	13
2.6.4.3 Линейные объекты	Дмитровка	1	-	-	1
2.6.4.3 Линейные объекты	Рожественка	1	-	-	1
2.6.4.3 Линейные объекты	Тверская	1	-	-	1
2.6.4.4 Технические сооружения, объекты инфраструктуры и их конструктивные элементы	Арка	-	1	-	1
2.6.4.4 Технические сооружения, объекты инфраструктуры и их конструктивные элементы	Водоводъ	-	2	-	2
2.6.4.4 Технические сооружения, объекты инфраструктуры и их конструктивные элементы	Каналь	-	1	-	1
2.6.4.4 Технические сооружения, объекты инфраструктуры и их конструктивные элементы	Колодезь (колодець)	2	3	-	5
2.6.4.4 Технические сооружения, объекты инфраструктуры и их конструктивные элементы	Мостъ	2	2	-	4
2.6.4.4 Технические сооружения, объекты инфраструктуры и их конструктивные элементы	Ростокинский мостъ	-	1	-	1
2.6.4.4 Технические сооружения, объекты инфраструктуры и их конструктивные элементы	Труба	1	1	-	2
2.6.4.5 Здания и постройки, в которых располагаются органы власти, учреждения, предприятия	Воспитательный Домъ	2	-	-	2
2.6.4.5 Здания и постройки, в которых располагаются органы	Дворъ	12	-	-	12

власти, учреждения, предприятия					
2.6.4.5 Здания и постройки, в которых располагаются органы власти, учреждения, предприятия	Боярский дворъ	1	-	-	1
2.6.4.5 Здания и постройки, в которых располагаются органы власти, учреждения, предприятия	Земский Дворъ	1	-	-	1
2.6.4.5 Здания и постройки, в которых располагаются органы власти, учреждения, предприятия	Земский Приказъ	1	-	-	1
2.6.4.5 Здания и постройки, в которых располагаются органы власти, учреждения, предприятия	Литейной дворъ	1	-	-	1
2.6.4.5 Здания и постройки, в которых располагаются органы власти, учреждения, предприятия	Посольский Дворъ	1	-	-	1
2.6.4.5 Здания и постройки, в которых располагаются органы власти, учреждения, предприятия	Заведение	-	1	-	1
2.6.4.5 Здания и постройки, в которых располагаются органы власти, учреждения, предприятия	Законоспаская Академія	1	-	-	1
2.6.4.5 Здания и постройки, в которых располагаются органы власти, учреждения, предприятия	Лавка	2	-	-	2
2.6.4.5 Здания и постройки, в которых располагаются органы власти, учреждения, предприятия	Книжная лавка	1	-	-	1
2.6.4.5 Здания и постройки, в которых располагаются органы власти, учреждения, предприятия	Мастерская	1	-	-	1

2.6.4.5 Здания и постройки, в которых располагаются органы власти, учреждения, предприятия	Меншикова башня	1	-	-	1
2.6.4.5 Здания и постройки, в которых располагаются органы власти, учреждения, предприятия	Московский Университетъ	3	-	-	3
2.6.4.5 Здания и постройки, в которых располагаются органы власти, учреждения, предприятия	Главный питейный домъ казенный	1	-	-	1
2.6.4.5 Здания и постройки, в которых располагаются органы власти, учреждения, предприятия	Семинарія	-	1	-	1
2.6.4.5 Здания и постройки, в которых располагаются органы власти, учреждения, предприятия	Спаская башня	1	-	-	1
2.6.4.5 Здания и постройки, в которых располагаются органы власти, учреждения, предприятия	Темница	3	-	-	3
2.6.4.5 Здания и постройки, в которых располагаются органы власти, учреждения, предприятия	Университетская Типографія	1	-	-	1
2.6.4.5 Здания и постройки, в которых располагаются органы власти, учреждения, предприятия	Царская конюшня	1	-	-	1
2.6.4.5 Здания и постройки, в которых располагаются органы власти, учреждения, предприятия	Яма	1	1	-	2
2.6.4.6 Жилые строения и хозяйственные постройки и их конструктивные элементы	Баня	-	1	-	1
2.6.4.6 Жилые строения и хозяйственные	Вышка	-	1	-	1

постройки и их конструктивные элементы					
2.6.4.6 Жилые строения и хозяйственные постройки и их конструктивные элементы	Царская вышка	-	1	-	1
2.6.4.6 Жилые строения и хозяйственные постройки и их конструктивные элементы	Дворецъ	11	9	-	20
2.6.4.6 Жилые строения и хозяйственные постройки и их конструктивные элементы	Дворецъ Государя Алексѣя Михайловича	-	2	-	2
2.6.4.6 Жилые строения и хозяйственные постройки и их конструктивные элементы	Дворецъ Елисаветы Петровны	-	1	-	1
2.6.4.6 Жилые строения и хозяйственные постройки и их конструктивные элементы	Кремлевскій дворецъ	1	-	-	1
2.6.4.6 Жилые строения и хозяйственные постройки и их конструктивные элементы	Троицкій каменный дворецъ	-	1	-	1
2.6.4.6 Жилые строения и хозяйственные постройки и их конструктивные элементы	Писаревскій дворецъ	-	1	-	1
2.6.4.6 Жилые строения и хозяйственные постройки и их конструктивные элементы	Домъ	22	7	-	29
2.6.4.6 Жилые строения и хозяйственные постройки и их конструктивные элементы	Домикъ	3	6	-	9
2.6.4.6 Жилые строения и хозяйственные постройки и их	Заборъ	-	1	-	1

конструктивные элементы					
2.6.4.6 Жилые строения и хозяйственные постройки и их конструктивные элементы	Здание	1	9	-	10
2.6.4.6 Жилые строения и хозяйственные постройки и их конструктивные элементы	Изба	-	2	-	2
2.6.4.6 Жилые строения и хозяйственные постройки и их конструктивные элементы	Палаты	4	1	-	5
2.6.4.6 Жилые строения и хозяйственные постройки и их конструктивные элементы	Погребь	3	1	-	4
2.6.4.6 Жилые строения и хозяйственные постройки и их конструктивные элементы	Сарай	-	1	-	1
2.6.4.6 Жилые строения и хозяйственные постройки и их конструктивные элементы	Теремь	-	-	1	1
2.6.4.6 Жилые строения и хозяйственные постройки и их конструктивные элементы	Хижина	-	1	-	1
2.6.4.7 Культовые сооружения (строения и их части), предметы культы	Глава	-	1	-	1
2.6.4.7 Культовые сооружения (строения и их части), предметы культы	Иконы	1	-	-	1
2.6.4.7 Культовые сооружения (строения и их части), предметы культы	Келья	-	1	-	1
2.6.4.7 Культовые сооружения (строения и	Колоколь	1	1	-	2

их части), предметы культа					
2.6.4.7 Культовые сооружения (строения и их части), предметы культа	Большой колоколь Годунова	1	-	-	1
2.6.4.7 Культовые сооружения (строения и их части), предметы культа	Колокольная	-	3	-	3
2.6.4.7 Культовые сооружения (строения и их части), предметы культа	Иванъ Великій	1	-	-	1
2.6.4.7 Культовые сооружения (строения и их части), предметы культа	Кресты	1	-	-	1
2.6.4.7 Культовые сооружения (строения и их части), предметы культа	Лавра	-	9	-	9
2.6.4.7 Культовые сооружения (строения и их части), предметы культа	Троицкая Лавра	-	1	-	1
2.6.4.7 Культовые сооружения (строения и их части), предметы культа	Монастырь	-	14	-	14
2.6.4.7 Культовые сооружения (строения и их части), предметы культа	Троицкій монастырь	-	12	-	12
2.6.4.7 Культовые сооружения (строения и их части), предметы культа	Троица	-	2	-	2
2.6.4.7 Культовые сооружения (строения и их части), предметы культа	Монастырь Св. Николая	-	1	-	1
2.6.4.7 Культовые сооружения (строения и их части), предметы культа	Варсонофьевский монастырь	1	-	-	1
2.6.4.7 Культовые сооружения (строения и их части), предметы культа	Голутвинъ монастырь	-	2	-	2
2.6.4.7 Культовые сооружения (строения и их части), предметы культа	Монастырь Срътенской	2	-	-	2

их части), предметы культы					
2.6.4.7 Культовые сооружения (строения и их части), предметы культы	Симоновъ Монастырь	-	1	-	1
2.6.4.7 Культовые сооружения (строения и их части), предметы культы	Чудовъ монастырь	1	-	-	1
2.6.4.7 Культовые сооружения (строения и их части), предметы культы	Савинъ монастырь (Савинскій монастырь)	-	3	-	3
2.6.4.7 Культовые сооружения (строения и их части), предметы культы	Обитель	-	4	-	4
2.6.4.7 Культовые сооружения (строения и их части), предметы культы	Троицкая обитель	-	1	-	1
2.6.4.7 Культовые сооружения (строения и их части), предметы культы	Окладъ	1	-	-	1
2.6.4.7 Культовые сооружения (строения и их части), предметы культы	Паперть	-	1	-	1
2.6.4.7 Культовые сооружения (строения и их части), предметы культы	Придѣлы	1	-	-	1
2.6.4.7 Культовые сооружения (строения и их части), предметы культы	Приходъ	1	-	-	1
2.6.4.7 Культовые сооружения (строения и их части), предметы культы	Сводъ	1	-	-	1
2.6.4.7 Культовые сооружения (строения и их части), предметы культы	Соборъ	2	-	-	2
2.6.4.7 Культовые сооружения (строения и их части), предметы культы	Соборъ Троицкій	-	4	-	4
2.6.4.7 Культовые сооружения (строения и их части), предметы культы	Соборъ Успенскій в Москве	1	-	-	1

их части), предметы культа					
2.6.4.7 Культовые сооружения (строения и их части), предметы культа	Соборъ Успенскій в Троице- Сергиевой Лавре	-	4	-	4
2.6.4.7 Культовые сооружения (строения и их части), предметы культа	Храмъ	3	2	-	5
2.6.4.7 Культовые сооружения (строения и их части), предметы культа	Церковь	16	12	-	28
2.6.4.7 Культовые сооружения (строения и их части), предметы культа	Церковь Васи́лія Блаженнаго	1	-	-	1
2.6.4.7 Культовые сооружения (строения и их части), предметы культа	Василій Блаженный	1	-	-	1
2.6.4.7 Культовые сооружения (строения и их части), предметы культа	Церковь Сошествія Св. Духа	-	1	-	1
2.6.4.7 Культовые сооружения (строения и их части), предметы культа	Деулинская церковь	-	1	-	1
2.6.4.8 Военные сооружения и их части	Башни	2	2	-	4
2.6.4.8 Военные сооружения и их части	Кремлевскія ворота	2	-	-	2
2.6.4.8 Военные сооружения и их части	Кремль	3	-	-	3
2.6.4.8 Военные сооружения и их части	Крѣпость	-	1	-	1
2.6.4.8 Военные сооружения и их части	Пушка	2	1	-	3
2.6.4.8 Военные сооружения и их части	Ровъ	-	1	-	1
2.6.4.8 Военные сооружения и их части	Спасскія ворота	2	-	-	2
2.6.4.8 Военные сооружения и их части	Стѣны	2	4	-	6
2.6.4.8 Военные сооружения и их части	Укрѣпленія	-	1	-	1
2.6.4.9 Кладбища	Кладбище	2	-	-	2
2.6.4.9 Кладбища	Нѣмецкое кладбище	2	-	-	2
2.6.4.9 Кладбища	Палатка	-	2	-	2

2.6.4.10 Транспорт	Берлинь	1	1	-	2
2.6.4.10 Транспорт	Гондола	-	1	-	1
2.6.4.10 Транспорт	Колымага	2	-	-	2
2.6.4.10 Транспорт	Коляска	1	4	-	5
2.6.4.10 Транспорт	Конь	1	-	-	1
2.6.4.10 Транспорт	Лодка	1	1	-	2
2.6.4.10 Транспорт	Лошадь	4	-	-	4
2.6.4.10 Транспорт	Сани	2	-	-	2
2.6.4.10 Транспорт	Шлюпки	1	-	-	1
2.6.4.11 Памятники и достопримечательности	Возвышенное место	2	-	-	2
2.6.4.11 Памятники и достопримечательности	Колоколь	1	-	-	1
2.6.4.11 Памятники и достопримечательности	Обелискъ	-	1	-	1
2.6.4.11 Памятники и достопримечательности	Пушка	2	-	-	2
2.6.5 Пространство и его части	Амфитеатръ	-	1	-	1
2.6.5 Пространство и его части	Видъ	1	5	-	6
2.6.5 Пространство и его части	Ландшафтъ	1	3	-	4
2.6.5 Пространство и его части	Пространство	-	2	-	2
2.6.5 Пространство и его части	Сторона	1	6	-	7

Приложение 3. Сочетаемость прилагательных и существительных, рассмотренных в разделе 2.6

Прилагательное (с указанием источников в статьях Н.М. Карамзина в Приложении 1)	Раздел «Словаря-тезауруса русских прилагательных, распределенных по тематическим группам»	Существительное, называющее объект, имеющий данный признак	Параграф раздела 2.6 данного исследования ¹
алебастровый (<98>)	11.13.5. Общественно-государственная сфера – Строительство – Строительный материал	Изображение (деталь интерьера, упоминаемая в описании дворца)	2.6.4.6 Жилые строения и хозяйственные постройки и их конструктивные элементы
аллегорический (<9>)	11.8.5.1. Общественно-государственная сфера – Искусство – Жанровые и другие характеристики произведений искусства – Общие понятия, связанные с произведениями искусства	Фигура (изображение на изразцах, упоминаемых в описании дворца)	2.6.4.6 Жилые строения и хозяйственные постройки и их конструктивные элементы
Английский (<184>)	6.2. Нации – Племена, нации и народы	Садъ	2.6.4.2 Нелинейные объекты
Английский (<312>)	6.2. Нации – Племена, нации и народы	Церковь	2.6.4.7 Культовые сооружения (строения и их части), предметы культа
березовый (<41>, <44>)	3.1.2.2.1. Живая природа – Растительный мир – Названия растений – Растения, плоды или части которых не употребляются человеком в пищу – Деревья и кустарники с несъедобными плодами и листьями	Алея	2.6.4.3 Линейные объекты
богатый (<29>)	8.2.2.2. Человек и его внутренний мир – Оценка – Частная оценка – Эстетическая оценка	Украшение (деталь интерьера, упоминаемая в описании дворца)	2.6.4.6 Жилые строения и хозяйственные постройки и их конструктивные элементы
большой (<9>)	14.6.4. Восприятие окружающего мира –	Печь (отопительное устройство,	2.6.4.6 Жилые строения и хозяйственные постройки и их

¹ Указывается, в каком параграфе раздела 2.6 упоминается объект, называемый существительным. При этом само существительное, называющее объект, может и не относиться к данной группе слов. Например, существительное *кустъ*, с которым сочетаются прилагательные *малиновый* и *смородинный*, отнесено к параграфу 2.6.4.6 «Жилые строения и хозяйственные постройки и их конструктивные элементы», поскольку оно упоминается во фрагменте, посвященном описанию *дворца* в качестве части *сада*, расположенного рядом с ним.

	Восприятие предмета – Величина, размер, вес	упоминаемое в описании дворца)	конструктивные элементы
большой (<17>)	14.6.4. Восприятие окружающего мира – Восприятие предмета – Величина, размер, вес	Церковь	2.6.4.7 Культовые сооружения (строения и их части), предметы культа
большой (<26>, <44>)	14.6.4. Восприятие окружающего мира – Восприятие предмета – Величина, размер, вес	Дорога	2.6.4.3 Линейные объекты
большой (<27>)	14.6.4. Восприятие окружающего мира – Восприятие предмета – Величина, размер, вес	Комната (жилое помещение, упоминаемое в описании планировки дворца)	2.6.4.6 Жилые строения и хозяйственные постройки и их конструктивные элементы
большой (<26>)	14.6.4. Восприятие окружающего мира – Восприятие предмета – Величина, размер, вес	Рѣка	2.6.1 Водные объекты
большой (<34>)	14.6.4. Восприятие окружающего мира – Восприятие предмета – Величина, размер, вес	Троицкая дорога	2.6.4.3 Линейные объекты
большой (<94>)	14.6.4. Восприятие окружающего мира – Восприятие предмета – Величина, размер, вес	Колоколь	2.6.4.7 Культовые сооружения (строения и их части), предметы культа
большой (<102>)	14.6.4. Восприятие окружающего мира – Восприятие предмета – Величина, размер, вес	Здание	2.6.4.6 Жилые строения и хозяйственные постройки и их конструктивные элементы
большой (<134>)	14.6.4. Восприятие окружающего мира – Восприятие предмета – Величина, размер, вес	Озеро	2.6.1 Водные объекты
большой (<140>)	14.6.4. Восприятие окружающего мира – Восприятие предмета – Величина, размер, вес	Прудъ	2.6.1 Водные объекты
большой (<146>, <181>)	14.6.4. Восприятие окружающего мира – Восприятие предмета – Величина, размер, вес	Садъ	2.6.4.2 Нелинейные объекты
большой (<151>)	14.6.4. Восприятие окружающего мира – Восприятие предмета – Величина, размер, вес	Равнина	2.6.2 Элементы рельефа земной поверхности

большой (<155>)	14.6.4. Восприятие окружающего мира – Восприятие предмета – Величина, размер, вес	Пушка	2.6.4.11 Памятники и достопримечательности
большой (<155>)	14.6.4. Восприятие окружающего мира – Восприятие предмета – Величина, размер, вес	Пушка	2.6.4.8 Военные сооружения и их части
большой (<195>)	14.6.4. Восприятие окружающего мира – Восприятие предмета – Величина, размер, вес	Гора	2.6.2 Элементы рельефа земной поверхности
большой (<229>)	14.6.4. Восприятие окружающего мира – Восприятие предмета – Величина, размер, вес	Площадь	2.6.4.2 Нелинейные объекты
большой (<310>)	14.6.4. Восприятие окружающего мира – Восприятие предмета – Величина, размер, вес	Домъ	2.6.4.6 Жилые строения и хозяйственные постройки и их конструктивные элементы
Боярскій (<223>)	13.5.3. Социальная сфера жизни человека – Человек по социальному положению, мировоззрению – Человек по положению в обществе, сословному положению, социальному статусу; его титулы, звания	Погребъ	2.6.4.6 Жилые строения и хозяйственные постройки и их конструктивные элементы
бѣлый (<274>)	14.1.3. Восприятие окружающего мира – Зрительное восприятие – Цвет	Стѣна	2.6.4.8 Военные сооружения и их части
великолѣпный (<64>)	8.2.2.2. Человек и его внутренний мир – Оценка – Частная оценка – Эстетическая оценка	Обитель	2.6.4.7 Культовые сооружения (строения и их части), предметы культа
великолѣпный (<68>)	8.2.2.2. Человек и его внутренний мир – Оценка – Частная оценка – Эстетическая оценка	Соборъ Троицкій	2.6.4.7 Культовые сооружения (строения и их части), предметы культа
великолѣпный (<222>)	8.2.2.2. Человек и его внутренний мир – Оценка – Частная оценка – Эстетическая оценка	Берлинъ	2.6.4.10 Транспорт
великій (<163>)	14.6.4. Восприятие окружающего мира – Восприятие предмета – Величина, размер, вес	Пространство	2.6.5 Пространство и его части
величественный (<69>)	8.2.2.2. Человек и его внутренний мир – Оценка – Частная оценка – Эстетическая оценка	Храмъ	2.6.4.7 Культовые сооружения (строения и их части), предметы культа

величественный (<137>)	8.2.2.2. Человек и его внутренний мир – Оценка – Частная оценка – Эстетическая оценка	Амфитеатръ	2.6.5 Пространство и его части
Венеціанскій (<134>)	5.1. Населенный пункт – Тип населенного пункта	Гондола	2.6.4.10 Транспорт
веселый (<47>)	8.1.1.3.1. Человек и его внутренний мир – Эмоции – Эмоциональные состояния и переживания, эмоциональное отношение, воздействие, эмоциональные качества и внешние проявления эмоций – Радость – грусть – Радость	Лугъ	2.6.3 Участки растительности
ветхій (<39>)	14.1.2. Восприятие окружающего мира – Зрительное восприятие – Внешние качества предмета	Зданіе	2.6.4.6 Жилые строения и хозяйственные постройки и их конструктивные элементы
ветхій (<40>)	14.1.2. Восприятие окружающего мира – Зрительное восприятие – Внешние качества предмета	Церковь	2.6.4.7 Культовые сооружения (строения и их части), предметы культа
высокій (<29>)	14.6.4. Восприятие окружающего мира – Восприятие предмета – Величина, размер, вес	Лѣстница	2.6.4.6 Жилые строения и хозяйственные постройки и их конструктивные элементы
высокій (<39>)	14.6.4. Восприятие окружающего мира – Восприятие предмета – Величина, размер, вес	Теремъ	2.6.4.6 Жилые строения и хозяйственные постройки и их конструктивные элементы
высокій (<65>)	14.6.4. Восприятие окружающего мира – Восприятие предмета – Величина, размер, вес	Стѣна	2.6.4.8 Военные сооружения и их части
высокій (<125>)	14.6.4. Восприятие окружающего мира – Восприятие предмета – Величина, размер, вес	Домъ	2.6.4.6 Жилые строения и хозяйственные постройки и их конструктивные элементы
высокій (<137>)	14.6.4. Восприятие окружающего мира – Восприятие предмета – Величина, размер, вес	Берегъ	2.6.2 Элементы рельефа земной поверхности
главный (<142>)	15.2.6.1. Универсальные представления, смыслы и отношения – Универсальные СМЫСЛЫ –	Алея	2.6.4.3 Линейные объекты

	Значимость/незначимость – Значимость		
главный (<221>)	15.2.6.1. Универсальные представления, смыслы и отношения – Универсальные смыслы – Значимость/незначимость – Значимость	Украшение (часть драгоценного оклада иконы, упоминаемая в описании дома)	2.6.4.6 Жилые строения и хозяйственные постройки и их конструктивные элементы
главный (<241>)	15.2.6.1. Универсальные представления, смыслы и отношения – Универсальные смыслы – Значимость/незначимость – Значимость	Питейный домъ казенный	2.6.4.5 Здания и постройки, в которых располагаются органы власти, учреждения, предприятия
глубокій (глубокой) (<65>)	14.6.4. Восприятие окружающего мира – Восприятие предмета – Величина, размер, вес	Ровъ	2.6.4.8 Военные сооружения и их части
глубокій (глубокой) (<158>)	14.6.4. Восприятие окружающего мира – Восприятие предмета – Величина, размер, вес	Пески	2.6.2 Элементы рельефа земной поверхности
глубокій (глубокой) (<170>)	14.6.4. Восприятие окружающего мира – Восприятие предмета – Величина, размер, вес	Яма	2.6.2 Элементы рельефа земной поверхности
глубокій (глубокой) (<223>)	14.6.4. Восприятие окружающего мира – Восприятие предмета – Величина, размер, вес	Погребъ	2.6.4.6 Жилые строения и хозяйственные постройки и их конструктивные элементы
гнилой (<30>)	12.4.4. Конкретная физическая деятельность – Физическое воздействие на объект – Отрицательное воздействие на объект	Лѣстница	2.6.4.6 Жилые строения и хозяйственные постройки и их конструктивные элементы
Голландскій (<312>)	6.2. Нации – Племена, нации и народы	Церковь	2.6.4.7 Культовые сооружения (строения и их части), предметы культа
городской (<297>)	5.1. Населенный пункт – Тип населенного пункта	Темница	2.6.4.5 Здания и постройки, в которых располагаются органы власти, учреждения, предприятия
господскій (<147>)	13.5.3. Социальная сфера жизни человека – Человек по социальному положению, мировоззрению – Человек по положению в обществе, сословному положению,	Садъ	2.6.4.2 Нелинейные объекты

	социальному статусу; его титулы, звания		
господскій (<147>)	13.5.3. Социальная сфера жизни человека – Человек по социальному положению, мировоззрению – Человек по положению в обществе, сословному положению, социальному статусу; его титулы, звания	Домъ	2.6.4.6 Жилые строения и хозяйственные постройки и их конструктивные элементы
Государевъ (<143>)	11.1.9. Общественно-государственная сфера – Государство и общественный порядок – Человек, обладающий властью	Люберцы	2.6.4.1 Части территории города и населенные места, находящиеся за городом
Государевъ (<218>, <242>)	11.1.9. Общественно-государственная сфера – Государство и общественный порядок – Человек, обладающий властью	Дворецъ	2.6.4.6 Жилые строения и хозяйственные постройки и их конструктивные элементы
Государевъ (<216>)	11.1.9. Общественно-государственная сфера – Государство и общественный порядок – Человек, обладающий властью	Палаты	2.6.4.6 Жилые строения и хозяйственные постройки и их конструктивные элементы
готическій (<65>)	14.8.4. Восприятие окружающего мира – Время – Время относительно момента речи	Башня	2.6.4.8 Военные сооружения и их части
готическій (<195>)	14.8.4. Восприятие окружающего мира – Время – Время относительно момента речи	Дворецъ	2.6.4.6 Жилые строения и хозяйственные постройки и их конструктивные элементы
готическій (<270>)	14.8.4. Восприятие окружающего мира – Время – Время относительно момента речи	Церковь Василя Блаженнаго	2.6.4.7 Культовые сооружения (строения и их части), предметы культа
густой (<47>)	14.7.5 Восприятие окружающего мира – Пространство – Расположение в пространстве	Лѣсъ	2.6.3 Участки растительности
деревянный (<35>)	11.13.5 Общественно-государственная сфера – Строительство – Строительный материал	Колодезь (колодець)	2.6.4.4 Технические сооружения, объекты инфраструктуры и их конструктивные элементы
деревянный (<39>, <121>, <253>, <254>)	11.13.5 Общественно-государственная сфера – Строительство – Строительный материал	Церковь	2.6.4.7 Культовые сооружения (строения и их части), предметы культа

деревянный (<191>)	11.13.5 Общественно-государственная сфера – Строительство – Строительный материал	Мостъ	2.6.4.4 Технические сооружения, объекты инфраструктуры и их конструктивные элементы
деревянный (<201>)	11.13.5 Общественно-государственная сфера – Строительство – Строительный материал	Башня	2.6.4.8 Военные сооружения и их части
деревянный (<5>, <267>, <276>, <312>)	11.13.5 Общественно-государственная сфера – Строительство – Строительный материал	Домъ	2.6.4.6 Жилые строения и хозяйственные постройки и их конструктивные элементы
деревянный (<282>)	11.13.5 Общественно-государственная сфера – Строительство – Строительный материал	Домикъ	2.6.4.6 Жилые строения и хозяйственные постройки и их конструктивные элементы
дикій (<31>)	1.4. Неживая природа – Земная поверхность и ее признаки	Пустыня	2.6.2 Элементы рельефа земной поверхности
длинный (<34>)	14.6.4. Восприятие окружающего мира – Восприятие предмета – Величина, размер, вес	Алея	2.6.4.3 Линейные объекты
длинный (<196>)	14.6.4. Восприятие окружающего мира – Восприятие предмета – Величина, размер, вес	Берегъ	2.6.2 Элементы рельефа земной поверхности
достойный (<196>)	8.1.1.7.1. Человек и его внутренний мир – Эмоции – Эмоциональные состояния и переживания, эмоциональное отношение, воздействие, эмоциональные качества и внешние проявления эмоций – Одобрение – неодобрение – Одобрение	Гульбище	2.6.4.2 Нелинейные объекты
достойный (<270>)	8.1.1.7.1. Человек и его внутренний мир – Эмоции – Эмоциональные состояния и переживания, эмоциональное отношение, воздействие, эмоциональные качества и внешние проявления эмоций – Одобрение – неодобрение – Одобрение	Церковь Василя Блаженнаго	2.6.4.7 Культовые сооружения (строения и их части), предметы культа
драгоцѣнный (<221>)	8.2.2.4. Человек и его внутренний мир – Оценка – Частная оценка –	Окладъ	2.6.4.7 Культовые сооружения (строения и их части), предметы культа

	Прагматическая, утилитарная оценка		
древній (<40>)	14.8.4. Восприятие окружающего мира – Время – Время относительно момента речи	Здание	2.6.4.6 Жилые строения и хозяйственные постройки и их конструктивные элементы
древній (<195>)	14.8.4. Восприятие окружающего мира – Время – Время относительно момента речи	Кремль	2.6.4.1 Части территории города и населенные места, находящиеся за городом
дремучій (<60>)	14.7.5 Восприятие окружающего мира – Пространство – Расположение в пространстве	Лѣсъ	2.6.3 Участки растительности
желѣзный (<170>)	2.2. Вещества и материалы – Металлы	Решетка (элемент окна, упоминаемый в описании ямы, т.е. тюрьмы)	2.6.4.5 Здания и постройки, в которых располагаются органы власти, учреждения, предприятия
жестяной (<9>)	2.2. Вещества и материалы – Металлы	Петля (конструктивная часть двери, упоминаемая в описании дворца)	2.6.4.6 Жилые строения и хозяйственные постройки и их конструктивные элементы
живописный (<185>)	8.2.2.2. Человек и его внутренний мир – Оценка – Частная оценка – Эстетическая оценка	Дичь	2.6.3 Участки растительности
загородный (<174>)	5.2. Населенный пункт – Место расположения населенного пункта	Домъ	2.6.4.6 Жилые строения и хозяйственные постройки и их конструктивные элементы
здвижный (<39>)	4.3.2.6.9. Человек как живое существо – Физиологические и бытовые потребности человека – Быт – Приспособления – Приспособления различного назначения	Окно	2.6.4.6 Жилые строения и хозяйственные постройки и их конструктивные элементы
закрытый (<287>)	11.15.2.4. Общественно-государственная сфера – Транспорт – Транспортное средство – Транспортное средство по техническим характеристикам	Коляска	2.6.4.10 Транспорт
закрытый (<287>)	11.15.2.4. Общественно-государственная сфера – Транспорт – Транспортное средство – Транспортное	Сани	2.6.4.10 Транспорт

	средство по техническим характеристикам		
здѣшній (<73>, <313>)	14.7.4.5. Восприятие окружающего мира – Пространство – Пространственные характеристики – Местный/неместный	Церковь	2.6.4.7 Культовые сооружения (строения и их части), предметы культа
здѣшній (<77>)	14.7.4.5. Восприятие окружающего мира – Пространство – Пространственные характеристики – Местный/неместный	Слобода	2.6.4.1 Части территории города и населенные места, находящиеся за городом
зеленый (<195>)	14.1.3. Восприятие окружающего мира – Зрительное восприятие – Цвет	Гора	2.6.2 Элементы рельефа земной поверхности
златоглавый (<195>)	11.13.4. Общественно-государственная сфера – Строительство – Свойство сооружения или его части	Соборъ	2.6.4.7 Культовые сооружения (строения и их части), предметы культа
златый (<56>)	2.2. Вещества и материалы – Металлы	Глава	2.6.4.7 Культовые сооружения (строения и их части), предметы культа
золотый (<222>)	2.2. Вещества и материалы – Металлы	Парча (ткань, использованная при отделке берлина)	2.6.4.10 Транспорт
иконный (<272>)	11.8.5.3. Общественно-государственная сфера – Искусство – Жанровые и другие характеристики произведений искусства – Произведения изобразительного и декоративно-прикладного искусства	Рядъ	2.6.4.3 Линейные объекты
иноземскій (<312>)	6.1. Нации – Общие понятия в обозначении наций и народов	Нѣмецкая Слобода	2.6.4.1 Части территории города и населенные места, находящиеся за городом
искусственный (<138>)	Произведенный человеком, рукотворный	Украшение (артефакты, создаваемые при благоустройстве в деревнях)	2.6.4.3 Линейные объекты

казенный (<243>)	11.3.4. Общественно-государственная сфера – Экономика – Собственность	Погребъ	2.6.4.6 Жилые строения и хозяйственные постройки и их конструктивные элементы
каменный (каменной) (<23>)	11.13.5 Общественно-государственная сфера – Строительство – Строительный материал	Арка	2.6.4.4 Технические сооружения, объекты инфраструктуры и их конструктивные элементы
каменный (каменной) (<35>)	11.13.5 Общественно-государственная сфера – Строительство – Строительный материал	Колодезь (колодець)	2.6.4.4 Технические сооружения, объекты инфраструктуры и их конструктивные элементы
каменный (каменной) (<66>, <152>)	11.13.5 Общественно-государственная сфера – Строительство – Строительный материал	Стѣна	2.6.4.8 Военные сооружения и их части
каменный (каменной) (<78>)	11.13.5 Общественно-государственная сфера – Строительство – Строительный материал	Обелискъ	2.6.4.11 Памятники и достопримечательности
каменный (каменной) (<159>)	11.13.5 Общественно-государственная сфера – Строительство – Строительный материал	Келья	2.6.4.4 Технические сооружения, объекты инфраструктуры и их конструктивные элементы
каменный (каменной) (<181>, <281>, <305>, <312>)	11.13.5 Общественно-государственная сфера – Строительство – Строительный материал	Домъ	2.6.4.6 Жилые строения и хозяйственные постройки и их конструктивные элементы
каменный (каменной) (<17>, <43>, <159>, <254>)	11.13.5 Общественно-государственная сфера – Строительство – Строительный материал	Церковь	2.6.4.7 Культовые сооружения (строения и их части), предметы культа
каменный (каменной) (<191>)	11.13.5 Общественно-государственная сфера – Строительство – Строительный материал	Мостъ	2.6.4.4 Технические сооружения, объекты инфраструктуры и их конструктивные элементы
каменный (каменной) (<169>)	11.13.5 Общественно-государственная сфера – Строительство – Строительный материал	Зданіе	2.6.4.6 Жилые строения и хозяйственные постройки и их конструктивные элементы
красивый (<36>)	8.2.2.2. Человек и его внутренний мир – Оценка – Частная оценка – Эстетическая оценка	Домикъ	2.6.4.6 Жилые строения и хозяйственные постройки и их конструктивные элементы

красивый (<195>)	8.2.2.2. Человек и его внутренний мир – Оценка – Частная оценка – Эстетическая оценка	Рѣка	2.6.1 Водные объекты
красивый (<270>)	8.2.2.2. Человек и его внутренний мир – Оценка – Частная оценка – Эстетическая оценка	Храмъ	2.6.4.7 Культовые сооружения (строения и их части), предметы культа
красный (<9>)	14.1.3. Восприятие окружающего мира – Зрительное восприятие – Цвет	Сукно (ткань, использованная при отделке Царских комнат)	2.6.4.6 Жилые строения и хозяйственные постройки и их конструктивные элементы
красный (<217>)	11.13.4. Общественно-государственная сфера – Строительство – Свойство сооружения или его части	Крыльцо	2.6.4.6 Жилые строения и хозяйственные постройки и их конструктивные элементы
красный (<274>)	14.1.3. Восприятие окружающего мира – Зрительное восприятие – Цвет	Стѣна	2.6.4.8 Военные сооружения и их части
красный (<287>)	14.1.3. Восприятие окружающего мира – Зрительное восприятие – Цвет	Сукно (ткань, использованная при отделке коляски и колымаги)	2.6.4.10 Транспорт
Кремлевскій (<208>, <290>)	5.3. Населенный пункт – Место в населенном пункте	Палаты	2.6.4.6 Жилые строения и хозяйственные постройки и их конструктивные элементы
Кремлевскій (<219>)	5.3. Населенный пункт – Место в населенном пункте	Домъ	2.6.4.6 Жилые строения и хозяйственные постройки и их конструктивные элементы
Кремлевскій (<228>, <237>)	5.3. Населенный пункт – Место в населенном пункте	Ворота	2.6.4.8 Военные сооружения и их части
крестьянскій (<180>)	11.12.7. Общественно-государственная сфера – Сельское хозяйство – Человек в сфере сельского хозяйства	Сарай	2.6.4.6 Жилые строения и хозяйственные постройки и их конструктивные элементы
круглый (<256>)	14.6.2. Восприятие окружающего мира – Восприятие предмета – Геометрические тела и фигуры	Сводъ	2.6.4.7 Культовые сооружения (строения и их части), предметы культа

крытый (<109>)	11.13.4. Общественно-государственная сфера – Строительство – Свойство сооружения или его части	Палатка	2.6.4.9 Кладбища
купеческій (<14>)	11.3.9.2. Общественно-государственная сфера – Экономика – Человек – Человек по участию в экономической деятельности	Огородъ	2.6.4.2 Нелинейные объекты
Кусковскій (<141>)	5.1. Населенный пункт – Тип населенного пункта	Садъ	2.6.4.2 Нелинейные объекты
лисій (<288>)	3.2.2.3.2.1. Живая природа – Живое существо – Животное как организм – Животный мир – Млекопитающие животные – Хищные млекопитающие	Хвостъ (часть тела животного, использованная для украшения колымаги и саней)	2.6.4.10 Транспорт
лучшій (<65>)	8.2.1. Человек и его внутренний мир – Оценка – Общая оценка	Крѣпость	2.6.4.8 Военные сооружения и их части
лѣвый (<7>, <16>, <42>, <49>, <118>)	14.7.3. Восприятие окружающего мира – Пространство – Направление в пространстве и пространственные ориентиры	Сторона	2.6.5 Пространство и его части
лѣпный (<98>)	11.8.5.3. Общественно-государственная сфера – Искусство – Жанровые и другие характеристики произведений искусства – Произведения изобразительного и декоративно-прикладного искусства	Работа (скульптурное изображение, упоминаемое в описании дворца)	2.6.4.6 Жилые строения и хозяйственные постройки и их конструктивные элементы
лѣсной (<148>)	3.1.5. Живая природа – Растительный мир – Совокупность растений	Владимірская дорога	2.6.4.3 Линейные объекты
лѣсной (<277>)	2.17. Вещества и материалы – Древесина	Рядъ	2.6.4.3 Линейные объекты
Лютеранскій (<312>, <313>)	11.7.1. Общественно-государственная сфера – Религия – Вероучение	Церковь	2.6.4.7 Культовые сооружения (строения и их части), предметы культа
маленькой (<109>)	14.6.4. Восприятие окружающего мира – Восприятие предмета – Величина, размер, вес	Палатка	2.6.4.9 Кладбища

маленькой (<154>)	14.6.4. Восприятие окружающего мира – Восприятие предмета – Величина, размер, вес	Деревенька	2.6.4.1 Части территории города и населенные места, находящиеся за городом
маленькой (<170>)	14.6.4. Восприятие окружающего мира – Восприятие предмета – Величина, размер, вес	Окно	2.6.4.5 Здания и постройки, в которых располагаются органы власти, учреждения, предприятия
маленькой (<187>)	14.6.4. Восприятие окружающего мира – Восприятие предмета – Величина, размер, вес	Ручеекъ	2.6.1 Водные объекты
маленькой (<34>, <196>, <282>)	14.6.4. Восприятие окружающего мира – Восприятие предмета – Величина, размер, вес	Домикъ	2.6.4.6 Жилые строения и хозяйственные постройки и их конструктивные элементы
маленькой (<130>, <253>)	14.6.4. Восприятие окружающего мира – Восприятие предмета – Величина, размер, вес	Церковь	2.6.4.7 Культовые сооружения (строения и их части), предметы культа
маленькой (<276>)	14.6.4. Восприятие окружающего мира – Восприятие предмета – Величина, размер, вес	Домъ	2.6.4.6 Жилые строения и хозяйственные постройки и их конструктивные элементы
маленькой (<287>)	14.6.4. Восприятие окружающего мира – Восприятие предмета – Величина, размер, вес	Коляска	2.6.4.10 Транспорт
маленькой (<312>)	14.6.4. Восприятие окружающего мира – Восприятие предмета – Величина, размер, вес	Городокъ	2.6.4.1 Части территории города и населенные места, находящиеся за городом
малиновый (<14>)	3.1.2.1.1. Живая природа – Растительный мир – Названия растений – Растения, плоды или части которых употребляются человеком в пищу или используются при ее приготовлении – Деревья и кустарники со съедобными плодами и листьями	Кусть (растение со съедобными плодами, упоминаемое в описании сада и огорода)	2.6.4.6 Жилые строения и хозяйственные постройки и их конструктивные элементы
малѣйшій (<68>)	14.6.4. Восприятие окружающего мира – Восприятие предмета – Величина, размер, вес	Церковь	2.6.4.7 Культовые сооружения (строения и их части), предметы культа
многолюдный (<134>)	5.5. Населенный пункт – Характеристика населенного пункта по количеству жителей	Городъ	2.6.4.1 Части территории города и населенные места, находящиеся за городом

Московскій (<33>)	5.1. Населенный пункт – Тип населенного пункта	Дворецъ	2.6.4.6 Жилые строения и хозяйственные постройки и их конструктивные элементы
Московскій (<150>)	5.1. Населенный пункт – Тип населенного пункта	Помѣстье	2.6.4.1 Части территории города и населенные места, находящиеся за городом
Московскій (<173>)	5.1. Населенный пункт – Тип населенного пункта	Улица	2.6.4.3 Линейные объекты
Московскій (<188>)	5.1. Населенный пункт – Тип населенного пункта	Булеваръ	2.6.4.3 Линейные объекты
Московскій (<192>)	5.1. Населенный пункт – Тип населенного пункта	Гульбище	2.6.4.2 Нелинейные объекты
Московскій (<258>)	5.1. Населенный пункт – Тип населенного пункта	Колоколь	2.6.4.7 Культовые сооружения (строения и их части), предметы культа
народный (<22>)	11.1.5. Общественно-государственная сфера – Государство и общественный порядок – Социальный класс	Колодезь (колодець)	2.6.4.4 Технические сооружения, объекты инфраструктуры и их конструктивные элементы
наслѣдственный (<162>)	11.3.4. Общественно-государственная сфера – Экономика – Собственность	Помѣстье	2.6.4.1 Части территории города и населенные места, находящиеся за городом
небольшой (<34>, <130>)	14.6.4. Восприятие окружающего мира – Восприятие предмета – Величина, размер, вес	Селеніе	2.6.4.1 Части территории города и населенные места, находящиеся за городом
небольшой (<169>)	14.6.4. Восприятие окружающего мира – Восприятие предмета – Величина, размер, вес	Зданіе	2.6.4.6 Жилые строения и хозяйственные постройки и их конструктивные элементы
немалый (не малый) (<102>)	14.6.4. Восприятие окружающего мира – Восприятие предмета – Величина, размер, вес	Прудъ	2.6.1 Водные объекты
немалый (не малый) (<195>)	14.6.4. Восприятие окружающего мира – Восприятие предмета – Величина, размер, вес	Рѣка	2.6.1 Водные объекты
необозримый (<196>)	14.7.4.1 Восприятие окружающего мира – Пространство –	Берегъ	2.6.2 Элементы рельефа земной поверхности

	Пространственные характеристики – Предельный / беспредельный		
неподвижный (<139>)	14.7.5. Восприятие окружающего мира – Пространство – Расположение в пространстве	Масса (вода, образующая Кусковский прудь)	2.6.1 Водные объекты
несравненный (<137>)	8.2.2.2. Человек и его внутренний мир – Оценка – Частная оценка – Эстетическая оценка	Кунцово	2.6.4.1 Части территории города и населенные места, находящиеся за городом
низенькой (<19>, <172>)	14.6.4. Восприятие окружающего мира – Восприятие предмета – Величина, размер, вес	Домиць	2.6.4.6 Жилые строения и хозяйственные постройки и их конструктивные элементы
низкій (<23>)	14.6.4. Восприятие окружающего мира – Восприятие предмета – Величина, размер, вес	Долина	2.6.2 Элементы рельефа земной поверхности
низкій (<163>)	14.6.4. Восприятие окружающего мира – Восприятие предмета – Величина, размер, вес	Берегъ	2.6.2 Элементы рельефа земной поверхности
новый (<43>)	14.8.4. Восприятие окружающего мира – Время – Время относительно момента речи	Дворецъ	2.6.4.6 Жилые строения и хозяйственные постройки и их конструктивные элементы
новый (<44>)	14.8.4. Восприятие окружающего мира – Время – Время относительно момента речи	Здание	2.6.4.6 Жилые строения и хозяйственные постройки и их конструктивные элементы
новый (<208>, <290>)	14.8.4. Восприятие окружающего мира – Время – Время относительно момента речи	Палаты	2.6.4.6 Жилые строения и хозяйственные постройки и их конструктивные элементы
новый (<210>)	14.8.4. Восприятие окружающего мира – Время – Время относительно момента речи	Домъ	2.6.4.6 Жилые строения и хозяйственные постройки и их конструктивные элементы
новый (<314>)	14.8.4. Восприятие окружающего мира – Время – Время относительно момента речи	Нѣмецкое кладбище	2.6.4.9 Кладбища
новый (<312>)	14.8.4. Восприятие окружающего мира – Время – Время относительно момента речи	Нѣмецкая Слобода	2.6.4.1 Части территории города и населенные места, находящиеся за городом

нынѣшній (<97>)	14.8.4. Восприятие окружающего мира – Время – Время относительно момента речи	Дворецъ	2.6.4.6 Жилые строения и хозяйственные постройки и их конструктивные элементы
нынѣшній (<276>)	14.8.4. Восприятие окружающего мира – Время – Время относительно момента речи	Бѣлый городъ	2.6.4.1 Части территории города и населенные места, находящиеся за городом
нынѣшній (<306>)	14.8.4. Восприятие окружающего мира – Время – Время относительно момента речи	Меншикова башня	2.6.4.5 Здания и постройки, в которых располагаются органы власти, учреждения, предприятия
нынѣшній (<312>)	14.8.4. Восприятие окружающего мира – Время – Время относительно момента речи	Нѣмецкая слобода	2.6.4.1 Части территории города и населенные места, находящиеся за городом
обширный (<134>)	14.7.4.1. Восприятие окружающего мира – Пространство – Пространственные характеристики – Предельный / беспредельный	Кусковский прудъ	2.6.1 Водные объекты
обширный (<185>)	14.7.4.1. Восприятие окружающего мира – Пространство – Пространственные характеристики – Предельный / беспредельный	Лугъ	2.6.3 Участки растительности
огромный (<56>)	14.6.4. Восприятие окружающего мира – Восприятие предмета – Величина, размер, вес	Колокольня	2.6.4.7 Культовые сооружения (строения и их части), предметы культа
огромный (<94>)	14.6.4. Восприятие окружающего мира – Восприятие предмета – Величина, размер, вес	Колоколь	2.6.4.7 Культовые сооружения (строения и их части), предметы культа
огромный (<196>)	14.6.4. Восприятие окружающего мира – Восприятие предмета – Величина, размер, вес	Воспитательный Домъ	2.6.4.5 Здания и постройки, в которых располагаются органы власти, учреждения, предприятия
огромный (<31>, <268>)	14.6.4. Восприятие окружающего мира – Восприятие предмета – Величина, размер, вес	Зданіе	2.6.4.6 Жилые строения и хозяйственные постройки и их конструктивные элементы
огромный (<271>)	14.6.4. Восприятие окружающего мира – Восприятие предмета – Величина, размер, вес	Пушка	2.6.4.11 Памятники и достопримечательности

огромный (<271>)	14.6.4. Восприятие окружающего мира – Восприятие предмета – Величина, размер, вес	Пушка	2.6.4.8 Военные сооружения и их части
окрестный (<155>, <157>)	14.7.4.2. Восприятие окружающего мира – Пространство – Пространственные характеристики – Близкий/далекий	Деревня	2.6.4.1 Части территории города и населенные места, находящиеся за городом
особенный (особенной) (<92>)	15.2.10.3. Универсальные представления, смыслы и отношения – Универсальные смыслы – Совокупность (единство)/дополнительность/отдельность (обособленность) – Отдельность, обособленность	Палата	2.6.4.6 Жилые строения и хозяйственные постройки и их конструктивные элементы
особенный (особенной) (<272>)	15.2.10.3. Универсальные представления, смыслы и отношения – Универсальные смыслы – Совокупность (единство)/дополнительность/отдельность (обособленность) – Отдельность, обособленность	Рядъ	2.6.4.3 Линейные объекты
особенный (особенной) (<312>)	15.2.10.3. Универсальные представления, смыслы и отношения – Универсальные смыслы – Совокупность (единство)/дополнительность/отдельность (обособленность) – Отдельность, обособленность	Городокъ	2.6.4.1 Части территории города и населенные места, находящиеся за городом
отдаленный (<107>)	14.7.4.2. Восприятие окружающего мира – Пространство – Пространственные характеристики – Близкий/далекий	Монастырь	2.6.4.7 Культовые сооружения (строения и их части), предметы культа
плотовой (<196>)	11.15.2.1 Общественно-государственная сфера – Транспорт – Транспортное средство – Вид транспортного средства	Лѣсъ	2.6.3 Участки растительности
подобный (<56>)	15.2.11.1. Универсальные представления, смыслы и отношения – Универсальные смыслы – Равенство/неравенство – Равенство, тождество, подобие	Колокольня	2.6.4.7 Культовые сооружения (строения и их части), предметы культа

почтенный (<5>)	8.1.1.7.3. Человек и его внутренний мир – Эмоции – Эмоциональные состояния и переживания, эмоциональное отношение, воздействие, эмоциональные качества и внешние проявления эмоций – Одобрение – неодобрение – Уважение	Здание	2.6.4.6 Жилые строения и хозяйственные постройки и их конструктивные элементы
правильный (<186>)	8.2.2.1. Человек и его внутренний мир – Оценка – Частная оценка – Нормативная оценка	Садъ	2.6.4.2 Нелинейные объекты
правый (<44>, <49>, <147>)	14.7.3. Восприятие окружающего мира – Пространство – Направление в пространстве и пространственные ориентиры	Сторона	2.6.5 Пространство и его части
прекрасный (<20>)	8.2.1. Человек и его внутренний мир – Оценка – Общая оценка или 8.2.2.2. Человек и его внутренний мир – Оценка – Частная оценка – Эстетическая оценка	Водоводъ	2.6.4.4 Технические сооружения, объекты инфраструктуры и их конструктивные элементы
прекрасный (<34>)	8.2.1. Человек и его внутренний мир – Оценка – Общая оценка или 8.2.2.2. Человек и его внутренний мир – Оценка – Частная оценка – Эстетическая оценка	Селеніе	2.6.4.1 Части территории города и населенные места, находящиеся за городом
прекрасный (<41>)	8.2.1. Человек и его внутренний мир – Оценка – Общая оценка или 8.2.2.2. Человек и его внутренний мир – Оценка – Частная оценка – Эстетическая оценка	Алея	2.6.4.3 Линейные объекты
прекрасный (<147>)	8.2.1. Человек и его внутренний мир – Оценка – Общая оценка или 8.2.2.2. Человек и его внутренний мир – Оценка – Частная оценка – Эстетическая оценка	Ландшафтъ	2.6.5 Пространство и его части

прекрасный (<184>)	8.2.1. Человек и его внутренний мир – Оценка – Общая оценка или 8.2.2.2. Человек и его внутренний мир – Оценка – Частная оценка – Эстетическая оценка	Домикъ	2.6.4.6 Жилые строения и хозяйственные постройки и их конструктивные элементы
приходскій (<68>)	11.7.6. Общественно-государственная сфера – Религия – Религиозные организации, объединения, движения	Церковь	2.6.4.7 Культовые сооружения (строения и их части), предметы культа
пріятный (<195>)	8.1.1.2.3. Человек и его внутренний мир – Эмоции – Эмоциональные состояния и переживания, эмоциональное отношение, воздействие, эмоциональные качества и внешние проявления эмоций – Счастье - несчастье – Удовольствие	Отлогость	2.6.2 Элементы рельефа земной поверхности
пріятный (<195>)	8.1.1.2.3. Человек и его внутренний мир – Эмоции – Эмоциональные состояния и переживания, эмоциональное отношение, воздействие, эмоциональные качества и внешние проявления эмоций – Счастье - несчастье – Удовольствие	Цвѣтникъ	2.6.4.2 Нелинейные объекты
провинціальний (<14>)	5.2. Населенный пункт – Место расположения населенного пункта	Огородъ	2.6.4.2 Нелинейные объекты
пространный (<39>)	14.6.4. Восприятие окружающего мира – Восприятие предмета – Величина, размер, вес	Вышка	2.6.4.6 Жилые строения и хозяйственные постройки и их конструктивные элементы
пустый (<29>)	14.7.4.4. Восприятие окружающего мира – Пространство – Пространственные характеристики – Пустой/полный	Заль (часть внутреннего пространства, упоминаемая в описании планировки дворца)	2.6.4.6 Жилые строения и хозяйственные постройки и их конструктивные элементы
разбитый (<29>)	12.4.4. Конкретная физическая деятельность – Физическое воздействие на объект – Отрицательное воздействие на объект	Окончина	2.6.4.6 Жилые строения и хозяйственные постройки и их конструктивные элементы

разбитый (<155>)	12.4.4. Конкретная физическая деятельность – Физическое воздействие на объект – Отрицательное воздействие на объект	Колоколь	2.6.4.11 Памятники и достопримечательности
разноцвѣтный (<134>, <198>)	14.1.5. Восприятие окружающего мира – Зрительное восприятие – Расцветка	Флагъ (ткань, прикрепленная к древку и служащая украшением водного транспорта, упоминаемая в описании гондолы, шлюпки и лодки)	2.6.4.10 Транспорт
Реформатскій (<312>)	11.7.1. Общественно-государственная сфера – Религия – Вероучение	Церковъ	2.6.4.7 Культовые сооружения (строения и их части), предметы культа
сапожный (<272>)	4.3.3.6. Человек как живое существо – Физиологические и бытовые потребности человека – Одежда и обувь – Обувь и ее части	Рядъ	2.6.4.3 Линейные объекты
святой (<116>)	11.7.3. Общественно-государственная сфера – Религия – Догмат	Обитель	2.6.4.7 Культовые сооружения (строения и их части), предметы культа
сельской (<46>)	5.1. Населенный пункт – Тип населенного пункта	Ландшафтъ	2.6.5 Пространство и его части
сельской (<144>)	5.1. Населенный пункт – Тип населенного пункта	Домъ	2.6.4.6 Жилые строения и хозяйственные постройки и их конструктивные элементы
сельской (<179>)	5.1. Населенный пункт – Тип населенного пункта	Домикъ	2.6.4.6 Жилые строения и хозяйственные постройки и их конструктивные элементы
сельской (<184>)	5.1. Населенный пункт – Тип населенного пункта	Заведеніе	2.6.4.5 Здания и постройки, в которых располагаются органы власти, учреждения, предприятия
серебряный (<272>)	2.2. Вещества и материалы – Металлы	Рядъ	2.6.4.3 Линейные объекты

скучный (<148>)	8.1.1.3.5. Человек и его внутренний мир – Эмоции – Эмоциональные состояния и переживания, эмоциональное отношение, воздействие, эмоциональные качества и внешние проявления эмоций – Радость – грусть – Скука	Владимірская дорога	2.6.4.3 Линейные объекты
славный (<34>)	8.2.1. Человек и его внутренний мир – Оценка – Общая оценка	Колодезь (колодець)	2.6.4.4 Технические сооружения, объекты инфраструктуры и их конструктивные элементы
славный (<64>)	8.2.1. Человек и его внутренний мир – Оценка – Общая оценка	Обитель	2.6.4.7 Культовые сооружения (строения и их части), предметы культа
смиренный (<64>)	15.2.5.1 Универсальные представления, смыслы и отношения – Универсальные смыслы – Обычность/исключительность – Обычность	Обитель	2.6.4.7 Культовые сооружения (строения и их части), предметы культа
смиренный (<119>)	15.2.5.1 Универсальные представления, смыслы и отношения – Универсальные смыслы – Обычность/исключительность – Обычность	Палатка	2.6.4.9 Кладбища
смородинный (<14>)	3.1.2.1.1. Живая природа – Растительный мир – Названия растений – Растения, плоды или части которых употребляются человеком в пищу или используются при ее приготовлении – Деревья и кустарники со съедобными плодами и листьями	Кустъ (растение со съедобными плодами, упоминаемое в описании сада и огорода)	2.6.4.6 Жилые строения и хозяйственные постройки и их конструктивные элементы
соболій (<222>)	3.2.2.3.2.1. Живая природа – Живое существо – Животное как организм – Животный мир – Млекопитающие животные – Хищные млекопитающие	Опушка (меховая оторочка, использованная при отделке берлина)	2.6.4.10 Транспорт
собственный (<253>)	11.3.4. Общественно-государственная сфера – Экономика – Собственность	Церковь	2.6.4.7 Культовые сооружения (строения и их части), предметы культа
сосновый (<16>)	3.1.2.2.1. Живая природа – Растительный мир – Названия растений – Растения, плоды или части которых не употребляются человеком в	Роща	2.6.3 Участки растительности

	пищу – Деревья и кустарники с несъедобными плодами и листьями		
сплошный (<49>)	14.7.5 Восприятие окружающего мира – Пространство – Расположение в пространстве	Лѣсъ	2.6.3 Участки растительности
старинный (<67>)	14.8.4. Восприятие окружающего мира – Время – Время относительно момента речи	Монастырь	2.6.4.7 Культовые сооружения (строения и их части), предметы культа
старинный (<136>)	14.8.4. Восприятие окружающего мира – Время – Время относительно момента речи	Помѣстье	2.6.4.1 Части территории города и населенные места, находящиеся за городом
старый (<4>)	14.8.4. Восприятие окружающего мира – Время – Время относительно момента речи	Дворецъ	2.6.4.6 Жилые строения и хозяйственные постройки и их конструктивные элементы
старый (<5>)	14.8.4. Восприятие окружающего мира – Время – Время относительно момента речи	Домъ	2.6.4.6 Жилые строения и хозяйственные постройки и их конструктивные элементы
старый (<313>)	14.8.4. Восприятие окружающего мира – Время – Время относительно момента речи	Нѣмецкое кладбище	2.6.4.9 Кладбища
страшный (<139>)	8.1.1.12.4. Человек и его внутренний мир – Эмоции – Эмоциональные состояния и переживания, эмоциональное отношение, воздействие, эмоциональные качества и внешние проявления эмоций – Смелость - трусость – Страх	Масса (вода, образующая Кусковский прудъ)	2.6.1 Водные объекты
суконный (<272>)	2.20. Вещества и материалы – Ткань и ее признаки	Рядъ	2.6.4.3 Линейные объекты
сѣдельный (<272>)	4.3.2.6.7. Человек как живое существо – Физиологические и бытовые потребности человека – Быт – Приспособления – Приспособления для управления животными	Рядъ	2.6.4.3 Линейные объекты
сѣнистый (<102>)	1.11. Неживая природа – Оптические явления и их признаки	Алея	2.6.4.3 Линейные объекты

тамошній (<34>)	14.7.4.5. Восприятие окружающего мира – Пространство – Пространственные характеристики – Местный/неместный	Колодезь (колодець)	2.6.4.4 Технические сооружения, объекты инфраструктуры и их конструктивные элементы
темный (<282>)	1.11. Неживая природа – Оптические явления и их признаки	Домикъ	2.6.4.6 Жилые строения и хозяйственные постройки и их конструктивные элементы
теперешній (<47>)	14.8.4. Восприятие окружающего мира – Время – Время относительно момента речи	Лугъ	2.6.3 Участки растительности
удаленный (<314>)	14.7.4.2. Восприятие окружающего мира – Пространство – Пространственные характеристики – Близкий/далекий	Нѣмецкое кладбище	2.6.4.9 Кладбища
унылый (<132>)	8.1.1.8.5. Человек и его внутренний мир – Эмоции – Эмоциональные состояния и переживания, эмоциональное отношение, воздействие, эмоциональные качества и внешние проявления эмоций – Надежда – Отчаяние – Безнадѣжность	Видъ	2.6.5 Пространство и его части
хорошій (<157>)	8.2.1. Человек и его внутренний мир – Оценка – Общая оценка	Садъ	2.6.4.2 Нелинейные объекты
хорошій (<42>, <185>)	8.2.1. Человек и его внутренний мир – Оценка – Общая оценка	Видъ	2.6.5 Пространство и его части
Царскій (<212>)	11.1.9. Общественно-государственная сфера – Государство и общественный порядок – Человек, обладающий властью	Лошадь	2.6.4.10 Транспорт
церковный (<46>)	11.7.7. Общественно-государственная сфера – Религия – Религиозные сооружения	Паперть	2.6.4.7 Культовые сооружения (строения и их части), предметы культа
частный (<292>)	11.3.4. Общественно-государственная сфера – Экономика – Собственность	Домъ	2.6.4.6 Жилые строения и хозяйственные постройки и их конструктивные элементы

шапошный (<272>)	4.3.3.7. Человек как живое существо – Физиологические и бытовые потребности человека – Одежда и обувь – Головные уборы и их части	Рядъ	2.6.4.3 Линейные объекты
шелковый (<272>)	2.20. Вещества и материалы – Ткань и ее признаки	Рядъ	2.6.4.3 Линейные объекты
широкий (<9>)	14.6.4. Восприятие окружающего мира – Восприятие предмета – Величина, размер, вес	Петля (конструктивная часть двери, упоминаемой в описании дворца)	2.6.4.6 Жилые строения и хозяйственные постройки и их конструктивные элементы

**Приложение 4. Количество словоупотреблений глаголов,
рассмотренных в разделе 3.3**

Раздел, подраздел (общее количество словоупотреблений)	Глагол	Количество словоупотреблений
1. Глаголы и их синтаксические дериваты, называющие изменения, происходящие с природными объектами (16)		
- возникновение	проглянуть	1: <202>
	явиться	1: <129>
- преобразование или сохранение в неизменном виде	выстлать	1: <194>
	гнить	1: <187>
	запрудить	1: <26>
	(не) зарастить	1: <12>
	остаться	1: <31>
	падать	1: <130>
	подняться	1: <129>
	рѣдѣть	1: <130>
	(не) таять	1: <15>
- исчезновение	истреблять	1: <51>
	иссушать	1: <51>
	исчезать	1: <50>
	рассѣяться	1: <202>
	сокрыться	1: <129>
2. Глаголы, описывающие возникновение рукотворных объектов, связанное с человеческой деятельностью (40)	выставляться	1: <142>
	выстроить	1: <303>
	достроить	1: <144>
	насадить	3: <34>, <44>, <191>
	обнести	2: <279>, <314>
	окружить	1: <152>
	провести	1: <34>
	разбросать	1: <191>
	сдѣлать	2: <21>, <191>
	соединить	1: <191>
	соорудить	1: <17>
	строить -построить	23: <26>, <39>, <40>, <43>, <67>, <69>, <97>, <121>, <138>, <144>, <158>, <159>, <178>, <210>, <254>, <266>, <270>, <276>, <279>, <305>, <309>, <310>, <312>
	устилать -устлать	2: <39>, <191>

3. Глаголы, описывающие изменения, произошедшие с рукотворными объектами (7)		
- не связанные с человеческой деятельностью	обратиться	1: <223>
	оказаться	1: <124>
- связанные с человеческой деятельностью		
	обратить	4: <128>, <180>, <240>, <312>
	перевезти	1: <312>
4. Глаголы, называющие исчезновение рукотворных объектов (13)		
- не связанное с человеческой деятельностью	(не) остаться	1: <15>
	отслужить	1: <45>
	разрушить	2: <201>, <201> ¹
	разрушаться - разрушиться	3: <8>, <26>, <39>
	сгнуть	1: <32>
- связанное с человеческой деятельностью	изломать	1: <210>
	сломать	4: <96>, <191>, <254>, <308>
5. Глаголы-локализаторы, указывающие пространственные характеристики одних объектов относительно других (32)		
- направления	впадать	1: <158>
	идти	2: <23>, <41>
	простирается	1: <49>
	расселить	1: <163>
	течь	1: <151>
- местоположения	быть	7: <1>, <7>, <49>, <92>, <271>, <272>, <275>
	вращать	1: <109>
	лежать	1: <271>
	находиться	3: <146>, <161>, <277>
	обратить	1: <271>
	продаваться	1: <277>
	стоять	2: <78>, <260>
- местоположение, при котором один объект находится вокруг другого	окружить	6: <31>, <60>, <148>, <201>, <274>, <278>
	обтекать	1: <26>
	осѣнить	1: <31>
	покрыть	1: <60>
	укрѣпить	1: <55>

¹ Глагол *разрушить* во фрагменте <201> встречается 2 раза.

6. Глаголы, указывающие, что пространственный объект является составной частью другого пространственного объекта (7)	принадлежать	2: <94>, <162>
	раздѣляться	2: <146>, <264>
	состоять	3: <39>, <102>, <276>
7. Глаголы движения, характеризующие перемещения рассказчика – от начальной к конечной точке маршрута по определенной траектории, в том числе с упоминанием остановок (17)		
- пешком	войти	2: <8>, <145>
	идти - пойти	2: <20>, <52>
	пройти	1: <8>
	стать	2: <59>, <247>
	ходить	1: <34>
- на транспорте	въѣхать	1: <57>
	выѣхать	3: <3>, <34>, <133>
	останавливаться	2: <143>, <149>
	отѣхать	1: <147>
	поѣхать	1: <120>
	своротить	1: <26>
8. Глаголы движения и локализации, сообщающие о регулярно повторяющихся перемещениях (пешком и на транспорте) и местонахождении москвичей и жителей Подмосковья, зачастую выражающие дополнительные значения (20)	возвращаться - возвратиться	5: <183>, <211>, <239>, <248>, <251>
	двигаться	1: <195>
	гулять	2: <145>, <176>
	ѣздить	3: <155>, <163>, <246>
	сидеть	3: <170>, <176>, <307>
	собираться - собраться	3: <54>, <209>, <230>
	спать	1: <285>
	толпиться	2: <209>, <272>
9. Глаголы-локализаторы, сообщающие о постоянном местонахождении москвичей и жителей Подмосковья (22)		
- о живших или живущих	жить	17: <7>, <36>, <52>, <99>, <102>, <106>, <139>, <158>, <178>, <180>, <267>, <269>, <278>, <279>, <282>, <310>, <311>

- о покойных	погребать - погрести	4: <103>, <104>, <109>, <314>
	покоиться	1: <90>
10. Глаголы движения, сообщающие о движении транспорта (2)	обскакивать	1: <134>
	разъѣзжать	1: <134>
11. Перцептивные глаголы (49)		
- указывающие на эксплицитный субъект восприятия	взглянуть	2: <91>, <139>
	видѣть - увидѣть	17: <5>, <12>, <14>, <20>, <26>, <52>, <79>, <119>, <141>, <147>, <157>, <161>, <170>, <170> ¹ , <180>, <254>, <318>
	осматривать	1: <70>
	разсматривать	1: <91>
	смотреѣть	4: <20>, <46>, <49>, <244>
- указывающие на восприятие имплицитного, чаще всего дейктического, наблюдателя		
- визуальное восприятие	(быть) видным	4: <12>, <15>, <16>, <122>
	казаться	4: <26>, <34>, <68>, <142>
	открываться - открыться	2: <4>, <56>
	(не) показывать	1: <97>
	представлять	2: <34>, <134>
	представляться	2: <4>, <137>
- аудиальное восприятие	выть	1: <29>
	гремѣть	1: <134>
	свистеть	1: <29>
	хлопать	1: <29>
	(не) умолкать	1: <82>
- осязательное восприятие	трястись	1: <126>
	тѣсниться	1: <134>
- обонятельное восприятие	проходить	2: <170>, <284>
12. Глаголы именования (15)	называть - назвать	7: <35>, <39>, <40>, <48>, <134>, <186>, <255>
	называться - назваться	8: <39>, <97>, <102>, <158>, <275>, <276>, <269>, <312>
13. Оценочные глаголы, отражающие общепринятое представление относительно описываемых объектов (2)	славиться	1: <149>
	считаться	1: <265>
14. Оценочные глаголы, отражающие точку зрения рассказчика относительно	оживлять	1: <187>

¹ Глагол *видѣть* во фрагменте <170> встречается 2 раза.

воспринимаемых им объектов (2)		
	украшаться	1: <14>
15. Глаголы, относящиеся к разным группам, объединяемые тем, что их метафорическое употребление (иногда в сочетании с зависимыми словами) позволяет рассказчику выразить оценку объекта (3)	завидовать	1: <136>
	образовать	1: <147>
	составлять	1: <42>